

14 → 17 мая 2025 года

Программа XVII Всероссийской
научно-практической конференции

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

С И Б И Р С К И Й
Ф Е Д Е Р А Л Ь Н Ы Й
У Н И В Е Р С И Т Е Т

С И Б И Р С К И Й Ф Е Д Е Р А Л Ь Н Ы Й У Н И В Е Р С И Т Е Т
Ю Р И Д И Ч Е С К И Й
И Н С Т И Т У Т

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Сибирский федеральный университет
Юридический институт

ЕНИСЕЙСКИЕ ПОЛИТИКО-ПРАВОВЫЕ ЧТЕНИЯ

сборник научных статей по материалам
XVII Всероссийской научно-практической конференции
(14-17 мая 2025 г.)

Электронное научное издание

Красноярск
СФУ
2025

УДК 34
ББК 67.3
Е63

Е63 Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XVII Всероссийской научно-практической конференции (14-17 мая 2025 г.) [Электронный ресурс] / отв. ред. Г.Л. Москалев. – Электрон. дан. – Красноярск: Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2025. – Систем. требования: PC не ниже класса Pentium I; 128 Mb RAM; Windows XP/7/8/10; Adobe Reader V8.0 и выше. – Загл. с экрана

ISBN 978-5-6051479-1-6

Представлены статьи участников XVII Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», которая состоялась в Юридическом институте Сибирского федерального университета 14-17 мая 2025 года. Предназначено для преподавателей и обучающихся юридических вузов и всех, кто интересуется современными проблемами права.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен и иных сведений, а также за соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

ISBN 978-5-6051479-1-6

УДК 34
ББК 67.3

© Сибирский федеральный университет, 2025
© Оформление Г.Л. Москалев, 2025

Электронное научное издание

Подписано в свет 03.10.2025. Заказ № 2
Тиражируется на машиночитаемых носителях

Красноярское региональное отделение
Общероссийской общественной организации
«Ассоциация юристов России»
660075, г. Красноярск, ул. Маерчака, д. 6

УДК 342.731

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННЫХ КОНСТИТУЦИЙ

А. А. Акобирова

Томский государственный университет

Конституционные преобразования играют важную роль в жизни каждого государства. Они служат основой для формирования правовой системы, определения принципов государственной власти и защиты прав граждан. Тем не менее, эти преобразования не происходят одновременно, а представляют собой долговременный процесс, который развивается с различной степенью интенсивности в зависимости от исторических, культурных и социологических факторов.

Анализ опыта конституционных преобразований зарубежных стран позволяет выделить ряд общих тенденций, которые могут быть сопоставлены с российской практикой конституционного строительства. Это позволит учесть достижения мировой цивилизации на основе собственного исторического опыта.

Конституционные преобразования, с одной стороны, **могут иметь разную внешнюю форму выражения**, что позволяет говорить о нескольких способах изменений конституционного правопорядка. Во-первых, это может быть *принятие нового учредительного акта страны*. Так, в 21 в. в мире было принято более 68 конституций в 46 странах. В некоторых государствах в тот же период последовательно принималась одна конституция за другой, новая отменяла предыдущую. Например, в Алжире и в Доминиканской республике было принято по три конституции, в Центральной Африканской Республике – пять. Во-вторых, конституционные преобразования могут происходить путем *внесения изменений в уже действующие учредительные акты*. Например, в 21 в. крупные конституционные реформы прошли в Великобритании, Вьетнаме, России, Франции, Германии, Туркменистане и т.д. В-третьих, *конституционные преобразования* могут протекать и без текстуальных изменений, *при неизменности текста учредительного документа страны*. Например, применительно к нашей стране Т.Я. Хабриева и Л.В. Андриченко отмечают, что «даже при относительной неизменности текста Конституции РФ модель конституционного развития Российской Федерации не раз подвергалась изменениям. Особенно заметным было изменение федеративного устройства, что связано с происходившим неоднократным рефор-

мированием, прежде всего, в системе разграничения полномочий между органами власти различных территориальных уровней. Значительной модификации подверглось и местное самоуправление, которое также меняло направления своего развития. Однако все это происходило на фоне конституционной стабильности указанных отношений, поскольку их общие конституционные принципы заложены в основах конституционного строя» [1].

С другой стороны, **конституционные преобразования могут затрагивать юридическую технику изложения конституционных текстов**. Как отмечал Б.А. Страшун, к тенденциям развития современных конституций следует отнести увеличение их объема [2]. Однако в своей статье автор анализировал конституции 20 в., а именно Бразилии, Индии, Малайзии, Пакистана. Но эта же тенденция проявится, если анализировать опыт стран, принявших свои учредительные документы в 21 в. Так, в Анголе объем Конституции 2010 г. (примерно 171418 знаков с пробелами английского текста) увеличился более, чем в два раза по сравнению с предшествовавшей ей Конституцией 1992 г. (примерно 74619 знаков с пробелами английского текста). Аналогичное увеличение объема учредительных документов можно наблюдать в Боливии (при сравнении конституций 1967 г. и 2009 г.), Сербии (при сравнении конституций 1990 г. и 2006 г.), Кубы (при сравнении конституций 1976 г. и 2019 г.) и т.д. Однако, здесь стоит отметить временной фактор. Данная тенденция наблюдается, если прошло относительно много времени между датами принятия конституций. А, например, в Киргизстане, объем учредительных документов 1993 г. и 2010 г. фактически не изменился.

Кроме того, в современных конституций унифицируется структура изложения текста, появляется дополнительная рубрикация глав. Обычно, в начале идут разделы об основах конституционного строя государства и правах человека, а затем нормы, регулирующие правовой статус органов публичной власти. В качестве тенденции конституционного развития можно отметить и появление в учредительных документах довольно обширных преамбул, по сравнению с предшествующими текстами (например, Ангола, Боливия Ирак и т.д.).

Заметной новеллой современных конституций является появление статей, *определяющих цели, задачи или принципы государства*. Например, список целей (или задач) определен в Анголе, Восточный Тимор, Мозамбике, Кении, Коморские острова, Куба, Мозамбик, Мьянма, принципов – в Руанде. Цели государственных институций прописаны в Конституции Алжира 2020 г., в Конституции Зимбабве 2013 г. Нередко в таких списках отдельно оговариваются защита суверенитета, принципы международной политики, содейст-

вие развитию отдельных областей (экономики, научно-технического прогресса), утверждение принципов плюрализма, толерантности, мультикультурности. В качестве одного из положений можно встретить указание на укрепление национального единства и усиление национальной идентичности государств, что проявляется в ссылках на историю государства; национальный язык, культуру и ценности; провозглашается единство нации. Например, в качестве отдельных целей государства в Кубе оговаривается укрепление национального единства и защита исторического и культурного наследия нации (ст. 13 Конституции 2019 г.), в Мозамбике – укрепление национального единства и утверждение мозамбикской идентичности, ее традиций и других социальных и культурных ценностей (ст. 11 Конституции 2004 г.). Нужно отметить, что в ряде стран обязанности, связанные с укреплением национального единства переносятся с государства на человека, гражданина или народ (например, в Египте, Ливии, Чаде и Сирии).

В ряде конституций предусмотрен перечень принципов построения государства. О национальной солидарности как принципе построения государства говорится в ст. 3 Конституции Нигера 2010 г., ст. 2 Конституции ЦАР 2023 г.

С третьей стороны, в ходе конституционных преобразований **может меняться содержательное наполнение текста конституции**. Здесь выделим два направления развития: *закрепление новых правовых институтов* или *смена модели правового закрепления, реализация уже существующих институтов*. В последнем случае речь ведется о тенденциях, касающихся развития самого конституционного института, которое может быть весьма конъюнктурно обусловленным. Так, на развитие формы правления влияние оказывают политические элиты, распределение власти в стране и т.д., на развитие государственно-церковных отношений – религиозная стратификация населения, позиция традиционных для этой страны конфессий и т.д. Кроме того, доктринально могут пересматриваться отдельные научные категории и классификации. Например, в последнее время предпринимаются попытки пересмотреть классификацию форм правления [3; 6] или моделей государственно-конфессиональных отношений [4].

В качестве факторов, обуславливающих проведение конституционных преобразований на современном этапе общественного развития, можно говорить о разного рода кризисах: ценностей в обществе, безопасности, общим лейтмотивом которых является укрепление суверенитета и верховенства власти в государствах. Но ситуация, когда конституционные нормы возникают как ответ на вызовы современного мира, таит в себе опасности, так как

проводимые преобразования становятся лишь ответом на запрос сегодняшнего дня и не становятся продуктом общественного развития.

Анализируя практику конституционного строительства зарубежных стран можно выделить некоторые **содержательные тенденции конституционного развития**. Так, в текстах учредительных актов усилена ценностная составляющая и более четко фиксируется, что в данном государстве признается в качестве таковых. Во многих конституциях зарубежных стран закрепляются общечеловеческие ценности, приверженность ценностям права и справедливости, достоинства человека. Так, верховенство права или закона провозглашены в Сербии, Черногории, Зимбабве, Кении, Республике Косово, Мозамбике, Фиджи. На конституционном уровне гарантируют и защищают достоинство личности в Анголе, Алжире, Бутане, Тунисе.

Можно отметить появление в конституционных текстах термина «*национальная идентичность*», который нередко используется в преамбулах (например, в Конституции Коморских островов 2018 г., Конституции Марокко 2011 г., Конституции Сирии 2012 г.) или закрепляется как обязанность государства (например, в Венгрии, Косово, Фиджи, Эквадоре и т.д.).

Сохранение подлинной национальной идентичности невозможно без традиционно связанного с ней языка общения. Установление государственного языка и детальное регулирование мер по поощрению и развитию всех языков страны есть в конституциях Бахрейна, Бурунди, Кыргызстана, Кении. Кроме того, может предусматриваться создание специального органа, регулирующего вопросы, связанные с государственным языком (например, в Алжире, Анголе, Марокко, Непале и т.д.).

В 21 в. в качестве еще одной тенденции конституционного развития можно выделить *изменение в подходах регулирования правового положения личности и его принципов*. Отмечается переход от традиционного закрепления принципа недискриминации и равенства прав и свобод человека и гражданина к принципу принятия каждого таким, какой он есть со всем его особенностями. Если ранее, начиная со Всеобщей декларации прав человека 1948 г., каждому гарантировались права и свободы без какого бы то ни было различия, то сейчас закрепляется, что институты государства стремятся обеспечить равенство прав и обязанностей всех граждан путем устранения препятствий, мешающих развитию человеческой личности (например, в Алжире).

В ряде конституций среди признаков, которые учитываются при определении фактов дискриминации указаны: признаки сексуальной ориентации, гендерной идентичности, инвалидности (ст. 42 Конституции Кубы 2019 г.);

умственной или физической неполноценности (ст. 17 Конституции Мальдив 2008 г.), физических или умственных недостатках (ст. 16 Конституции Руанды 2003 г.), клана, инвалидности (ст. 11 Конституции Сомали 2012 г.) и т.д.. В ст. 4 Конституции Эквадора 2008 г. вероятно самый большой перечень признаков возможной дискриминации, которая должна исключаться. Среди них, в том числе, пол, гендерная идентичность, культурная идентичность, гражданское состояние, миграционный статус, сексуальная ориентация, состояние здоровья, наличие ВИЧ-инфекции, инвалидность, физические различия и т.д.

Тенденция изменения подходов регулирования правового положения личности проявляется и в регулировании отдельных прав и свобод. Во-первых, *расширяется круг их субъектов*. Так, отдельно оговорен правовой статус детей (например, в Сомали, Южном Судане, Кыргызстане, Сербии и т.д.), матерей, беременных женщин (например, в Бурунди), лиц с ограниченными возможностями (например, в Фиджи, Эсвантини, Кот-д`Ивуаре), инвалидов, пожилых людей (например, в Египте, Нигере, Тунисе) и т.д.

Во-вторых, *появляются новые права и свободы*. Например, в учредительных документах можно встретить право на личность, а в ст. 32 Конституции Анголы 2010 г. закреплено право на личную идентичность.

В-третьих, *меняется содержание традиционно закрепляемых прав и свобод*. Например, в отношении права на личную неприкосновенность. Сейчас все чаще уточняют, о какой именно неприкосновенности идет речь. О моральной говорится в конституциях Анголы, Марокко, Нигера, Чада; о физической и психологической – Боливии, Бурунди, Сербии,; об интеллектуальной – Анголы; о сексуальной – Боливии.

С развитием современных технологий, в текстах учредительных документов свое осмысление находят и информационные права. Так, согласно ст. 38 Конституции Туниса 2022 г. государство стремится гарантировать право доступа к сетям связи.

Кроме того, расширяется перечень и содержание соматических прав человека. Так, ст. 2 Конституции Венгрии 2011 г. охраняет жизнь плода с момента зачатия. В Черногории статья 27 посвящена вопросам биомедицины. Конституция Египта 2014 г. гарантирует неприкосновенность тела человека. Торговля органами запрещается. Конституция Доминиканской республики 2015 г. в ст. 37 предусматривает, что право на жизнь неприкосновенно от зачатия до смерти. Конституция Мадагаскара 2010 г. в ст. 8 запрещает подвергать человека без его свободного согласия медицинскому или научному эксперименту.

В качестве другой тенденции конституционного развития в 21 в. можно отметить непоследовательное использование терминов и понятий. В современных учредительных документах зарубежных стран наблюдается примечательное текстуальное «соседство» характеристик формы государства, например, с социальным, экологическим и т.д. Кроме того, в одних случаях в первой статье учредительных актов указываются характеристики государства (Афганистан, Боливия, Бурунди, Венгрия, Восточный Тимор, Кыргызстан), а в других – народа (Мадагаскар).

Еще одна тенденция развития учредительных документов в 21 в. проявляется в *пересмотре подходов к обеспечению безопасности территории*. Конституционное осмысление получают такие категории, как терроризм, права граждан в сфере безопасности, отдельное регулирование находят вопросы чрезвычайного положения, национальной обороны и безопасности. Например, мир может рассматриваться как цель государства или принцип государственной политики (например, в Бахрейне, Зимбабве, Катаре и т.д.), как принцип основ конституционного строя (например, в Косово). Мир и безопасность как основа для построения внешней политики провозглашены в Эквадоре, Боливии, Бутана, Анголе.

Актуализация международных проблем заставляет государства защищать национальные интересы в сфере экологической безопасности. В ряде стран в качестве цели (или задачи) государства ставится защита окружающей среды и сохранение природных ресурсов (например, в Восточном Тиморе, Конго). Экологические права, например, право жить в здоровой и незагрязненной окружающей среде, предусмотрено в конституциях Анголы, Венгрии, Сербии, Черногории, Египте, Кот-д'Ивуаре и т.д.

В России в 2020 г. была проведена конституционная реформа. Эксперты выделяют несколько ключевых аспектов в её сути [5], при этом, три из них отражают общемировые тенденции конституционных преобразований. Первый аспект – это переосмысление глобализационных процессов и роли национального конституционного права, что выражается в усилении протекционистских мер и защите национальной правовой идентичности от внешнего влияния. Во-вторых, в основной закон страны были добавлены новые идеологические понятия (принцип «экономической, политической и социальной солидарности», «вера в Бога», «память народа», институт «брака как союза мужчины и женщины» и т.д.), акцентирующие внимание на государственном суверенитете, социальных гарантиях и национальной самобытности. Данное нововведение отражает сдвиг в ценностях российского общества, отходящего от либеральных принципов в сторону более консервативных

взглядов. В-третьих, наблюдается тенденция к централизации, закрепленная в виде принципа единства системы государственной власти. В целом, поправки, внесенные в Конституцию РФ в 2020 году, делают упор на новые реалии в международной и социальной сферах с целью укрепления сплоченности общества и легитимации политического режима.

Подводя итог, следует подчеркнуть, что ключевыми направлениями конституционного развития в мире стали: основополагающих принципов и задач государственного строительства, зачастую включающих в себя приверженность идеалам справедливости, ценностям права и т.д.; акцент на укреплении общенационального единства и усилении национальной самобытности; возникновение новых и изменение в подходах к регулированию уже имеющихся прав и свобод человека и гражданина; приоритет социально-экономического благополучия; закрепление инструментов для обеспечения территориальной безопасности и защиты государственных интересов.

В Российской Федерации в процессе конституционной реформы 2020 года указанные тенденции также были осмыслены и интегрированы в основной закон страны. Таким образом, можно утверждать, что, несмотря на неоднозначные оценки осуществленных конституционных изменений в нашем государстве, они согласуются с глобальными трендами и свидетельствуют о переходе российского общества на новый этап своего развития.

Список использованных источников:

1. Хабриева Т.Я., Андриченко Л.В. Конституционные реформы на постсоветском пространстве: тенденции развития // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2017. Вып. 37.
2. Страшун Б.А. Тенденции развития современных конституций // Lex Russica. 2017. № 1 (22).
3. Авдеев Д.А. Современная форма правления России // Российское право: образование, практика, наука. 2016. № 6.
4. Понкин И.В. Правовые основы светскости государства и образования. – М.: Про-Пресс, 2003.
5. Кондрашов А.А. Конституционные поправки – 2020: о коллизиях и дефектах, порождающих неустраимые конфликты между «вечными главами» и главами 3-8 Конституции России // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 3.

6. Курдюкова З.Н. Теоретические проблемы политической формы правления современного государства // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. 4 (37).

УДК 343.9

ОБЯЗАННОСТЬ УВЕДОМЛЯТЬ ОБ ОБРАЩЕНИЯХ В ЦЕЛЯХ СКЛОНЕНИЯ К СОВЕРШЕНИЮ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ КАК АНТИКОРРУПЦИОННАЯ МЕРА БЕЗОПАСНОСТИ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ КОМИССИЙ С ПРАВОМ РЕШАЮЩЕГО ГОЛОСА

Е. А. Акунченко

Сибирский федеральный университет

Предупреждение коррупции в избирательном процессе выступает одной из приоритетных задач прикладной антикоррупционной деятельности. Данное негативное социальное явление, в силу масштабов своего распространения, представляет опасность для устойчивого развития личности, общества и государства, поскольку «серьезно угрожает демократии, верховенству закона и правам человека, подрывает доверие населения к формируемой в процессе выборов власти, посягает на принципы государственного управления, равенства и социальной справедливости» [8, с. 98]. Познанию феномена коррупции в избирательном процессе посвящено немало трудов отечественных специалистов [1–3; 5; 8; 10–14; 16; 17; 19–21; 23; 27; 28]. Вместе с тем необходимо признать, что на сегодняшний день заметно значительное снижение интереса со стороны научного сообщества к изучению вопросов понимания и предупреждения рассматриваемого вида коррупции, несмотря на их чрезвычайную актуальность с учетом внешних и внутренних вызовов, с которыми в последние годы сталкивается Российская Федерация.

Подкуп и «продажность» различных категорий субъектов избирательного процесса – одна из древнейших форм коррупционного поведения в период организации и проведения выборов [3, с. 42]. Однако в рамках современной научной активности вектор теоретических и эмпирических исследований ориентирован преимущественно на изучение коррупционных сделок с участием избирателей [10; 20], поскольку данная практика, как отмечается в специальной литературе, имеет наименее латентный и наиболее массовый характер [17, с. 21]. В свою очередь, криминологическим аспектам подкупа членов

избирательных комиссий уделяется гораздо меньше внимания, несмотря на высокую общественную опасность подобных коррупционных деяний. Представляется, что коррумпирование отдельных членов избирательных комиссий, наделенных правом влиять на принятие коллективных решений (правом решающего голоса), открывает дорогу для совершения иных общественно опасных деяний (например, фальсификации избирательных документов и итогов голосования). Кроме того, массовый подкуп большинства членов в составе избирательной комиссии, организующей выборы, может быть успешно использован для продвижения решений, направленных на создание существенных препятствий для политических конкурентов или их устранение из числа участников избирательной кампании. Тем самым основная функция данного публичного органа – охрана избирательных прав граждан и обеспечение принципов демократии в рамках избирательного процесса – подвергается закономерной инфляции [1, с. 58]. Поэтому система предупреждения коррупции в избирательном процессе должна учитывать необходимость своевременного и проспективного антикоррупционного воздействия на лиц, стремящихся осуществить подкуп членов избирательных комиссий с правом решающего голоса.

Как следует из релевантной научно-практической повестки, отечественная парадигма антикоррупционной деятельности находится на этапе трансформации, в ходе которой происходит изменение векторной направленности предупредительного воздействия с источников коррупционной опасности на объекты антикоррупционной безопасности в целях обеспечения состояния их приоритетной защищенности [4]. С учетом указанной тенденции полагаем, что важное место в системе предупреждения коррупции в избирательном процессе должны занять антикоррупционные меры безопасности, под которыми в специальной литературе понимаются «меры принудительного ограничения поведения субъектов избирательного процесса, применяемые при наличии указанных в законе оснований и имеющие целью защиту общественных отношений по поводу формирования органов государственной власти и местного самоуправления, реализации избирательных прав граждан от вредоносных коррупционных посягательств» [5, с. 332]. Рассматриваемые средства правового регулирования призваны прерывать цепочки причинно-следственных связей, продуцирующих причинение вреда социально значимым объектам антикоррупционной охраны в результате деструктивного воздействия источников коррупционной опасности. Устанавливая препятствия на пути противоправного поведения злоумышленников, меры безопасности фактически формируют своеобразный

«защитный пояс», который способен предотвратить негативные последствия совершения коррупционных деяний или снизить вероятность наступления таких последствий до предельных значений. Широкое применение мер безопасности, основанное на гармоничном их сочетании с иными мерами стимулирующего и ограничительного характера, имеет синергетический потенциал, познание которого относится к числу базовых ориентиров современной позитивной криминологии [22].

Среди антикоррупционных мер безопасности, которые имеют высокий предупредительный потенциал в отношении подкупа членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, следует назвать обязанность уведомлять о фактах обращения в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений. Указанная обязанность представляет собой один из основных антикоррупционных стандартов поведения [6], который распространяется на широкий круг должностей и способен не только создать условия для повышения выявляемости фактов коррупционного поведения, но и оказать превентивное антикоррупционное воздействие на обязанных лиц [24, с. 89]. Несмотря на то, что на страницах специальной литературы и полях научно-практических мероприятий основная дискуссия развивается относительно понятийных координат [25; 26], а также правовых и социально-экономических механизмов повышения эффективности данного антикоррупционного стандарта поведения [15; 18], считаем необходимым обратить внимание на проблемы унификации перечня субъектов избирательного процесса, на которых должна распространяться обязанность уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений.

В соответствии с ч. 1 ст. 9 Федерального закона «О противодействии коррупции» государственный или муниципальный служащий обязан уведомлять представителя нанимателя (работодателя), органы прокуратуры или другие государственные органы обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Кроме того, согласно ст. 11.1 указанного федерального закона, рассматриваемая обязанность распространяется на служащих Центрального банка РФ, работников, замещающих должности в государственных корпорациях, публично-правовых компаниях, Фонде пенсионного и социального страхования РФ, Федеральном фонде обязательного медицинского страхования, иных организациях, создаваемых РФ на основании федеральных законов, работников, замещающих отдельные должности на основании трудового договора в организациях, создаваемых для выполнения задач, поставленных перед федеральными государственными органами, лиц, замещающих должности

финансового уполномоченного, руководителя службы обеспечения деятельности финансового уполномоченного. Также в 2022 г. аналогичный по содержанию антикоррупционный стандарт поведения установлен в отношении лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ (ч. 4.1-1 ст. 12.1 Федерального закона «О противодействии коррупции»).

В свою очередь, Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» не устанавливает прямой обязанности члена избирательной комиссии с правом решающего голоса уведомлять обо всех случаях обращения к нему каких-либо лиц в целях склонения его к совершению коррупционных правонарушений. Вместе с тем косвенная отсылка к рассматриваемому антикоррупционному стандарту поведения содержится в п. 15.5 ст. 29 указанного федерального закона, согласно которой член Центральной избирательной комиссии РФ с правом решающего голоса, член избирательной комиссии субъекта РФ с правом решающего голоса, член иной избирательной комиссии, действующей на постоянной основе и являющейся юридическим лицом, с правом решающего голоса, работающие в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, обязаны соблюдать ограничения, запреты, исполнять обязанности, которые в том числе установлены Федеральным законом «О противодействии коррупции». Следовательно, в соответствии с положениями действующего антикоррупционного и избирательного законодательства, обязанность уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений распространяется только на членов избирательных комиссий субъектов РФ с правом решающего голоса, работающих в указанных комиссиях на постоянной (штатной) основе, как на лиц, замещающих государственные должности субъектов РФ. Однако подобное положение дел вряд ли можно признать отвечающим актуальным потребностям предупреждения коррупции в избирательном процессе по следующим основаниям.

Во-первых, не учтена иерархическая соподчиненность избирательных комиссий и, как следствие, нарушена логика определения круга лиц, на которых распространяется рассматриваемый стандарт, по вертикали. Если уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений обязаны члены избирательных комиссий субъектов РФ, то аналогичным образом данный стандарт должен быть установлен в отношении членов вышестоящих и нижестоящих избирательных комиссий. Представляется, что общественная опасность коррупционных деяний и потенциальный вред от их совершения членами Центральной избирательной комиссии РФ несоизмеримо

выше, чем от тех же проявлений коррупции на региональном уровне. Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что серьезная коррупционная нагрузка в избирательном процессе приходится на территориальные и участковые избирательные комиссии, поскольку выборы в органы местного самоуправления наиболее привлекательны для криминалитета [21, с. 6]. Организованные преступные группы могут использовать подкуп членов избирательных комиссий с правом решающего голоса и иные коррупционные технологии для обхода легальных электоральных процедур в целях замещения должностей глав местного самоуправления и получения депутатских мандатов в представительных органах муниципальных образований. Поэтому установление данной обязанности в отношении членов нижестоящих избирательных комиссий с правом решающего голоса также является востребованным.

Во-вторых, необоснованно существует разница в антикоррупционном статусе членов избирательных комиссий в зависимости от основы замещения ими соответствующей должности (постоянной (штатной) или непостоянной) и, как следствие, нарушена логика определения круга лиц, на которых распространяется рассматриваемый стандарт, по горизонтали. Ранее мы уже указывали на то, что в целях обеспечения антикоррупционной безопасности РФ запреты, устанавливаемые в отношении членов публичных органов, действующих на коллегиальной основе, должны определяться их сущностным статусом, «но никак не таким второстепенным элементом, как место постоянной профессиональной деятельности» [7, с. 957]. Более того, традиционно в составе избирательных комиссий регионального и местного уровней большинство членов с правом решающего голоса работают не на постоянной (штатной) основе. В связи с этим вполне возможна ситуация, когда в целях достижения определенного политического результата на выборах окажется успешной попытка массового коррумпирования должностных лиц, на которых антикоррупционные стандарты поведения попросту не действуют. Поэтому представляется целесообразным также рассмотреть вопрос о перспективном распространении обязанности уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений на всех членов избирательных комиссий с правом решающего голоса, независимо от основы замещения соответствующей должности.

Подводя итог, отметим, что унификация антикоррупционных стандартов поведения субъектов избирательного процесса является важным направлением обеспечения антикоррупционной безопасности основополагающих демократических институтов, гарантирующих стабильное воспроизводство представительной власти посредством равных и свободных выборов. Однако

эффективность данной работы напрямую зависит от того, насколько прочным является теоретический фундамент, на котором она будет построена. Поэтому мы разделяем мнение о том, что особую роль в реализации государственной политики противодействия преступности должна получить общественная составляющая, в рамках которой институты гражданского общества смогут непосредственно участвовать в идентификации и устранении субъективных и объективных детерминант коррупционного поведения, а также вносить предложения по вопросам совершенствования антикоррупционной деятельности [9]. В этом направлении научное сообщество должно взять на себя ответственность за содержательное наполнение процессов трансформации парадигмы антикоррупционной деятельности и принять участие в обеспечении криминологической безопасности приоритетных объектов антикоррупционной охраны, к числу которых, безусловно, относится избирательная система РФ в самом широком ее понимании.

Список использованных источников:

1. Акунченко, Е. А. Коррупционная преступность в избирательном процессе Российской Федерации : монография / Е. А. Акунченко. – М.: Проспект, 2020. – 232 с.
2. Астанин, В. В. Грядут выборы... (О регулятивных возможностях организованной преступности в период избирательных процессов) / В. В. Астанин // Закон и право. – 2003. – № 6. – С. 17–18.
3. Белоновский, В. Н. Фальсификации и правонарушения в древнеримской электоральной культуре / В. Н. Белоновский, А. А. Кальгина // Закон и право. – 2015. – № 2. – С. 42–44.
4. Дамм, И. А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований / И. А. Дамм // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 734–743.
5. Дамм, И. А. Антикоррупционные меры безопасности в избирательном процессе / И. А. Дамм // Вестник Красноярского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2006. – № 6. – С. 331–336.
6. Дамм, И. А. Антикоррупционные стандарты поведения лиц, осуществляющих управленческие функции в образовательной организации / И. А. Дамм // Право и политика. – 2017. – № 12. – С. 14–26.
7. Дамм, И. А. Запрет на совершение финансовых операций с иностранными контрагентами и его распространение на депутатов региональных парламентов / И. А. Дамм, А. Н. Тарбагаев, О. В. Роньжина, И. Н.

Толстикова, Е. А. Акунченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2021. – Т. 12, № 4. – С. 949–964.

8. Дамм, И. А. Коррупция и ее формы в избирательном процессе / И. А. Дамм // Проблемы борьбы с проявлениями криминального рынка. – Владивосток: Изд-во Дальневосточного ун-та, 2005. – С. 95–108.

9. Дамм, И. А. Политика противодействия преступности как новая парадигма взаимодействия общества и государства / И. А. Дамм // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – Т. 17, № 1. – С. 12–27.

10. Девицкий, Э. И. Подкуп избирателей: взгляд криминолога / Э. И. Девицкий, Д. В. Жмуров // Всероссийский криминологический журнал. – 2017. – Т. 11, № 2. – С. 289–298.

11. Зайцева, О. В. Административный ресурс в избирательных кампаниях как форма проявления коррупции / О. В. Зайцева // Правовая политика и правовая жизнь. – 2010. – № 3. – С. 19–24.

12. Зырянова, И. А. К вопросу о понятии коррупции в российском избирательном процессе / И. А. Зырянова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 11. – С. 561–563.

13. Игнатенко, В. В. Подкуп избирателей как коррупционное административное правонарушение / В. В. Игнатенко // Академический юридический журнал. – 2014. – № 3. – С. 24–28.

14. Илий, С. К. Мониторинг электоральной коррупции в России / С. К. Илий // Мониторинг правоприменения. – 2017. – № 1. – С. 18–22.

15. Кабанов, П. А. Материальное стимулирование антикоррупционного доносительства в Российской Федерации: вопросы правового регулирования / П. А. Кабанов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 92–104.

16. Кабанов, П. А. Основные виды электоральной преступности в современной России / П. А. Кабанов // Следователь. – 2004. – № 12. – С. 39–42.

17. Кабанов, П. А. Электоральная коррупция и формы ее проявления: опыт политико-криминологического анализа / П. А. Кабанов, Г. И. Райков // Следователь. – 2008. – № 10. – С. 21–25.

18. Клебанов, Л. Р. Защита антикоррупционных разоблачителей: исторические и сравнительно-правовые аспекты / Л. Р. Клебанов, М. И. Кутова // Проблемы экономики и юридической практики. – 2025. – Т. 21, № 2. – С. 134–139.

19. Клейменов, М. П. Два аспекта обеспечения антикоррупционной безопасности избирательного процесса / М. П. Клейменов //

Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы : сборник научных статей. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2018. – С. 33–38.

20. Климова, Ю. Н. Уголовная и административная ответственность за подкуп избирателей на выборах / Ю. Н. Климова, Е. Ю. Ермакова // Вестник Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Юридические науки. – 2024. – № 1. – С. 39–45.

21. Красинский, В. В. Организованная преступность на выборах и в российских органах власти : монография / В. В. Красинский. – М.: Юрлитинформ, 2014. – 224 с.

22. Номоконов, В. А. Позитивная криминология в борьбе за человека / В. А. Номоконов, Т. М. Судакова // Всероссийский криминологический журнал. – 2020. – Т. 14, № 1. – С. 20–29.

23. Репецкая, А. Л. Отзыв о диссертационном исследовании Дамм Ирины Александровны, представленном на соискание ученой степени кандидата юридических наук, по специальности 12.00.08 – Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право / А. Л. Репецкая // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2007. – № 1–2. – С. 69–72.

24. Талапина, Э. В. Комментарий к законодательству Российской Федерации о противодействии коррупции / Э. В. Талапина. – М.: Волтерс Клувер, 2010. – 192 с.

25. Трофимов, Е. В. Антикоррупционная денунциация: методологические проблемы, зарубежный опыт и российские перспективы / Е. В. Трофимов // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 4. – С. 14–44.

26. Трунцевский, Ю. В. Whistleblowing (доносительство) как требование корпоративной культуры по предупреждению взяточничества и коррупции / Ю. В. Трунцевский // Международное публичное и частное право. – 2017. – № 3. – С. 45–48.

27. Шевердяев, С. Н. Зарождение международных антикоррупционных стандартов избирательного процесса : монография / С. Н. Шевердяев. – М.: Проспект, 2023. – 576 с.

28. Щедрин, Н. В. О необходимости уголовной ответственности за продажу избирателями своих «голосов» / Н. В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2011. – № 4. – С. 89–92.

УДК 316.356.4

СОЦИАЛЬНАЯ РАБОТА В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Л. Ю. Анисимова

Сибирский федеральный университет

Социальную работу с осужденными, отбывающими наказание в виде лишения свободы, можно разделить на две подгруппы: пенитенциарная и постпенитенциарная социальная работа. Социальная работа в пенитенциарной системе – это профессиональная деятельность, направленная на выявление социальных проблем заключенного (которые повлияли на его преступную деятельность или наличие которых является фактором риска для ресоциализации) посредством информационной помощи, поддержки и консультирования, направленных на ограничение негативного воздействия тюремной среды и устранение или минимизацию причин социальных проблем.

Целью социальной работы с заключенным в исправительном учреждении является смягчение социальных проблем или устранение их возможных причин, а также подготовка заключенного к освобождению из мест лишения свободы. Для эффективного достижения цели пенитенциарной помощи необходимо уделять внимание факторам, влияющим на ресоциализацию заключенных посредством социальной работы уже в период подготовки к их освобождению.

Специалист по социальной работе сотрудничает с определенными структурами, оказывает социально-правовую помощь, осуществляет просветительскую и консультационную деятельность для заключенных, поддерживает прямые рабочие контакты с государственными органами, религиозными, благотворительными и общественными организациями по месту нахождения исправительного учреждения.

Первоначальный этап пребывания в исправительном учреждении – самый сложный в процессе отбывания осужденным наказания в виде лишения свободы. Первое, что осознают заключенные, отбывающие наказание, – это отсутствие контактов с близкими людьми. Также, следует учитывать, что заключенный становится зависимым лицом, которое попадает в непропорционально подчиненное положение и имеет особую роль, права и обязанности, отличающиеся от предыдущих. Следовательно, одним из приоритетных направлений деятельности в уголовно-исполнительной системе является организация социальной работы в условиях изоляции осужденных от общества. Иногда можно столкнуться с нежеланием осужденных обращаться за

помощью к специалистам, но социальный работник постепенно завоевывает доверие и авторитет.

Информационная помощь, социальная поддержка, социальное консультирование – это специализированные формы помощи человеку, которые направлены на развитие его индивидуального потенциала, оптимизацию поведения в конкретные моменты его жизни, на ограничение негативного воздействия тюремной среды и устранение или минимизацию причин социальных проблем. Социальная диагностика является неотъемлемой частью деятельности специалиста по социальной работе. Метод социальной диагностики используется для получения максимально объективной информации об осужденном, выявления причин социальной проблемы. Основным шагом в процессе решения проблемы заключенного являются составление плана социальной помощи, разработка индивидуальной программы, которые вытекают из социальной диагностики, информации психологического обследования личности заключенного, продолжительности отбывания наказания и анализа социальной инфраструктуры.

Социальная помощь, которая должна быть индивидуальной в силу уникальности и особых потребностей каждого заключенного, используется в различных формах. Социальный работник проводит индивидуальную и групповую социальную работу в рамках своей профессиональной компетенции и участвует в работе группы, возглавляемой другим специалистом учреждения.

Специалист по социальной работе должен также учитывать особенности различных категорий заключенных – их индивидуальность и потребности в ресоциализации. Социальное вмешательство – это второй этап процесса. Оно связано с сотрудничеством с заключенным для решения его проблем и поддержания семейных отношений, активного поиска работы и приобретения профессиональных навыков. В этом случае социальный работник выступает посредником в выборе социальных услуг для кризисного вмешательства и участия в программах ресоциализации.

Социальная работа в исправительном учреждении – непростая задача. Условием успеха деятельности социальных работников, помимо использования социальных навыков и установок, является соблюдение определенных этических принципов, которые в пенитенциарной социальной работе вытекают из гуманистических, религиозных идеалов и используются для удовлетворения потребностей заключенных и развития их потенциала. Другим важным фактом является то, что социальный работник находится в контакте с заключенным в течение всего срока наказания. С начала заключения до освобождения из тюрьмы. Однако для того, чтобы социальный работник мог максимально

эффективно выполнять свою работу, он опирается на конкретную законодательную базу, включая законы, указы, постановления, обязательства и возможности, которые из них вытекают. Они включают, помимо прочего, социальные правила и социальные нормы, стандарты, которые представляют собой допустимые границы в человеческих отношениях в различных ситуациях.

Наиболее распространенными методами социальной работы являются интервью, консультирование, поощрение, практика социальных навыков. Социальный работник должен следовать определенным принципам. К ним относятся: индивидуализация заключенного; обоснованное выражение чувств заключенных; признание потребности заключенного реагировать на свои эмоции и чувства; принятие заключенного; непредвзятое отношение к нему; признание права клиента на принятие собственных решений; и необходимость конфиденциальности информации. Социальные работники могут помочь своим клиентам стабилизировать свое социальное положение; укрепить и подтвердить их мотивацию к позитивным изменениям в жизни; найти работу; и развить навыки и умения, необходимые для применения на рынке труда.

Социальная работа с осужденными, которые находятся в учреждении для исполнения наказания в течение определенного срока, должна носить характер спланированной долгосрочной подготовки к их освобождению. Обязанности специалиста по социальной работе, работающего с заключенным, включают в себя преимущественно профессиональную деятельность, направленную на плавный переход заключенного к полноценной гражданской жизни.

Процесс формирования социальных связей для любого человека, вернувшегося из мест лишения свободы, является сложным и длительным. Возвращение заключенного из мест лишения свободы в общество часто сопровождается рядом проблем, которые могут привести к рецидиву преступной деятельности. Рецидив преступного поведения очень часто происходит в так называемой фазе адаптации, когда освободившиеся привыкают к новой обстановке. Факторы, влияющие на успешность прохождения этапа адаптации, включают:

- личностные характеристики лиц, освободившихся из мест лишения свободы – мотивация, компетентность, опыт, стрессоустойчивость и т.д.
- объективные факторы – социальные условия, жилье, занятость, финансовое положение, социальные отношения, семейная ситуация и т.д.

Поэтому важным моментом в подходе к бывшим заключенным является постпенитенциарная помощь.

Факторы, обуславливающие необходимость постпенитенциарной помощи:

- недостижение целей пенитенциарной системы в период отбывания наказания;
- критические первые дни после освобождения, когда человек может совершить преступление;
- неспособность решать проблемы; снижение самооценки; трудности в поиске нового смысла жизни;
- проблемы в восстановлении или поиске партнерских отношений;
- отсутствие материальных условий; безработица.

Первоначальной формой постпенитенциарной помощи является индивидуальная социальная работа и система общественного взаимодействия, т.е. активного участия всего общества в этом процессе. В настоящее время существуют следующие субъекты, оказывающие постпенитенциарную помощь: органы государственной власти, поставщики социальных услуг, помощь со стороны частных лиц.

Незаменимую роль в жизни человека, освободившегося из мест лишения свободы, играет специалист по социальной работе, обладающий эффективными инструментами социальной поддержки. Социальная помощь направлена на ресоциализацию бывших заключенных, развитие социальных навыков, формирование их просоциального поведения. Основные стратегии работы с заключенными включают обучение и профессиональную подготовку для трудоустройства после окончания срока лишения свободы,

В заключение отметим, что профессия социального работника возникла как ответ на необходимость решения неблагоприятных социальных ситуаций. Во многих случаях человек после освобождения испытывает чувство беспомощности и дезориентации. Социальные работники осуществляют взаимодействие с заключенным на протяжении не только всего срока его пребывания в местах лишения свободы, но и после освобождения.

Список использованных источников:

1. Меринова В.Н. Теория социальной работы в пенитенциарной системе лишения свободы // Глаголь Правосудия. 2022. №3 (29).
2. Уваров И.А. Социальная работа в исправительном учреждении и ее роль в трансформации пенитенциарного социума // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 9. С. 47–51.

УДК 342

**ЗНАЧЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ НАУЧНЫХ МЕТОДОВ ДЛЯ ОПРЕДЕЛЕНИЯ
КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОГО СТАТУСА ФЕДЕРАЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ**

Д. В. Астраханцев

Третий арбитражный апелляционный суд

Одним из основополагающих структурных элементов методологии юридической науки является научный метод. Следует согласиться с точкой зрения В.Н. Протасова, определявшего метод научной деятельности как «знание» посредством которого добывается «новое знание» [6, с. 104]. Под методологией юридической науки же следует понимать самостоятельную область юриспруденции, в пределах которой происходит рассмотрение условий и форм научного познания государства и права, а также принципов и методов осуществления юридических исследований [5, с. 9].

В этой связи степень развития методологии научного исследования выступает важнейшим критерием, позволяющим сделать вывод о текущем состоянии того или иного научного знания. Поскольку методология юридической науки занимается анализом условий, а также форм научного познания государства и права, то в рассматриваемой ситуации также происходит и выявление закономерностей соответствующего познания. Следовательно, методологическое исследование представляет собой изучение особенностей и закономерностей научного знания о государстве и праве.

С точки зрения методологии становление и развитие правоведения представляет собой процесс возникновения новых способов познания права, «приращение» средств его изучения. Догматический анализ, философское осмысление и теоретическое исследование, возникая как относительно самостоятельные традиции юридического познания, сохраняют свою значимость и для современного правоведения.

Между тем необходимость непрерывного совершенствования средств и методов познания права обусловлена тем, что общественные отношения, складывающиеся в государстве, не стоят на месте, а находятся в постоянной динамике, активно преобразовываясь, не в последнюю очередь, благодаря законодательным изменениям и реформистским процессам. Дискуссии, сопровождавшие принятие поправок в Конституцию Российской Федерации, и последующее вступление их в силу, обусловили возникновение ряда вопросов, требующих разрешения наукой конституционного права, что актуализировало

важность расширения и совершенствования методологических средств и способов познания конституционно-правовых институтов. Одной из таких новаций стало законодательное закрепление возможности создания в Российской Федерации территорий прямого федерального подчинения.

При этом как подтверждает опыт зарубежных федераций, даже в пределах одного федеративного государства такие территории могут быть наделены различным правовым режимом. В частности, в Австралии территории прямого федерального подчинения подразделяются на внешние и внутренние территории. Помимо федерального столичного округа Канберра федеральными территориями также являются небольшие островные территориальные владения, находящиеся в Тихом, Индийском, а также Южном океане и Австралийская антарктическая территория [1]. В свою очередь, в Венесуэле наряду с федеральной столичной территорией к федеральным территориям также отнесен остров Ла Тортуга — единственное территориальное образование Венесуэлы, где не предусмотрены должности мэра и губернатора [2].

Таким образом, принимая во внимание многообразие подходов к учреждению федеральных территорий, а также учитывая, что ранее в пределах российского государства их существование не предусматривалось, для их комплексного осмысления в рамках конституционно-правовой доктрины, представляется мотивированным обращение к специальным методам научного исследования.

Использование данных методов позволит наиболее полно отразить многогранную природу федеральных территорий, учесть особенности конкретной территории, что, в свою очередь, может оказать положительное влияние не только на эффективность исследования федеральных территорий в системе науки конституционного права, но также способствовать совершенствованию нормативно-правового регулирования их правового режима.

Полагаем, что теоретико-практическое значение для изучения федеральных территорий имеют следующие специально-научные методы:

1) Компаративистский метод. Исходя из того, что исторически первые федеральные территории были созданы в зарубежных федерациях, последовательно развиваясь в некоторых из государств на протяжении нескольких веков, проведение сравнительного анализа правового режима, нормативно-правового регулирования, целей создания федеральных территорий и порядка их учреждения, видится целесообразным.

2) Территориально-географический метод. Некоторыми исследователями предлагается создать федеральную территорию в пределах Арктической зоны

Российской Федерации [4]. Вместе с тем при их учреждении необходимо учитывать будущее географическое и территориальное расположение предполагаемой федеральной территории во избежание возникновения проблем по определению ее границ в пределах соответствующих субъектов федерации.

Кроме того, создание федеральных территорий без учета территориально-географического критерия (например, территория, наделяемая соответствующим правовым режимом, является избыточно большой по площади или охватывает несколько субъектов федерации), способно существенным образом осложнить ее функционирование. Тем самым не будут достигнуты цели их учреждения.

3) Экономический метод. В качестве одной из целей создания федеральных территорий может выступать необходимость повышения инвестиционной привлекательности той территории, которую предполагается наделить данным правовым режимом. В этой связи, разрешая вопрос о преобразовании территории в федеральную, оценке подлежит уровень ее экономического развития, а также степень инвестиционной привлекательности для потенциальных инвесторов, что, безусловно, потребует обращения к методам, применяемым экономической наукой.

4) Метод политического познания. Учреждение федеральных территорий имеет под собой не только административно-управленческие основания, но также и политические, что наиболее ярко иллюстрирует опыт федеративных государств, где созданы федеральные столичные округа. Относительно опыта Российской Федерации необходимо отметить, что исходя из складывающейся законотворческой практики, предполагается, что федеральные территории имеют общегосударственное стратегическое значение. В этой связи при создании федеральной территории важно учитывать, какие геополитические задачи будут решены путем ее учреждением, а также оценивать наличие либо отсутствие соответствующих политических предпосылок.

5) Метод исторического познания. Особенности возникновения федеративных государств и способов организации их территориального устройства обусловлены рядом исторических предпосылок, будь то обретение независимости и последующее построение суверенной федерации или необходимость противодействия внешним угрозам, укрепления обороноспособности и национальной безопасности.

Следовательно, при оценке целесообразности отнесения территории к прямому федеральному подчинению, учету подлежит ее историческое значение

применительно к нахождению и функционированию такой территории в составе федеративного государства.

Важно подчеркнуть, что приведенный перечень специальных научных методов не является исчерпывающим. Как было упомянуто ранее, необходимость проведения научных исследований для осмысления правовых конструкций, институтов территориального устройства государства и иных изменений действующего законодательства, которыми осуществляются соответствующие преобразования, являются следствием активной деятельности законодателя. Вместе с тем его воля не всегда подлежит прогнозированию, что существенным образом осложняет своевременное выявление и последующее разрешение проблемных вопросов, ответы на которые может дать юридическая наука.

Проиллюстрируем данный тезис примером из правотворческой практики Российской Федерации. Так, положения федерального закона, которым регламентирована система органов публичной власти федеральной территории «Сириус» в пределах одного месяца (июль 2023 года) корректировались дважды. Изначально территориальная избирательная комиссия и контрольно-счетный орган федеральной территории определялись как постоянно действующие федеральные государственные органы. Однако в дальнейшем от слова «федеральный» было принято решение отказаться, в связи с чем сложилась ситуация, что данные органы определяются в качестве государственных, но без раскрытия их видовой принадлежности.

Таким образом, именно в направленности на формирование единообразного и непротиворечивого подхода к определению конституционно-правового статуса федеральных территорий, устранении правовых пробелов и коллизий заключается теоретико-практическая значимость применения специальных методов научного познания в исследовании территорий федерального подчинения.

Список использованных источников:

1. Australia Act 1986: Act No. 142 of 1985 // Australian Government. URL: <https://www.legislation.gov.au/>
2. Конституция Боливарианской Республики Венесуэла 1999 года (действующая редакция) // Всемирная организация интеллектуальной собственности. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/ru/>

3. Матанцев, Д. А. История и методология юридической науки: учебно-практическое пособие / Д. А. Матанцев, Ю. В. Рыжова, А. Ю. Токмачева. Москва: Академия управления МВД России. 2020. - 120 с.

4. Митина, В. В. Совершенствование системы государственного управления Арктической зоной Российской Федерации / В.В. Митина // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 2. С. 35-36.

5. Перевалов, В.Д. Теория государства и права: учебник / 4. изд., перераб. и доп. - Москва: НОРМА: ИНФРА-М. 2011. - 428 с.

6. Протасов, В.Н. Теория права и государства. Проблемы теории права и государства: Вопросы и ответы. - Москва: Новый Юрист. 1999. - 240 с.

УДК 342.814

К ВОПРОСУ ОБ УЧАСТИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН В МУНИЦИПАЛЬНЫХ ВЫБОРАХ

А. С. Ахременко

Сибирский федеральный университет

Россия является демократическим государством, это закреплено в ст. 1 Конституции РФ. И как для любого другого демократического государства, именно выборы являются концентрированным выражением воли народа и формой реализации его власти. Посредством выборов формируются как органы государственной власти РФ федерального и регионального уровней, так и органы местного самоуправления. Правом избирать и быть избранным (то есть активным и пассивным избирательным правом) обладают все граждане Российской Федерации на равных условиях, если они не подпадают под ограничения, установленные федеральным законодателем. Что касается иностранных граждан, постоянно проживающих на территории России, то они не обладают возможностью участвовать в выборах как в государственные органы, так и в органы местного самоуправления.

Однако из этого правила есть исключения. На сегодняшний момент иностранные граждане имеют право участвовать в муниципальных выборах в Российской Федерации при соблюдении определенных условий. Это право закреплено в ряде федеральных законов, в том числе в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ

№ 67-ФЗ), в Федеральном законе от 25 июля 2002 года № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – ФЗ № 115-ФЗ). Ранее такое положение содержалось и в Федеральном законе от 06 октября 2003 N 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ 131-ФЗ), на момент написания статьи они утратили силу. Так, для участия в муниципальных выборах иностранный гражданин должен соответствовать определённым условиям: постоянно проживать на территории муниципального образования и должен быть международный договор, подписанный и ратифицированный Россией.

Такие международные договоры заключены, например, с Киргизской Республикой и Туркменистаном. Соответственно граждане указанных выше государств имеют возможность участвовать в муниципальных выборах, если постоянно проживают на территории муниципального образования. Однако отследить то, насколько указанные иностранные граждане используют принадлежащее им право невозможно, так как нет единой статистики по количеству иностранных граждан, воспользовавшихся этим правом. Этому вопросу не уделяют должного внимания [1, с. 65].

Тем не менее был подписан Федеральный закон от 20.03.2025 N 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (дата вступления в силу 19 июля 2025 года), который не содержит какого-либо упоминания о возможности иностранцев принимать участие в решении вопросов местного значения. Это либо можно оценить как недосмотр разработчиков данного закона, хотя, либо же сознательное решение законодателей расширить перечень избирательных цензов при реализации пассивного избирательного права в России. Хотя безусловно сложно об этом говорить, потому что еще существуют положения, содержащее такое право иностранцев, в ФЗ № 67-ФЗ и ФЗ № 115-ФЗ. При этом если обратиться к сайту «Система обеспечения законодательной деятельности» то можно обнаружить законопроект № 729567-8 «О внесении изменений в статьи 4 и 17 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 12 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в части запрета иностранным гражданам участвовать в выборах в органы местного самоуправления и местном референдуме) внесенный в Государственную Думу РФ 02.10.2024 года. Авторы данного законопроекта в пояснительной записке указали на «особую роль местного самоуправления в решении вопросов местного значения, а также наибольшую приближенность органов местного самоуправления к своим непосредственным избирателям» и,

соответственно, предложили установить запрет на любое участие иностранных граждан в выборах в органы местного самоуправления и местном референдуме. На момент написания данной статьи законопроект находится на рассмотрении, было принятие ответственным комитетом решения о представлении законопроекта в Совет Государственной Думы. Точного ответа на вопрос лишатся ли иностранные граждане возможности избирать и быть избранными на уровне муниципальных образований на данный момент нет.

Однако можно сделать вывод о том, что действия разработчиков данного законопроекта вступают в противоречия с последними изменениями в нашем государстве. Во-первых, государственная политика направлена на поощрение приобретения российского гражданства. А участие иностранных граждан в политической жизни, прежде всего, будет способствовать их интеграции в общество и пониманию ценностей, на которых основана наша страна. Во-вторых, 13 марта 2025 года был подписан Протокол о внесении изменений в договор между Российской Федерацией и Республикой Беларусь о равных правах граждан от 25 декабря 1998 года о возможности постоянно проживающих на территории России граждан Республики Беларусь избирать и быть избранным в органы местного самоуправления. В-третьих, как пишут в своей статье Е. И. Старовойтова и С. А. Хвалёв в свете глобального распространения правовой трансграничности требуется унификация участия лиц, не имеющих гражданско-правовых связей с принимающим государством, в политической жизни этого государства. Из чего возникает потребность в предоставлении иностранным гражданам возможности участвовать хотя бы в местных выборах [2, с. 152-153].

Если предположить, что данный законопроект все-таки примут, то иностранные граждане полностью лишатся возможности избирать и быть избранными даже на муниципальных выборах. Как нам кажется – это будет неправильно и несправедливо. Мы разделяем мнение, высказанное в своей статье Е. В. Кудряшовой, Е. П. Мармиловой и М. Р. Карабашевой, которые пишут о том, что избирательные права тесно связаны с основополагающим правом человека на самоопределение, которое позволяет людям принимать решения, влияющие на их собственную жизнь. В современном мире растет глобальная приверженность к ликвидации дискриминации по различным признакам. Распространение избирательного права на иностранных граждан является необходимым компонентом этого стремления, поскольку оно способствует поддержанию равенства. Отсутствие основополагающих политических прав у иностранных граждан во многих государствах фактически ограничивает их возможности оказывать влияние на принятие важных политических решений [3,

с. 97]. Более того, как граждане РФ, так и иностранные граждане в равной степени обязаны соблюдать Конституцию РФ и законодательство РФ, они так же должны исполнять обязанности, например, платить налоги, заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры и иные обязанности. Следовательно, отстранение этих лиц от участия в политическом процессе, даже на местном уровне, несовместимо с целями демократического общества. Реализация подобной инициативы также может вызвать негативную реакцию со стороны международного сообщества, что снизит привлекательность России. В условиях глобализации необходимо учитывать мнение и интересы всех людей, проживающих и работающих в стране, независимо от их гражданства.

Среди международных документов, регулирующих данный вопрос, можно выделить Всеобщую декларацию прав человека, в ч. 1 ст. 21 которой содержится положение о том, что «Каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно или через посредство свободно избранных представителей». Следует подчеркнуть, что там написано «каждый», что можно толковать как возможность участвовать как граждан, так и иностранных граждан. В п. 5 Резолюции 1459 (2005) Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Об устранении ограничений на право голоса» Ассамблея призвала государства пересмотреть существующие ограничения избирательных прав и отменить те из них, которые больше не являются необходимыми и пропорциональными для достижения законной цели. Кроме того, Ассамблея предлагала предоставить избирательные права всем гражданам, не устанавливая требований в отношении местожительства, и облегчить осуществление права голоса гражданам, проживающим на территории других стран. Многие иностранные государства предоставляют избирательные права иностранным гражданам. Так, например, в 2020 году был одобрен законопроект о выборах в Шотландии, в котором было расширено право голоса на выборах в парламент и местные органы власти Шотландии. Законопроект распространяет право голоса на всех иностранных граждан, проживающих в стране, включая тех, кто получил статус беженца. Кроме того, право на выдвижение кандидатов распространяется на иностранных граждан, имеющих бессрочный вид на жительство, и тех, кто имеет статус временного поселенца. Секретарь Кабинета министров по вопросам Конституции, Европы и внешних сношений Майкл Рассел заявил, что это одна из самых прогрессивных реформ и указал на демократический характер такой реформы [4].

Возвращаясь к вышеупомянутому законопроекту, аргументы разработчиков об особой важности местного самоуправления и вытекающей из

этого необходимости исключить иностранных граждан из политической жизни страны полностью – недостаточно убедительны и противоречат современным реалиям выбора людьми мест своего жительства и проживания в различных государствах. На современном этапе в России существуют и другие способы выявить «благонадежность» человека, поэтому априорно считать иностранных граждан, которые могут участвовать в местных выборах, угрозой для нашей страны нельзя. Россия должна следовать поставленной цели – развитие и поддержание демократического строя в нашей стране. Инициативы, которые не отвечают современным демократическим ценностям, не должны пользоваться поддержкой со стороны государства.

Список использованных источников:

1. Белоусова, Е. В. Особенности муниципальных выборов как формы реализации непосредственного волеизъявления граждан / Е. В. Белоусова // Гражданин. Выборы. Власть. 2019. № 2(12). С. 62-69.

2. Старовойтова, Е. И. Предоставление избирательного права иностранным гражданам в зарубежных странах / Е. И. Старовойтова, С. А. Хвалев // Сибирский юридический вестник. 2016. № 3(74). С. 152-160.

3. Кудряшова, Е. В. Избирательные права для иностранцев: российский и зарубежный опыт / Е. В. Кудряшова, Е. П. Мармилова, М. Р. Карабашева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2021. № 2(67). С. 96-102.

4. Right to vote extended // Scottish Government. — URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.676e5263-6820a3e8-2af9b30f-74722d776562/https/www.gov.scot/news/right-to-vote-extended/ (дата обращения: 11.05.2025).

УДК 347.232

ВИДЫ «АНТИКОРРУПЦИОННЫХ» ИСКОВ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

И. С. Богданова

Сибирский федеральный университет

Появление в октябре 2024 года Постановления Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности ст.195 и 196, п.1 ст.197, п.1 и аб.2 п.2 ст.200, аб.2 ст.208 Гражданского кодекса РФ в связи с запросом Краснодарского

краевого суда» от 31.10.2024 №49-П (далее – Постановление КС РФ), привлекло к себе повышенное внимание со стороны юридического сообщества. Помимо разрешения основного вопроса – о применимости сроков исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход государства имущества частных лиц, занимающих публичные должности, КС РФ одновременно сформировал интересную правовую позицию о видах и основаниях таких исков.

Так, Постановление КС РФ содержит неоднозначные положения о требованиях, которые могут быть предъявлены прокуратурой в защиту публичных интересов и интересов Российской Федерации в рассматриваемой сфере отношений. Анализ его текста позволяет выделить две большие группы «антикоррупционных» исков, принципиально отличающиеся между собой: иски, основанные на количественном сопоставлении, и иски, основанные на факте совершения лицом, занимавшим публично значимую должность конкретных деяний коррупционной направленности. И, если первые, урегулированы действующим законодательством, то вторые – в нем отсутствуют, что предопределяет необходимость их осмысления и правовой оценки.

Так, к первой группе отнесены требования, вытекающие из пп.8 п.2 ст.235 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ) и положений Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» от 03.12.2012 №230-ФЗ. Предусмотренный в приведенных нормах механизм предполагает контроль за имущественным положением лица, замещающего (занимающего) или замещавшего (занимавшего) указанные в законе должности и членов его семьи (супруг, несовершеннолетние дети) путем арифметической проверки сведений, предоставляемых субъектами об их доходах и расходах за трехлетний период. В случае расхождения указанных сведений и при отсутствии доказательств приобретения имущества на законные доходы, соответствующее имущество подлежит обращению в собственность Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ обратил внимание на то, что «в этом случае обращение в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законные доходы, предполагает, что в случае выявления в соответствии с установленными этим Федеральным законом параметрами расхождения между доходами и расходами получение незаконных доходов от коррупционной деятельности презюмируется и не требуется установления и доказывания совершения конкретных деяний коррупционной направленности, вследствие которых те или иные активы приобретены контролируемым лицом (лицами)» (п.3.1 Постановления КС РФ).

По существу, в приведенном случае речь идет о правонарушении «незаконного обогащения» (illicit enrichment), как деянии, опосредующем «необъяснимое увеличение благосостояния государственного служащего за время его пребывания в должности» [1, с. 24; 2].

При этом Конституционный Суд РФ впервые в российской практике для его обозначения прямо использует термин «незаконное обогащение лица, занимающего (занимавшего) публично значимую должность», одновременно утверждая, что такое незаконное обогащение представляет собой «конституционно-правовой деликт, посягающий на основы конституционного строя, а недопустимость совершения этого деликта должна быть очевидна для каждого такого лица» (п.2.1 Постановления КС РФ).

Вторая группа требований базируется на ином принципе: «в основание требований прокуроров об обращении в доход Российской Федерации имущества как приобретенного вследствие нарушения лицом, занимавшим публично значимую должность, требований и запретов, направленных на предотвращение коррупции, может быть положен не только факт несоответствия расходов законным доходам и отсутствие сведений, подтверждающих законность получения денежных средств, когда источники происхождения имущества могут оставаться невыявленными, а незаконность их презюмируется, но и установление того, что приобретение имущества обусловлено совершением этим лицом конкретных деяний коррупционной направленности».

Как указывает Конституционный Суд РФ, «фактически в данном случае речь идет об обращении в доход Российской Федерации соответствующего имущества не столько в качестве имущества, в отношении которого в установленном порядке не было представлено сведений, подтверждающих его приобретение на законно полученные доходы, сколько в качестве имущества, в отношении которого установлено, что оно приобретено посредством совершения противоправных деяний коррупционной направленности (включая несоблюдение антикоррупционных запретов)» (п.3.2 Постановления).

При этом «предполагается доказывание прокурором совершения таких деяний, причинно-следственной связи между ними и последующим приростом имущества ответчика, т.е. факта извлечения противоправного дохода за счет своего положения, с его помощью или под его прикрытием. Соответственно, в зависимости от обстоятельств дела истцу надлежит доказывать, что лицо, на которое распространяются антикоррупционные запреты, совмещало публичные функции с коммерческой и иными видами запрещенной для него деятельности, принимало лично либо опосредованно участие в управлении активами и

формировании их структуры, использовало свой статус и (или) предоставленные полномочия вопреки публичным интересам в корыстных целях, совершало иные деяния коррупционной направленности, извлекало доход от указанных действий» (п.6.1 Постановления).

Как следует из приведенных положений, Конституционным Судом РФ была сформирована правовая позиция, непосредственно не вытекающая из положений закона, поскольку на сегодняшний день отсутствует законодательство, позволяющее обращать в доход РФ имущество, полученное лицом, занимающим публичную должность, в нарушение антикоррупционных запретов, если оно при этом не было привлечено к уголовной, административной и дисциплинарной ответственности. Предложенная КС РФ юридическая конструкция построена по классической модели деликта, поскольку предполагает доказывания всех его элементов, но означает ли это, что в российском праве появилась гражданско-правовая форма ответственности за незаконное обогащение вследствие совершения коррупционных актов?

В литературе, появившейся после принятия Конституционным Судом РФ рассматриваемого Постановления, можно обнаружить отдельные высказывания, касающиеся анализируемого вопроса.

Так, С.А. Сеницыным прямо утверждается, что «российским гражданским законодательством не институционализована особая модель гражданской конфискации» [3, с. 133-134], однако соответствующее требование прокурора обозначается термином «антикоррупционный» иск, под которым понимается иск, направленный «на охрану общества и защиту установленной им правовой демократии от злоупотреблений и криминализации публичной власти, легитимность которой основывается на доверии общества и репутации лиц, замещающих публичные должности, чтобы у граждан не было сомнений в их нравственных качествах, законности и бескорыстности их действий как носителей публичной власти» [3, с. 136].

В свою очередь, по мнению Д.А. Мальбина, «в традиционной классификации исков на *action in rem* и *action in personam* требование прокурора об обращении в доход государства имущества в соответствии с антикоррупционным законодательством несомненно следует отнести к *action in personam*» [4, с.5-19]. Из этого можно сделать вывод о том, что автор также не квалифицирует рассматриваемый институт в качестве разновидности гражданской конфискации, т.е. *action in rem*.

Любопытно, что Д.А. Мальбин, сделав акцент на «несколько ином виде основания обращения имущества в доход государства», полагает, что в данном случае «в соответствии с Постановлением от 31.10.2024 №49-П для обращения

имущества в доход государства необходимо и достаточно установить, что лицо нарушило требования и запреты, установленные законодательством о противодействии коррупции, что по своему содержанию шире, чем приобретение имущества на незаконные доходы» [4, с.5-19]. Иными словами, ученый, не только не усматривает самостоятельного характера соответствующего иска прокурора, но и не вполне четко определяет условия его удовлетворения, поскольку, как выше было отмечено, прокурор не может ограничиться установлением только обстоятельств нарушения лицом, занимающим публичную должность, антикоррупционных запретов, а обязан доказать сложную совокупность юридических фактов, свидетельствующих о совершении ответчиком деликта.

В результате, следует констатировать, что вопрос о правовой природе «антикоррупционных» исков второго вида, названных в Постановлении КС РФ от 31.10.2024 №49-П, в настоящее время остается открытым.

На наш взгляд, говорить о появлении самостоятельной формы гражданско-правовой ответственности за совершение публичными должностными лицами деяний коррупционной направленности в настоящее время преждевременно. Оба вида требований прокуроров, выделенных в Постановлении КС РФ, имеют единую публично-правовую природу, и опосредуют отношения, не входящие в предмет гражданского законодательства. В связи с тем, что специфика любых деяний «незаконного обогащения» исключает по общему правилу возможность применения к их регулированию норм гражданского законодательства, то использование Конституционным Судом РФ «деликтных» формулировок не должно вводить в заблуждение, в указанных случаях имеет место публичное правонарушение, требующее релевантных мер правового воздействия.

Список использованных источников:

1. Зарубежный опыт конфискации денежных средств или иного имущества, приобретенных неправомочно: монография / под общ. ред. В.И. Прасолова. – М.: Прометей, 2021. – 232 с.
2. Проблема возврата незаконно нажитых активов: опыт России, Украины и зарубежных стран / под науч. ред. Д.Я. Примакова. – М.: Инфотропик Медиа, 2016. – 164 с.
3. Сеницын, С.А. Сроки исковой давности по антикоррупционным искам об изъятии имущества из частной собственности: вопросы правовой квалификации / С.А. Сеницын // Журнал российского права. 2025. № 1. С.131-140.

4. Мальбин, Д.А. Комментарий к Постановлению Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. №49-П / Д.А. Мальбин // Цивилист. 2025. № 1. С.5-19.

УДК 347.2

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ПОДГОТОВКИ К ПРОВЕДЕНИЮ КОМПЛЕКСНЫХ КАДАСТРОВЫХ РАБОТ НА ПРИМЕРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Е. А. Болва

Сибирский федеральный университет

Красноярский край является динамично и активно развивающейся территорией, основными вопросами управления которой всегда были и будут оставаться проблемы рационального использования и воспроизводства земель, что требует качественного и полноценного учета земельных участков.

Поэтому регулятор через внедрение системы законодательных актов, начиная с Закона о недвижимости [1], поступательно и непрерывно осуществляет наполнение реестра недвижимости (далее – реестр) непротиворечивыми данными об объектах. Кроме того, вступивший в силу в июне 2021 года Закон [2], дополнил Закон о недвижимости правилами внесения сведений о правообладателях ранее учтённых объектов.

При этом в структуре земельного фонда Красноярского края постоянно происходят изменения. Так, осуществляется перевод земель из одной категории в земли другой категории. В результате, например, земли сельского назначения только в 2023 году уменьшились на 4289,8 тыс. га за счет их перевода в городские агломерации (Березовский, Краснотуранский и Курагинский муниципальные районы), в земли промышленности (Ачинский, Емельяновский, Козульский, Саянский, Шарыповский муниципальный округ), в земли особо охраняемых территорий (Шушенский муниципальный район). Данные ЕГРН о земельных участках меняются и качественно за счет проведения регистрационных действий. Так, площади земель, находящихся в собственности Российской Федерации, в крае за 2023 г. увеличились до 169314,9 тыс. га. за счет регистрации на земельные участки населенных пунктов и лесной фонд, а, например, количество земельных участков, относящихся к собственности Красноярского края напротив уменьшилось в связи с прекращением прав собственности на сельские земли и передачей их в муниципальную собственность [3].

В этой связи Красноярский край попал в перечень субъектов, на территории которого уже более 3 лет проводятся комплексные кадастровые работы (далее – также ККР) в соответствии с требованиями Закона о кадастровой деятельности [4], тем самым способствуя более эффективному осуществлению мероприятий по рациональному использованию земельных ресурсов и наполнению налоговой базы сведениями об объектах недвижимости.

В соответствии с подзаконными актами и при активном участии Правительства Красноярского края на 2025 год подготовлен перечень кварталов для выполнения ККР, принимая во внимание, в том числе социально-экономическую целесообразность и значимость населенного пункта, востребованность земельных участков для целей распоряжения, количество предполагаемых реестровых ошибок допущенных ранее при кадастровом учете земли. На 2025 год в перечень территорий для выполнения ККР попали такие города Красноярск, Минусинск, а также Березовский, Емельяновский, Минусинский районы, на землях которых расположено более 241 тыс. объектов.

При этом уже на этапе отбора кадастровых кварталов, планируемых к проведению ККР, становятся очевидными такие ошибки как несоответствие фактических границ и площадей участков их описанию в исходных документах и ЕГРН, отсутствие закрепления границ на местности, невозможность установления местоположения участка по адресу из-за отсутствия адресной привязки [5].

В этой связи, хотелось бы отметить, что проведению ККР предшествовали работы по верификации и гармонизации данных, проводимые с 2013 года, которые, однако, своей цели не достигли, не смотря на разработанную Методику повышения сопоставимости данных ЕГРП и ГКН об объектах капитального строительства, а также алгоритм действий (рекомендации) [6]. В этот период проводились сверки в базах об зданиях и сооружениях в части площади, при этом проведение данных работ происходило без участия физического (юридического) лица, являющегося владельцем имущества, поскольку целью являлось исключение дублирующихся параметров, а также повышение качества данных, их целостность, непротиворечивость, взаимоувязанность.

Поскольку данные работы носили внутренний и закрытый характер - приведение в соответствие сведений уполномоченными органами самостоятельно, при условии последующего уведомления правообладателя не принесло значимых результатов и, на наш взгляд, выступило отрицательным фактором, обусловившим сегодня возврат посредством нового механизма – проведение ККР. Продолжать деятельность по наполнению сведений реестра надлежащими параметрами приходится и из-за многочисленных реестровых

ошибок, допущенных вследствие как субъективного стечения обстоятельств (например, ошибки кадастровых инженеров), так и объективного (переход в разные учетные системы, изменение ключей перехода системы координат).

Поэтому представляется важным отметить, что дополнительной регламентации и определения сроков требует этап, связанный с подготовкой к проведению ККР, а именно получением и сбором исходных данных, в том числе документов.

С одной стороны, органу строго предписано, что должно быть указано в извещении о начале выполнения ККР (ч. 4 ст. 42.7 Закона кадастровой деятельности), но, с другой стороны, нет никакого запрета на включение дополнительной информации, направленной на понимание и восприятие сути и смысла проводимых ККР. Продолжающаяся формальность этапа уведомления правообладателей недвижимости о начале выполнения таких работ препятствует осознанному и осмысленному правовому отношению заинтересованных субъектов к мероприятию по ККР.

Более того, буквальное толкование норм предписывает при выполнении ККР их исполнителю сначала собрать документы и исходные данные о земельных участках в пределах кадастрового квартала, а потом уведомить правообладателей о начале выполнения работ (ч. 2 ст. 42.6 Закона кадастровой деятельности). На практике это, конечно, практически параллельные этапы. Тем не менее, заинтересованные лица – правообладатели объектов недвижимости, как правило, представляют имеющиеся у них сведения и документы, которые зачастую отсутствуют в реестре. В свою очередь, это будет способствовать качественному сбору исходных данных для проведения ККР. Этому также должна предшествовать информационно-разъяснительная работа среди населения, которой, на наш взгляд, не уделяется должного внимания.

Так, в Красноярском крае уже третий год подряд проводятся ККР, но после получения уведомлений на «Госуслугах» о проведении ККР жители каждый раз записываются на консультации к частным юристам и адвокатам, чтобы уточнить вопросы и возможности проведения ККР, а сотрудники органов сталкиваются с массовыми обращениями [7]. Автор проанализировал, размещенные в сети Интернета публикации за январь и февраль 2025 года и нашел только одну публикацию 27.02.2025 года на официальном интернет-портале правовой информации Красноярского края, содержащую перечень кварталов, но не разъясняющую сути и задач их проведения; и буквально пару интернет-страниц органов местного самоуправления, на которых информация о проведении работ опять же без ссылок и разъяснений, а также возможности задать вопрос и направить обращение. Информационное сообщение Росреестра,

подготовленное для населения, видимо несколько позднее, прямо содержало указание на просьбу отнестись без паники к полученным рассылкам и серьезно, что лишний раз подчеркивает актуальность поднятого вопроса [8].

Само извещение не предполагает разъяснения сути и возможностей проведения ККР, не раскрывает цели и задачи их проведения, что вызывает недопонимание у правообладателей объектов недвижимости. Оно не указывает как узнать проводятся ли комплексные кадастровые работы в отношении объекта, какие документы нужно подготовить, кому их передать и надо ли это делать, не отвечает на вопрос можно ли исправить площадь при проведении работ, можно ли уточнить адрес, как и с кем взаимодействовать по этому вопросу. В результате владельцы объектов недвижимости не осознают, что по сути это не только обязательная процедура, но и реальная возможность бесплатно уточнить границы своих земельных участков, домов или нежилых построек.

Более того, информационно-разъяснительный этап должен быть связан, по-нашему мнению, не только с возможностью представления документов, но и с разъяснением последствий выявления самозахвата земель и самовольного строительства на них. Эта информация не размещается, вследствие чего хочется задать вопросам: у нас в Красноярском крае нет таких случаев?

Извещение не ориентирует правообладателя на важность следить за ходом проведения ККР [8], не уточняет, что после проведения ККР публикуются проекты карта-планов территорий вместе с извещениями о проведении согласительных комиссий на сайтах органов местного самоуправления, органе, проводившим кадастровые работы, Росреестре [10]. И если с учетом возникших у жителей вопросов, позднее была подготовлена разъясняющая информация, то особо подчеркнем, что никто до настоящего времени не озадачился вопросом разработки инструкции, разъясняющей как посмотреть карту-план территории по итогу выполнения ККР, что на ней можно увидеть, порядке сопоставления сведений, порядке действий, в случае, если правообладатель объекта недвижимости не согласен с новыми границами. По мнению автора. Это серьезный правовой барьер для населения, который должен быть устранен. При этом включение в текст извещения фразы о том, что правообладатель при наличии возражений по границам, указанным в картах-планах, вправе подать их в письменном виде для рассмотрения на согласительной комиссии не достаточно, на наш взгляд, важно концентрировать его внимание на возможности участвовать в заседании согласительной комиссии. Опять же, как участвовать, куда прийти, какие документы при этом нужны – где найти инструкцию к действию для участия в такой комиссии?

Информационно-разъяснительная работа также могла бы способствовать выявлению и исправлению сопутствующих техношибок, включенных в данные.

Постоянная работа горячей линии для заинтересованных физических и юридических лиц, где проходят комплексные кадастровые работы, болезненная, но немаловажная часть сопровождения процесса действий, направленных на целостность и непротиворечивость сведений о земельных участках. Безусловно, она требует большого ресурса, но с определённой периодичностью она могла бы способствовать более эффективной реализации направления.

Подводя итог изложенному, автор концентрирует внимание на том, что комплексные кадастровые работы направлены на устранение реестровых ошибок, уточнение границ и повышение точности данных в ЕГРН, и должны сопровождаться большой информационно-разъяснительной работой о юридических возможностях и последствиях их проведения. При этом недостатки подготовительного этапа и информационно-разъяснительной работы среди населения приведут к печальному итогу и границы опять же будут установлены неполно и не точно, и мы вновь столкнёмся с низким качеством сведений ЕГРН, необходимостью решения спорных ситуаций, связанных с согласованием границ земельных участков, что, в конечном счете, скажется на эффективности использования земельных участков. В связи с чем, требуется устранение формализма и внесение изменений в извещение, указание и изложение в доступной форме задач проведения ККР, возможностей и последствий их осуществления, а также методическая и методологическая координация информационно-разъяснительной работы, сопровождающей проведение комплексных кадастровых работ как возможности изменить ситуацию по наполняемости и координированию данных ЕГРН. Полная информация позволит обеспечить развитие территории в целом и административно-территориальных единиц в частности.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 20.08.2025).
2. Федеральный закон от 30.12.2020 № 518-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты российской федерации» // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 20.08.2025).
3. Доклад о состоянии и использовании земель в Красноярском крае в 2023 году // <https://rosreestr.gov.ru>

4. Федеральный закон от 24.07.2007 № 221-ФЗ «О кадастровой деятельности» // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 20.08.2025).

5. Данилина П. А. Комплексные кадастровые работы как эффективный механизм гармонизации данных Единого государственного реестра недвижимости и повышения эффективности контрольных функций по управлению земельными ресурсами / П. А. Данилина, А.А. Симонова // OPEN INNOVATION: сборник статей II Международной научно-практической конференции. В 2-х частях. Часть 2. - Пенза: МЦНС «Наука и просвещение», 2017. – С. 155- 158.

6. Распоряжение Росреестра от 22.01.2013 N P/4, Письмо Росреестра от 20.12.2013 N 09-исх/11234-ГЕ/13) // [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс» Версия Проф. (дата обращения 20.08.2025).

7. Сообщение размещено
<http://www.admkrsk.ru/citytoday/property/kkr/Pages/default.aspx>.

8. Сообщение Росреестра для населения
<https://rosreestr.gov.ru/upload/to/krasnoyarskiy-kray/2025/.docx>

9. Жукова М.А. Правовое регулирование комплексных кадастровых работ / Жукова М.А., Харитонов А.А. // Модели и технологии природообустройства: региональный аспект. – 2022. – № 1 (14). – С. 59-64.

10. Харитонов А.А. К вопросу о реализации комплексных кадастровых работ на региональном уровне / А.А. Харитонов, М.А. Жукова // Модели и технологии природообустройства: региональный аспект. – 2020. – №2 (11). – С. 59-68.

УДК 343.9

ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛОЖЕНИЙ Ч. 2 СТ. 14 УК РФ И ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ

В. Н. Винокуров

Сибирский федеральный университет

В соответствии с ч. 2 ст. 14 УК РФ не является преступлением действие (бездействие), хотя формально содержащее признаки какого либо деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, но в силу малозначительности, не представляющее общественной опасности.

Отсутствие в законе и разъяснениях Конституционного и Верховного судов РФ четких критериев, каким должно быть деяние, чтобы оно не представляло общественной опасности, привело к тому, что суды стали самостоятельно вырабатывать критерии для признания деяния малозначительным.

Так Сабурова, работая старшим смены АЗС, ввела в заблуждение Р., что тот якобы повредил малый раздаточный кран с насадкой на топливно-раздаточной колонке, пояснив ему, что для возмещения ущерба необходимо перевести денежные средства на расчетный счет ее банковской карты. Р., будучи обманутым, перевел со своего банковского счета на банковский счет Сабуровой 5300 рублей. Действия Сабуровой были квалифицированы по ч. 1 ст. 159 УК РФ. Однако Верховный Суд РФ прекратил уголовное преследование Сабуровой в связи с малозначительностью. Свое решение Верховный Суд РФ обосновал следующими обстоятельствами: незначительный размер материального ущерба, который был возмещен, отсутствие в материалах дела доказательств того, что деяние причинило Р. существенный вред.

Действия Некрасовой, которая предоставила в бухгалтерию ФСИН заведомо ложные документы, подтверждающие якобы понесенные ею расходы на проезд в отпуск, вследствие чего Некрасова незаконно получила 5 182 рубля в качестве возмещения расходов по оплате проезда и была осуждена к штрафу в размере 10 000 рублей, Верховный Суд РФ также признал малозначительными. Основным доводом принятия подобного решения послужило то, что отсутствуют доказательства, что содеянное Некрасовой причинило существенный вред федеральному бюджету.

Однако, как обоснованно указано в теории, если в деянии содержатся все признаки состава преступления, то общественная опасность совершенного деяния презюмируется. Поэтому правоприменитель, установив все признаки состава преступления не должен устанавливать еще и общественную опасность содеянного. Если состав есть, то есть и общественная опасность деяния, как предполагается вменяемость обвиняемого до тех пор, пока не появятся сомнения в ее наличии и не устанавливается обратное [1].

Поэтому обоснованным является решение по делу Т., который украл из магазина рыбу стоимостью 3 688 руб. (ч. 1 ст. 158 УК РФ), Верховный Суд РФ, отменяя решение о признании действий Т. малозначительными, обоснованно указал: криминообразующий размер похищенного в ч. 1 ст. 158 УК РФ превышает 2 500 руб. и признается законодателем общественно опасным, т.е. преступным; суд не привел доводов, на основании которых он пришел к выводу о том, что превышение указанного размера на 1 000 рублей свидетельствует об отсутствии общественной опасности содеянного Т.

Как указано в постановлении Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2020 г. № 10-П «По делу о проверке статьи 324 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Н.М. Деменьшиной», выбранная законодателем конструкция формального состава преступления, отражая в известной мере особенности общественной опасности предусмотренного ст.324 УК РФ деяния, (которое заключается уже в факте незаконных приобретения или сбыта государственных наград, умаляющем честь, достоинство и память о заслугах удостоенных ими лиц), не означает, что совершение данного деяния не влечет причинения вреда или реальной угрозы его причинения.

Следует отметить, что при вынесении двух последних рассмотренных решений признания деяний малозначительными, Верховный Суд РФ ссылаясь на определение Конституционного Суда РФ от 16 июля 2013 г. № 1162 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филимонова Дмитрия Ивановича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 14 Уголовного кодекса РФ», где отмечено, что приведенная норма позволяет ограничить преступления от иных правонарушений и направлена на реализацию принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступления, обстоятельствам его совершения и личности виновного (часть первая статьи 6 УК РФ). Тем самым обеспечивается адекватная оценка правоприменителем степени общественной опасности деяния, зависящая от конкретных обстоятельств содеянного. В качестве таких обстоятельств могут учитываться размер вреда, тяжесть наступивших последствий, степень осуществления преступного намерения, способ совершения преступления, роль подсудимого в преступлении, совершенном в соучастии

Однако если сравнить решения судов, приведенных выше, с иными решениями судов, то получится, что принцип справедливости не соблюдается. Уголовно-правовые нормы, следует применять в системе с нормами иных отраслей права. Так за хищение принтера стоимостью 460 рублей, виновному было назначено наказание в виде трех суток административного ареста, а еще в одном случае за хищение семи шоколадок «АльпенГолд» виновному было назначено наказание в виде административного штрафа в размере 1000 рублей. О какой справедливости может идти речь, если за гораздо меньший ущерб лицу назначают наказание, а за причинение гораздо более значительного – освобождают от ответственности вообще.

Практика не признания причинения ущерба на сумму свыше 2 500 рублей распространилась и на ситуации совершения хищений с использованием своего служебного положения. Так Ф., являясь заместителем директора главы администрации сельского поселения, внесла в справки о своих доходах и доходах мужа недостоверные сведения и предоставила их в школу, в которой обучалась ее дочь. На основании этих справок ее дочери, как якобы ребенку из малообеспеченной семьи, была необоснованно предоставлена мера социальной поддержки в виде освобождения от оплаты питания. Своими действиями Ф. причинила республиканскому бюджету ущерб в лице Министерства образования РФ в размере 10 066 руб. 24 коп. и была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 159.2 УК РФ. Верховный Суд РФ, признавая действия Ф. малозначительными, привел следующие доводы. Во-первых, небольшой размер ущерба, причинный республиканскому бюджету, и отсутствие в материалах дела доказательств того, что деяние причинило существенный вред государственным или муниципальным интересам, что свидетельствует об отсутствии в ее действиях признака общественной опасности, который позволял бы признать их преступлением. Во-вторых, сам по себе способ совершения деяния Ф. – использованием своего служебного положения, что является квалифицирующим признаком, не может быть обстоятельством, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствовать применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ. Кроме этого Ф. на стадии предварительного расследования возместила причиненный ущерб, на основании чего выводы суда о невозможности признания ее деяния малозначительным нельзя признать обоснованными.

Как отмечают в теории, следуя этой логике, о том, что использованием своего служебного положения, выступающего квалифицирующим признаком, не может быть обстоятельством, свидетельствующим о повышенной общественной опасности содеянного и препятствовать применению положений ч. 2 ст. 14 УК РФ, можно утверждать, что любой квалифицированный состав может быть равен по опасности основному составу. Что представляется абсурдным. Представим себе на месте Филипповой кого-либо из лиц, не облеченных властью. Приговор суда первой инстанции бы устоялся и нашлись бы аргументы, что для мошенничества вообще не важен размер ущерба, а также что существенно пострадали публичные интересы и права других детей, не получивших льготного питания, без всяких заигрываний по поводу общественной опасности [2].

Ужесточение ответственности лиц, наделенных дополнительными полномочиями, основано на том, что эти положения составляют способ совершения более опасного деяния [4, с. 139]. Так по делу Перунова, совершившего преступление, предусмотренное ч. 2 ст. 159 УК РФ, и освобожденного от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа (ст. 76.2 УК РФ), одним из доводов об отмене освобождения от уголовной ответственности по указанному основанию послужило следующее. Перунов являясь представителем социально-значимой профессии – адвокатом, к которому обратились потерпевшие за оказанием квалифицированной юридической помощи, доверяя ему, в том числе и в силу его принадлежности к адвокатскому сообществу, более двух лет обманывая и злоупотребляя доверием своих клиентов, обещая совершить незаконные действия, пользуясь юридической неграмотностью и пожилым возрастом М., похитил их денежные средства, не только причинив тем самым ущерб потерпевшим, но и подорвал доверие к адвокатской деятельности, направленной на защиту прав и интересов доверителя. Таким образом, наличие полномочий послужило одним из препятствий к освобождению от уголовной ответственности на основании ст. 76.2 УК РФ.

В то же время практика признания хищения с использованием своего служебного положения малозначительным деянием уже сложилась, и даже увеличился размер похищенного. Так Сычев, работая в должности директора муниципального учреждения, используя свое служебное положение, достоверно зная о том, что Г. не выполняет свои трудовые обязанности, дал указание методисту по составлению табеля учета рабочего времени заполнить табель рабочего времени Г. в объеме 22 часов, причинив тем самым ущерб в сумме 16 391 рубль. Первоначально Сычев был осужден по ч. 3 ст. 160 УК РФ к 6 месяцам лишения свободы условно с испытательным сроком 6 месяцев. Что представляется справедливым. Но Верховный Суд РФ признал его действия малозначительными, так как в деле отсутствовали доказательства того, что вмененное Сычеву деяние причинило существенный вред интересам муниципального образования.

Следует поддержать мнение, что сложившаяся судебная практика признания хищений с использованием своего служебного положения малозначительным деянием, противоречит основам дифференциации уголовной ответственности и неправильна. Если законодатель посчитал, что совершения деяния лицом, с использованием своего служебного положения, существенно повышает его общественную опасность ввиду тех возможностей, которые получает лицо, заняв определенную должность, признаком,

повышающим опасность деяния, является не способ, а положение, которое занимает виновный. Такие деяния причиняют вред не одному, а двум объектам преступления отношениям собственности и в сфере функционирования должностных лиц. Признание указанных деяний малозначительными, демонстрирует, что лицу, занимающему определенную должность, все можно [3, с. 354-355].

Как указал Конституционный Суд РФ в определении от 10 апреля 2019 г. № 865-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Сеземиной Ольги Михайловны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 159 Уголовного кодекса Российской Федерации», конструирование квалифицированного состава мошенничества посредством дополнения его основного состава признаком с использованием своего служебного положения предопределяется тем, что это преступление сочетает в себе как признаки хищения, так и признаки злоупотребления специальным субъектом юридическими и фактическими возможностями, которыми они обладают благодаря занимаемому служебному положению. Анализ указанного квалифицированного состава подтверждает, что по своей природе он предполагает разнородные объекты, находящиеся под уголовно-правовой охраной нормы (собственность и интересы государственной службы или службы в органах местного самоуправления) и специфическую объективную сторону, которая выражается в незаконных действиях по службе, посягающих не только на отношения собственности, но и представляющих угрозу – вследствие использования субъектом при их совершения своего служебного статуса для верховенства закона, равенства и социальной справедливости и других сфер общественных отношений, подверженных деструктивному влиянию коррупции в результате криминализации представителей власти, чья легитимность в основном основывается на доверии общества. Причем это положение Конституционный Суд РФ отразил в определении на жалобу гражданки Сеземиной О.М., которая была осуждена приговором Калининского районного суда г. Санкт-Петербурга от 16 августа 2017 г. за совершение мошенничества с использованием своего служебного положения. Сеземина О.М., являясь старшим участковым уполномоченным полиции, проверяя магазин умышленно ввела в заблуждение индивидуального предпринимателя Х. о наличии оснований для привлечения его к административной ответственности за нарушение правил торговли, потребовав за не составление протокола об административном правонарушении приобрести за его счет ряд товаров (продукты питания и бумагу для офисной техники) и безвозмездно получила приобретенные им предметы общей стоимостью не менее 272 рублей в ценах

2013 г. За указанное преступление Сеземиной было назначено наказание в виде 1 года 6 месяцев лишения свободы условно, с испытательным сроком 1 год и дополнительное наказание в виде лишения права занимать должности на государственной службе, связанные с осуществлением функций представителя власти сроком 2 года. Таким образом, за хищение имущества на сумму свыше 272 рублей в 2013 году, человека осудили, лишив её возможности в будущем работать в правоохранительных органах. В то время как действия директора муниципального учреждения, похитившего с использованием своего служебного положения, свыше 16 000 рублей в 2020 г. (решение по делу Сычева, анализ которого был дан выше) были признаны малозначительными. Вряд такое положение является реализацией принципа справедливости.

Поэтому трудно согласиться с тем, что если размер хищения «не дотягивает» до размера, с которого деяние отнесено законодателем к преступлению и возникает коллизия между формой (деяние запрещено в УК РФ) и содержанием (размер ущерба менее 2 500 рублей), форма берет вверх над содержанием, что для уголовного права неприемлемо, поскольку такой подход противоречит принципу справедливости [6, с. 379]. Однако ни о каком нарушении принципа справедливости, в соответствии с которым наказание и иные меры уголовно правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, должны быть справедливыми, т.е. соответствовать характеру и степени общественной опасности преступлению, обстоятельствам его совершения и личности виновного нет.

С момента описания деяния в законе его общественная опасность считается установленной. Вместе с тем, суд оценивает «индивидуальную опасность» конкретного преступления как необходимое условие возложения на лицо уголовной ответственности и индивидуализации объемов ограничений [5, с. 26]. За совершение тяжкого преступления, описанного в ч. 3 ст. 160 УК РФ, предусмотрено наказание до 6 лет лишения свободы, а суды, применяя положения ст. 64 УК РФ, назначали наказание в виде штрафа или лишения свободы условно. Таким образом, небольшая степень общественной опасности совершенного деяния, содержащее признаки тяжкого преступления отражается при назначении наказания ниже низшего предела, которое предусмотрено за совершение деяния, что как раз и является справедливой и обоснованной оценкой «индивидуальной опасности» конкретного преступления.

Таким образом, признание малозначительными деяний, причинивших ущерб выше установленного в законе размера, нарушает принцип справедливости. Как нарушение принципа справедливости следует рассматривать признания малозначительными ситуаций хищения имущества с

использованием своего служебного положения (ч. 3 ст. 159 и ч. 3 ст. 160 УК РФ). Назначение наказаний, которые указаны в санкциях норм за хищение, также не будет справедливым. Вместе с тем у судей есть достаточно способов назначать наказание в соответствии с размером причиненного ущерба, такие как назначение более мягкого наказания (ст. 64 УК РФ), а также назначение наказания условно (ст. 73 УК РФ).

Список использованных источников:

1. Иванчин, А. В. Еще раз о принципиальной значимости правильного толкования нормы о малозначительности (ч. 2 ст. 14 УК РФ) в следственно-судебной практике / А. В. Иванчин // Российский следователь. – 2022. – № 5. – С. 64-66.

2. Колпакова, Л. А. Малозначительность преступления (ч. 2 ст. 14 УК РФ): вопросы юридической герменевтики / Л. А. Колпакова // Уголовное судопроизводство. – 2024. – № 3. – С. 23-28.

3. Лопашенко, Н. А. Размышления об уголовном праве. Принципы уголовного законодательства. Уголовный закон. Преступление, проступок и состав преступления : Авторский курс / Н. А. Лопашенко ; Саратовская государственная юридическая академия. – Москва : Издательство "Юрлитинформ", 2020. – 440 с.

4. Принципы уголовного права : [Монография] / В. В. Мальцев; М-во внутр. дел Рос. Федерации. Волгогр. юрид. акад.. — Волгоград : Волгогр. акад. МВД России, 2001. — 264 с.

5. Пудовочкин, Ю. Е. Оценка судом общественной опасности преступления : Научно-Практическое пособие / Ю. Е. Пудовочкин ; Российский государственный университет правосудия. – Москва : Российский государственный университет правосудия, 2019. – 244 с.

6. Щепельков, В. Ф. Применение норм Уголовного кодекса Российской Федерации о мошенничестве: состояние и перспективы / В. Ф. Щепельков, Е. В. Суслина, В. В. Векленко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, № 2. – С. 368-382.

УДК 343

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: ПЕРСПЕКТИВНОЕ ПРАВОВОЕ БУДУЩЕЕ ИЛИ НЕОПРАВДЫВАЮЩИЕСЯ НАДЕЖДЫ

Н. Ю. Волосова

Оренбургский государственный университет

Четвертая технологическая революция совершенно изменила наш мир и представления о нем. Современный мир – это мир тесного взаимодействия человека и машины. По мнению Клауса Шваба в отличие от предыдущих, эта промышленная революция развивается не линейными, а скорее экспоненциальными темпами [16]. Невероятная скорость развития в последние несколько лет современных технологий отражается и на жизнедеятельности человека.

К экспоненциальным технологиям принято относить искусственный интеллект (AI) (его подsegmentы машинное обучение (ML) и глубокое обучение (DL)) и многие другие технологии, например, автономный транспорт. Однако данные технологии не существуют сами по себе, они взаимодействуют на разных уровнях с другими областями знаний. Конвергентные технологии, то есть технологии из разных областей, которые сближаются и будут сближаться и далее, усиленно воздействуют друг на друга. Это приведет к серьезным изменениям в самых разных сферах, к которым нужно готовиться уже сегодня [18, с. 12-15].

Технологии открывают широкие просторы для развития нашего общества и упрощения многих процессов, отнимающих у человека значительное количество времени для выполнения рутинной механической работы. Очевидные преимущества такого развития общества бесспорны. Однако технологии таят в себе массу опасностей.

Появление новых технологических возможностей влечет за собой их использование и в криминальных целях. Например, развитие рынка криптовалют и технологии блокчейн привело к использованию данного платежного средства в ходе незаконного оборота наркотиков; криптовалюта стала предметом взятки. Поднимается, и причем обосновано, проблема определения ответственности, в том числе и уголовной, когда участником дорожного движения является беспилотный транспорт [8, с. 8-12; 11, с. 63-70; 17, с. 3-8].

Возможности использования новых технологий в ходе правового регулирования, расследования преступлений, тесная интеграция технологий и права ставят перед обществом множество вопросов. Каким будет правовое регулирование в цифровую эпоху? Что оно из себя будет представлять? И какое место во всем этом будет занимать человек?

В теории можно выделить два подхода к перспективам взаимодействия новых технологий, включая технологии искусственного интеллекта, и сферы права: это консервативный и инновационный.

Консерваторы достаточно осторожно относятся к возможностям интеграции технологий и права, говоря в первую очередь об опасностях и рисках такого взаимодействия, акцентируя внимание на нескольких ключевых вопросах:

- какое право появиться в результате экспансии науки и технологий в правовую сферу;
- сужение юридического понимания права, устранение признаков естественного правового или иного правопонимания;
- отчуждение человека от права: остаются только символические формы, порождающие правоотношения, по сути безразличные к людям;
- право возникшее как форма социального бытия и уже исчезнувшая как мера свободы человека будет развиваться лишь как форма и средство управления;
- возможен полный отрыв права от его нравственных оснований;
- правопонимание перестанет быть нужным, его место займет тотальный прагматизм, правом станет все, что способно действовать и воздействовать [14].

Данную концепцию я назвала концепцией опасности. Вопросы которые были поставлены, безусловно, очень важны, т.к. затрагивают существенные аспекты человеческого бытия – это интеракция интеллектуальной искусственной машины и интеллектуального потенциала человека. Вопрос о возможностях и отдаленных последствиях такого взаимодействия, взаимного влияния, а также подконтрольность человеку машины во всех формах такого взаимоотношения до настоящего времени остаются малоисследованными, а следовательно, и таящими в себе определенные угрозы.

С точки зрения психологии человек обладающий интеллектом правильно судит, понимает и размышляет. А машина? Если это будет сильный искусственный интеллект (хотя это вопрос далекого будущего) будет ли он правильно судить, понимать и размышлять, и кто этот конструкт заложит в его основу? И стоит ли такой конструкт закладывать в машину? Алгоритм который позволяет все просчитать и выбрать наиболее простой способ решения задачи

не работает, когда речь идет о судьбе подсудимого, которому отнюдь не все равно какое будет назначено наказание – 2 года лишения свободы или 20 лет.

Сторонники второго подхода говорят, что нельзя обойтись без таких технологий, в том числе и в праве, что может существенно облегчить работу правоприменителя. В частности, рядом авторов ставится вопрос об уголовном цифровом кодексе. Ими отмечается, что предлагаемые к формированию в ответ на цифровую преступность цифровое уголовное право и его формализованный конструкт – цифровой уголовный закон – это не инициация каких-то инновационных подотраслей существующего уголовного права и уголовного закона, а, в прямом смысле слова, инициация цифровых воплощений уголовного права и уголовного закона, то есть создание программных цифровых алгоритмов уголовно-правового контроля над цифровой (во всех ее проявлениях) преступностью [12]. Когда речь идет о возможности назначения наказания приводятся в пример весы правосудия Х.Д. Алиперова [10; 7, с. 170], которые могут быть вспомогательным инструментом судьи.

Я назвала их концепцию открытости. Авторы, придерживающиеся данной концепции, указывают, например, на возможность использования искусственного интеллекта вначале в качестве помощника судьи, в том числе и в составлении судебного решения, а затем и замены человека-судьи по несложной категории уголовных, гражданских и иных дел, что позволит избежать современных рисков правосудия – субъективизма, предвзятости и коррупции. Последнее предложение подвергается критике. Среди аргументов вполне логичные – машина не может судить человека и оценивать его деятельность даже в том случае, если данная деятельность носит противоправный и деструктивный характер. Искусственный интеллект не обладает эмпатией, состраданием и сочувствием, теми качествами, которыми обладают практически все судьи.

Есть и третий подход - взвешенный подход к определению взаимоотношений человека и искусственного интеллекта, интеграций технологий в право, основанный, во-первых, на понимании, что технический прогресс не остановить и это данность, с которой необходимо примириться, и, к которой необходимо приспосабливаться; во-вторых, прогнозирование возможных опасностей и рисков использования новых технологий в правовой сфере, в-третьих, такое взаимодействие должно быть основано на этических принципах и нормах, сформированных с учетом прогнозируемых опасностей и рисков.

Придерживаясь данного подхода полагаю, что начать нужно именно с формирования этических требований к использованию технологий и

определения тех правовых сфер, где они могут быть применены уже сейчас, а где пока делать этого не следует.

На международном уровне и в отдельно взятых государствах последние несколько лет идет работа по формированию этических требований и принципов к использованию систем искусственного интеллекта в правовых реалиях. Анализ вариантов вектора такого регулирования, предложенных в Европейском Союзе, Китае и некоторых других государствах [1; 2; 3; 4] позволяет отметить, что их основу составляет постулат исключить или минимизировать вред человеку, который может причинить искусственный интеллект в ходе такой интеграции и использования в праве.

В Китае в 2016 г. принята «Стратегия развития национальной информатизации», устанавливающая необходимость создания «умных судов» и повышения уровня информатизации в судопроизводстве [19]. И хотя Стратегия на тот момент не рассматривала этические аспекты создания «умных судов», предметом обсуждения было облегчение работы судейского корпуса и оптимизация его работы, вопрос этичности можно сказать повис в воздухе. В 2019 г. были разработаны Пекинские принципы искусственного интеллекта, которые были сосредоточены на проблеме развития искусственного интеллекта и его служение человечеству и природе, а также перспектив и рисков, связанных с использованием и появлением «глобального ИИ» (Artificial General Intelligence - AGI) и «суперинтеллекта» (Superintelligence) [15]. 25 сентября 2021 г. Национальный специальный комитет по искусственному интеллекту нового поколения опубликовал Кодекс этики для искусственного интеллекта нового поколения [5], чтобы гарантировать, что любое будущее развитие технологий искусственного интеллекта соответствует этическим и нормативным требованиям. В декабре 2022 года Китай рассмотрел этику использования искусственного интеллекта в судопроизводстве. В «Пояснение Верховного народного суда КНР по регулированию и усилению судебного применения искусственного интеллекта» от 9 декабря 2022 г. представлены этические принципы использования искусственного интеллекта при отправлении правосудия [9, С. 73].

В Российской Федерации вопрос об этике использования искусственного интеллекта также рассматривался и было предложено несколько решений. В 2021 г. в России, практически одновременно с КНР, был принят Кодекс этики искусственного интеллекта. В нем первостепенное значение придается контролю за ним.

С точки зрения философской этики этика искусственного интеллекта предстает как этика ответственности. Этика будущего в свете техногенных

достижений должна расширить свои границы в сторону коллективной ответственности человечества, причем ответственности не только за настоящее и прошлое, но и за будущее: «в моральной оценке последствий собственных поступков мы уже не можем руководствоваться только ответственностью перед современниками и руководствоваться деонтологией уважения к абстрактному нравственному закону, но должны принимать во внимание ответственность перед будущим человечеством прежде всех остальных принципов этики, устанавливая ее в качестве базы не только морального, но и политического, экологического, экономического мышления» [6, с. 168], а также и правового. В контексте ответственности особый смысл приобретает этическое прогнозирование, главная цель которого – предупреждение этических последствий развития науки и техники [13].

При формировании этических принципов использования искусственного интеллекта, полагаю, основу должно составлять правило – не причинение вреда как настоящему поколению, так и будущим поколениям людей, которое можно рассматривать в качестве базисного начала этики использования искусственного интеллекта, в том числе этики использования систем искусственного интеллекта в праве.

Направлением развития этических основ использования искусственного интеллекта вообще и в праве в том числе, является антропоцентричный вектор как общемировая тенденция регулирования данного вопроса, где уважение к человеку и человеческим ценностям, закону и другим важным составляющим человеческого взаимодействия и бытия составляют фундамент.

Модель взаимодействия искусственного интеллекта и права – это модель разумного ограничения, концепция которой была предложена еще Азиком Азимовым в своем рассказе «Хоровод» в 1942 г.

Она должна строиться на нравственных принципах и прагматических правовых предписаниях, учитывающих риски причинения вреда человеку, а также прогнозирующих возможность его предотвращения до того момента, когда он может быть причинен.

Список использованных источников:

1. Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2016/679 от 27 апреля 2016 г. о защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных /

General Data Protection Regulation /GDPR [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://base.garant.ru/71936226/#friends>

2. Европейская этическая хартия об использовании искусственного интеллекта в судебных системах и окружающих их реалиях: принята на 31-м пленарном заседании ЕКЭП (Страсбург, 3-4 декабря 2018 года) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <https://rm.coe.int/ru-ethical-charter-en-version-17-12-2018-mdl-06092019-2-/16809860f4>

3. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence // <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>

4. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence, UNESCO, https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000379920_rus.page=16

5. Кодекс этики для искусственного интеллекта нового поколения [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.most.gov.cn/kjbgz/202109/t20210926_177063.html

6. Авдеева И.А. Ответственность в эпоху техногенной цивилизации / И.А. Авдеева // Теоретическая и прикладная этика: Традиции и перспективы - 2019. К грядущему цифровому обществу. Опыт этического прогнозирования (100 лет со дня рождения Д. Белла - 1919-2019): XI международная конференция (Санкт-Петербург, 21-23 ноября 2019 г.): материалы конференции / Отв. ред. В. Ю. Перов. - СПб.: ООО «Сборка», 2019. - С.168-169.

7. Аликперов Х.Д. Электронная технология определения меры наказания («Электронные весы правосудия») / Предисл. докт. юрид. наук, проф. А.И. Коробеева. - СПб.: Издательство «Юридический центр», 2020. - 170 с.

8. Баранчикова М.В. Проблемы квалификации дорожно-транспортных преступлений, совершенных с участием беспилотных транспортных средств / М.В. Баранчикова // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 16-й Междунар. науч.-практ. конф., (Москва, 24-25 янв. 2019 г.) - Москва, 2019. - С. 8-13.

9. Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Сапкеев Д.В. Философско-правовые и этические аспекты организации «Умного суда»: китайский опыт / О.Б. Бальчиндоржиева, А.Н. Мяханова, Д.В. Сапкеев // Вестник Бурятского государственного университета. - 2023. - № 3. - С. 70-76.

10. Горшенков Г.Н. О «Весах Аликперова» / Г.Н. Горшенков // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2019. №1 (52). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-vesah-alikperova> (дата обращения: 12.04.2025).

11. Коробеев А.И. Вред, причиненный роботомобилем: уголовно-правовые проблемы / А.И. Коробеев, А.И. Чучаев // Уголовное право: стратегия развития в

XXI веке : материалы 16-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24-25 янв. 2019 г.) - Москва, 2019. - С. 63-70.

12. Лебедев С.Я., Джафарли В.Ф. Цифровое уголовное право: перспективы формирования и развития (часть 2) / С.Я. Лебедев, В.Ф. Джафарали // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoye-ugolovnoe-pravo-perspektivy-formirovaniya-i-razvitiya-chast-2> (дата обращения: 12.04.2025).

13. Назарова Ю.В. Этика искусственного интеллекта в современной России: актуальные проблемы и тенденции развития / Ю.В. Назарова // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2020. №2 (34). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-sovremennoy-russii-aktualnye-problemy-i-tendentsii-razvitiya> (дата обращения: 12.04.2025).

14. Правоприменение в современном мире: выступление в Саратовской государственной юридической академии летчика-космонавта Героя Российской Федерации член-корреспондента РАН д.ю.н., заведующего кафедрой компьютерного права и информационной безопасности Высшей школы (факультета) государственного аудита МГУ им. М.В. Ломоносова Ю.М. Батурина // Профессиональное обсуждение проблем уголовного права, криминологии, уголовной политики и юридического образования (Обсуждение, новости от Лопашенко): t.me/LopashenkoN

15. Скурко Е.В. Этика искусственного интеллекта в развитии правовых систем современности / Е.В. Скурко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 4, Государство и право: Реферативный журнал. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/etika-iskusstvennogo-intellekta-v-razvitiy-pravovykh-sistem-sovremennosti> (дата обращения: 07.12.2023).

16. Шваб К. Четвёртая промышленная революция / К. Шваб. - М., Эксмо, 2021. - 208 с.

17. Штаге Д. Автоматизированное вождение и спорные ситуации / Д. Штаге // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке : материалы 16-й Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 24-25 янв. 2019 г.) - Москва, 2019. - С. 3-8.

18. Diamandis P.H., Kotler S. The Future Is Faster Than You Think: How Converging Technologies Are Transforming Business, Industries, and Our Lives (Exponential Technology Series) Hardcover / P.H. Diamandis, S. Kotler. - New York: Simon&Schuster, 2020. - 326 p.

19. Yao J., Peng H. Research on the Application of Artificial Intelligence in Judicial Trial: Experience from China / J. Yao, H. Peng // Journal of Physics: Conference Series. 2020. № 1487. 012013 DOI:10.1088/1742-6596/1487/1/012013.

УДК 343.9

О БАЛАНСЕ МЕР СТИМУЛИРОВАНИЯ И ОГРАНИЧЕНИЯ ПРИ ОБЕСПЕЧЕНИИ АНТИКОРРУПЦИОННОЙ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

И. А. Дамм

Сибирский федеральный университет

Российской Федерации удалось в краткие по меркам исторического развития сроки сформировать правовые и организационные основы противодействия коррупции. Принятие в 2008 г. Федерального закона «О противодействии коррупции» придало импульс последующему активному развитию законодательства о противодействии коррупции, а также институционализации структур, обеспечивающих профилактику и борьбу с коррупцией. Построение государственной модели противодействия коррупции во многом опережало системные научные исследования. В свою очередь, практическое внедрение разнородных механизмов противодействия коррупции, сопровождающееся непрерывными изменениями, ввиду отсутствия научно обоснованной государственной концепции противодействия коррупции, привело к появлению внутрисистемных противоречий, препятствующих эффективному применению таких механизмов. В связи с этим в научной литературе, а также в рамках научно-практического дискурса все чаще звучат предложения о необходимости систематизации используемых в настоящий момент механизмов, а также поиска новых фундаментальных подходов к организации текущей антикоррупционной деятельности и ее стратегическому планированию [2; 10; 11; 15; 20; 21; 23].

Одна из основных проблем научного обеспечения антикоррупционной деятельности заключается в отсутствии единой концептуально-методологической основы, позволяющей в рамках одной руководящей идеи обобщить уже имеющиеся межотраслевые научные наработки и практические результаты. Широко используемое в последние годы «противодействие коррупции» в качестве такой идеи вряд ли может выступать, поскольку как с семантических позиций, так и сложившихся научно-практических подходов имеет объектом своего воздействия только коррупцию в многообразии ее проявлений. Содержание противодействия образуют, прежде всего, предупреждение и борьба с источником опасности – коррупцией. Соответственно, за рамками противодействия коррупции остается значимое

направление – защита системообразующих объектов от коррупционных угроз и опасностей.

Теоретической основой формирования новой межотраслевой концепции антикоррупционной деятельности может стать познание резервов предупреждения коррупции сквозь призму теории безопасности. Значимый вклад в исследование содержания антикоррупционной безопасности внес основатель красноярской криминологической школы профессор Н. В. Щедрин, который одним из первых предложил соответствующее авторское определение. Антикоррупционная безопасность, в трактовке Н. В. Щедрина, – это «состояние защищенности закрепленных в Конституции РФ системообразующих ценностей социума (объектов охраны) от опасностей, исходящих от противоправных деяний физических лиц и организаций, выполняющих публичные функции или оказывающих публичные услуги вопреки интересам государства и общества, для извлечения противоправной выгоды как для себя, так и для других лиц (источники опасности), а также от деяний всех других лиц и организаций, подкупающих лиц, имеющих публичный статус (источники опасности)» [1, с. 64].

Взаимосвязь криминологических аспектов предупреждения преступности и безопасности стала отправной точкой в обосновании теоретико-прикладных аспектов криминологической безопасности. По мнению М. М. Бабаева, «криминологическая безопасность как концепция – это не очередное новое слово, а новая парадигма уголовной политики» [3, с. 55]. В свою очередь, С. Я. Лебедев придает криминологической безопасности статус теории и полагает, что «актуальность и прогрессивность теории криминологической безопасности вызваны необходимостью формирования новой идеологии противодействия преступности, переориентации правоохранительной системы с поисков криминологических угроз (что, по нашему мнению, вторично) на реальное выполнение основной задачи – обеспечение безопасности людей от преступных посягательств» [14, с. 14].

Высокий уровень обобщения научного материала по рассматриваемой проблематике позволил таким ученым, как В. А. Плешаков [18, с. 14], М. П. Клейменов [12], С. Я. Лебедев [14, с. 14] и С. М. Шапиев [22, с. 202–203], сформулировать авторские определения понятия «криминологическая безопасность». Сущность же криминологической безопасности, по мнению В. А. Плешакова, заключается, «во-первых, в состоянии защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, во-вторых, в состоянии защищенности от угроз таких посягательств, порождаемых различного рода криминогенными факторами и, в-третьих, осознание людьми такой своей защищенности» [18, с. 14].

Одним из массовых и чрезвычайно негативных источников криминальной опасности выступает коррупция в преступных формах ее проявления, что создает предпосылки для познания антикоррупционной криминологической безопасности. В содержании антикоррупционной криминологической безопасности как научной категории объединяются, с одной стороны, выраженная смысловая направленность против источника повышенной опасности (коррупция в ее преступных формах), а с другой – безопасность (состояние защищенности). Первичное обобщение накопленных знаний позволяет предложить следующее рабочее определение. **Антикоррупционная криминологическая безопасность** – это состояние защищенности объектов уголовно-правовой охраны (объекты охраны) от коррупционных преступных посягательств (коррупционные угрозы) и коррупционной преступности в целом (источник опасности) [5, с. 739].

Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных знаний последовательно обретает системно-структурные характеристики. Полагаем, что система теории антикоррупционной криминологической безопасности включает в себя четыре основных элемента:

- феномен антикоррупционной криминологической безопасности;
- объекты антикоррупционной криминологической безопасности;
- коррупционные угрозы и источники опасности;
- обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности [7, с. 596].

Замыкающий элемент представленной системы раскрывает деятельностный аспект обеспечения состояния защищенности объектов антикоррупционной криминологической безопасности от коррупционных угроз и источников опасности. Обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности представляет собой систему комплексного воздействия на объекты антикоррупционной криминологической безопасности с целью их охраны и защиты, а также на коррупционные угрозы и источники опасности с целью противодействия им. Соответственно, обеспечение антикоррупционной криминологической безопасности объединяет в себе два основных направления:

- антикоррупционную охрану и защиту значимых объектов;
- противодействие коррупционной преступности [7, с. 598].

Меры обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности должны разрабатываться на основе комплексного подхода. Учитывать принципы и функции системы обеспечения данного вида безопасности, потребности текущего состояния системы, ее ретроспективные и

прогнозируемые показатели. Теоретико-прикладные ошибки в определении мер антикоррупционной криминологической безопасности не только снизят уровень защищенности объектов обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности от коррупционных криминальных угроз и опасностей, но также приведут к безосновательному использованию различного рода ресурсов.

Применительно к противодействию коррупции Н. В. Щедрин отмечал, что «эффективность противодействия коррупции напрямую зависит от “тылов”, то есть ресурсного обеспечения этого процесса: материального и финансового, нормативно-правового, организационного, научно-методического, информационно-аналитического и информационно-пропагандистского. Организуя противодействие коррупции, нужно всегда отдавать отчет в том, что: а) вся система и любой субъект управления действуют в условиях ограниченных ресурсов; б) особенно ресурсоемки являются ограничительно-репрессивные меры» [24, с. 282]. Как справедливо указывает В. А. Номоконов, «нуждается в критическом переосмыслении устоявшееся упование на всемогущество силовых вариантов решения социальных проблем, включая преступность» [16, с. 23]. Волонтаристские решения в обеспечении антикоррупционной безопасности, игнорирующие необходимость, а также реальные возможности ресурсного обеспечения заявленных мер, представляются крайне опасными, учитывая остроту восприятия коррупции и оценки эффективности деятельности государства по противодействию коррупции.

На данном этапе базовым ресурсным обеспечением обладает лишь такое направление противодействия, как борьба с коррупцией, осуществляемая преимущественно силами правоохранительных органов. В свою очередь, предупредительная деятельность, ввиду размытости своего содержания, значительно уступает борьбе с коррупцией по политическому, организационному, материально-финансовому и иному обеспечению. Такое положение представляется вполне закономерным в силу устоявшегося репрессивного вектора реагирования на преступность, в соответствии с которым деятельность правоохранительных органов ориентирована на избличение преступника, привлечение его к ответственности и обеспечение отбытия наказания в случае назначения такового [8, с. 80]. Последовательное повышение уровня выявляемости и привлечения к ответственности не всегда выступает надлежащим сдерживающим фактором, поскольку страх перед наказанием имеет предупредительный эффект, но универсальным профилактическим средством не является. Еще Энрико Ферри в работе «Уголовная социология» (1905 г.) отмечал, что «для защиты общества от преступности и для поднятия

морального уровня населения самый малый прогресс в области социальных предупредительных мер стоит в сто раз больше, чем обнародование целого уголовного кодекса» [19, с. 303].

В криминологической литературе вопрос о приоритете предупреждения перед репрессией не ставится под сомнение. В своих работах А. И. Долгова отмечала «примат предупредительной деятельности над правоохранительной, а в предупредительной деятельности – примат мер по оказанию помощи нуждающимся в ней над предусмотренными законом ограничениями, приоритет мер убеждения перед принуждением» [13, с. 437]. Этот тезис выступает фундаментальной теоретической основой антикоррупционной деятельности. Приоритетное применение мер по предупреждению отнесено к основным принципам противодействия коррупции (п. 6 ст. 3 Федерального закона «О противодействии коррупции»). Соответственно, как наука, так и законодательство признают приоритет профилактической работы. Однако антикоррупционная профилактика пока еще остается весьма противоречивым направлением антикоррупционной деятельности [8].

Н. В. Щедрин полагал, что законодательный принцип «приоритетного применения мер по предупреждению коррупции» требуется переформулировать. Должен быть принцип «приоритетного применения мер по стимулированию законного и бескорыстного служения интересам общества». В своей аргументации Н. В. Щедрин исходил из того, что противодействие коррупции – это разновидность социального управления, а следовательно, искомый результат может быть достигнут сочетанием двух процессов: стимулирования и ограничения, при этом ведущим в этом диалектическом единстве является первый. Кроме того, по мнению названного автора, необходимо включить в законодательный перечень «принцип соразмерности (пропорциональности) антикоррупционных ограничений публичному статусу должностных лиц», поскольку «в центр ограничительно-репрессивного воздействия следует поместить коррупцию высших должностных лиц. Чем выше статус должностного лица, тем более кратным в отношении него должно быть “увеличительное стекло” со стороны общества, которому он служит, тем более жесткие антикоррупционные правила безопасности он должен соблюдать, и тем более суровые санкции должны к нему применяться» [24, с. 283]. Как специалист в области правовой теории мер безопасности, Н. В. Щедрин, по сути, прогностически подводил к поиску баланса мер стимулирования и ограничения в применении мер безопасности.

Современная антикоррупционная деятельность ориентирована на предупреждение коррупции как источника опасности, но не на укрепление

защитных свойств объектов коррупционных посягательств. Вместе с тем в быту каждый сознательный гражданин использует допустимые меры самозащиты своих жизни, здоровья, имущества и прочих благ. Профилактика различного рода заболеваний, здоровый образ жизни, использование охранных систем и прочие средства самозащиты образуют своего рода «защитный щит», препятствуя причинению вреда охраняемым объектам. В этой связи познание природы и свойств объектов антикоррупционной криминологической безопасности, их уязвимостей, категоризация значимости, а также внутренних и внешних резервов антикоррупционной защиты и охраны образуют важнейшие задачи обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности [6]. Кроме того, заслуживает отдельного внимания проблема защиты таких объектов от рисков причинения вреда в результате применения избыточных или несбалансированных ограничительных мер [4].

Стимулирование выступает основным способом воздействия для обеспечения антикоррупционной защиты и охраны объектов антикоррупционной криминологической безопасности. В свою очередь, ограничение – основной метод противодействия коррупции и коррупционной преступности. При этом именно меры защиты и охраны способствуют сохранению целостности объектов антикоррупционной криминологической безопасности от причинения вреда в результате совершения коррупционных посягательств. Меры противодействия коррупции преимущественно отражают реакцию на готовящееся или уже совершенное коррупционное деяние, когда объектам охраны может быть или уже причинен реальный вред. Усиление ограничительного, репрессивного вектора непременно отразится на возможности прогрессивного развития объектов антикоррупционной криминологической охраны. В то же время, недостаточное обеспечение неотвратимости наказания за совершение коррупционных преступлений может привести к формированию у населения представлений о допустимости таких форм поведения.

Поиск баланса между стимулированием антикоррупционной устойчивости объектов антикоррупционной безопасности и ограничением проявлений коррупции в различных формах ее существования образует межотраслевую теоретико-прикладную задачу обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности. В обеспечении криминологической безопасности борьба с коррупцией не является главной целью или первостепенной задачей, поскольку коррупция сопровождает общество и государство на протяжении практически всей истории их существования [9], вплетаясь в культурные основания поведения человека и гражданина [17; 25].

Приоритетной задачей обеспечения антикоррупционной криминологической безопасности является не безоговорочная капитуляция коррупции, но снижение ее параметров до социально терпимого уровня при соразмерном и рациональном использовании ресурсов, во-первых, на противодействие ей в условиях сосуществования с иными источниками опасности (терроризм, экстремизм и другими), а во-вторых, на создание возможностей для устойчивого развития личности, общества и государства.

В обеспечении антикоррупционной криминологической безопасности целеполагающим выступает создание и поддержание социально приемлемого уровня защищенности объектов антикоррупционной криминологической безопасности от коррупционных криминальных угроз и опасностей, достаточного для устойчивого развития личности, общества и государства. Именно поэтому достижение баланса стимулирующих и ограничительных мер должно выступать одним из принципов в обеспечении антикоррупционной криминологической безопасности, ориентиром в разработке и реализации мер антикоррупционной защиты и охраны, а также противодействия коррупции.

Список использованных источников:

1. Антикоррупционные меры безопасности : монография / под ред. Н. В. Щедрина, И. А. Дамм. – М.: Проспект, 2021. 496 с.
2. Астанин, В. В. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты / В. В. Астанин. – М.: Юнити Дана, 2012. – 255 с.
3. Бабаев, М. М. Уголовная политика и криминологическая безопасность / М. М. Бабаев // Научный портал МВД России. – 2008. – № 3. – С. 53–58.
4. Гармаев, Ю. П. Основы концепции антикоррупционной безопасности сотрудников правоохранительных органов / Ю. П. Гармаев // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18, № 8. – С. 1497–1504.
5. Дамм, И. А. Антикоррупционная криминологическая безопасность как новое направление научных исследований / И. А. Дамм // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 734–743.
6. Дамм, И. А. Объект антикоррупционной криминологической безопасности: основные направления исследования / И. А. Дамм // Всероссийский криминологический журнал. – 2022. – Т. 16, № 5. – С. 555–565.
7. Дамм, И. А. Основные элементы системы теории антикоррупционной криминологической безопасности / И. А. Дамм // Всероссийский криминологический журнал. – 2024. – Т. 18, № 6. – С. 591–601.

8. Дамм, И. А. Профилактика коррупционных правонарушений как ключевое направление антикоррупционной деятельности / И. А. Дамм // Профилактика коррупционных правонарушений : сб. док. участ. учеб.-метод. сем. – М.: Генеральная прокуратура Российской Федерации, 2023. – С. 78–85.

9. Дробышевский, С. А. О коррупции как о социальном явлении / С. А. Дробышевский // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18, № 8. – С. 1524–1531.

10. Кабанов, П. А. Антикоррупционное процессуальное законодательство субъектов Российской Федерации: формирование и содержание / П. А. Кабанов // Актуальные проблемы экономики и права. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 300–333.

11. Клейменов М.П. Криминологическое законодательство и криминологическое право в России / М.П. Клейменов // Lex Russica. – 2018. – № 2. – С. 148–159.

12. Клейменов, М. П. Прогнозирование криминологической безопасности / М. П. Клейменов // Закономерности преступности, стратегия борьбы и закон : сб. науч. ст. / под ред. А. И. Долговой. – М.: Российская криминологическая ассоциация, 2001. – URL: <http://crimas.ru/?p=1388#kle>.

13. Криминология : учебник / под общ. ред. А. И. Долговой. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма : ИНФРА-М, 2022. – 1008 с.

14. Лебедев, С. Я. Криминологическая безопасность личности, общества, государства / С. Я. Лебедев // Правовая наука на рубеже XXI столетия : сб. науч. тр. – Омск: Омская академия МВД РФ, 2000. – С. 13–22.

15. Номоконов В. А. Антикоррупционная безопасность и ее синергетический потенциал / В. А. Номоконов, Т. М. Судакова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – Т. 18, № 8. – С. 1486–1496.

16. Номоконов, В. А. Конец войне с преступностью? / В. А. Номоконов // Уголовная политика и правоприменительная практика : сб. материалов Международ. науч.-практ. конф. / под общ. ред. Е. Н. Рахмановой. – СПб.: Астерион, 2022. – С. 19–27.

17. Основы противодействия коррупции в сфере образования : учебное пособие / под ред. И. А. Дамм. – Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2023. – 366 с.

18. Плешаков, В. А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / В. А. Плешаков. – М., 1998. – 323 с.

19. Ферри, Э. Уголовная социология / сост. и предисл. В. С. Овчинского. – М.: ИНФРА-М, 2023. – 658 с.

20. Хабриева, Т. Я. Противодействие коррупции в координатах фундаментального знания / Т. Я. Хабриева // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2023. – Т. 19, № 4. – С. 5–13.

21. Цирин А. М. Предупреждение коррупции: проблемы и перспективы / А. М. Цирин // Журнал российского права. – 2016. – № 12. – С. 106–115.

22. Шапиев, С. М. Преступность и общество (криминологическое теоретико-прикладное исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / С. М. Шапиев. – СПб., 2000. – 450 с.

23. Шевердяев, С. Н. Концептуальные пробелы в системе российского антикоррупционного законодательства / С. Н. Шевердяев // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2020. – № 1. – С. 121–132.

24. Щедрин, Н. В. О принципах противодействия коррупции / Н. В. Щедрин // Актуальные проблемы экономики и права. – 2013. – № 1. – С. 280–284.

25. Kopsteva, N. P. Cultural Grounds of Corruption in Russia / N. P. Kopsteva // Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences. – 2014. – Vol. 7, No. 11. – P. 1820–1836.

УДК 347*347.9*347.91/.95

К ВОПРОСУ О ПРАВАХ ГРУППЫ ЛИЦ: СООТВЕТСТВУЕТ ЛИ ПАРАДИГМЕ КОНТИНЕНТАЛЬНОГО ПРОЦЕССА?

Д. И. Данильчук

Сибирский федеральный университет

С вступлением в силу 1 октября 2019 года Федерального закона от 28 ноября 2018 года № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1] в цивилистическом процессе России окончательно закрепился институт защиты прав и законных интересов группы лиц.

Несмотря на позиционируемый законодателем диспозитивный характер норм, регулирующих процедурные особенности рассмотрения соответствующих дел, на протяжении последних лет они тенденциозно подвергаются критике со стороны научного сообщества.

При этом одной из наиболее спорных тем для обсуждения является регламентация прав членов группы лиц, в свете чего, а также с учетом того, что исторически сформировавшиеся, в том числе с нравственной точки зрения,

идеалы и методологии процесса определяют настоящее и будущее развития механизма судебной защиты, допустимо задаться вопросом о том, насколько нормы действующего процессуального законодательства России в указанной части соответствуют традиционной парадигме континентального процесса?

Забегая вперед, отметим, что для нас основание критических воззрений является очевидным: попытка рецепции генетически чужеродной отечественному цивилистическому процессу модели классового иска (class action) США не могла увенчаться успехом.

Тем не менее, обращаясь к ретроспективному аспекту исследуемой темы, необходимо подчеркнуть, что для стран континентального права традиционным является такой институт множественности сторон в деле, как процессуальное соучастие.

Данный институт берет свое начало в цивилистическом процессе Германии и Франции, характеризуясь по сей день тем, что соучастники в деле выступают в качестве самостоятельных субъектов процесса, наделенных всей полнотой процессуальных прав, при том, что любое их процессуальное действие должно оцениваться отдельно для каждого правоотношения, с той лишь разницей, что для цивилистического процесса Германии видение процессуального соучастия находится в плоскости материальных правоотношений, возникших до судебного разбирательства, призванного лишь реализовать их защиту, когда как во Франции процессуальное соучастие основано на допущении такового именно нормами процессуального характера.

Тенденция восприятия законодательством данных стран института группового производства исторически не носила системный характер, однако на примере Германии, последовательно вводившей его в гражданский процесс, принятием в 2005 году Закона о модельном процессе [2], в 2018 году Закона о введении гражданского типового декларативного производства [3], можно убедиться в приверженности местного законодателя сложившимся процессуальным традициям.

В частности, ведущий модельный истец непосредственно участвует в процессе, представляя интересы членов группы лиц, которые вступают в дело в качестве третьих лиц на стороне истца, но при этом наделены правом совершения всех процессуальных действий до тех пор, пока таковые не начинают противоречить действиям ведущего модельного истца.

Приведенное позволяет сделать вывод о полноте процессуальных прав и возможностей их реализации всеми членами группы лиц, что в контексте автономии воли иллюстрирует соответствие диспозитивному подходу, присущему континентальному процессу.

Применительно же к нормам действующего процессуального законодательства России, регулирующим защиту прав и законных интересов групп лиц, во-первых, мы презюмируем то, что современная российская модель группового производства может быть квалифицирована, как частный случай обязательного или факультативного соучастия, обремененного дополнительными процедурными элементами в виде судебной сертификации [4, с. 82-88].

Во-вторых, положениями статей 244.23 ГПК РФ [5], 225.10-2 АПК РФ [6] лицам, присоединившимся к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц, предоставлен усеченный спектр процессуальных прав: знакомиться с материалами дела, делать выписки из них, снимать копии; ходатайствовать о замене лица, которое ведет дело в интересах группы лиц; присутствовать в судебном заседании, в том числе если оно объявлено закрытым; отказать от поданного им заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц; вступить в дело в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований относительно предмета спора, в случае несогласия с предъявленным требованием.

Иные процессуальные права принадлежат лицу, которое ведет дело в интересах группы лиц, что следует из содержания статей 244.22 ГПК РФ и 225.10-1 АПК РФ, фактически декларирующих то, что такое лицо, пользуясь всеми процессуальными правами истца, обладает также всей полнотой распорядительных прав, реализуя их самостоятельно и на собственное усмотрение.

Обосновано это может быть еще и тем, что лицо, которое ведет дело в интересах группы лиц, по общему правилу, является непосредственным субъектом спора, а значит, имеет не только процессуально-правовой, но и материально-правовой интерес в исходе дела, ввиду чего, а также с точки зрения буквы закона, реализация процессуальных прав принадлежит данному лицу при отсутствии необходимости получения согласия иных членов группы лиц, отождествляя их волю с волей истца-представителя.

Более того, если обратиться к части 7 статьи 225.16 АПК РФ, на основании которой арбитражный суд прекращает производство по делу, если установит, что имеется принятое по требованию о защите прав и законных интересов группы лиц и вступившее в законную силу решение арбитражного суда и исковое заявление, заявление поданные лицом, отказавшимся от заявления о присоединении к требованию о защите прав и законных интересов группы лиц либо не воспользовавшимся правом присоединиться к данному требованию или вступить самостоятельно в дело на стороне истца или в качестве третьего лица,

заявляющего самостоятельные требования относительно предмета спора, к тому же ответчику и о том же предмете, за исключением случаев, если арбитражный суд признает причины обращения указанного лица с самостоятельными иском заявлением, заявлением уважительными [6], – то не вызывающим сомнений для нас становится вывод о наличии законодательно установленного ограничения возможности реализации права на судебную защиту для лиц, чьи процессуальные действия подпадают под критерии, указанные в данной статье АПК РФ.

Из изложенного следует, что члены группы лиц, в сути своей являющиеся соучастниками, фактически лишены автономии в реализации и распоряжении своими процессуальными правами при рассмотрении дел о защите прав и законных интересов группы лиц, что в свою очередь позволяет говорить о несоответствии такого подхода законодателя парадигме континентального процесса, существованию прямого противоречия с ней.

Таким образом, полагаем необходимым заключить, что сама по себе адаптация континентальной процессуальной традиции к вызовам нарушения прав многочисленных групп лиц допустима, однако осуществление ее посредством внедрения выработанных в иной национальной модели методов и средств судебной защиты ведет к дискредитации значения волеизъявления членов группы лиц, возможности реализации ими процессуальных, в том числе распорядительных прав – в первую очередь самого права на обращение в суд за защитой, парализуя тем самым какие-либо гарантии, связанные с достижением цели осуществления правосудия, что также не может коррелировать с нравственными ориентирами цивилистического процесса в целом. Восприятие же исторически и концептуально инородных институтов в угоду разрешения сиюминутных потребностей нам представляется путем, ведущим не к эволюции, а к деформации традиции континентального процесса.

Список использованных источников:

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 28 ноября 2018 № 451-ФЗ // Собрание Законодательства Российской Федерации. – 2018. № 49. Ст. 7523.
2. Gesetz über Musterverfahren in kapitalmarktrechtlichen Streitigkeiten. – Bundesgesetzblatt (I S. 2437, 16.08.2005), Köln, 2005.
3. Gesetz zur Einführung einer zivilprozessualen Musterfeststellungsklage. – Bundesgesetzblatt (I S. 1151, 17.07.2018), Köln, 2018.

4. Данильчук Д.И. Защита коллективных интересов в цивилистическом процессе: законодательные концепты // Енисейские политико-правовые чтения: сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции (20-21 сентября 2024 г.). – 2024. С. 82-88.

5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.

6. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: ФЗ от 24 июля 2002 № 95-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3012.

УДК 347.961.411

НРАВСТВЕННЫЕ НАЧАЛА В СИСТЕМЕ ИСТОЧНИКОВ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ НОТАРИАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. А. Двигун

Сибирский федеральный университет

Как известно, важной особенностью романо-германской системы права, отличающей ее от англосаксонской правовой системы, является высокий уровень развития нравственно-этических начал, охватывающей как саму систему правового регулирования, так и юрисдикционную правоприменительную деятельность.

Деятельность нотариусов в Российской Федерации, которые на профессиональной основе обеспечивают защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц, является особой юридической деятельностью; она осуществляется от имени государства, что гарантирует доказательственную силу и публичное признание нотариально оформленных документов и предопределяет специальный публично - правовой статус нотариусов [1], в связи с чем правовое регулирование нравственных начал данной деятельности имеет важное практическое значение.

К числу важнейших источников правового регулирования нравственных начал нотариальной деятельности, относится Конституция Российской Федерации, которая в том числе закрепляет гарантии гражданам России на государственную защиту прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, на получение квалифицированной юридической помощи, а также на создание условий для взаимного доверия государства и общества (статьи 45, 48, 75.1) [2].

Развитие данных конституционных положений нашло свое отражение в статьях 1 и 5 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате, согласно которым нотариат в Российской Федерации призван обеспечивать в соответствии с Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц путем совершения нотариусами предусмотренных законодательными актами нотариальных действий от имени Российской Федерации; нотариус беспристрастен и независим в своей деятельности и руководствуется Конституцией Российской Федерации, конституциями (уставами) субъектов Российской Федерации, настоящими Основами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, принятыми в пределах их компетенции, а также международными договорами [3].

В соответствии со ст. 16 Основ, нотариус выполняет свои обязанности в соответствии с настоящими Основами, законодательством субъектов Российской Федерации и присягой. Профессиональные нравственные ориентиры нотариата в Российской Федерации изначально нашли свое отражение, в первую очередь, в тексте присяги, приносящей нотариусом, впервые назначенном на должность, согласно которой нотариус обязан исполнять обязанности в соответствии с законом и совестью, в своем поведении руководствоваться принципами гуманности и уважения к человеку.

При этом, в ст. 6.1 Основ указано, что Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации устанавливает требования к профессиональной этике нотариуса и лица, его замещающего.

В связи с чем, особое место в системе источников правового регулирования нравственных начал нотариальной деятельности занимает Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации [4], который является корпоративным нормативным ориентиром, направленным на неукоснительное соблюдение нравственных и этических норм профессиональной деятельности нотариусами.

Именно Кодекс профессиональной этики нотариусов играет ключевую роль в формировании нравственных и этических норм профессиональной деятельности нотариусов в Российской Федерации, направленных, в том числе на формирование взаимного доверия государства и общества.

В преамбуле Кодекса профессиональной этики нотариусов указано, что именно в целях повышения доверия государства и общества к профессиональной деятельности нотариуса, настоящим Кодексом устанавливаются нормы профессионального поведения, основанные на

положениях законодательства Российской Федерации, международных стандартах латинского нотариата, обязательность соблюдения которых определяется статусом нотариуса.

Нравственными ориентирами, пронизывающими всю нотариальную деятельность, начиная с требований, предъявляемым к лицам, претендующих на должность нотариуса, нотариусам и в целом к правилам организации нотариальной деятельности, к нотариальному производству (порядку совершения нотариальных действий), являются принципы профессиональной этики (принципы и заповеди нотариата): уважай свое Министерство; исполняй свой служебный долг надлежащим образом; совершай нотариальное действие, если ты уверен, что действуешь в рамках закона, разрешай сомнения до совершения действия, воздерживайся от действия при сомнении в его законности и правильности; воздавай должное Правде; действуй осмотрительно; изучай материалы с пристрастием и повышенной тщательностью; советуйся с Честью; руководствуйся Справедливостью; ограничивайся Законом; работай с Достоинством; помни, что целью твоей профессиональной деятельности является предупреждение гражданско-правовых споров, исполняй обязанности нотариуса в соответствии с законом и совестью; сохраняй профессиональную тайну; руководствуйся гуманностью и уважением к человеку.

Указанные принципы и заповеди находят свое проявление и реализацию нотариусами в нотариальном производстве как совокупности действий, направленных на совершение конкретных нотариальных актов. Особенность нотариального производства связана с постоянным, ежедневным и непосредственным общением с людьми, в ходе которого нотариус обязан руководствоваться указанными принципами и заповедями, а также правилами профессиональной этики. При этом, под профессиональной этикой нотариуса Кодексом понимается система норм, устанавливающая единые стандарты профессионального поведения нотариуса.

Кодекс, помимо принципов профессиональной этики нотариусов (принципов и заповедей нотариата), отдельно выделяет требования, предъявляемые к профессиональному поведению нотариуса, среди которых такие обязанности нотариусов, как: сохранять тайну совершения нотариального действия; избегать публичного проявления вредных привычек и поведения, которые могут оскорблять человеческое достоинство, в том числе исполнять профессиональные обязанности в состоянии алкогольного или иного токсического опьянения, под воздействием психотропных препаратов; проявлять терпение, вежливость и тактичность, соблюдать общепризнанные

нормы поведения и внешнего вида при осуществлении профессиональной деятельности; способствовать полноценной реализации прав и законных интересов граждан, относящихся к социально незащищенным категориям населения, в том числе посредством совершения нотариальных действий вне помещения нотариальной конторы в порядке, установленном нотариальной палатой; воздерживаться от совершения действий, которые могут нанести ущерб профессиональной деятельности нотариуса или подорвать доверие и ее престиж в обществе; обеспечивать соблюдение норм профессионального поведения, установленных Кодексом, лицами, замещающими нотариуса - являются безусловными нравственными ориентирами нотариальной деятельности, имеющими свое правовое регулирование.

На современном этапе развития нотариата в Российской Федерации, особое значение приобретают такие источники правового регулирования нравственных начал нотариальной деятельности, как Указ Президента Российской Федерации об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [5].

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Российская Федерация рассматривает свои базовые, формировавшиеся на протяжении столетий отечественной истории духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, нормы морали и нравственности в качестве основы российского общества, которая позволяет сохранять и укреплять суверенитет Российской Федерации, строить будущее и достигать новых высот в развитии общества и личности.

В систему традиционных ценностей, подлежащих обязательной защите, включены: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Указанные нравственные ориентиры лежат и в основе профессиональной деятельности нотариусов. Неукоснительное соблюдение и реализация нравственно-этических норм нотариальным сообществом, формируют не только представление людей, общества о нотариате в Российской Федерации в целом, и о каждом нотариусе в отдельности, как о профессиональном сообществе, но и создают условия для взаимного доверия государства и общества, формируют высокие нравственные идеалы в обществе, а сама процедура нотариального

производства отражает активную роль нотариуса в законодательно определенной цели - защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц.

Исходя из этого, можно смело утверждать, что нравственные начала нотариальной деятельности нашли свое отражение в таких источниках правового регулирования как Указы Президента Российской Федерации об основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей и о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации.

На заседании круглого стола, организованного Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации 4 апреля 2024 г., посвященного практическим вопросам правового регулирования нотариальной деятельности, подчеркивалась необходимость усовершенствования системы оказания нотариальных услуг как одного из важнейших условий обеспечения защиты прав и законных интересов граждан и юридических лиц, поскольку нотариат является не просто институтом гражданского общества, но и публичным правовым правозащитным и правоприменительным институтом, который действует от имени государства [6].

Правовое регулирование нравственных начал нотариальной деятельности направлено, в первую очередь, на обеспечение взаимного доверия государства и общества, которое невозможно без практической, полной и гарантированной реализации нотариальным сообществом закрепленных принципов профессиональной этики нотариусов (принципов и заповедей нотариата), а также требований, предъявляемых к профессиональному поведению нотариусов при осуществлении нотариальной деятельности, что предопределяет публично-правовой статус нотариусов и ту государственную задачу, которая возложена на нотариат в Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 № 18-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 1, 2, 4 и 6 Федерального закона от 4 января 1999 года "О тарифах страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1999 год" и статьи 1 Федерального закона от 30 марта 1999 года "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О тарифах страховых взносов в Пенсионный

фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Государственный фонд занятости населения Российской Федерации и в фонды обязательного медицинского страхования на 1998 год" в связи с жалобами граждан, общественных организаций инвалидов и запросами судов" // СЗ РФ. – 2000. - N 3. - Ст. 353; Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1998 N 15-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 2, 12, 17, 24 и 34 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате" // Российская газета. – 1998. – 28 мая.

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 года (ред. от 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

3. Основы законодательства Российской Федерации о нотариате: утв. ВС РФ 11 февраля 1993 г. N 4462-1 (с послед. изм.) // Ведомости СНД и ВС РФ. - 1993. - № 10. - Ст. 357

4. Кодекс профессиональной этики нотариусов в Российской Федерации : утв. Минюстом России 12.08.2019, 19.01.2016 (ред. от 23.04.2019). – Документ опубликован не был. – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 30.01.2024). – Режим доступа: КонсультантПлюс : [справ.-правовая система], свобод. из локал. сети Сиб. федер. ун-та.

5. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400 "Об утверждении Стратегии национальной безопасности Российской Федерации" // СЗ РФ. - 2021. - № 27. - Ст. 5351. Указ Президента РФ от 09.11.2022 N 809 "Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей" // СЗ РФ. - 2022. - № 46. - Ст. 7977.

УДК 343.6

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ СТ. 124 УК РФ, ПРЕДУСМАТРИВАЮЩЕЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НЕОКАЗАНИЕ ПОМОЩИ БОЛЬНОМУ

Т. В. Долголенко

Сибирский федеральный университет

Проблемы понимания признаков состава преступления не оказания помощи больному (ст. 124 УК РФ) давняя и существует ещё со времени появления аналогичной статьи в УК РСФСР 1960 г. [1]. Их объединяет не только название статьи, но и бланкетная диспозиция, из которой следует, что субъектом

является лицо, обязанное оказывать помощь в соответствии с законом или со специальным правилом. Справедливости ради следует отметить, что уголовная ответственность за неоказание помощи больному является традиционной для нашего законодательства с дореволюционных времен. Уже в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (в ред. 1885г.) в ст. 1522 предусматривалась подобная ответственность. Но, в отличии от действующего законодательства, с указанием конкретных субъектов данного преступления: практикующие врачи, акушеры, повивальные бабки [2]. Эту же позицию по субъекту преступления заняли и законодатели при Советской власти с некоторыми поправками. В УК 1922 г. в качестве субъекта был назван врач [3]. В УК 1926 г. субъектом неоказания помощи больному называется лицо, занимающееся врачебной практикой [4]. Следует вывод о том, что с принятия УК 1960 г. произошло расширение субъектного состава данного преступления. Бланкетный характер нормы указывает на то, что должна быть выявлена конкретная юридическая обязанность по оказанию помощи больному. Если такой обязанности нет в законе или в специальных правилах, то лицо не могло ранее отвечать по ст. 128 УК РСФСР и не может нести ответственность по действующему законодательству по ст. 124 УК РФ. При этом следует отметить, что законы, на основании которых можно делать вывод о субъектах неоказания помощи больному во время действия УК 1960 г. и действия УК 1996 г. изменились и возлагают ответственность на субъектов неодинаково. Так, например, в соответствии со ст. 33 Основ законодательства Союза ССР и союзных республик (1970) и ст. 49 Закона РСФСР «О здравоохранении» (1971) медицинские и фармацевтические работники обязаны оказывать первую неотложную помощь гражданам в дороге, на улицах, в иных общественных местах и на дому. В ст. 48 этого закона прямо указывалось на ответственность по ст. 128 УК РСФСР за неисполнение обязанности. В УК РФ 1996 г. ст. 124 «Неоказание помощи больному» представлена в следующей редакции: « 1. Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным её оказывать в соответствии с законом или со специальным правилом, если это повлекло по неосторожности причинение средней тяжести вреда здоровью больного, - наказывается штрафом в размере до сорока тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до трёх месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до четырех месяцев. 2. То же деяние, если оно повлекло по неосторожности смерть больного либо причинение тяжкого вреда его здоровью, - наказывается принудительными работами на срок до четырех лет с лишением права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового либо лишением свободы на срок до четырех лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет или без такового [5].

В соответствии с частью 6 (часть 6 введена Федеральным законом от 08.08.2024 N 290-ФЗ) ст. 32 действующего федерального закона № 323 от 27 ноября 2011 г. «Об основах охраны здоровья граждан Российской Федерации»: «Медицинская помощь оказывается медицинскими работниками в соответствии с порядками оказания медицинской помощи, положениями об организации оказания медицинской помощи. В оказании медицинской помощи могут участвовать иные работники медицинской организации, если возможность их участия в оказании медицинской помощи предусмотрена трудовыми (должностными) обязанностями и указанными порядками оказания медицинской помощи, положениями об организации оказания медицинской помощи. Уточним то, что в соответствии со ст. 37 данного закона медицинская помощь должна оказываться в соответствии с ее составляющими порядками, стандартами и клиническими рекомендациями, имеющими юридическое значение. Отступление от стандартов и клинических рекомендаций возможно, но лишь по решению врачебной комиссии (ч. 15 ст. 37 Федерального закона N 323-ФЗ). Обратим внимание на субъекта медицинской помощи. В соответствии с п. 13 ст. 2 этого закона: «медицинский работник - физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации по должности, включенной в номенклатуру должностей медицинских работников и фармацевтических работников, и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность» (в ред. Федерального закона от 08.08.2024 N 290-ФЗ) [6]. Обратим внимание на то, что закон различает понятия медицинского и фармацевтического работников, и, говоря об оказании медицинской помощи, называет в качестве субъектов лишь медицинских работников. Можно сделать вывод о том, что деятельность медицинских работников по оказанию помощи больным становится все более конкретизированной и урегулированной, об этом свидетельствуют и изменения, внесенные в анализируемый закон в 2024 г., а также в многочисленные стандарты и порядки оказания помощи. Как следует из ст.73 ФЗ-323 медицинские работники обязаны оказывать медицинскую помощь в соответствии со своей квалификацией, должностными инструкциями, служебными и должностными обязанностями.

Вопрос об уголовной ответственности медицинских работников может возникнуть при невыполнении медицинским работником его профессиональных, трудовых обязанностей и при отсутствии уважительной причины и при наличии, как минимум, средней тяжести вреда здоровью. Не случайно в анализируемом законе не даётся определение больного, о котором говорится в ст. 124 УК РФ. Термин «больной», используемый в статье 124 УК РФ, по замыслу законодателя объединяет широкий круг лиц, нуждающихся в медицинской помощи, как ставшие пациентами, так еще и не получившими такого статуса. Медицинские работники имеют отношение с пациентами, под которыми понимаются в соответствии с п. 9 ст. 2 ФЗ № 323 2011 г. - физические лица, которым оказывается медицинская помощь или которые обратились за оказанием медицинской помощи, независимо от наличия у них заболевания и от их состояния. В ст. 32-36 ФЗ -323 называются и раскрываются понятия видов медицинской помощи, к которым относятся: 1) первичная медико-санитарная помощь; 2) специализированная, в том числе высокотехнологичная, медицинская помощь; 3) скорая, в том числе скорая специализированная, медицинская помощь; 4) паллиативная медицинская помощь. Называются формы оказания медицинской помощи: 1) экстренная - медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний, представляющих угрозу жизни пациента; 2) неотложная - медицинская помощь, оказываемая при внезапных острых заболеваниях, состояниях, обострении хронических заболеваний без явных признаков угрозы жизни пациента; 3) плановая - медицинская помощь, которая оказывается при проведении профилактических мероприятий, при заболеваниях и состояниях, не сопровождающихся угрозой жизни пациента, не требующих экстренной и неотложной медицинской помощи, и отсрочка оказания которой на определенное время не повлечет за собой ухудшение состояния пациента, угрозу его жизни и здоровью. Представляется, что ответственность по ст. 124 УК РФ возможна при любом из этих видов и форм медицинской деятельности при наличии всех иных признаков состава этого преступления. Как следует из закона, первая помощь может быть оказана как профессиональными, так и не профессиональными субъектами. Субъектами не оказания помощи больному, помимо медицинских работников, могут быть и иные лица, на которых как следует из диспозиции. возложена эта обязанность в соответствии с законом или специальным правилом.

В ст. 31 ФЗ № 323 регламентировано оказание первой помощи. Первая помощь - комплекс мероприятий, направленных на сохранение и поддержание жизни и здоровья пострадавших и проводимых при несчастных случаях,

травмах, ранениях, поражениях, отравлениях, других состояниях и заболеваниях, угрожающих жизни и здоровью пострадавших, до оказания медицинской помощи. Первая помощь оказывается лицами, обязанными оказывать первую помощь в соответствии с федеральными законами или иными нормативными правовыми актами, в том числе сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации, сотрудниками, военнослужащими и работниками Государственной противопожарной службы, спасателями аварийно-спасательных формирований и аварийно-спасательных служб, а также самими пострадавшими (самопомощь) или находящимися вблизи лицами (взаимопомощь), в случаях, предусмотренных федеральными законами (часть 1 в ред. Федерального закона от 14.04.2023 N 135-ФЗ).

Применительно к каждой категории лиц, указанных в данном законе, возникают вопросы по особенностям оказания первой помощи и соответственно ответственности этих лиц по ст. 124 УК РФ, по ст. 109, 118, 125 УК РФ.

В качестве пробела в юридической литературе называют и отсутствие на законодательном уровне перечня уважительных причин, исключающих ответственность по ст. 124 УК РФ. Применительно к действующему закону можно сделать вывод о том, что, если же будет установлено наличие достаточного основания для несовершения указанных действий по оказанию помощи в каждом конкретном случае, уголовная ответственность исключается. О понятии уважительной причины можно судить, обратившись к следующему подзаконному акту. С 1 сентября 2024 г. вступил в силу приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 мая 2024 г. № 220н «Об утверждении Порядка оказания первой помощи», в котором определяется Порядок оказания первой помощи, состоящий из 10 пунктов, имеющих принципиальное значение для решения вопроса наличия уважительной причины при неоказании помощи. А также в нем содержится перечень мероприятий по оказанию первой помощи и последовательность их проведения, а также перечень состояний, при которых оказывается первая помощь [7]. Обращаем внимание на порядок оказания первой помощи: во-первых, на то, что первая помощь оказывается при условии отсутствия угрожающих факторов жизни и здоровью оказывающего ее лица; во-вторых, оказание первой помощи возможно лишь до начала отказа гражданина или его законного представителя от оказания первой помощи; в третьих, решая вопрос о первоочередности оказания первой помощи двум и более пострадавшим, следует исходить из тяжести их состояния, при этом приоритет должен отдаваться несовершеннолетним. В теории и на практике вызывает разногласие вопрос понимания такого важного признака объективной стороны данного

состава преступления, как деяние. Характеризуется ли оно частичным действием или же чистым бездействием. Немногочисленная судебная практика склоняется в сторону чистого бездействия. И данная позиция представляется единственно правильной. Приговоры, связанные с переквалификацией деяний со ст. 124 на ст. 118,109 УК РФ об этом свидетельствуют. Как указывается во многих приговорах: объективную сторону неоказания помощи больному образует только бездействие. Данное утверждение базируется на буквальном толковании диспозиции нормы, предусмотренной ст.124 УК РФ. Лишь полное отсутствие помощи больному охватывается понятием её «неоказания». Так Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан, 28 июля 2023 года, исследовав имеющиеся доказательства, находит, что в судебном заседании вина подсудимого ФИО 2 в причинении тяжкого вреда здоровью по неосторожности, совершенного вследствие ненадлежащего исполнения лицом своих профессиональных обязанностей, подтверждается последовательными показаниями представителя потерпевшего, данными им в ходе судебного следствия, оглашенными показаниями свидетелей, экспертов, заключениями экспертов, результатами следственных действий и другими материалами дела. На основании заключения комиссионной судебно-медицинской экспертизы, подробно описаны дефекты оказания медицинской помощи, что позволило суду, с учетом вины и других доказательств, сделать вывод о совершении преступления, предусмотренного ч.2 ст.118 УК РФ [8]. Но есть и другие примеры, свидетельствующие об оказании медицинской помощи не в полном объеме, когда деяние первоначально квалифицировалось по ст. 124 УК РФ. Проблемным вопросом является установление причинной связи по данной категории дел. Здесь действуют общие принципы ее установления. При этом не имеет значения является она прямой или косвенной. Судебно-медицинская экспертиза должна содержать ответ на вопрос о том, наступило ли данное последствие, если бы надлежащая помощь была бы оказана больному.

Для повышения эффективности закона давно назрела необходимость прояснить эти вопросы на уровне соответствующего постановления Пленума Верховного Суда РФ, также как и вопрос правильного понимания субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ. Вопрос о субъективной стороне неоказания помощи больному имеет свою предысторию. В УК 1960 г. уголовная ответственность предусматривалась в ч. 1 ст. 128 за неоказание помощи больному, независимо от наступивших последствий. В ч. 2 ст. 128 предусматривалась ответственность за неоказание помощи, если оно повлекло или заведомо могло повлечь смерть больного или иные тяжкие для него последствия. Такая конструкция состава преступления свидетельствовала о

наличии двойной формы вины. Хотя следует отметить, что этот вопрос носил дискуссионный характер, поскольку в УК РСФСР были предусмотрены лишь две формы вины: умысел и неосторожность, и не говорилось о такой конструкции, как двойная форма вины. Однако ее наличие признавалось в теории и на практике. Действующее законодательство предусматривает ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины. В силу положений ст. 27 УК РФ, если в результате совершения умышленного преступления причиняются тяжкие последствия, которые по закону влекут более строгое наказание и которые не охватывались умыслом лица, уголовная ответственность за такие последствия наступает только в случае, если лицо предвидело возможность их наступления, но без достаточных к тому оснований самонадеянно рассчитывало на их предотвращение, или в случае, если лицо не предвидело, но должно было и могло предвидеть возможность наступления этих последствий. В целом такое преступление признается совершенным умышленно. Такие признаки двойной формы вины в действующем законодательстве исключают возможность характеристики субъективной стороны преступления не оказания помощи больному в редакции ст. 124 УК РФ такой формой вины. В отличие от ст. 128 УК РСФСР, в ст. 124 УК РФ не содержится формального состава преступления. В ч. 1, и в ч. 2 ст. 124 УК РФ предусмотрены лишь материальные составы преступлений, в которых указана одна единственная форма вины – неосторожная. Тем не менее, в судебной практике встречается указание на двойную форму вины при анализе признаков состава преступления, предусмотренного ст. 124 УК РФ, что является недопустимым и противоречащим действующему законодательству. Обратимся к недавней судебной практике. Как следует из Постановления Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 N 77-1259/2023 (УИД 03RS0017-01-2019-008788-64), к приговору по ч. 2 ст. 124 УК РФ (неоказание помощи больному): «Доводы кассационной жалобы об оказании врачом Х. неквалифицированной врачебной помощи, что повлекло летальный исход, являются несостоятельными, поскольку по смыслу закона ненадлежащее оказание помощи больному медицинским работником при отсутствии умысла (ввиду неправильной оценки состояния здоровья, ошибки в диагнозе и т.д.), не может служить основанием для привлечения к ответственности по ст. 124 УК РФ». И далее: «Ссылаясь на то, что субъективная сторона ч. 2 ст. 124 УК РФ характеризуется двойной формой вины, вина в форме прямого умысла по факту неоказания помощи больному и в форме легкомыслия или небрежности к причинению смерти человека, судом правильно указано об отсутствии в материалах дела доказательств наличия у Х. прямого умысла, направленного на неоказание помощи» [9]. Данная позиция уже подвергалась критике и ранее в

научных публикациях [10]. Имеющееся в научной литературе предложение об установлении уголовной ответственности за неоказание медицинской помощи больному в отдельном составе преступления представляется в настоящее время вполне обоснованным, но с некоторыми уточнениями. Думается, что речь должна идти не о больном, а о пациенте, и объективная сторона преступления должна содержать указание лишь на неоказание медицинской помощи, а не по аналогии со ст. 293 УК РФ, где говорится и о ненадлежащем исполнении, как считают А. Нагорный и В.В. Дольников [11]. Для ответственности за ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей существует ответственность по ст. 118, 109 УК РФ. Здесь заметим, что следует различать профессиональные обязанности и должностные функции медицинских работников. За ненадлежащее выполнение профессиональных обязанностей медицинские работники отвечают по ст. 118 или ст. 109 в зависимости от последствий или по ст. 124 УК РФ за неисполнение своих обязанностей (за бездействие). За неисполнение или ненадлежащее исполнение своих должностных обязанностей они отвечают по ст. 293 УК РФ. Понятие должностного лица содержится в законе, имеется соответствующее постановление высшего судебного органа, и оно достаточно разработано в уголовном праве. Кроме того, отличия проводятся и по объектам данных преступлений, находящимся в различных разделах, главах уголовного кодекса и соответственно, имеющие отличия в непосредственных объектах преступлений. Если врач не выполняет своих профессиональных обязанностей и не выполняет должностных обязанностей, нет препятствий для привлечения его по двум статьям, например, ст. 124 и ст. 293 УК РФ, при наличии всех других признаков составов этих преступлений.

Актуальным является вопрос о состоянии крайней необходимости, исключающей ответственность даже при причинении вреда, если он не был равным или не превысил вред, предотвращенный при условии невозможности устранения опасности иными средствами, кроме как связанными с причинением вреда. Возникает вопрос относительно уголовной ответственности за превышение пределов крайней необходимости в случаях оказания первой помощи. Как справедливо отмечается в научных источниках, давно назрела необходимость разъяснить для правоприменителей данный вопрос в соответствующем постановлении пленума Верховного Суда РФ [12]. Правовая особенность первой помощи, а также отличия по субъекту её оказания, поскольку она может быть оказана профессиональными и непрофессиональными субъектами, позволяет говорить о необходимости

выделения для медицинских работников специальной нормы за неоказание медицинской помощи пациенту в УК РФ.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс РСФСР: закон РСФСР от 27 октября 1960 г. «Об утверждении Уголовного кодекса РСФСР»: редакция от 30 июля 1996 года // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

2. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / под редакцией Н. С. Таганцева. – 17-е изд., пересмотр. и доп. – Санкт-Петербург: Типография М. М. Стасюлевича, 1885. – 569 с.

3. О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.»): Постановление ВЦИК от 01.06.1922 // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru>.

4. Уголовный Кодекс Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года. М., 1927.

5. Уголовный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс]: федер. закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс]: ФЗ от 21.11.2011 N 323-ФЗ // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

7. Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 3 мая 2024 г. №220н об утверждении порядка оказания первой помощи. Зарегистрировано в Минюсте России 31 мая 2024 г. N 78363 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Приговор №1-137/2022 от 28.07.2023 по делу №1-137/2022: Набережночелнинский городской суд Республики Татарстан: по делу №1-137/2022 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации: интернет-ресурс. – URL: <https://sudact.ru>.

9. Постановление Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 22.03.2023 N 77-1259/2023 (УИД 03RS0017-01-2019-008788-64) Приговор: По ч. 2 ст. 124 УК РФ. // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru>.

10. Бимбинов А. Анализ практики привлечения медицинских работников к уголовной ответственности: некоторые выводы // Уголовное право. № 6. 2019.

11. Нагорный А.А., Дольников В.В. Квалификация преступлений в сфере неоказания помощи больному // Законность. № 6. 2025.

12. Берчанский К.А. Крайняя необходимость при причинении вреда в ходе оказания первой помощи // Актуальные проблемы российского права. 2022, № 5// КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <http://www.consultant.ru> ; Агафонов С. Ю. Дискуссионные проблемы ответственности сотрудника полиции за неоказание первой помощи // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2025. № 2 (70). С. 112-117.

УДК. 340.12

ОБ ИДЕЕ Г. ГРОЦИЙ О НАКАЗАНИИ ЗА ПРЕСТУПЛЕНИЕ ЦЕЛОГО ОБЩЕСТВА

С. А. Дробышевский

Сибирский федеральный университет

Речь идет о следующих суждениях указанного автора. Первое. «Несправедливо, чтобы за преступления целого общества без согласия отдельных граждан они лишались своего имущества» [1, с. 514]. Второе. «Возникает серьезный вопрос, возможно ли во всех случаях подвергать наказанию за преступления целого общества. По-видимому, это возможно до тех пор, пока продолжает существовать целое общество... Но необходимо отметить, что так говорится... именно о том, что имеет казну, законы и тому подобное» [1, с. 514]. Третье. «Следует сказать о причинении ущерба частным лицам за преступление всего общества» [1, с. 520].

В этих суждениях под обществом имеется в виду государство. Причем Г. Гроций заявляет, что государство может совершить преступление и быть наказанным за указанное деяние.

С этими его представлениями нельзя согласиться. Сами понятия преступления и наказания возникают в государстве. Здесь суверенная власть объявляет некоторые деяния своих подданных преступлениями и устанавливает за последние наказания.

Отсюда ясно, что преступление и наказание как понятия не могут употребляться в той трактовке, в какой их применил Г. Гроций. Государство не в состоянии совершить преступление и подвергнуться за такой акт наказанию.

К сожалению, Г. Гроций этого не осознавал. Подтверждением такого заключения служат не только уже приведенные его суждения, но и ещё одно. Оно посвящено тому, кто должен в человеческом обществе наказывать. Как

написал Г. Гроций, «разум предписывает, что злодеяние должно наказывать, но не указывает, кто должен наказывать. По природе представляется наиболее рациональным, чтобы наказывал тот, кто поставлен начальством; тем не менее это отнюдь не доказывает, что так необходимо во всех случаях, если только названием начальства не пользуются в том смысле, что тот, кто совершает злодеяние, тем самым считается низшим по отношению к любому другому, как бы исключенным из круга людей и вступившим в круг зверей, подвластных человеку» [1, с. 453].

Только что изложенное воззрение Г. Гроция определяет его взгляды на преступление и наказание. Оно позволяет этому мыслителю писать о наказании «за преступления целого общества», что, как показано, едва ли корректно.

К отмеченному уместно добавить, что, утверждая о преступлениях целого или всего общества, Г. Гроций иллюстрирует их примерами, сюда не относящимися, а именно он пишет о том, как римский император наказывает подчиненную ему провинцию после подавления в ней восстания. В таких примерах суверенная власть, предписавшая в праве запрет восстания, наказывает часть своих подданных за такое восстание как правонарушение [1, с. 514]. В частности, имеется в виду лишение столичного провинциального города «театра, бань, почестей и всяких городских украшений» [1, с. 524].

В этом случае реально уголовному наказанию подвергается социальная организация. Для современного уголовного права это нетипично, но все же встречается. «Так, в 1970 году в США был принят закон RICO, который криминализовал любой вклад обвиняемого в деятельность группы, занятой рэкетом». Иллюстрацией может служить и объявление преступной организацией СС в фашистской Германии. Это было сделано Нюрнбергским трибуналом и послужило основанием для привлечения к уголовной ответственности множества отдельных членов СС в государствах, признавших правомерность решений Нюрнбергского трибунала.

Любопытно, что жестоких античеловеческих актов, подобных тем, за которые карал указанный международный суд, история человечества знает немало и до его учреждения. Сведения о таких зверствах привел и Г. Гроций.

Что касается того, «как далеко» [1, с. 621] в военное время «может простираться возможность чинить обиды» [1, с. 621], то это, по словам Г. Гроция, «видно из того, что даже избиения женщин и детей происходят безнаказанно и охватываются правом войны... Евреи перебили женщин и детей эбонитов (Второзаконие, II, 34); ...говорится в Псалмах (СXXXVI)... что блажен будет тот, кто разобьет вавилонских младенцев о камень».

С этим можно сравнить следующие стихи Гомера: “На земле расprostерты малолетних тела, пока все война сотрясает» [1, с. 621]; «даже тот, кто скрывается в недрах матери чрева своей, не избегнет жестокой судьбины» [1, с. 630].

Как указал Г. Гроций, «некогда фракийцы после взятия Микалессо перебили женщин, а также детей, по рассказу Фукидида (кн. I). То же рассказывает Арриан о македонянах после взятия ими Фив. Римляне, захватив Илургию... город в Испании, “предали избиению без разбора женщин и детей”, по словам Аппиана» [1, с. 621]. Римский военачальник «Сципион поступил так же после взятия Нуманции; солдаты Юлиана избивали оставленных мужами женщин Дациры (Зосима, кн. III). После взятия Майозамальха тем же Юлианом, по словам Аммиана Марцеллина (кн. XIV), “не разбирая пола и возраста, бешенство разъяренных солдат все сокрушало на своем пути”» [1, с. 630].

Вдобавок, «по сообщению Тацита, Цезарь Германик огнем и мечом опустошил селенья марсов (германского племени), причем “ни пол, ни возраст не снискали пощады” (“Летопись”, кн. I). Тит тоже повелел отдать иудейских детей и женщин на растерзание зверям на арене цирка. И тем не менее оба они считаются людьми наименее жестокого нрава, поскольку такого рода жестокость вошла в обычай. Не столь удивительно, если умерщвлялись и старики, как, например, Приам — Пирром (“Энеида”, II)» [1, с. 621] (1, с. 621).

И «даже пленные не изъяты от такой участи... 70 000 славян, взятых в плен, были перебиты Оттоном, по рассказу Виттекинда (кн. II)» [1, с. 630]. Кроме того, «пленники из Эпидамна были перебиты коркирянами, по свидетельству Фукидида (кн. I). Пять тысяч пленных было убито Ганнибалом (Аппиан, “Война с Ганнибалом”) ... Сдача тех, кто прибегал к ней, не всегда принималась. Такой случай имел место в сражении при Гранине в отношении греков, сражавшихся на стороне персов. У Тацита жители Успеи молили о пощаде для свободных. “Это отвергли, — по его словам, — победители, предпочитая, чтобы те пали по праву войны” (“Летопись”, кн. XII)... Мало того, можно прочесть также об убийстве сдавшихся на милость победителя безо всяких условий... Так, например, были перебиты римлянами знатные граждане Помеции, Суллой — самнитяне, Цезарем — нумидийцы и сам Верцингеториг (Ливий, кн. II; Дион Кассий, кн. XLV). Словом, таков был почти неизменный обычай римлян по отношению к неприятельским вождям, пленным или сдавшимся, которых убивали в день триумфа... как об этом сообщает Цицерон в пятой речи “Против Верреса”, Ливий в книге XVIII и в иных местах, Тацит в книге XII “Летописи” и многие другие. У того же Тацита упоминается о том, что Гальба приказал избивать каждого десятого из числа прибегнувших к его защите и принятых им

под свое покровительство (“История”, кн. I); и Цэцина, приняв сдачу Авентина, среди главарей племени покарал Юлия Альпина как зачинщика войны» [1, с. 622].

Подобного рода жестокости не оставлялись без внимания отдельными государствами, которые за них карали отдельных совершителей указанных зверств. Так, известны следующие слова Ш. Л. Монтескье из работы «О духе законов». Как он отметил, «после победы, одержанной Лисандром над афинянами, победители стали судить пленников. Афинян обвинили в том, что они побросали в море с двух галер всех своих пленников и постановили на всенародном собрании отрубать кисти рук у всех, кого захватят в плен. Все они были умерщвлены, за исключением Адиманта, протестовавшего против этого постановления. Прежде чем придать смерти Филоксеса, Лисандр упрекнул его в том, что он развратил умы и дал уроки жестокости всей Греции» [2]. Однако международное право отмеченные зверства не осуждало и не объявляло группы их совершителей преступными организациями вплоть до Нюрнбергского трибунала.

Вот почему его объявление СС преступной организацией следует понимать как вдохновленное новым состоянием умов в середине XX века, которого в человеческой истории не было раньше. Это состояние умов есть значительно большее развитие в человеческом обществе представлений о гуманизме и человеческом достоинстве, чем имело место до второй мировой войны.

Иными словами, можно было бы заметить, что отмеченное ранее «право войны» как часть международного права, позволявшее «избиения женщин и детей», изменилось со времени Г. Гроция, если бы не одно обстоятельство. Имеется в виду следующее.

В свое время Ш. Л. Монтескье писал о присутствовавшем в древней Греции международном союзе государств, называвшемся союзом амфикионов. В нем сформировалось общее международное право для всех его участников. И оно включало весьма гуманные и неплохо обеспечивавшие человеческое достоинство юридические нормы. Например, одна из них требовала, что во время войны «нельзя убивать тех, кто укрылся в храме»; другая предписывала «не разрушать никакого города, принадлежащего к» союзу амфикионов и «не отнимать у него воды». Вместе с тем в те же времена иные государства создавали для себя международное право, включавшее «право войны» с нормами, отмеченными Г. Гроцием.

Так же обстоят дела и в современную эпоху. Например, отнюдь не все нынешние государства придерживаются норм международного права, запрещающих на войне насилие, в том числе смертоносное, против

гражданского населения. Вместе с тем некоторые страны нашего времени делают все возможное, чтобы со стороны их вооруженных сил такого насилия не было.

Список использованных источников:

1. Гроций Г. О праве войны и мира. Репринт с изд. 1956 г. М., 1994.
2. Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Госполитиздат, 1955. <https://litlife.club/books/122834/read?page=23> (дата обращения 12 05 2025).

УДК. 343.13

**ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА ПРОКУРОРУ В РАМКАХ СТ. 237 УПК РФ:
ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ, АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ**

Е. А. Дубынин

Сибирский федеральный университет

Одним из условий справедливого судебного решения является качественное расследование уголовного дела. С этой целью законодатель предусмотрел возможность устранения препятствий для рассмотрения дела, в виде возвращения судом уголовного дела прокурору закрепив правовые основания в ст. 237 УПК РФ [1].

Этот институт является важным элементом системы уголовного судопроизводства, призванным обеспечить справедливость и законность процесса, а также защитить права участников. Однако, применение данной нормы на практике зачастую вызывает споры и дискуссии. В настоящей статье мы рассмотрим правовые основания для возвращения уголовного дела прокурору, проанализируем актуальные проблемы, возникающие в связи с применением ст. 237 УПК РФ, и обозначим возможные перспективы совершенствования законодательства в этой области.

Ст. 237 УПК РФ регламентирует следующие основания для возвращения уголовного дела прокурору:

1. Обвинительное заключение или обвинительный акт составлены с нарушением требований УПК РФ, исключающим возможность постановления судом приговора или вынесения иного решения на основе данного заключения

или акта. Это самое распространенное основание. В данном случае род нарушениями подразумеваются:

- отсутствие указания на событие преступления (время, место, способ и другие существенные обстоятельства);
- неправильное указание на квалификацию преступления (статья УК РФ);
- отсутствие доказательств, подтверждающих вину обвиняемого;
- иные существенные нарушения, которые препятствуют суду принять законное и обоснованное решение.

2. Копия обвинительного заключения или обвинительного акта не была вручена обвиняемому. Несоблюдение этого требования лишает обвиняемого возможности надлежащим образом подготовиться к защите.

3. Необходимо составление обвинительного заключения или обвинительного акта по делу, направленному в суд с постановлением о применении принудительной меры медицинского характера. Это относится к случаям, когда в ходе судебного разбирательства выявляются обстоятельства, указывающие на необходимость применения принудительных мер медицинского характера в отношении подсудимого.

4. Нарушение права обвиняемого на защиту. Сюда относятся случаи, когда обвиняемому не была обеспечена возможность воспользоваться помощью защитника, ему не были разъяснены его права, или были допущены иные нарушения, существенно ограничивающие его возможности по защите, например не были разъяснены права, предусмотренные ч. 5 ст. 217 УПК РФ.

5. Наличие оснований для соединения или выделения уголовного дела. Если дело поступило в суд без учета необходимости объединения его с другими делами или выделения из него, суд может возвратить его прокурору для устранения этих обстоятельств.

Вместе с тем при применении положений ст. 237 УПК РФ на практике возникают определенные проблемы, такие как:

- субъективность оценки «существенности» нарушений: Одним из ключевых вопросов является оценка того, какие нарушения являются «существенными» и препятствуют рассмотрению дела по существу. Поскольку «существенность» оценочное понятие, то зачастую это зависит от субъективного мнения судьи, что приводит к разной практике в различных регионах;
- затягивание сроков рассмотрения дела: Возвращение дела прокурору может приводить к значительной задержке в рассмотрении дела, что нарушает право обвиняемого на справедливое и своевременное разбирательство. Нередко возвращение дела используется стороной защиты как способ затянуть процесс, что можно отнести к злоупотреблению правом;

- нечеткость формулировок ст. 237 УПК РФ. Некоторые формулировки статьи не отличаются однозначностью, что также способствует различной интерпретации и создает проблемы при ее применении;

- отсутствие четких критериев разграничения полномочий суда и прокурора: иногда сложно определить, какие недостатки должны быть устранены судом, а какие – прокуратурой.

- злоупотребления со стороны защиты. Как уже упоминалось, возвращение дела нередко используется в качестве тактического приема для затягивания процесса или с целью получения процессуальных преимуществ;

- отсутствие единообразной судебной практики по вопросам применения ст. 237 УПК РФ в различных регионах создает неопределенность и усложняет работу, как для органов предварительного расследования, так и для судов.

В целях совершенствования законодательства и единообразия судебной практики в рассматриваемом вопросе Пленум Верховного Суда Российской Федерации принял Постановление от 17.12.2024 N 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору» (далее Постановление) [2].

Постановление обобщает и анализирует сложившуюся судебную практику, устраняет имеющиеся противоречия и пробелы в толковании норм УПК РФ о возвращении дел прокурору, что должно способствовать единообразию правоприменения и предсказуемости судебных решений. Кроме этого, в Постановлении детально разъясняются основания для возвращения дела прокурору, предусмотренные ст. 237 УПК РФ. Особое внимание уделяется таким важным аспектам, как существенные нарушения уголовно-процессуального закона, препятствующие постановлению законного и обоснованного приговора, неполнота проведенного дознания или предварительного следствия, необходимость изменения обвинения и др. Такая детализация призвана минимизировать риск произвольного толкования норм судами. Также в нем четко разграничивают ситуации, когда суд должен вернуть дело прокурору, и случаи, когда необходимо прекратить уголовное дело или уголовное преследование, что само по себе важно для правильной квалификации обстоятельств дела и исключения необоснованного затягивания уголовного процесса. Следует еще отметить, что в Постановлении особое внимание обращено на необходимость соблюдения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства при возвращении дела прокурору. В частности, разъясняется порядок извещения сторон о судебном заседании, их право на участие в дебатах, обжалование постановления о возвращении дела.

Мы полагаем, что разъяснения, содержащиеся в Постановлении будут способствовать повышению эффективности уголовного судопроизводства за счет снижения количества ошибочных судебных решений, сокращения сроков рассмотрения уголовных дел и обеспечения реальной защиты прав и свобод граждан.

Вместе с тем Постановление не лишено и некоторых недостатков, таких как:

- отсутствие разъяснений по отдельным вопросам: несмотря на детализацию оснований возвращения дела, остаются отдельные вопросы, требующие дополнительного разъяснения. Например, критерии оценки существенности нарушений уголовно-процессуального закона;

- существует опасность, что суды будут формально применять положения постановления, не учитывая конкретные обстоятельства дела.

Кроме этого, вызывают некоторое недоумение отдельные положения Постановления. Так, например пункт 18 фактически разрешает после возвращения дела прокурору производство следственных и процессуальных действий, т.е., фактически производство предварительного расследования с возможностью перепредъявления обвинения, в том числе и нового «в совершении более тяжкого преступления и в случаях, когда дело было возвращено прокурору судом первой инстанции по иным основаниям». Данное положение можно истолковать как вовлечение суда в процесс уголовного преследования. На наш взгляд, данный пункт противоречит принципу, изложенному в ч.ч. 2 и 3 ст. 15 УПК РФ, согласно которым суд не является стороной по уголовному делу и не является органом уголовного преследования, он лишь создает необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав.

Согласно п.10 Постановления «если по уголовному делу суд установит, что лицо, которому преступлением причинен вред, не было признано потерпевшим либо потерпевший был лишен возможности реализовать в ходе предварительного расследования свои процессуальные права, и с учетом конкретных обстоятельств дела, выяснив мнение этого лица, придет к выводу о том, что нарушенные права могут быть восстановлены в судебном разбирательстве, то суд устраняет выявленные нарушения без возвращения уголовного дела прокурору». Мы считаем, что данное положение существенно нарушает баланс процессуальных прав обвиняемого и потерпевшего. Кроме того, суду предоставляется право выполнить часть функций органов предварительного расследования в отношении лица, которому преступлением причинен вред, что опять же противоречит ст. 15 УПК РФ. Возникает вопрос, как

рассмотреть дело, если в обвинительном заключении или акте отсутствуют сведения о потерпевшем, который был признан таковым только в суде?

И еще одна процессуальная коллизия. Конституционным Судом РФ неоднократно разъяснялось, что допустимым является возвращение уголовного дела прокурору по инициативе суда для устранения существенных нарушений УПК РФ, если это не связано с восполнением неполноты предварительного расследования [3]. Иными словами не связано с установлением обстоятельств, подлежащих доказыванию, предусмотренных ст. 73 УПК РФ, в том числе через показания потерпевшего.

В целом же, Постановление Пленума ВС РФ N 39 от 17.12.2024 является важным шагом в развитии уголовно-процессуального законодательства и практики его применения. Оно способствует обеспечению законности, обоснованности и эффективности уголовного судопроизводства. Однако, для полной реализации его потенциала необходима дальнейшая работа по устранению имеющихся недостатков и разъяснению спорных вопросов.

Касаясь перспектив совершенствования уголовно-процессуального законодательства и правоприменительной практики в вопросах возвращения уголовного дела прокурору, на наш взгляд, следует продолжить работу по разработке более четких критериев оценки «существенности» нарушений, таких, которые позволили бы объективно оценивать, какие нарушения препятствуют рассмотрению дела по существу, а какие могут быть устранены в ходе судебного разбирательства. При этом важно чтобы они не противоречили существу закона. Кроме этого, считаем необходимым установить четкие сроки для устранения нарушений, выявленных судом, с целью предотвращения затягивания процесса.

Важнейшим условием сокращения случаев возвращения уголовного дела прокурору является повышение квалификации не только следователей и дознавателей, но и самих прокурорских работников, поскольку последние передают дело в суд и являются гарантом законности проведенного расследования. Что касается следователей и дознавателей, то необходимо уделить пристальное внимание на обучение и повышение квалификации по вопросам составления обвинительных заключений и актов, чтобы уменьшить количество нарушений.

Кроме этого, следует усилить прокурорский надзор за качеством предварительного расследования, с тем, чтобы предотвратить направление в суд дел с существенными нарушениями.

Не маловажным, опять же, на наш взгляд, является разработка методических рекомендаций для судов по применению ст. 237 УПК РФ, которые

бы разъясняли порядок применения ст. 237 УПК РФ и содержали примеры из судебной практики.

И последнее это расширение возможностей суда по устранению незначительных недостатков, не возвращая дело прокурору.

Институт возвращения уголовного дела прокурору в рамках ст. 237 УПК РФ является важным механизмом обеспечения законности и справедливости уголовного судопроизводства. Однако, его применение на практике сопряжено с рядом проблем, связанных с субъективностью оценки «существенности» нарушений, затягиванием сроков рассмотрения дела и отсутствием единообразной судебной практики. Решение этих проблем требует комплексного подхода, включающего совершенствование законодательства, разработку методических рекомендаций и повышение квалификации сотрудников правоохранительных органов. Только в этом случае институт возвращения уголовного дела прокурору сможет эффективно выполнять свою задачу – обеспечивать справедливое и законное рассмотрение уголовных дел.

Список использованных источников:

1. Российская Федерация. Законы. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : УПК : ред. от 31.07.2025: [принят Государственной думой 22 ноября 2001 года : одобрен Советом Федерации 5 декабря 2001 года]. - URL: <https://base.garant.ru/12125178/?ysclid=mewcz5a5sh81656666> (дата обращения: 29.08.2025). - Режим доступа: электронная система ГАРАНТ.

2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 декабря 2024 г. № 39 «О практике применения судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих основания и порядок возвращения уголовного дела прокурору». - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411072151/?ysclid=mewdhq6sm7573145808> (дата обращения: 29.08.2025). - Режим доступа: электронная система ГАРАНТ. - Текст : электронный.

3. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда. - URL: <https://sudact.ru/law/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-02072013-n/?ysclid=mewmag4gyo727392963> (дата обращения: 29.08.2025). – Режим доступа: электронная система - СудАкт.ру.

УДК 347.441.4

СУДЕБНОЕ ПРАВСТВО КАК ДРАЙВЕР РАЗВИТИЯ ПРИНЦИПА СВОБОДЫ ДОГОВОРА В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Л. Ю. Егорова

Сибирский федеральный университет

Принцип свободы договора был идеологически чуждым элементом в советской правовой системе, так как противоречил всей логике построения командно-административной экономики. Лишь процесс правового оформления новых рыночных отношений и объявления договора универсальным средством их регулирования неминуемо привел к закреплению в Гражданском кодексе РФ принципа свободы договора (ст.ст.1 и 421 ГК РФ). Высшими судебными инстанциями он был объявлен основополагающим принципом гражданского права, имманентно присущим частному праву. Так, Президиум ВАС РФ указал, что принцип свободы договора «является фундаментальным частноправовым принципом, основополагающим началом для организации современного рыночного оборота» [1], а Конституционный Суд РФ признал его конституционным принципом [2].

Однако научное сообщество не проявило интереса к этому вопросу. С момента принятия ГК РФ активных научных дискуссий по этому поводу не ведется, и, за исключением нескольких кратких статей, опубликовано только одно серьезное научное исследование по данной тематике [3].

Между тем в развитых зарубежных правовых системах еще на рубеже 19-20 вв. проблематика договорной свободы являлась едва ли не центральным и наиболее дискуссионным вопросом гражданского права, поскольку рыночная экономика базируется на принципе свободы договора. Чем больше свободы договора, тем больше рыночной свободы и тем последовательнее институализируется рыночная экономика. Чем сильнее ограничена свобода договора, тем серьезнее ущерб для рыночной экономики и эффективности.

Свобода договора не может быть безграничной, но и не должна ограничиваться произвольно без серьезных политико-правовых обоснований – тех целей, во имя которых законодатель эти ограничения устанавливает. В развитых зарубежных правовых системах политико-правовые обоснования, а также модели ограничения договорной свободы, давно сформулированы научной доктриной, закреплены нормативно и успешно применяются судами [3]. Стандартными целями ограничения свободы договора рассматриваются такие

как: защита публичного интереса, основ нравственности (добрых нравов), интересов третьих лиц, слабой стороны в договоре, обеспечение справедливости договорных условий и т.д.

Общепризнанными являются две модели ограничения свободы договора:

Первую - можно обозначить как «контроль законодателя» (ex ante контроль, в переводе - упреждающий). Законодатель устанавливает императивные нормы, прямо запрещающие сторонам согласовывать в договоре конкретные условия, либо такой запрет недвусмысленно вытекает из содержания нормы.

Вторая - представляет контроль правоприменителя (ex post контроль – в переводе последующий), когда в силу ограниченного числа императивных норм оценка соответствия договорных условий политико-правовым обоснованиям осуществляется судом, рассматривающим конкретный спор и опирающимся, как правило, на закрепленные в позитивном праве оценочные стандарты (принципы): добросовестность, справедливость, нравственность, публичные интересы публичный порядок и т.д. Общий подход зарубежного законодательства заключается в минимизации императивных норм общей части обязательственного и договорного права. Под императивными традиционно понимаются нормы, которые стороны не могут исключить или изменить путем согласования иного в договоре

Локализация императивных норм отмечается в тех сферах, где очевидны политико-правовые основания для ограничения свободы договора (антиконкурентные соглашения, потребительское право, сделки с жильем, финансовые сделки, трудовые договоры и т.п.). В экономических же отношениях действует **опровержимая презумпция диспозитивности** норм договорного права. Она преодолевается только в случаях, когда на императивный характер нормы указывает сам её текст или смысл. В итоге императивных норм в договорных институтах очень немного.

Как отмечает А. Гарро (Garro), «принцип свободы договора имеет такую явную силу, что, по крайней мере, в части обязательственного права специально диспозитивность нормы в европейском договорном праве даже не принято упоминать – она подразумевается по общему правилу [3, с. 31]. В результате такого подхода, резюмирует Мартин Хесселинк (Hesselink), «большинство всех норм договорного права, закрепленных в европейских гражданских кодексах, оказывается диспозитивными» [3, с. 31], т.е. позволяющими сторонам предусмотреть иное правило, нежели установленное законом.

Между тем, отечественным Гражданским кодексом закреплена **презумпция императивности** норм договорного права и она преодолевается

только в случае, когда в норме прямо указано, что иное может быть предусмотрено договором. Такой подход сложился под влиянием советского права, базирующегося на римском постулате о «святости и нерушимости договора», поэтому приоритетными были идеи о принудительной силе контрактов и стабильности договорных отношений. В определенной степени этот подход был оправданным на момент принятия ГК, т.к. рыночные отношения в стране только формировались, и важно было обеспечить налаживание и устойчивость вновь образующихся хозяйственных связей.

Однако и спустя 30 лет после принятия ГК, когда российская экономика прочно встала на рыночные рельсы, приоритеты законодателя не изменились. В процессе реформирования ГК вновь было заявлено о «необходимости проведения на уровне законодательной политики принципа сохранения однажды заключенного договора... в целях обеспечения стабильности гражданского оборота» [4], и презумпция императивности норм договорного института осталась неизменной.

В российском праве основания ограничения договорной свободы в самом общем виде сформулированы в ч.3 ст.55 Конституции РФ. Опираясь на приведенную статью, Конституционный Суд РФ указал, что «свобода предпринимательской деятельности и свобода договоров в силу статьи 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть ограничены федеральным законом, но только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства [2].

Проблема заключается в отсутствии методологии определения диспозитивности и императивности нормы. И в доктрине, и в судебной практике применяется чисто механистический подход: если норма содержит словосочетание - «иное может быть предусмотрено договором», значит она - диспозитивна, если нет, то она императивна. При таком подходе императивных норм в договорном институте - абсолютное большинство (по подсчетам М.И. Брагинского, среди норм об отдельных видах договоров - около 1600 императивных и только около 200 диспозитивных) [5].

Причем в перечень императивных включаются и нормы, в которых прямо не указано ни на ее императивность (отсутствует прямой запрет), ни на ее диспозитивность (отсутствует оговорка о праве сторон предусмотреть иное) – так называемые нормы «с неопределенным статусом». Такие нормы во всех развитых странах квалифицируются как диспозитивные, однако отечественная доктрина и судебная практика рассматривают их как императивные

По мнению авторов одного из самых авторитетных трудов по договорному праву «норма является диспозитивной в случае наличия прямого указания в ней на право сторон оговорить иное и, наоборот, является, безусловно, императивной, если она «не имеет внешней атрибутики» [6].

Аналогичной позиции придерживаются и авторы многочисленных учебников по гражданскому праву. В частности Е.А.Суханов указывает, что «в случае сомнения в юридической природе конкретной гражданско-правовой нормы следует исходить из ее императивного характера, ибо диспозитивность должна быть прямо, недвусмысленно выражена в ней» [7].

В совокупности с трактовкой договора как исключительно правовой конструкции, лишь дублирующей в своем содержании нормы писанного права, это означает, что стороны не могут предусмотреть в нем никаких инициативных условий, не предусмотренных правовой нормой (например, по иному определить последствия передачи некачественного товара, выполнения работ, оказания услуг, расширить критерии существенного вреда; предусмотреть отказ от договора вместо установленного нормой судебного порядка расторжения; и т.п). Такие договоры повсеместно признавались недействительными или незаключенными.

Таким образом, нельзя не согласиться с А.Г. Карапетовым и А.И. Савельевым, отмечающими, что «принцип свободы договора, игнорируемый советскими юристами, будучи формально провозглашен центральным принципом российского гражданского права, де-факто так и не приобрел этот статус» [3, с. 439].

Ситуация начала меняться лишь в связи с принятием Пленумом ВАС РФ Постановления «О свободе договора и ее пределах» [8], (далее Постановление Пленума). Крайне неоднозначно воспринятое научным сообществом, оно, без преувеличения, носит «революционный» характер.

Пленум, по существу, восполнил пробел в праве, установив механизм определения императивности и диспозитивности правовых норм:

- норма **императивна**, если она содержит явно выраженный запрет на установление соглашением сторон условия, отличного от предусмотренного этой нормой правила (например, соглашение ничтожно, запрещено или не допускается, либо указано на право сторон отступить от содержащегося в норме правила только в ту или иную сторону, либо названный запрет иным образом недвусмысленно выражен в тексте нормы) (п.2 Постановления Пленума);

- норма **диспозитивна**, если содержит прямое указание на возможность предусмотреть иное соглашением сторон (п. 4 Постановления Пленума);

- если в норме нет прямого указания на ее природу (норма с неопределенным статусом), то последняя определяется путем толкования судом с учетом целей законодательного регулирования (телеологическое толкование). Существовавший долгие годы подход, согласно которому такая норма признается однозначно императивной, отвергнут. При этом диспозитивная квалификация презюмируется, а императивная возможна только при наличии очевидных политико-правовых оснований для ограничения свободы договора.

По существу Пленум сделал то, что давно должен был сделать законодатель - де-факто установил **опровержимую презумпцию диспозитивности** норм договорного права: норма, не содержащая ни прямого запрета, ни права предусмотреть иное, априори является диспозитивной. Эта презумпция может быть опровергнута судом и норма признана императивной лишь при условии, если суд обоснует, что целью законодательного регулирования была необходимость защиты особо-значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон, либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора.

Важно, что обязанность обосновать подразумеваемую императивность нормы с неопределенным статусом возложена не на стороны, а на суд - он должен детально расписать в решении эти мотивы. Если суд считает такую норму диспозитивной, он не должен ничего мотивировать.

Но в Постановлении Пленум пошел еще дальше и допускает право суда ограничительно толковать прямо выраженную императивность или диспозитивность:

- если норма императивна, суд вправе истолковать ее императивность ограничительно на основе телеологического толкования и вывести из-под запрета те или иные условия договора, формально подпадающие под гипотезу этой императивной нормы. Например, императивная норма ч.11 ст.29 Закона «О банках и банковской деятельности» запрещает банку в одностороннем порядке увеличивать проценты по кредитному договору, заключенному с заемщиком-гражданином. Однако, это не означает, что запрещено одностороннее снижение процентов по такому договору, ведь изначально запрет обусловлен необходимостью защиты слабой стороны договора, и ограничительное толкование такого запрета не противоречит цели правового регулирования;

- если норма диспозитивна, суд вправе истолковать ее диспозитивность ограничительно и заблокировать те или иные варианты отклонения от

диспозиции соответствующей нормы. В частности, согласно п.1 ст.463 ГК РФ покупатель вправе отказаться от исполнения договора, если продавец отказывается передать ему проданный товар. Норма диспозитивна (не содержит явно выраженного запрета предусмотреть договором иное, например судебный порядок прекращения договора вместо одностороннего отказа). Однако договором не может быть полностью устранена возможность его прекращения по инициативе покупателя, поскольку это грубо нарушило бы баланс интересов покупателя.

Постановление Пленума содержит еще целый ряд важных разъяснений (оценка судом непоименованных договоров и несправедливых договорных условий; применение при толковании договора правила *contra preferentem* и др.), анализ которых в рамках настоящей статьи не представляется возможным. По существу, Постановление Пленума, предоставив широкие полномочия судам по толкованию правовых норм, предопределило направление развития судебной практики по целому ряду актуальных вопросов, не решенных законодателем.

Более того, Верховный Суд РФ распространил опровержимую презумпцию диспозитивности не только на сферу экономических отношений, но и на регулирование отношений внутри непубличных корпораций. Так, в порядке кассационного производства рассмотрено дело по иску участника ООО, заявившего о нарушении своих прав положениями Устава ООО, ограничивающими возможность продажи принадлежащей ему доли третьим лицам по рыночной цене. Ограничения в виде запрета продажи доли третьим лицам, а также преимущественное право других участников на приобретение доли по номинальной, а не рыночной цене, закреплены Уставом на основании императивных по форме положений Закона «Об обществах с ограниченной ответственностью». Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ прямо указала на презумпцию диспозитивности норм корпоративного права, отметив, что «в силу презумпции диспозитивности, положенной в основу регулирования общества с ограниченной ответственностью, все правила, касающиеся ограничения отчуждения доли в уставном капитале третьим лицам, включая право преимущественной покупки доли, могут быть изменены или полностью отменены уставом общества» [9]. Полагаем, что такой подход суда сыграл не последнюю роль в подготовке и внесении в Государственную Думу РФ законопроекта, наделяющего Общество правом запрета преимущественной покупки доли в ООО[10].

С момента принятия Постановления Пленума прошло более 10 лет. С каждым годом арбитражные суды все более активно применяют выработанные

в нем позиции при рассмотрении конкретных дел: с декабря 2014 года по апрель 2025 арбитражными судами апелляционной и кассационной инстанций рассмотрено более 30 тыс. дел, в которых применялись те или иные положения Постановления Пленума [11].

Вместе с тем суды общей юрисдикции продолжают оставаться в рамках советской парадигмы, так как и постановления Пленумов ВАС РФ, и практика Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ для них иррелевантны. Это приводит к раздвоению методологии в разных ветвях судебной власти.

Ситуация должна измениться после того, как Конституционный Суд РФ Постановлением № 23-П от 2 июня 2022 года закрепил конституционность описанной выше методологии, распространив ее и на нормы, регулирующие в том числе отношения между физическими лицами [12]. Названным Постановлением оценивалась конституционность положений статьи 687 ГК РФ, согласно которой наниматель вправе расторгнуть договор в любое время, предупредив наймодателя за три месяца (ч. 1 ст. 687), наймодатель же может расторгнуть договор только в судебном порядке и только в двух случаях: а) невнесения платы за жилое помещение за шесть месяцев, если договором не установлен более длительный срок, а при краткосрочном найме в случае невнесения платы более двух раз подряд по истечении установленного договором срока платежа; б) разрушения или порчи жилого помещения (ч. 2 ст. 687). По формальным признакам (отсутствие права сторон предусмотреть иное) норма априори квалифицировалась судами как императивная.

Конституционный Суд РФ, ссылаясь на методологию определения диспозитивности или императивности норм договорного права, закрепленную постановлением Пленума ВАС РФ «О свободе договора», указал, что «норма является императивной, если исходя из целей законодательного регулирования это необходимо для защиты особо значимых охраняемых законом интересов (интересов слабой стороны договора, третьих лиц, публичных интересов и т.д.), недопущения грубого нарушения баланса интересов сторон либо императивность нормы вытекает из существа законодательного регулирования данного вида договора... без этих условий нельзя придать норме гражданского права императивный характер, поскольку это означает ограничение права на свободу договора» [12]. Таким образом, констатировал Конституционный Суд РФ, «диспозитивная норма не обязательно может быть признана судом таковой лишь при наличии в тексте закона указания на право сторон договора предусмотреть иное» [12]. Конституционный Суд РФ признал положения ч. 2 ст. 687 ГК РФ диспозитивными, не исключаящими право наймодателя расторгать договор в одностороннем внесудебном порядке и предусмотреть в договоре

иные основания расторжения при условии, что «они должны быть сформулированы ясно, определенно и относиться к существенному нарушению законного интереса наймодателя по вине нанимателя» [12].

Подводя итог изложенному, необходимо констатировать, что становление и развитие принципа свободы договора находится исключительно в сфере судебного правотворчества. В данном случае речь идет не об осуществлении судами нормотворческой деятельности, поскольку это исключительная прерогатива законодателя, а о ситуациях, которые В.Д. Зорькин именуется «атипичным судебным правоприменением», когда юридические нормы применяются путем толкования при пробелах в праве или в условиях коллизии юридических норм...и суд оказывается вынужден не только выполнять правоприменительные функции в общепринятом значении слова, но и оказывать активное влияние на правотворческий процесс» [13]. Причиной, как полагает автор, является отсутствие доктринального единства в подходе к правопониманию, способного служить теоретическим ориентиром для практики, и, как следствие отсутствие такого единства в сфере самой правовой практики [13, с. 122].

Постепенное накопление судебной практики в конечном итоге поможет разобраться в том, какие нормы должны считаться императивными, а какие – диспозитивными, и в какой степени должна признаваться их императивность/диспозитивность. Недостаток такой стратегии заключается в том что, несмотря на наличие конкретного толкования, предложенного ВАС РФ, судами до настоящего времени не сформировано единообразных устойчивых позиций, в том числе и на уровне высших судебных инстанций.

Как отмечает С.В. Матвиенко, в 20% случаев арбитражные суды продолжают рассматривать императивными даже те нормы, которые прямо квалифицированы в постановлении Пленума ВАС РФ «О свободе договора и ее пределах» как диспозитивные [14].

Верховный Суд РФ по одному из дел согласился с доводами нижестоящих судов, о том, что государственным контрактом установлена неравная имущественная ответственность заказчика и подрядчика за ненадлежащее исполнение обязательств, признав, что тем самым, что несправедливым договорным условием нарушен баланс интересов сторон [15]. Однако по аналогичному делу, рассмотренному в 2018 году ВС РФ не признал повышенную ответственность подрядчика несправедливым договорным условием и на усмотрел нарушения баланса интересов сторон [16].

Представляется, что закрепление в Гражданском кодексе РФ презумпции диспозитивности норм договорного и обязательственного права существенным

образом изменило бы сложившуюся ситуацию. В противном случае процесс неопределенности в этой сфере затянется еще не на одно десятилетие.

Список использованных источников:

1. Постановление Президиума ВАС РФ от 05.11.2013 № 9738/13 по делу № Ф57-1954/2011 // СПС КонсультантПлюс

2. Постановление Конституционного Суда РФ «По делу о проверке конституционности положений абзаца второго пункта 3 и пункта 4 статьи 44 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобами открытых акционерных обществ «Газпром», «Газпром нефть», «Оренбургнефть и акционерного коммерческого сберегательного банка Российской Федерации (ОАО)» от 28 января 2010, №2-П // СПС КонсультантПлюс.

3. Карапетов А.Г., Савельев А.И. Свобода договора и ее пределы. В 2-х томах. М. Статут. 2012.

4. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009г.) // СПС КонсультантПлюс.

5. Брагинский М.И. О нормативном регулировании договоров // Журнал российского права. 1997. № 1.

6. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая: Общие положения. М., 2004. С. 89- 90.

7. Гражданское право. В 2 т. Т. I / Отв. ред. Е.А. Суханов. М., 2004.

8. Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О свободе договора и ее пределах» от 24.03.2014 № 16. // СПС КонсультантПлюс.

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 11.06.2020 № 306-ЭС19-24912 по делу № А65-3053/2019 // СПС КонсультантПлюс.

10. Проект Федерального закона № 788656-8 «О внесении изменений в статью 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» принят в первом чтении 21.01.2025 // СПС КонсультантПлюс.

11. Судебная статистика по данному вопросу отсутствует. Используются данные справочной правовой системы Консультант Плюс // СПС КонсультантПлюс.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.06.2022 № 23-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 ст.310, пункта 4 ст.421, пункта 1 ст.422, пункта 1 ст.450, пункта 2 ст.450.1 и абзаца второго пункта 2 ст.687

Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданки Т.В.Пыкиной» // СПС КонсультантПлюс.

13. Зорькин В.Д. Десять лекций о праве: монография. М.: Норма. 2023.

14. Матвиенко С.В. Практика применения арбитражными судами постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник экономического правосудия РФ. 2018. № 9.

15. Определение ВС РФ от 05.07.2016 № 302-ЭС16-6816 по делу № А33-21624/2015 // СПС КонсультантПлюс.

16. Определение ВС РФ от 29.05.2018 № 301-ЭС17-21397 по делу № А43-26319/2016 // СПС КонсультантПлюс.

УДК 34.028.5

ПРОБЛЕМА УСТАНОВЛЕНИЯ ДОПУСТИМЫХ ПРЕДЕЛОВ СУДЕБНОЙ ДИСКРЕЦИИ

А. А. Журавков

Сибирский федеральный университет

В условиях недостаточности исследования проблем правового формализма в отечественной юридической науке в настоящее время преобладает рецептирование зарубежного опыта исследования названной тематики с преимущественным упором на представителей англосаксонской правовой школы с её традиционным пиететом перед судебным прецедентом.

Как следствие, определённую популярность получила базирующаяся на концепции правового реализма точка зрения, что наиболее эффективным способом преодоления формализма в праве является так называемая «дискреция». Данный термин, как указывает А.А.Никитин, «происходит от латинского «discretion», что означает решение должностным лицом или государственным органом какого-либо вопроса по собственному усмотрению» [1, с. 34].

При подобном подходе во главу угла ставится такой способ преодоления указанных проблем, как судебное нормотворчество, обусловленное расширением полномочий судов в части толкования норм закона.

К его сторонникам могут быть отнесены М.А. Газимагомедов, который указывает, что «суд представляет собой некое продолжение законодателя, принимающего законы: он не должен подменять собой законодателя, и в то же время является завершающей (и по сути, неотъемлемой) стадией

правотворчества, внедряет норму закона и норму права в жизнь» [2, с. 164], А.С. Даниелян, признающий «право высших судебных органов издавать акты правотворческого характера...» [3, с. 16], а также С.В. Сипулин, полагающий, что «в судебной практике встречаются такие явления нормативного свойства, которые несовместимы с жестокостью кодекса. В этом случае практика оказывается не на стороне отжившей свой век правовой нормы, она *повелительно* (выделено – Ж.А.) требует изменения, дополнения или отмены старого правила во имя закрепления сложившихся новых отношений...» [4, с. 8].

Однако не все исследователи единодушны во взглядах на судебную дискрецию, как на наиболее перспективное направление развития правоприменительной практики с точки зрения преодоления проблем формалистского подхода.

Используя термины «усмотрение» и «дискреция» в качестве синонимов [1, с. 35], и, в целом, являясь сторонником дискреционного подхода к правоприменению, А.А. Никитин, тем не менее, признаёт следующее: «Что касается юридической практики, сложившейся в России, то здесь также не сформировалось единого отношения к усмотрению в праве, однако существуют доминирующие точки зрения. Как правило, сами практикующие юристы и лица, столкнувшиеся с проблемами правоприменения в деятельности государственного механизма, склонны определять усмотрение как едва ли не основную причину большинства негативных процессов, происходящих в правовой жизни российского общества. Если речь идет о коррупции, то закрепление в правовых актах возможности должностного лица — правоприменителя — принимать решение по усмотрению считается коррупциогенным фактором данного правового акта. Аналогичные мнения о роли усмотрения в праве высказываются и при нарушении принципа «неотвратимости ответственности за совершенное правонарушение». Таким образом, в основном позиции участников дискуссии среди лиц, участвующих в юридической практике, сводятся к необходимости ограничения, уменьшения возможности «усмотрения в праве». Бесспорно, данная точка зрения заслуживает самого пристального внимания, и во многих *случаях требование о необходимости ограничения усмотрения в праве полностью обосновано* (выделено – Ж.А.). Но следует отметить существование «обратной стороны» усмотрения, положительно влияющей на процессы, происходящие в правовой системе государства, которую надлежит выявлять и исследовать» [1, с. 34].

Приведённая точка зрения представляется достаточно сбалансированной. При этом она же заставляет уделить дополнительное внимание мнениям противников судебной дискреции, к каковым со всей уверенностью можно

отнести В.И. Лафицкого. Хотя данный автор не высказался категорично против судебной дискреции, как таковой, тем не менее, предельно однозначным в контексте рассматриваемой проблематики видится следующее его утверждение: «В последние двадцать лет в законодательства многих государств были внесены существенные изменения, обеспечивающие независимость судебной власти.

Но стали ли суды более справедливыми, праведными, милостивыми?

Нет, поскольку, убив одного «дракона», мы породили другого. Устранив либо ослабив давление на суд со стороны иных государственных органов, политических партий, общественных объединений, мы оставили каждого из судей наедине с собственными пороками и страстями» [5, с. 95]. Отметим, что приведённое высказывание относится к 2008 году, в связи с чем на сегодняшний день может показаться несколько устаревшим, утратившим актуальность. Однако, чтобы утверждать подобное, необходимо привести убедительные доказательства объективных кардинальных изменений в отечественной судебной системе за последние, как минимум, десять лет, повлекших ощутимый рост качества правосудия.

На деле же мы зачастую имеем доказательства совершенно обратного, в том числе – на уровне судов высших инстанций, примером чему может служить Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС24-8341, вынесенное по делу № А40-133700/2021 30 сентября 2024 года и изготовленное в окончательной форме 24 октября 2024 года [6] (далее – «Определение ВС РФ»).

Как следует из текста Определения ВС РФ, «в рамках дела о банкротстве должник обратился с заявлением о признании недействительными проведенных финансовым управляющим торгов и заключенного по результатам их проведения с победителем торгов Акоевым Л.С. договора купли-продажи от 27 апреля 2023 г.

Определением Арбитражного суда города Москвы от 10 октября 2023 г. признаны недействительными торги, проведенные на электронной торговой площадке Центр Дистанционных Торгов, по реализации имущества должника Колетвинова А.В., оформленные протоколом о результатах проведения торгов от 25 апреля 2023 г. № 167188, победитель торгов Акоев Л.С.; применены последствия их недействительности в виде:

– признания недействительным договора купли-продажи от 27 апреля 2023 г., заключенного между финансовым управляющим Гордеевым П.А. и Акоевым Л.С.;

– обязанности финансового управляющего возвратить Акоеву Л.С. уплаченные по договору купли-продажи денежные средства в размере 21 701 000 руб.;

– восстановления права собственности Колетвинова А.В. на имущество, являющееся предметом торгов.

Постановлением Девятого арбитражного апелляционного суда от 22 декабря 2023 г. определение суда первой инстанции отменено, принят новый судебный акт об отказе в удовлетворении заявления должника.

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 20 марта 2024 г. постановление суда апелляционной инстанции от 22 декабря 2023 г. отменено, определение суда первой инстанции от 10 октября 2023 г. оставлено в силе».

В кассационных жалобах, поданных в Верховный Суд Российской Федерации, заявители просят обжалуемые судебные акты отменить...

Должник 18 июля 2023 г. обратился в арбитражный суд с заявлением о признании торгов недействительными, заявив о том, что при их проведении не учтено имущество, расположенное на территории реализованных земельных участков...

Суд первой инстанции... исходил из того, что находящиеся на земельных участках постройки, не введенные в эксплуатацию в соответствии с нормами действующего законодательства, финансовым управляющим при определении начальной стоимости земельных участков на торгах не учитывались ни как самостоятельные объекты, ни как строительные материалы...» [6].

Таким образом, из текста Определения Верховного Суда РФ просматривается следующая ситуация: в ходе процедуры банкротства гражданина было установлено его право собственности в отношении земельных участков. При этом в связи с отсутствием государственной регистрации не были своевременно установлены расположенные на данных участках объекты недвижимости, очевидно, имеющие самостоятельную коммерческую ценность.

Воспользовавшись данной ситуацией, должник, уже после проведения торгов, заявил об их недействительности, ссылаясь в том числе на то, что стоимость расположенных на земельных участках объектов не была учтена при их реализации.

Оставляя в силе Определение суда апелляционной инстанции, коллегия ВС РФ указала, что «совершение действий в обход закона с противоправной целью является злоупотреблением правом, что согласно положениями пунктов 2 - 3 статьи 10 ГК РФ может являться основанием для отказа в защите принадлежащего истцу права. Пунктом 1 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами

некоторых положений раздела 1 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» разъяснено, что поведение одной из сторон может быть признано недобросовестным не только при наличии обоснованного заявления другой стороны, но и по инициативе суда, если усматривается очевидное отклонение действий участника гражданского оборота от добросовестного поведения. Если будет установлено недобросовестное поведение одной из сторон, суд в зависимости от обстоятельств дела и с учетом характера и последствий такого поведения отказывает в защите принадлежащего ей права полностью или частично, а также применяет иные меры, обеспечивающие защиту интересов добросовестной стороны или третьих лиц от недобросовестного поведения другой стороны (пункт 2 статьи 10 ГК РФ).

Должник обратился за оспариванием торгов только 18 июля 2023 г., то есть уже после распределения управляющим денежных средств, вырученных от реализации имущества, заявив, что при продаже земельных участков управляющим при определении продажной цены не учтено расположенное на них имущество. Такое очевидное отклонение действий (бездействия) должника от добросовестного поведения в рамках собственной процедуры банкротства в суде первой инстанции должно было явиться основанием для вынесения на обсуждение сторон обстоятельств, явно свидетельствующих о таком поведении, что не было сделано. Суд округа, оставляя в силе определение суда первой инстанции, данный факт не учел... единственно разумной и возможной причиной такого пассивного поведения должника является не только попытка скрыть имущество от финансового управляющего и кредиторов, но и затянуть проведение процедуры банкротства. Колетвинов А.В. своим бездействием, выразившимся в непредставлении управляющему документации и умалчивании сведений о нахождении на земельных участках какого-либо имущества, создал ситуацию, при которой требования кредиторов удовлетворены за счет средств покупателя, в то время как должник в результате оспаривания торгов по основаниям, которые были ему известны до рассмотрения судом вопроса об утверждении 8 положения, получил обратно права на все земельные участки.

Судебная коллегия приходит к выводу, что длительное и намеренное неисполнение судебных актов о взыскании долга при наличии соответствующей возможности и последовавшее за этим полное устранение от участия в деле о банкротстве, отказ в оказании содействия в погашении требований кредиторов и осуществления арбитражным управляющим своих обязанностей – не позволяют должнику в настоящее время перекладывать риски своего недобросовестного поведения на стороннего покупателя, доверившегося публичному характеру процедуры банкротства и проводимой в рамках нее реализации имущества на

торгах. Суд апелляционной инстанции, в отличие от судов первой и кассационной инстанций, учтя общеправовой принцип недопустимости злоупотребления правом (статья 10 ГК РФ), пришел к правильному выводу о том, что поведение Колетвинова А.В. со всей очевидностью является недобросовестным, направленным на причинение ущерба кредиторам, покупателю и финансовому управляющему, в связи с чем пришел к правомерному выводу об отказе в удовлетворении требований должника...» [6].

Казалось бы, налицо законная и обоснованная позиция Верховного Суда РФ, ставящая во главу угла вопрос разумного и добросовестного поведения, всецело и полностью согласующаяся с предложенной К.Н. Левеллином концепцией «...того, что разумный человек сделает в данных и схожих обстоятельствах или чего требуют честность и добросовестность» [7, с. 158].

Однако, как часто бывает в противоречивых ситуациях, подобных рассматриваемой, есть нюанс, который не был учтён в рамках указанного Определения ВС РФ.

Дело в том, что вопрос о допустимости отчуждения земельного участка без находящихся на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу, стал предметом разъяснения на уровне Постановления Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» (абз. 1-2 пункта 11), который указал, что «согласно пункту 4 статьи 35 ЗК РФ отчуждение здания, строения, сооружения, находящихся на земельном участке и принадлежащих одному лицу, за исключением указанных в нем случаев, проводится вместе с земельным участком. Отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, строения, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу, не допускается».

Поэтому сделки, воля сторон по которым направлена на отчуждение здания, строения, сооружения без соответствующего земельного участка или отчуждение земельного участка без находящихся на нем объектов недвижимости, если земельный участок и расположенные на нем объекты принадлежат на праве собственности одному лицу, являются ничтожными» [8].

При обращении к современной редакции нормы, на которую ссылался Пленум ВАС РФ в 2005 году, можно увидеть, что изложенный в редакции Федерального закона от 23.06.2014 № 171-ФЗ, пункт 4 статьи 35 Земельного кодекса Российской Федерации по-прежнему устанавливает, что не допускается отчуждение земельного участка без находящихся на нем здания, сооружения в случае, если они принадлежат одному лицу (абз. 7) [9].

Таким образом, из приведённого разъяснения, сохранившего свою актуальность, следует вывод о том, что торги по отчуждению земельного участка без указания на расположенные на нём объекты были проведены с нарушением действующего законодательства, и данное нарушение влечёт ничтожность совершённой сделки.

В свою очередь, по общему правилу, установленному ст. 166 ГК РФ, сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо **независимо от такого признания** (ничтожная сделка).

Таким образом, поскольку сделка, имеющая признаки ничтожности, является недействительной независимо от признания её таковой судом, можно утверждать, что по смыслу приведённой нормы законодатель не наделил суды правом придания юридической силы ничтожным сделкам, вне зависимости от уровня указанных судов.

Соответственно, придавая юридическую силу ничтожной сделке, коллегия Верховного Суда РФ тем самым фактически вышла за пределы своих полномочий, не придав никакого значения императивному законодательному запрету, вытекающему из положений ст. 166 ГК РФ.

Между тем, вопрос о ничтожности сделки, совершённой вопреки законодательному запрету, корреспондирует с принципом Верховенства Закона, о соблюдении которого не может идти речь в случаях, когда стороны ставят своё волеизъявление выше императивного нормативного предписания.

А если учесть установленную Конституцией Российской Федерации обязанность судей подчиняться федеральному закону (ч. 1 ст. 119), то напрашивается вывод о необходимости ограничения судебной дискреции как минимум в части недопустимости отступления от фундаментальных основ той или иной отрасли права.

Список использованных источников:

1. Никитин А.А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника: диссертация на соискание ученой степени доктора юридических наук / Никитин Александр Александрович. ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», - Саратов, 2021.
2. Газимагомедов М.А. Судебная дискреция как форма правоприменительной деятельности суда и источник судебного правотворчества / М.А. Газимагомедов // Образование и право. 2017. № 11.

3. Даниелян А.С. К вопросу отнесения судебной практики к источникам российского права /А.С. Даниелян // Современное право. 2018. № 12.

4. Сипулин С.В. Судебный прецедент как источник права: автореф. диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Сипулин Сергей Витальевич. ФГБОУ ВО Кубанский государственный аграрный университет. – Краснодар, 2008.

5. Лафицкий В.И. Принцип независимости судебной власти: общие нормы реализации / Лафицкий В.И. // Журнал Российского права. 2008. № 4.

6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации № 305-ЭС24-8341, вынесенное по делу № А40-133700/2021 30 сентября 2024 года и изготовленное в окончательной форме 24 октября 2024 года // [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/679566e4-6d28-4aa3-8d5e-0165848d010c/9fa6dc39-4b6f-498d-a63a-2a09813eab82/A40-133700-2021_20241024_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True .

7. Ллевеллин К.Н. Реалистическая юриспруденция – следующий шаг / К.Н. Ллевеллин // Правоведение. 2015. № 4.

8. Постановления Пленума ВАС РФ от 24.03.2005 № 11 «О некоторых вопросах, связанных с применением земельного законодательства» // [Электронный ресурс]: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/679566e4-6d28-4aa3-8d5e-0165848d010c/9fa6dc39-4b6f-498d-a63a-2a09813eab82/A40-133700-2021_20241024_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

9. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136-ФЗ // [Электронный ресурс]: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102073184>

10. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12.12.1993 // [Электронный ресурс]: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595/>

УДК 343.1

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЗАЩИТНИКОМ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ РЕЦЕНЗИИ
СПЕЦИАЛИСТА НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (НА ПРИМЕРЕ
РЕЦЕНЗИИ НА ЗАКЛЮЧЕНИЕ ОЦЕНОЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ)**

И. Г. Иванова

Сибирский федеральный университет

Одним из самых сложных для оценки доказательств по уголовному делу является экспертное заключение. Согласно требованиям уголовно-процессуального закона, экспертное заключение по уголовному делу, как и любое другое доказательство, подлежит проверке и оценке на общих основаниях, по тем же правилам, что и любое другое доказательство (ст. 74, 80, 88 УПК РФ).

Вместе с тем, оценка примененных экспертом методов, правильность и целесообразность их применения к конкретным объектам исследования, научная обоснованность использованных методов, приемов и расчетов, требуют от правоприменителя (следователя, суда, адвоката-защитника) знаний, выходящих за пределы их профессиональных знаний в области юриспруденции, то есть специальных знаний в той области, в которой осуществлялась экспертиза.

Так как защитник по уголовному делу не может априори обладать специальными знаниями во всех тех областях, знания из которых используются экспертами при производстве различных экспертиз, он вынужден обращаться к другим специалистам в соответствующей области для получения разъяснений и консультаций по поводу проведенной первичной экспертизы. Данное право защитника закреплено в п. 4 ч. 3 ст. 6 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 года № 63-ФЗ [3], в соответствии с которым адвокат вправе привлекать на договорной основе специалистов для разъяснения вопросов, связанных с оказанием юридической помощи, а также в п. 3 ч. 1 ст. 53 Уголовно-процессуального кодекса РФ, где закреплено право защитника привлекать специалиста.

Формальное закрепление такого обращения защитника к специальным знаниям может быть выражено в виде рецензии специалиста на заключение первичной экспертизы. Сущность рецензии заключается в критическом анализе заключения эксперта другим специалистом, обладающим специальными знаниями в той же области.

В соответствии со ст. 84 УПК РФ, рецензия относится к иным документам, которые могут приобщаться к материалам уголовного дела и использоваться для проверки и оценки других доказательств, в данном случае – заключения эксперта. По своему процессуальному статусу рецензия не является самостоятельным заключением и не может заменить собой первичное экспертное заключение. Таким образом, можно сделать вывод, что рецензия – это способ стороны защиты оспорить доказательство обвинения, полученное с использованием специальных знаний (экспертное заключение).

Целью такой рецензии обычно является проверка заключения эксперта на соответствие требованиям законодательства РФ. Защитник с помощью рецензии демонстрирует следователю или суду недостатки, ошибки и нарушения в первоначальном экспертном заключении с целью поставить под сомнение его достоверность и доказательственную силу.

Исходными данными для рецензирования выступают заключение первичной экспертизы и копии материалов уголовного дела (счета-фактуры, фотографии, протоколы следственных действий и т.п.), переданные специалисту защитником.

В содержательной части рецензия должна включать детальный разбор каждого пункта экспертного заключения, то есть оценке подлежат:

- полнота и целесообразность представленных материалов;
- правильность применения экспертных методик и расчетов;
- логичность и обоснованность полученных выводов;
- соответствие экспертных выводов тем вопросам, которые были поставлены перед экспертом следователем/судом.

Разберем сущность проведенного специалистом рецензирования на примере рецензии на заключение оценочной экспертизы по уголовному делу, которое сейчас рассматривается в одном из районных судов г. Красноярск.

В первичной экспертизе объектами исследования выступали товарно-материальные ценности (запасные части и расходные материалы для автотранспортных средств). Экспертная задача состояла в ретроспективной оценке стоимости указанных товарно-материальных ценностей на 2015-2016 года.

Специалист при проведении рецензирования указанного экспертного заключения проверял соответствие заключения эксперта требованиям Федерального закона от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [2], Федерального закона от 29.07.1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации» [3].

Федерации» [4], и Федеральным стандартам оценки (ФСО № I, II, III, V, № 10), утвержденным приказами № 200 от 14.04.2022 года, № 328 от 01.06.2015 года.

Специалист после рецензирования заключения оценочной экспертизы пришел к выводу, что экспертное исследование рыночной стоимости товарно-материальных ценностей было выполнено экспертом с нарушением требований всех вышеуказанных нормативных актов.

Эти нарушения законодательства выразились в следующем:

1) В заключении отсутствует описание объекта исследования – товарно-материальных ценностей, а также временные и качественные параметры этих объектов; отсутствует описание процесса оценки объекта в части применения конкретного подхода к оценке.

Таким образом, в нарушение п. 9 федерального стандарта оценки № 1 (ФСО 1), п. 8и федерального стандарта оценки № 3 (ФСО № 3) эксперт не провел идентификацию объекта исследования и предпосылок стоимости объекта.

2) Эксперт не выполнил требования п. 8з федерального стандарта оценки № 3 (ФСО № 3), который гласит: «доказательный документ должен содержать «анализ рынка объекта оценки, ценообразующих факторов, а также внешних факторов, влияющих на его стоимость». Сегмент рынка (первичный) в отношении исследуемых объектов экспертом определен не был.

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором недостаточно аргументированы выводы [1].

Таким образом, эксперт в заключении не аргументировал свои выводы о рыночной стоимости ТМЦ, поскольку не провел анализ рынка в сегменте, в котором может быть реализована наиболее значимая по стоимости часть оцениваемых машин и единиц оборудования, ценообразующие факторы (скидки, надбавки) не исследованы, в результате чего у участников уголовного процесса возникает заблуждение в отношении рыночного уровня цен на аналогичные ТМЦ.

3) В заключении отсутствуют данные о факте поиска и сбора рыночной информации экспертом. В процессе выполнения работ использована только ценовая информация, полученная от заказчика экспертизы – следственного органа. Анализ на признание информации достоверной, надежной, существенной и достаточной, в том числе на независимость источника информации в заключении отсутствует.

В соответствии с ч. 2 ст. 8 ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» № 73-ФЗ от 31.05.2001 года, заключение эксперта должно

основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных.

Таким образом, эксперт нарушил требования п. 10, п. 11 федерального стандарта оценки № 3 (ФСО № 3), поскольку свои выводы эксперт основывал исключительно на информации, предоставленной заказчиком (органом, назначившим экспертизу), поиск рыночной ценовой информации не предпринимал, что ставит под сомнение полученный результат.

4) В заключении не описана единица сравнения, выбор аналогов и расчет единиц сравнения не представлен, расчет на основании ценовых показателей одного аналога не обоснован. Сравнительный анализ количественных и качественных характеристик объектов экспертизы и аналогов отсутствует. Внесение (отсутствие) в значения единиц сравнения корректировок для устранения различий между объектом оценки и аналогами не обосновано и не выявлено. Источники ценовой информации в заключениях отсутствуют.

В соответствии с п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам», необоснованным следует считать такое заключение эксперта, в котором не применены или неверно применены необходимые методы и методики экспертного исследования.

Таким образом, эксперт в заключении при расчете рыночной стоимости применил неизвестный метод сравнения продаж, тем самым не выполнил требования п. 12, п. 13, п. 14 федерального стандарта оценки № 1 (ФСО № 1), требования ст. 8, 25 Федерального закона №73-ФЗ, в результате чего у участников уголовного процесса возникает заблуждение в отношении методики и правильности расчета рыночной стоимости на запасные части и расходные материалы. Расчеты и исходные данные проверить не возможно.

Все вышеизложенное позволило специалисту сделать следующие выводы:

- Рецензируемое заключение оценочной экспертизы не соответствует положениям Федерального закона от 29.07.1998 года №135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» (редакция от 13.07.2007 года № 129-ФЗ), Федерального стандарта оценки № 10 «Оценка стоимости машин и оборудования (ФСО № 10)», Федеральных стандартов оценки, утвержденных приказами Минэкономразвития России от 20.05.2015 года № 297, № 298, № 299 (ФСО-1,2,3).

- Серьезные методологические нарушения требований законодательства Российской Федерации об оценочной деятельности, в частности положений указанных в п. 10 ФСО №10, п. 9, п. 12, п. 13, п. 14 ФСО №1, п. 8и, 8з, п. 10, п.

11ФСО №3, совершенные экспертом, серьезные фундаментальные предметные и логические и субъективные ошибки при выполнении экспертных работ нарушили требования статей 25 и 8 ФЗ №73-ФЗ от 31.05.2001 года «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ», позволяют судить о том, что рыночная стоимость объекта, определенная в указанном заключении, не является рыночной.

- Эксперт нарушил методологию определения рыночной стоимости объекта исследования, следовательно, указанное заключение не может быть принято в качестве надлежащего доказательства.

Такие выводы рецензента позволили в дальнейшем стороне защиты по данному уголовному делу заявить ходатайство о признании заключения оценочной экспертизы недопустимым доказательством и ходатайство о назначении повторной экспертизы по тем же вопросам.

Рецензия, как тактическое средство защиты, может быть использована защитником по уголовному делу в нескольких направлениях:

1. Как приложение к ходатайству защитника о назначении дополнительной или повторной экспертизы по уголовному делу. Предоставляя суду или следователю рецензию, защитник показывает, что выводы первичной экспертизы необоснованны, вызывают сомнения или требуют дополнений, и эти сомнения требуют разрешения путем назначения новой экспертизы.

2. Для постановки вопросов на новую судебную экспертизу с учетом замечаний и дополнений, высказанных специалистом в рецензии.

3. Для формулирования вопросов эксперту, проводившему первичную экспертизу. Выводы, содержащиеся в рецензии, позволяют защитнику грамотно и предметно задавать вопросы эксперту, который давал заключение, указывая на конкретные пробелы, недочеты и замечания, требуя соответствующих пояснений. Адвокат, вооруженный рецензией, может задавать целенаправленные вопросы, выявляя слабые места первоначального заключения, ставя под сомнение компетентность эксперта или объективность его выводов.

4. Для допроса специалиста, который составил рецензию, о сущности допущенных в первоначальной экспертизе нарушений. Показания специалиста будут являться доказательством по уголовному делу (ст. 80 УПК РФ) и могут оказать влияние на внутреннее убеждение правоприменителя (следователя и/или суда) о доказательственном значении первоначальной экспертизы.

5. Как основание для заявления ходатайства о признании недопустимым доказательством заключения первоначальной экспертизы (в порядке ст. 75 УПК РФ), если специалист в рецензии укажет на конкретные нарушения закона,

допущенные экспертом при производстве экспертизы, либо на необоснованность полученных экспертом выводов.

6. Для обоснования позиции защиты в судебных прениях. В прениях сторон защита может активно ссылаться на выводы рецензента, чтобы оспорить позицию обвинения, основанную на заключении первоначальной экспертизы.

Подводя итоги, можно отметить, что рецензия – это эффективное процессуальное средство, которое дает стороне защиты конкретные, научно обоснованные аргументы для критики предъявленного обвинения.

Список использованных источников:

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 года № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (в ред. от 29.06.2021 года) // Российская газета. – 30.12.2010. № 296.

2. Федеральный закон от 31.05.2001 года № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в РФ» (в ред. от 01.07.2023 года) // Российская газета. – 05.06.2001. № 106.

3. Федеральный закон от 31.05.2002 года № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (в ред. от 24.07.2023 года) // Российская газета. – 05.06.2002. № 100.

4. Федеральный закон от 29.07.1998 года № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в РФ» (в ред. от 31.07.2025 года № 304-ФЗ) // Российская газета. – 06.08.1998. № 148-149.

УДК 343.775

ОСНОВНАЯ ПРОБЛЕМА РАЗГРАНИЧЕНИЯ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА АТМОСФЕРНЫЙ ВОЗДУХ

Н. В. Качина

Сибирский федеральный университет

В доктрине уголовного права справедливо указывается на отсутствие точных критериев разграничения экологических преступлений и административных правонарушений в сфере экологии [8, с. 243]. Это имеет непосредственное отношение и к разграничению преступного загрязнения

атмосферы от деяний, предусмотренных ст. 8.21 КоАП РФ (Нарушение правил охраны атмосферного воздуха). Данный вопрос стоит достаточно остро и у правоприменителей: он был предметом обсуждения на круглом столе в Комитете Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству 20.11.2023 г., а также на научно-консультативном совете в Красноярской краевой прокуратуре 02.06.2022 г. Свидетельством тому является, в том числе и малое количество уголовных дел по привлечению к ответственности по ст. 251 УК РФ при достаточно частом нарушении правил выброса в атмосферный воздух вредных веществ и правил вредного физического воздействия на него.

В этой связи отметим, что, несмотря на недостаточную разработанность проблемы соотношения экологических преступлений и конкурирующих административных правонарушений, авторы в качестве основного (но не единственного) критерия их разграничения называют последствия, наступившие в результате совершения преступных действий [9, с. 41; 14, с. 128]. Действительно, чаще всего именно в наступивших последствиях и кроется опасность для окружающей среды в целом или для ее отдельных компонентов, что позволяет говорить о посягательстве на экологическую безопасность. Но в тоже время, как отмечают некоторые авторы, именно по этому критерию труднее всего провести правильное разграничение экологических преступлений и проступков [1, с. 35].

Как раз последствия в виде загрязнения или иного изменения природных свойств атмосферного воздуха являются отличительным признаком правонарушений, предусмотренных ст. 251 УК РФ и ст. 8.21 КоАП РФ. Соответственно, в аспекте такого отличия важным является вопрос о том, что понимать под загрязнением атмосферного воздуха и под иным изменением его свойств. Для начала отметим, что загрязнение воздуха является разновидностью (описанием) такого признака как изменение природных свойств воздуха, что однозначно вытекает из законодательной формулировки последствий, указанных в ч. 1 ст. 251 К РФ. Иными словами, загрязнение воздуха – это одно из проявлений иного изменения природных свойств воздуха. Поэтому предусмотренным в ст. 251 УК РФ последствием является изменение свойств воздуха в результате негативного химического, физического, радиационного, теплового и другого воздействия на него, то есть, исходя из самого слова «изменение», это отклонение от ранее существовавшего его состояния.

Однако, согласно ст. 1 Федерального закона от 04.05.1999 № 96-ФЗ "Об охране атмосферного воздуха", загрязнение атмосферного воздуха – это поступление в атмосферный воздух или образование в нем загрязняющих

веществ в концентрациях, превышающих установленные гигиенические нормативы качества атмосферного воздуха и нормативы качества окружающей среды для атмосферного воздуха [15].

Как видно, законодатель связывает загрязнение воздуха не с каким-либо отклонением от существовавшего ранее состояния атмосферного воздуха, а именно с превышением установленных предельных нормативов воздействия на него загрязняющих веществ.

Именно так чаще всего в науке уголовного права и рассматривается загрязнение воздуха, являющееся одним из последствий, описанных в ст. 251 УК РФ деяний.

Так, О.Л. Дубовик под загрязнением воздуха понимает привнесение в его состав или образование в нем загрязняющих веществ в концентрациях, превышающих нормативы качества и уровни естественного содержания [5, с. 200].

По мнению Н.А. Лопашенко загрязнение воздуха, как одно из последствий нарушения правил выброса в атмосферу загрязняющих веществ, состоит в поступлении в атмосферный воздух или образование в нем вредных (загрязняющих веществ) в концентрациях, превышающих установленные государством гигиенические и экологические нормативы качества атмосферного воздуха [7, с. 120].

Однако, изменение природных свойств воздуха, к которому относится и загрязнение, в уголовно-правовой литературе определяется по-иному. Так, некоторые авторы определяют изменение природных свойств воздуха как любое негативное отклонение от существовавшего ранее его состояния [6, с. 55]. О.Л. Дубовик считает, что иное изменение природных свойств воздуха имеет место при негативном отклонении от существовавшего состояния атмосферы [5, с. 200]. Можно встретить и подход, согласно которому иное изменение природных свойств воздуха заключается в ухудшении химического состава или физических свойств атмосферного воздуха, создающее угрозу здоровью человека, растительному и животному миру [16, с. 560].

Стоит отметить, что для обозначенных подходов нет соответствующего законодательного основания. Поскольку загрязнение воздуха является одной из разновидностей иного изменения природных свойств воздуха, то и пониматься они должны одинаково. Приведенное выше понятие загрязнения воздуха, данное в законе, исключает понимание его как любого негативного отклонения от существовавшего ранее состояния. Исходя из толкования этого понятия, однозначен вывод о том, что для наступления последствий в виде иного изменения природных свойств воздуха, в том числе и его загрязнения,

необходимо установление факта превышения установленных нормативов воздействия. При этом иное изменение природных свойств воздуха может быть результатом не только химического воздействия, но и любого иного негативного воздействия, например, шумового, теплого, волнового, температурного и другого физического воздействия. Для всех видов воздействия установлены соответствующие предельные нормативы (предельно допустимые уровни воздействия или предельно допустимые концентрации веществ), превышение которых негативно влияет на качество атмосферного воздуха и влечет изменение его природных свойств, в том числе и загрязнение.

Однако, вопрос о том, насколько должны быть превышены установленные предельно допустимые уровни воздействия и концентрации вредных веществ, чтобы наступила уголовная ответственность, является наиболее проблематичным и в доктрине уголовного права, и в правоприменительной деятельности.

Так, Р.М. Сафин, Ж.Б. Иванова, отмечая отсутствие законодательной ясности и наличие противоречивости сложившейся правоприменительной практики при решении вопроса о понимании такого признака преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, как загрязнение атмосферы, приходят к выводу, что в случае превышения одного ПДК, должна наступать уголовная ответственность за загрязнение атмосферы. Авторы уточняют, что такая ответственность должна наступить в случае установления виновного противоправного загрязнения атмосферного воздуха (к примеру, 1,5 ПДК) [13, с. 16].

Е.Ю. Гаевская, отвечая на вопрос, во сколько раз нужно превысить допустимые нормативы, чтобы была возможность квалифицировать данное деяние как преступление, предлагает брать за ориентир выводы судов по конкретным делам и считает возможным рассматривать превышение допустимых нормативов как преступное или непроступное загрязнение воздуха, исходя из вида вредного вещества (например, загрязнение атмосферного воздуха в размере по оксиду азота в 53 раза как административное правонарушение, а при превышении предельно допустимой концентрации сероводорода в 1,2 раза и азота-диоксида в 1,3 раза как преступление) [4, с. 85]. Как видно, автор полагает, что в некоторых случаях превышение установленных нормативов воздействия на воздух может оцениваться и как административное правонарушение. Решающим, по ее мнению, является именно характер этого вещества, его опасность для окружающей среды.

Е.Ю. Богуц в качестве критериев разграничения административного и уголовного правонарушения называет экологический, материальный и

рекреационный. По мнению автора, в таком случае необходимо учитывать вид, класс опасности веществ, поступивших в атмосферный воздух или вид вредного физического воздействия на него, а также объем, концентрацию вредного вещества или интенсивность воздействия на воздух, площади загрязненной территории, систематичность и продолжительность воздействия на воздух, причиненный воздействием ущерб и затраты на восстановление [2, с. 14].

По мнению Н.А. Романовой, любое превышение предельно допустимых выбросов (ПВД) загрязняющих веществ в атмосферу является административно наказуемым, а содержание в воздухе загрязняющих веществ в результате выбросов в концентрации, например, более чем в два раза превышающую предельно допустимую – уголовно-наказуемым [12, с. 510-511].

Некоторые авторы считают, что при подходе, согласно которому достаточно любого противоправного превышения ПДК, стирается граница между преступным загрязнением атмосферы и административно наказуемыми правонарушениями, за которые установлена ответственность ст. 8.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Кроме того, как отмечают М.А. Вакула, Д.А. Добряков, Т.Ф. Минязева, доказывание факта загрязнения атмосферного воздуха необходимо как для привлечения к уголовной ответственности по ст. 251 УК РФ, так и в случае привлечения к административной ответственности на основании ст. 8.21 КоАП [3, с. 224].

Изучение правоприменительной практики показывает, что правоохранительные органы нерешительно применяют уголовный закон тогда, когда превышение составляет лишь несколько ПДК.

Так, решением Свердловского районного суда г. Красноярск № 12-93/2020 оставлено без изменения постановление начальника отдела государственного экологического надзора Министерства экологии и рационального природопользования ФИОЗ №/ОЭ от ДД.ММ.ГГГГ, которым ООО «АТЦ Реставрация» признано виновным в совершении административного правонарушения, предусмотренного ч. 3 ст. 8.21 КоАП РФ. Согласно протоколу результатов испытаний промышленных выбросов №-ПВ от ... КГБУ «ЦРМПиООС» в промышленных выбросах от котла, расположенного по адресу: <адрес>, обнаружены превышения максимальной разовой предельно допустимой концентрации оксида азота в атмосферном воздухе в 2,75 раза [11].

К уголовной ответственности привлекают уже в тех случаях, когда ПДК превышены многократно, когда для правоприменителя очевидно загрязнение атмосферного воздуха. Ну и тем более в тех случаях, когда загрязнение атмосферы повлекло причинение вреда здоровью.

Так, приговором № 1-197/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 1-197/2018 Оренбургского районного суда ФИО7 признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 251 УК РФ. ФИО7 не осуществил контроль и не принял непосредственное участие в процессе герметизации скважины, ненадлежащим образом эксплуатировал противовыбросное оборудование, что привело к выбросу загрязняющих веществ в атмосферный воздух. В результате этого предельно допустимая концентрация сероводорода (дигидросульфида) в воздухе была превышена в 12,5 раз, а несовершеннолетним Х., К.Р., Ю., В., Г., Г., С., Б.К., К.Д., Е.А., К.П., К.Б., Ч., У.К., ФИО8, П.А., Б.А., С., Б., К., а также П. был причинен вред здоровью легкой степени [10].

В связи с таким неоднозначным подходом возникает вопрос: достаточно ли для привлечения к уголовной ответственности по ст. 251 УК РФ доказать противоправное загрязнение атмосферного воздуха с любым превышением ПДК или виновный подлежит ответственности лишь при многократном превышении предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ.

Следует обратить внимание на то, что установление нормативов предельно допустимых концентраций загрязняющих веществ в атмосферном воздухе и иных нормативов воздействия на окружающую среду, направлено на то, чтобы их соблюдение обеспечивало отсутствие прямого или косвенного влияния на здоровье населения и условия его проживания. Превышение предельно допустимых концентраций вредных веществ уже создает опасность причинения вреда для здоровья людей или окружающей среды. Поэтому для привлечения к уголовной ответственности не требуется многократного превышения предельно допустимых концентраций вредных веществ в атмосферном воздухе или многократного превышения нормативов иного предельно допустимого воздействия. Для применения ст. 251 УК РФ необходимо установить лишь сам факт превышения установленных нормативов воздействия на него. Такое понимание соответствует и результатам системного анализа норм главы 26 УК РФ в их соотношении между собой. Так, для применения ч. 2 ст. 247 УК РФ (являющейся общей нормой относительно норм об ответственности за загрязнение отдельных компонентов окружающей среды) достаточно установить лишь факт загрязнения хотя бы одного компонента окружающей среды. При этом загрязнением признается превышение установленных нормативов негативного воздействия. Такой подход наблюдается в теории уголовного права, о нем свидетельствует и практика применения ч. 2 ст. 247 УК РФ. В аспекте разграничения ст. 251 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного ст. 8.21 КоАП РФ, важным является

понимание того, что любой выброс вредных веществ или иное негативное воздействие на атмосферный воздух является вредным воздействием на него. Но в рамках установленных нормативов такое воздействие не причиняет вреда здоровью людей и окружающей среде, поэтому является правомерным, если осуществляется с соблюдением предъявляемых требований. Если требования нарушены, но не произошло загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха, то это влечет административную ответственность. Если же произошло загрязнение или иное изменение природных свойств воздуха путем превышения установленных предельных нормативов воздействия на него, то наступает уголовная ответственность.

Однако, не исключается рассмотрение такого воздействия как малозначительного деяния на основании ч. 2 ст. 14 УК РФ, когда будет установлено, что загрязнение воздуха, хотя формально и содержало признаки преступления, но в силу малозначительности не представляло общественной опасности.

Таким образом, при установлении в действиях лица всех других необходимых признаков состава преступления, предусмотренного ст. 251 УК РФ, любое превышение пределов допустимых воздействий на атмосферный воздух должно влечь уголовную ответственность.

Список использованных источников:

1. Артамонова М.А. К проблеме соотношения экологических преступлений и административных правонарушений в области охраны окружающей среды / М.А. Артамонова // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. Гос. У-та им. М.В. Ломоносова. – М.: ЛекЭст, 2005. - С. 34-37.
2. Богуц Е.Ю. Уголовно-правовая характеристика загрязнения атмосферы : специальность 12.00.08 «Уголовное право и криминология; уголовно-исполнительное право» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Богуц Елена Юрьевна ; Академия Генеральной прокуратуры РФ, 2017. - 32 с.
3. Вакула М.А. Вопросы ответственности за загрязнение атмосферного воздуха по уголовному и административному законодательству российской федерации М.А. Вакула, Д.А. Добряков, Т.Ф. Минязева // Вестник Томского государственного университета. - 2019. - № 447. - С. 222–231.

4. Гаевская Е.Ю. К вопросу разграничения уголовной и административной ответственности при загрязнении атмосферного воздуха / Е.Ю. Гаевская // Современное право. - 2019. - № 5. - С. 83-88.

5. Дубовик О.Л. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 Уголовного кодекса Российской Федерации. – М.: Издательство «Спарк», 1998. – 352 с.

6. Князев А.Г. Экологические преступления: науч.-практ. пособие / А.Г. Князев, Д.Б. Чураков, А.И. Чучаев; под ред. А.Г. Князева. – М.: Проспект, 2009. – 464 с.

7. Лопашенко Н.А. Экологические преступления: Комментарий к главе 26 УК РФ / Н.А. Лопашенко. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. – 802 с.

8. Попов И.В. Преступления против природной среды: теоретические основы и практика применения норм главы 26 УК РФ: монография / И.В. Попов. – М.: Юрлитинформ, 2015. – 336 с.

9. Попов И.В. Проблемы отграничения преступлений против природной среды от административных правонарушений в области охраны окружающей среды и природопользования / И.В. Попов // Российский следователь. - 2014. - № 1. - С. 41- 45.

10. Приговор № 1-197/2018 от 24 сентября 2018 г. по делу № 1-197/2018 Оренбургского районного суда // Судебные и нормативные акты РФ – URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 01.09.2025)

11. Решение Свердловского районного суда г. Красноярска № 12-93/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 12-93/2020 // Судебные и нормативные акты РФ – URL: <http://www.sudact.ru> (дата обращения: 01.09.2025)

12. Романова Н.Л. Соотношение экологических преступлений и административных правонарушений в сфере экологии: проблемные вопросы / Н.Л. Романова // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы: Материалы IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 250-летию образования Моск. Гос. У-та им. М.В. Ломоносова. – М.: ЛекЭст, 2005. С. 510-513.

13. Сафин Р.М., Проблемы квалификации и расследования преступлений, связанных с загрязнением атмосферы / Р.М. Сафин, Ж.Б. Иванова // Российский следователь. - 2022. - № 12. - С. 15-18.

14. Хлупина Г.Н. Экологические преступления: теоретический и практический анализ, проблемы разграничения с административными проступками: учебное пособие / Г.Н. Хлупина, Н.В. Качина, А.В. Молодкин. Красноярск, Сиб. федер. Ун-т, 2012. – 300 с.

15. Об охране атмосферного воздуха: Федеральный закон от 04.05.1999 № 96-ФЗ : редакция от 13.06.2023 // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 01.09.2025)

16. Энциклопедия уголовного права. Т. 23. Экологические преступления. – Издание профессора Малинина. СПб ГКА. СПб., 2013. - 560 с.

УДК 343.1 + 343.98

О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ «ФИНАНСОВОЕ РАССЛЕДОВАНИЕ»

Л. П. Климович, Н. Г. Логинова
Сибирский федеральный университет

Термин «финансовое расследование» сегодня активно обсуждается в научном сообществе. С позиции деятельностного подхода используется как в правоприменительной практике, в контрольно-надзорной деятельности государственных органов, так и субъектами бизнеса. Данный термин широко распространен в лексиконе отечественного и зарубежного правоприменителей, в том числе международных организаций, созданных с целью противодействия «отмыванию» преступных доходов и финансирования терроризма. Вместе с тем, в отечественном законодательстве не разработаны как само понятие, так и его виды, порядок, субъекты проведения и пр. В теории существует несколько подходов, но наиболее распространен упрощённый, узкий, вследствие чего финансовое расследование понимают как деятельность по расследованию преступлений или административных правонарушений в финансовой сфере. Следует заметить, что нет нормативного закрепления перечня преступлений в финансовой сфере, в отличие, например от преступлений экономической направленности, коррупционных перечисленных в Указании Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 (ред. от 13.07.2020) «О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности». Изучение соответствующих нормативных правовых актов, научных источников позволяет констатировать, что в действительности понятие «финансовое расследование» гораздо сложнее и шире. Более того существенно различаются подходы к содержанию понятия в Российской Федерации и за ее пределами.

Как известно, одной из важнейших задач наук уголовно-процессуального права, криминалистики является актуализация используемой терминологии, приведение ее в соответствие с современным уровнем развития общества, а также стремление к ее единообразному пониманию. Философ начала двадцатого века П.А. Флоренский справедливо отмечал: «Всякая наука – система терминов. Поэтому жизнь терминов и есть история науки, все равно какой» [7]. Ранее основатель советской правовой лингвистики профессор А.А. Ушаков писал: «Юристы должны выработать и употреблять единые понятия и термины, чтобы в единстве терминологии отражалось единство законодательных понятий. Так называемый полисемантизм, т.е. многозначность слова, столь характерный для словарного состава русского языка, не применим в языке закона. Словарный состав должен использоваться в строго определенном, единственном значении» [6]. Используя такое концептуальное начало, обратимся к терминологическому анализу содержания понятия «финансовое расследование», активно используемого как в научной литературе, так и в профессиональной деятельности отдельных субъектов, в том числе и в образовательном процессе в вузах. С этой целью обратимся к истории данного понятия и его нормативно-правовой основе.

В 2012 году группой разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (Financial Action Task Force, FATF), подготовлены 2 документа, в которых дано общее представление о финансовых расследованиях. Во-первых, в Рекомендациях ФАТФ в пояснительной записке к рекомендации 30 (Обязанности правоохранительных и следственных органов) в п.2 обозначены следующие положения: ««Финансовое расследование» означает расследование финансовых дел, имеющих отношение к преступной деятельности, с целью: установления масштаба преступных сетей и/или масштабов преступности; установления и отслеживания имущества, полученного преступным путём, а также имущества соответствующей стоимости; получения доказательств, которые могут быть использованы в уголовном и/или конфискационном судопроизводстве». Здесь же определено, что считать параллельным финансовым расследованием: оно «относится к проведению финансового расследования наряду или в рамках (традиционного) уголовного расследования отмывания денег, финансирования терроризма и/или предикатного преступления (преступлений). Следователи правоохранительных органов при расследовании предикатных преступлений должны быть уполномочены параллельно проводить расследование связанных преступлений по отмыванию денег и финансированию терроризма либо иметь возможность передать дело в другой орган, который провел бы такие расследования» [4]. Во-вторых,

«Руководство FATF по финансовым расследованиям» термином «финансовое расследование» определяет исследование финансовых аспектов преступной деятельности с целью финансового расследования, то есть выявление и документирование фактов движения денежных средств в ходе осуществления преступной деятельности [5].

Вывод об отсутствии на международном уровне единого понимания термина «финансовое расследование» содержится и в документе 2015 года Комитета экспертов Совета Европы по оценке мер борьбы с отмыванием денег (Раздел IV.3.2). Так, пп.194,195 констатируют, что большинство юрисдикций не имеют специального административного механизма или методологии правоприменения, которая определяет, когда должно начинаться финансовое расследование. При этом в некоторых юрисдикциях финансовый анализ автоматически инициируется вместе с уголовным делом, возбужденным по предикатному преступлению, в то время как в других юрисдикциях в случае подозрений проводится упреждающая проверка и расследование в сотрудничестве с другими органами [8]. В данном документе в определенном смысле, с одной стороны обозначается проблема методического характера, с другой – финансовое расследование отождествляется с процедурой финансового анализа, что, по нашему мнению, некорректно в силу того, что финансовый анализ и финансовое расследование выполняются разными субъектами, используют различные методы, имеют различные цели.

В 2023 году Евразийская группа по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма (ЕАГ) представила в качестве руководства к действию для стран-участников группы типологический проект и методические рекомендации по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ. В п. 1 данного документа обозначена главная задача финансового расследования: «выявление и документирование фактов движения денежных средств в ходе осуществления преступной деятельности, связи между получателями денежных средств, источниками их происхождения, временем получения и местом хранения, а также в целях общего сбора и закрепления доказательств и их использования в досудебном и судебном уголовном производстве (процессе). В п.11 данного документа представлен следующий термин: «финансовое расследование (параллельное финансовое расследование) – процесс исследования финансовой составляющей преступной деятельности, как направленной на совершение преступного деяния, так и выявление, отслеживание финансовых потоков в ходе совершения преступного деяния и после его окончания, последующих действий по легализации преступных доходов, обнаружение места нахождения

полученного преступного имущества, собирание финансовой информации, направленной на закрепление доказательств по расследуемым преступлениям, установление имущества, подлежащего конфискации, в том числе и стоимостного эквивалента и косвенных преступных доходов, выявление фактов наличия имущества, легальность приобретения которого не подтверждена» [2].

Таким образом, если исходить из толкования международных правовых документов, финансовые расследования можно определить как процессуально урегулированную деятельность уполномоченных органов, направленную на исследование финансовой составляющей преступления, раскрывающей способ его совершения (а также способы приготовления к преступлению и способы его сокрытия), собирание финансовой информации и закрепление ее как доказательственной по расследуемому делу, а также принятие мер по розыску имущества и доходов, полученных преступным путем и подлежащих конфискации.

Между тем, в отечественной научной литературе имеет место обсуждение и исследование понятия «финансовые расследования» в ином, экономическом, аспекте. Так, еще в 2003 году Н.А. Пименов представил собственное обоснование данного понятия, представив его как процессуальную деятельность, предполагающую «сбор, закрепление, всестороннее рассмотрение, изучение существенных, имеющих значение для дела обстоятельств совершенного нарушения, связанного с посягательством на отношения по формированию, распределению, перераспределению и использованию фондов денежных средств (финансовых ресурсов) субъектов экономических отношений» [3]. При этом, автор расширяет толкование данного понятия, распространяя его на практику деятельности любых уполномоченных субъектов финансового контроля. Аналогичный подход представлен в работе Е.А. Кондратьевой и А.Р. Горюнова, где авторы, подчеркивая многоаспектность данного понятия, рассматривают его научную компоненту, что, по нашему мнению, вполне логично и обоснованно: «под финансовыми расследованиями следует понимать научное направление, в рамках которого исследуются нарушения в финансовой сфере, ставящее своими целями разработку эффективной методологии, методики профилактики, выявления и расследования указанных нарушений, а также рекомендаций по построению эффективной финансовой системы, в своей основе препятствующей совершению нарушений» [1].

Рассмотрев концептуальные подходы к содержанию анализируемого понятия, мы пришли к следующим выводам:

1. С позиции правоприменительной деятельности:

- финансовое расследование – это процессуально урегулированная деятельность уполномоченных органов, направленная на исследование финансовой составляющей преступления, собирание финансовой информации и закрепление ее как доказательственной по расследуемому делу, а также принятие мер по розыску имущества и доходов, полученных преступным путем и подлежащих конфискации;

- финансовое расследование – это деятельность, направленная на выявление и исследование (изучение, анализ) финансовой составляющей преступления, раскрывающей способ его совершения, а также способы приготовления к преступлению и способы его сокрытия. Цель финансового расследования: 1) установление механизма совершения преступления через анализ содержания учетно-экономической информации, зафиксированной в различного рода финансовых документах; 2) выявление признаков финансовых преступлений, о которых не было известно; 3) установление активов, приобретённых на доходы от преступной деятельности. Финансовое расследование можно рассматривать в структуре криминалистической методики расследования отдельных видов преступлений экономической направленности как ее элемент, предмет которого составляют закономерности поисково-познавательного процесса, обусловленного спецификой следовой картины, содержащейся в различных источниках финансовой и иной учетно-экономической информации.

2. С позиции экономической деятельности:

- микроэкономический аспект: финансовое расследование – комплекс мероприятий, осуществляемых конкретным экономическим субъектом, направленных на выявление и анализ финансовых операций с целью предупреждения, выявления и пресечения правонарушений в его финансово-хозяйственной деятельности; это сбор и анализ финансовой и иной учетно-экономической информации, направленные на обеспечение экономической безопасности предпринимательской деятельности;

- макроэкономический аспект: финансовое расследование – деятельность уполномоченных государственных органов, законодательно регламентированная, направленная на выявление и документирование фактов противоправной деятельности при осуществлении финансовых операций, в том числе трансграничных, в целях сбора и закрепления значимой информации и ее последующего использования в досудебном и судебном производстве; это составляющая компонента единого общегосударственного механизма обеспечения экономической безопасности на общегосударственном уровне.

Таким образом, анализ отечественного и международного законодательства свидетельствует об отсутствии единого понимания термина «финансовое расследование», что указывает на необходимость научного обоснования его сущности и значения, с учетом многоаспектности его содержания, а также правового закрепления данного термина.

Список использованных источников:

1. Кондратьева Е. А., Горюнов А. Р. К вопросу о выработке научного определения финансовых расследований // Финансы: теория и практика. 2003. № 1.

2. Методические рекомендации ЕАГ по организации и проведению финансовых расследований в сфере ПОД/ФТ, 2023 – Режим доступа: <https://mumcfm.ru/mediateka/international/eag/metodiceskie-rekomendacii-eag-po-organizacii-i-provedeniyu-finansovyx-rassledovanii-v-sfere-podft> (дата обращения 05.04.2025).

3. Пименов Н. А. Финансовые расследования: основные подходы // Финансы: теория и практика. 2003. № 1.

4. Рекомендации ФАТФ: Международные стандарты по противодействию отмывания денег, финансированию терроризма и финансированию распространения оружия массового уничтожения: Приняты на пленарном заседании ФАТФ в феврале 2012 года (с изменениями от февраля 2025 года) // Режим доступа: <https://mumcfm.ru/d/Ygjxmd7Nlmz5PszYlGdxtWTIHroyUt8sgbMrpk29> (Дата обращения 06.04.2025).

5. Руководство по финансовым расследованиям: оперативные вопросы. Отчет ФАТФ, июнь 2012 год – М: ФАТФ/ОЭСР; АНО «МУМЦФМ», 2012 – Режим доступа: <https://mumcfm.ru/d/O6jjqc8BtxOxYEPfINBG800imGMxMaxMdiEeBthJ> (дата обращения 05.04.2025).

6. Ушаков А. А. Каким должен быть язык уголовного закона / А. А. Ушаков // Социалистическая законность. – 1974. – № 10. – С. 57-58.

7. Флоренский П. А. Малое собр. соч. Вып. 1. Имена. М., 1993.

8. Typologies report on laundering the proceeds of organized crime // Совет Европы : офиц. сайт. URL: <https://rm.coe.int/typologies-report-on-laundering-the-proceeds-of-organised-crime/168071509d> (дата обращения 06.04.2025).

УДК 343.85

ПО ПУТИ ПРОБАЦИИ: ОПЫТ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТОВ ПО СОЦИАЛЬНОЙ АДАПТАЦИИ ЛИЦ, ОСВОБОДИВШИХСЯ ИЗ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ГУФСИН РОССИИ ПО КРАСНОЯРСКОМУ КРАЮ.

М. В. Климчук

Сибирский федеральный университет

С. П. Седнёв

Межрегиональный учебный центр ГУ ФСИН России по Красноярскому краю

Принятым 06.02.2023 Государственной Думой Российской Федерации Федеральным законом «О пробации в Российской Федерации» закреплены правовые основы института пробации, то есть совокупности мер, применяемых в отношении осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации [1].

Пробация (от лат. probatio – испытание) – межотраслевой организационно-правовой механизм социального и психолого-педагогического сопровождения осужденных в процессе отбывания наказания и далее после освобождения, функционирование которого имеет цель – завершение и окончательное утверждение их уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития, и нацеленности на правопослушное поведение [3].

Институт пробации включает в себя совокупность мер по ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации осужденных, лиц, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лиц, освободившихся из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, которые оказались в трудной жизненной ситуации. Установлены различные виды пробации: исполнительная, пенитенциарная и постпенитенциарная, а также основные направления деятельности в указанных сферах.

Законом определены в числе прочего полномочия в сфере пробации федеральных органов исполнительной власти, права органов государственной власти субъектов РФ, обязанности и полномочия иных учреждений и организаций, осуществляющих деятельность в сфере пробации и порядок их

взаимодействия, а также права и обязанности лиц, в отношении которых применяется probation.

Идея о необходимости создания условий для подготовки освобождающихся лиц к дальнейшей постпенитенциарной адаптации через службу probation получила свое оформление на законодательном уровне еще в 2008 году в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. В дальнейшем она была нормативно подкреплена в Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года и Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года. Вместе с тем, в отдельных регионах России данная работа проводилась и ранее на основе двухсторонних и многосторонних соглашений в этой области [2].

Красноярский край был первым регионом России, где в 1995 году открылся Центр социальной адаптации для лиц, освободившихся из мест лишения свободы (далее – Центр). Сегодня такие Центры функционируют в городах Красноярск, Канск, Ачинск, Минусинск, они находятся в ведении Министерства социальной политики Красноярского края.

По направлению ГУФСИН России по Красноярскому краю в Центры определяются лица, утратившие социально-полезные связи, нуждающиеся в помощи по трудовому и бытовому устройству.

Помощь, предлагаемая Центрами, включает бесплатное проживание и необходимые коммунально-бытовые услуги, предоставляемые на срок от 6 до 9 месяцев. За счет благотворительности, нуждающиеся обеспечиваются одеждой и обувью. Всем проживающим в Центре предоставляется трехразовое питание, стоимость которого возмещается после устройства на работу из заработной платы проживающих в Центре. Сотрудники Центра, оказывают помощь подопечным в трудоустройстве, в получении пенсии, а при необходимости и в оформлении инвалидности. Статистика показывает, что трудоустраиваются свыше 80% граждан, обратившихся за помощью. Работают в основном в строительных организациях, в учреждениях жилищно-коммунальной сферы, на заводах и частных предприятиях. Бывшим осужденным оказывается помощь в восстановлении утраченных документов, в прописке.

Указанные мероприятия создают положительную динамику в части уменьшения рецидива преступлений, допущенных бывшими осужденными. Об этом свидетельствует многолетний опыт работы Центров в Красноярском крае. При общем рецидиве преступлений по Красноярскому краю более 50% этот показатель среди прошедших реабилитацию в Центрах, в среднем, составляет 4,4%.

Кроме этого, с 2006 года при Центрах открыты справочно-консультационные пункты, в которых осуществляется прием всех без исключения граждан, освобожденных из мест лишения свободы, которым необходима социально-правовая защита. Обратившемуся на прием оказывается содействие в трудоустройстве, рассматриваются вопросы постановки на учет, выдачи паспортов, оказания психологической и содействие в оказании медицинской помощи.

Выявление лиц, утративших социальные связи и подлежащих направлению после освобождения в Центры возлагается на сотрудников групп социальной защиты ИУ и осуществляется через: начальников отрядов; личный прием сотрудниками группы социальной защиты; прием по личным вопросам руководством, начальниками отделов и служб исправительных учреждений.

Сотрудники группы социальной защиты выявляют лиц, утративших социально-полезные связи, в ходе проведения бесед с осужденными в карантине, в ходе изучения личных дел осужденных, на приеме осужденных по социальным вопросам, в ходе подготовки осужденных к освобождению и оказывают помощь по их восстановлению.

Начальники отрядов в ходе проведения индивидуально-воспитательной работы с осужденными в период их отбывания наказания, выявляет осужденных, утративших социально-полезные связи, и информируют сотрудников группы социальной защиты о наличии таких осужденных [4].

Еще один социальный проект, заслуживающий внимания - Служба социального сопровождения лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Этот проект по инициативе ГУФСИН России по Красноярскому краю был реализован в городе Красноярске с 2013 года по 2023 года.

Суть проекта в том, что специалисты службы включаются в процесс подготовки к освобождению, когда еще осужденный находится в исправительном учреждении. Помогают с восстановлением утраченных социальных связей, решают вопросы с жильем и трудоустройством после освобождения. При этом в службе уже имеется банк вакансий предприятий, готовых трудоустроить у себя бывших осужденных.

Основные задачи службы: оказание содействия лицам, освобожденным из мест лишения свободы, в решении вопросов трудового и бытового устройства, в восстановлении социально-полезных связей, оказание бесплатной юридической помощи бывшим осужденным. Основная роль сотрудника службы социального сопровождения - личное участие в решении социальных проблем лица, освобожденного из мест лишения свободы [4].

В службе социального сопровождения работают пенсионеры уголовно-исполнительной системы, имеющие большой опыт и навыки работы с данной категорией граждан. Данная структура ориентирована на трудоустройство, исключительно, бывших осужденных.

По своему статусу служба социального сопровождения является неправительственной организацией, ее финансирование осуществляется за счет участия в грантовых программах, поддержке ГУФСИН России по Красноярскому краю, Общественного совета при ГУФСИН, общественных объединений, религиозных организаций региона.

Служба социального сопровождения дислоцирована в помещении, где ранее находилась уголовно-исполнительная инспекция Советского района города Красноярска. В штат службы социального сопровождения входят четыре сотрудника: директор, сотрудник по трудовому устройству лиц, освобожденных из мест лишения свободы и два социальных работника.

Информацию об основных направлениях работы службы социального сопровождения осужденные в период подготовки к освобождению и их родственники могут получить путем:

- встреч, проводимых в ИУ в рамках работы «Курсов по подготовке осужденных к освобождению»;
- трансляции выступлений сотрудников службы на телеканалах краевого телевидения, а также посредством воспроизведения записей на локальном телевидении исправительных учреждений; – помещения объявлений в средствах массовой информации;
- размещения данных в сети «интернет»;
- размещения информационных плакатов на территориях исправительных учреждений, наглядной агитации в помещениях отрядов, а так же в залах ожидающих свидания (для родственников осужденных).

На сотрудников возложены следующие обязанности:

- взаимодействие с сотрудниками групп социальной защиты осужденных исправительных учреждений по проблемам трудового и бытового устройства освобождающихся;
- проведение встреч с лицами, готовящимися к освобождению, по вопросам их трудового и бытового устройства после освобождения, а при необходимости – решение этих вопросов во взаимодействии с заинтересованными краевыми ведомствами;
- осуществление общественного контроля за процессом адаптации лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, к условиям жизни на свободе;

– ведение базы данных граждан, освобожденных из мест лишения свободы.

Кроме этого, в распоряжении директора службы социального сопровождения есть внештатные сотрудники, работающие в качестве волонтеров. К работе по оказанию правовой помощи привлекаются студенты Сибирского государственного университета, проходящие обучение в магистратуре по специальностям «юриспруденция» и «социальная работа».

Представляет интерес опыт работы в службе «равных консультантов» – лиц, которые ранее отбывали наказание в виде лишения свободы и имеют положительный опыт социальной реабилитации. Их работа заключается в следующем:

– регулярное посещение, совместно с представителями службы, исправительных колоний в рамках работы «Курсов по подготовке осужденных к освобождению»;

– поднаем нескольких квартир в городе для временного проживания освобожденных до решения ими жилищных вопросов.

Сотрудники службы социального сопровождения контролируют процесс адаптации лиц, освободившихся из мест лишения свободы, и помогают освобожденным в решении любых проблем, возникающих при оформлении документов и при трудоустройстве.

Подобная деятельность начинается задолго до освобождения. При согласии осужденного, в целях взаимодействия в вопросах поиска работы, сотрудники службы социального сопровождения, волонтеры Сибирского федерального университета и представители Сибирской ассоциации тюремных служащих встречаются с родственниками освобождаемых. Если в анкете осужденный указал предыдущее место работы, представители службы связываются с работодателем с целью выяснения возможности возвращения к прежней трудовой деятельности. Сотрудники службы социального сопровождения проводят встречи и с самим осужденным, непосредственно, перед освобождением для его личной поддержки, определения планов на будущее, предоставления информации по всем интересующим вопросам.

Очень важно отметить, что работа службы социального сопровождения не заканчивается в исправительном учреждении, она продолжается на постпенитенциарном этапе. Каждый освобождаемый может самостоятельно обратиться в службу социального сопровождения с возникшими у него проблемами и трудностями, получить квалифицированную помощь, в том числе и в трудоустройстве. В этом направлении сотрудники службы социального сопровождения взаимодействует с Агентством труда и занятости населения

Красноярского края и Центром занятости населения города Красноярска, другими государственными органами и муниципальными организациями. В помещении службы социального сопровождения установлен электронный терминал с банком вакансий профессий не только по Красноярску, но и по всем районам Красноярского края. Обновление банка вакансий происходит ежедневно.

Для трудоустройства граждан, обратившихся в службу социального сопровождения, достигнуты договоренности с руководством 11 предприятий о приеме на работу ранее судимых лиц. Бывшие осужденные трудятся в строительных и промышленных организациях, работают на предприятиях ЖКХ г. Красноярска.

Сотрудники службы социального сопровождения ведут постоянный контроль за своими подопечными: проверяют их по месту жительства и работы, встречаются с родственниками, проводят воспитательные и профилактические беседы. Регулярными проверками по месту жительства ежедневно охвачено порядка 400 человек. По выявленным в ходе проверок фактам асоциального поведения бывших осужденных информация передается в полицию для принятия мер.

Временную помощь в собственном или арендованном жилье бывшим осужденным обеспечивают волонтеры, задействованные в работе службы. Срок проживания в таких общежитиях – до 3-х месяцев. Питаются постояльцы за свой счет, предметы первой необходимости тоже приобретаются самостоятельно. Контроль за поведением проживающих обеспечивается волонтерами, проверки осуществляются сотрудниками полиции и службы социального сопровождения.

Работа, к которой могут привлекаться освобожденные из мест лишения свободы, носит разноплановый характер. Это может быть деятельность как с низкой оплатой труда (например: благоустройство улиц), так и с более высокой (например: лесочистка просек под строительство воздушных линий электропередач). Заработная плата в месяц в этом случае может достигать 40 тысяч рублей и более.

В структуре службы социального сопровождения существует также свое «кадровое агентство», специалисты которого занимаются исключительно трудоустройством бывших осужденных.

Данные о специальностях и квалификациях, а также характеристики из исправительных учреждений поступают в «кадровое агентство», благодаря чему у его сотрудников появляется возможность заранее решить вопрос с потенциальными работодателями о трудоустройстве освобождаемых осужденных, а также сформировать из них, в зависимости от квалификации,

трудовые группы. Помимо этого, заключены договоры о трудоустройстве клиентов службы с организациями и предприятиями города Красноярск. Регулярно проводятся личные встречи с руководством предприятий города – потенциальных работодателей.

Такое сотрудничество помогает минимизировать необоснованные отказы при устройстве на работу. Взаимодействие службы с Министерством социальной политики Красноярского края дает возможность подавать ходатайства о зачислении клиентов службы социального сопровождения, не имеющих жилья, в центры социальной адаптации Красноярского края (Красноярский, Канский, Ачинский, Минусинский), а также ходатайствовать перед территориальными Центрами социальной помощи населению о выделении материальной помощи лицам, которые наиболее нуждаются в ней.

За период реализации проекта на основании соответствующих запросов исправительных учреждений сотрудниками Службы проведено 13325 проверок возможности трудового и бытового устройства осужденных после освобождения, проведено 15279 проверок освободившихся осужденных по месту жительства. Результаты проверок направляются в исправительные учреждения, в том числе и для проведения дополнительной работы по подготовке осужденных к освобождению и уточнению места жительства после освобождения, что впоследствии позволяет лицам, освобожденным из исправительных учреждений своевременно решать свои социально-бытовые вопросы.

По договоренности с руководством ФКУ УИИ ГУФСИН России по Красноярскому краю сотрудниками Службы социального сопровождения оказывается помощь в трудоустройстве осужденным к наказаниям, не связанным с лишением свободы. В 2022 году данный вид помощи получили 765 осужденных этой категории.

Сотрудниками Службы социального сопровождения, в целях организации сотрудничества с предприятиями г. Красноярск регулярно посещаются ярмарки вакансий, проводимых службами занятости населения, осуществляются личные встречи с руководством предприятий города Красноярск. В целях получения оперативной информации о вакансиях Красноярского рынка труда в помещении Службы социального сопровождения установлен информационный терминал службы занятости населения. Обновление информационного банка вакансий производится ежедневно посредством сети Интернет [4].

По данным ГУ МВД по Красноярскому краю в 2022 году количество лиц, совершивших преступления, будучи ранее судимыми, в районе дислокации

службы социального освобождения снизилось на 20% по сравнению с 2021 годом, в целом в городе Красноярске данный показатель снизился на 15 %.

Общественность Красноярского края так же активно подключилась к решению вопросов, связанных с социальной адаптацией бывших осужденных. В Общественной палате Красноярского края создана и успешно функционирует межведомственная рабочая группа по вопросам ресоциализации лиц, освободившихся из мест принудительного содержания, и взаимодействию с региональной общественной наблюдательной комиссией (ОНК). В настоящее время участниками группы разрабатывается проект дорожной карты по внедрению пробации на территории Красноярского края [6].

Таким образом, создание службы пробации в России является закономерным этапом развития пенитенциарной системы. Использование опыта социальной реабилитации освобождающихся осужденных на основе двухсторонних и многосторонних соглашений о сотрудничестве отдельных регионов России послужит прочной основой реализации закона о пробации. Создаваемая в России служба пробации – это уникальная инновационная система межотраслевого взаимодействия, учитывающая особенности национального менталитета и регламентирующая выполнение субъектами пробации функций по социальной реабилитации осужденных во время отбывания наказания и после освобождения [3]. Нацеленность Минюста РФ на создание в рамках структуры ФСИН России самостоятельной профильной службы пробации, деятельность которой будет направлена на формирование у осужденных социально полезных связей, профессиональных и трудовых навыков посредством реализации индивидуальных программ адаптации, позволяет найти решение проблемы, заключающейся в необходимости сокращения рецидива преступности среди осужденных [5].

Организационные аспекты начала функционирования системы пробации, в том числе на базе уголовно-исполнительных инспекций, и сформулированные выводы показывают следующее:

- к моменту принятия и вступления в силу закона «О пробации в РФ» в России существовали правовые и организационные условия для начала функционирования системы пробации;
- важным аспектом организации системы пробации является задачи государства по борьбе с рецидивом преступлений и мер, направленных на его профилактику;
- существующие предпосылки для системы пробации, а также организационные проблемы показывают потребности в подготовке будущих кадров и профессиональной переподготовке существующих.

- в организационной составляющей функционирования субъектов пробации, важно не столько самостоятельно осуществлять социально-реабилитационные функции, сколько активизировать все существующие на обслуживаемой территории реабилитационные ресурсы, организовав эту работу совместно с институтами гражданского общества [3].

Список использованных источников:

1. О пробации [Электронный ресурс]: Федеральный закон от 06.02.2023 №10-ФЗ // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

2. Габараев, А. Ш. Перспективы реализации института пробации в современной пенитенциарной политике Российской Федерации / А. Ш. Габараев, А. В. Новиков // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 2-2.

3. Злотников С.А. Организационные аспекты начала функционирования системы пробации в Российской Федерации // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2022. № 8.

4. Седнёв С.П. Организация работы по подготовке осужденных к освобождению в исправительных учреждениях ГУФСИН России по Красноярскому краю: учебное пособие, часть 2 / С.П. Седнёв. – Красноярск: ФКУ ДПО МУЦ ГУФСИН России по Красноярскому краю, 2017. – 52 с.

5. Старостин, С. А. Служба пробации в России: выбор политики и перспективы развития / С. А. Старостин, Н. В. Анискина // Пенитенциарная наука. 2022. Т. 16, № 2 (58).

6. Официальный сайт ГУФСИН России по Красноярскому краю. - Режим доступа: www.fsin.su/organization/educate.

УДК 340. 312

ПРОБЛЕМЫ ПОНЯТИЙНО-КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ОБЩЕЙ ТЕОРИИ ПРАВА**В. В. Кожевников***Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского*

Если говорить по существу первая проблема касается значимости правовых понятий и категорий: одни ученые включают их в содержание методологии правоведения [5, с. 24]; другие вполне обоснованно полагают, что попытки рассматривать «понятий аппарат» общей теории права в качестве специфического метода не могут быть признаны правильными, поскольку основываются на отождествлении теоретического и методологического аспектов общей теории права [13, с. 282]. В.М. Сырых весьма определенно заявляет, что «понятия и категории, хотя и играют важную роль в познании (государственно-правовой действительности. - В.К.), выступают основой методов, но сами по себе не являются самостоятельным методом познания» [12, с. 556].

Еще одна проблема методологического характера связана с соотношением понятий и категорий общей теории права, которые зачастую отождествляются (примером может служить феномен национальной правовой системы). С позиций одних ученых, правовая система-это понятие [1, с. 31; 14, с. 23-30; 3, с. 177-200]; другие определяют ее как центральную категорию сравнительного правоведения [4, с. 33].

В контексте рассматриваемой проблемы представляются интересными утверждения И.Д. Андреева, который пишет следующее: «Есть понятие, которое отражает основные свойства сравнительно небольшого класса предметов. В этом смысле мы можем называть их частными понятиями. Но есть и такие понятия, в которых выражены существенные свойства связи и отношения, принадлежащие всем или почти всем предметам, изучаемым данной наукой. Такие общие понятия называются категориями» [2, с. 177]. В.В. Ныркв о категориях пишет: «Зачастую мы употребляем термин «категория» не задумываясь, порой интуитивно желаем подчеркнуть этим значимость какого-либо научного понятия. Большинство из нас наклеиваю данный «ярлык» на понятие, представляющееся нам «наиболее общим, фундаментальным или же занимающим некое центральное местов теории» [9, с. 60].

Если данные положения, касающиеся понятий и категорий, экстраполировать в область юридической науки, то не вызывает сомнение такая

точка зрения В. И. Червонюка: «правовые понятия - содержательные научные представления, воспроизводящие (идеально) в мышлении объективную суть реальных процессов правовой действительности и выражающие специфически их юридическую качественную определенность» [5, с. 32].

Что же касается правовых категорий, то ученый полагает, что это «систематизированная форма выражения правового знания, своеобразные сгустки человеческой мысли, совокупность таких мыслей, вобравших в себя знания о государственно-правовых явлениях, их свойствах и признаках» [5, с.34].

При этом автором уточняет, говоря, что правовые категории, если пренебречь методологической строгостью, можно представить как предельно широкое правовое понятия. Они выполняют роль своего рода системообразующих логических узлов, с помощью которых научное познание проникает в сущность и содержание государственно-правовых явлений, отличаются своей фундаментальностью, представляя собой логическую основу, вокруг которой выстраивается система понятий, образуя «гнездо», «семью» правовых понятий, их логический ряд («право», «государство», «действие права», «правовая система», «правовая среда», «правовая культура» и др.) [5, с. 34].

Представляется, что рассмотрение другой проблемой понятийно-категориального аппарата общей теории права, которая отчасти анализировалась нами ранее [6, с. 33-53], с необходимостью предполагает оговорка о том, что первый дифференцируется на две взаимосвязанные группы: 1) легальные правовые понятия и 2) научные (теоретические, доктринальные) правовые понятия и категории.

Различая доктринальные (теоретико-правовые) правовые понятия, которые, являясь результатом познавательной деятельности, принадлежат непосредственно науке и посредством которых выражаются те или иные «концепции», «теории», «концепции» юридической науки, и легальные (нормативно-правовые) понятия, получившие официальное закрепление в нормативно-правовых актах (законах и подзаконных актов), императивно определяющие объем (круг) и содержание общественных отношений, выступающих предметом правового регулирования, Н.И. Панов подчеркивает, что в своем сочетании они образуют понятийный аппарат юридической науки [10, с. 22-23].

Полагаем, что вырабатываемые учеными - теоретика доктринальные понятия и категория должны ориентироваться на официальные (легальные) определения и им не противоречить.

Однако, несмотря на значимость дефинитивных норм права в правовом регулировании общественных связей, отношение к ним, как показывает анализ юридической литературы, весьма пренебрежительное: в ней либо искажается их содержание, либо предлагаются такие общетеоретические положения, которые не соответствуют соответствующим дефинитивным нормам. Подобных негативных примеров можно привести множество.

Так, Г.Г. Бернацкий, говоря о таких видах правонарушений, как преступления и административные правонарушения, первые трактуются, как «правонарушения, которое посягает на наиболее важные общественные отношения и потому характеризуются как наиболее опасные для общества противоправные деяния по сравнению с проступками», вторые – «правонарушения, за которые Кодексом РФ об административных правонарушениях установлена административная ответственность» [11, с. 157]

Между тем, в ч. 1 ст. 14 УК РФ «преступлением признается виновно совершенное общественно опасное деяние, запрещенное настоящим Кодексом под угрозой наказания», а «административным правонарушением признается противоправное, виновное действие (бездействие) физического или юридического лица, за которое настоящим Кодексом или законами субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях установлена административная ответственность». (ч. 1, ст. 2.1 КоАП РФ). Этим же автором выделяются «приказы, инструкции, положения, нормативные письма, уставы министерств и ведомств» [11, с. 104].

Говоря о ведомственных нормативно-правовых актов, Л. А. Морозова полагает, что «чаще всего такие акты принимаются в форме приказов, инструкций, положений, инструктивных писем и др.» [8, с. 252].

Между тем, и в постановлении Правительства РФ от 13 августа 1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» и в постановлении Правительства РФ от 14 февраля 2023 г. № 218 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 13 августа 1997 г. № 1009 и признании утратившими силу положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» закрепляется, что «нормативные правовые акты издаются в виде постановлений, приказов, правил, инструкций и положений, если иное не предусмотрено законодательством Российской Федерации. Акты, издаваемые в ином виде, не должны содержать предписания нормативно-правового характера. Издание нормативных правовых актов в виде писем, распоряжений и телеграмм не допускается».

В заключение отметим, что об актуальности понятийно-категориального аппарата правоведения, так или иначе, рассуждали многие ученые. Например, П.У. Кузнецов полагает, что «мобилизация теоретических и методологических исследований, направленных на осмысление общественного бытия и разработку соответствующего им правового инструментария, включающего правовые понятия, признается одной из злободневных задач юридической науки» [7, с. 14-15].

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Право и правовая система // Правоведение. 1980. № 1. С. 27-34.
2. Андреев И.Д. Проблемы логики и методологии познания. М.: Наука, 1972. 318 с.
3. Байтин М.И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков): монография. М.: Право и государство, 2005. 544 с.
4. Бехруз Х. Сравнительное правоведение: учебник. Одесса: Феникс, 2008. 504 с.
5. Гойман-Калинский И.В., Иванец Г.И., Червонюк В.И. Элементарные начала общей теории права: учебное пособие/ под общей ред. В.И. Червонюка. М.:Право и закон КолосС, 2003. 544 с.
6. Кожевников В.В. Правовые понятия и категории общей теории права: их методологическое значение, различие и виды // Теоретико-исторические правовые науки в системе современного юридического знания: монография / отв. ред. Т.Ф. Яцук. М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. С. 33-53.
7. Кузнецов П.У. Социальная ценность электронного государства: ценности и терминологические проблемы // Информационное общество и социальное государство: сб. науч. работ / состав и отв. ред. И.Л. Бачило. М.: ИГП РАН, ИП «У Никитских ворот», 2011. С.10-27.
8. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. М.: Эксмо, 2007. 448 с.
9. Нырков В.В. Поощрение и наказание как парные юридические категории: дис.... канд. юрид. наук. Саратов: Саратовская гос. академия права, 2003. 222 с.
10. Панов Н.И. Методологические аспекты формирования понятийного аппарата юридической науки // Правоведение. 2006. № 4. С.18-28.
11. Правоведение: учебник / под ред. Г.Г. Бернацкого. СПб: Санкт-Петербургский гос. эконом. ун-т, 2023. 518 с.

12. Сырых В.М. Теория государства и права: учебник. М.: Юстицинформ, 2001. 591 с.

13. Сырых В.М. Логические основания общей теории права в 2-х томах. М.: Юстицинформ, 2004. Т. 1. Элементный состава. 528 с.

14. Тиунова Л.Б. О понятии правовой системы // Правоведение. 1985. № 1..С. 23-30.

УДК 340.13

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

А. А. Кондрашев

Сибирский федеральный университет

В настоящее время происходит некий откат к правовому нигилизму, вызванному появлением в политической повестке нашей страны новых течений – антизападничества и традиционализма (консерватизма), которые выражаются в призывах к отказу от демократических правовых ценностей, распространении новых национально-религиозных концепций права, авторитарных концепций государства. Например, известный конституционалист И.А. Конюхова-Умнова прямо указывает, что «в конституционно-правовом контексте важно признать ошибочность западной либерально-демократической доктрины свободы, уважения личной жизни и равноправия в той части, в которой эта доктрина вошла в серьезное противоречие с духовными идеями гуманизма, касающимися понимания пределов реализации этих ценностей» [4, с. 26]. Предстоит серьезная ревизия либерально-демократической концепции прав и свобод, внесение в нее коррективов с учетом опыта стран, нацеленных на защиту гуманизма и традиционных духовно-нравственных ценностей на конституционно-правовом уровне. Пересмотр концепции прав и свобод подразумевает повышение ответственности за нарушение естественных прав, основанных на приоритете духовного над материальным. При этом не только концепция, но и сам институт прав и свобод нуждается в существенной корректировке». Более того, она предлагает вообще лишать конституционных прав в зависимости от наличия сексуальной ориентации (права избирать и быть избранным, на работу в университетах и школах, в больницах, судьей, в правоохранительных органах и т.д., а также их нужно принудительно лечить) [4, с. 27].

По мнению ряда авторов после 2022 года в России наблюдается создание особой формы правления, сопряженной с формированием гибридного режима, в рамках которого происходит существенное ограничение важнейших прав и свобод граждан, и замораживание базовых конституционно-правовых принципов и основ Конституции 1993 года.

В современном политическом режиме России нашли свое отражение признаки нескольких предыдущих политических режимов, существовавших в нашей стране. Исследователи считают, что сегодняшний политический режим содержит в себе как черты демократии, так и признаки авторитаризма [1, с. 121]. По мнению А.Ю. Дергачева, сегодня форма правления в стране склоняется в сторону полупрезидентской республики со все более явным доминированием Президента России в системе разделения властей [3]. И.Г. Шаблинский отмечает главную особенность медиапространства, которое свойственную для политического режима в Российской Федерации в 2010–2020 гг., это наличие большого количества независимых от государства интернет-ресурсов, в том числе интернет-платформ, размещающих в основном пользовательский контент. Данного феномена авторитарные режимы прошлого не знали. Таким образом, определенное пространство для свободы слова и свободы массовой информации все годы, в течение которых политический режим в целом ужесточался, сохранялось [6]. Именно по этой причине, сложно было именовать российский режим – авторитарным, но после начала СВО и фактическим «замораживанием» базовых конституционных прав, такая характеристика режима представляется вполне приемлемой.

Как известно, форма правления и политический режим оказывают большое влияние на процесс формирования политической системы и законодательства. Например, в рамках авторитарного или того же тоталитарного режима происходит редуцирование (упрощение) управленческих практик, обычно имеет место предельная централизация и бюрократизация всего государственного управления. И качество государственного администрирования неизменно ухудшается, особенно это характерно в периоды, когда полностью уничтожаются элементы демократических начал в государстве: разделение властей, самостоятельность ветвей власти, независимость СМИ, институты гражданского общества.

Основные контр-тенденции в нашей стране связаны прежде всего с:

- усилением репрессивности уголовного и административного законодательства;
- невозможности реализации норм законодательства о массовых мероприятиях;

- отказом от важнейших принципов рыночной экономики – равноправия форм собственности, неизбежности результатов приватизации и возвращения в госсобственность имущества без рыночной компенсации;

- произвольностью и политизированностью при применении законодательства о противодействии терроризму и экстремизму.

Также к числу общих особенностей развития российской правовой системы можно отнести: политизацию законодательства, неопределенность оснований применения всех видов санкций, применение оценочных понятий, не имеющих стандартов правоприменения, снижение качества текстов законов и произвол правоприменителей.

Какие же особенности формирования и развития российского законодательства можно выявить за последние несколько лет?

1. Заполнение правового поля своего рода «фиктивным» законодательством. Мы имеем в виду, что нормы законодательства о публичных мероприятиях, о свободе совести, свободе объединений фактически не применяется для регулирования соответствующих конституционных прав граждан страны. Более того, трактовка указанных норм правоприменителями постоянно модифицируется с целью не допустить реализацию конституционных прав. Так, администрация г. Красноярск отказала ЛДПР в проведении митинга против запрета массовых акций. Чиновники утверждают, что «проведение публичных мероприятий в период ведения специальной военной операции, объявленной президентом РФ Путиным, недопустимо. В то же время проведение мероприятий, организуемых органами власти – «Бессмертный полк», празднование для воссоединения Крыма с Россией и т.д. – разрешаются с десятками тысяч участников. Гарантией конституционных прав и свобод граждан также служит предписание о строго временном характере вводимых в особых режимах ограничительных мер. Это, по сути, запрет на их бессрочное объявление. При этом, отдельные исследователи прямо указывают, что не будет отступлением от названного требования, с учетом имеющихся особых обстоятельств, продление (в том числе неоднократное) срока действия ограничительных мероприятий [5, с. 56].

2. Формируемое «антиконституционное» законодательство, когда законодатель старается посредством изменения текущего законодательства подменить содержание конституционно-правовых принципов и идей. Сейчас активно изменяется уголовно-процессуальное законодательство, позволяя в нарушение общего запрета, установленного в Конституции, массовое поведение заочных судебных разбирательств (заочные суды над лицами, которые подрывают безопасность РФ, с целью проведения процессов против уехавших за

рубеж граждан по 20 видам преступлений средней и небольшой тяжести, в том числе за «фейки» и «дискредитацию» армии РФ в отличие от заочного осуждения лишь по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях и формально только «в исключительных случаях», как это было определено ранее в ст. 247 УПК РФ).

Или, например, очередная итерация законодательства об иностранных агентах, запрещающее людям, которых признали иностранными агентами, осуществлять просветительскую и образовательную деятельность. Запрет касается образовательной деятельности как в отношении несовершеннолетних, так и лиц, достигших совершеннолетия (до этого Федеральный закон «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022 № 255-ФЗ запрещал иноагентам преподавать только детям). Эти нормы прямо противоречат сразу нескольким конституционным нормам, устанавливающим права граждан на свободу слова и объединения (ст. 29, 30 Конституции), право на равноправие и защиту от дискриминации (ст.19), преподавания и выбор профессии (ст. 37, 44).

Или иной пример. В предстоящий единый день голосования (ЕДГ) 14 сентября на муниципальных выборах уже возможно выдвижение кандидатов с гражданством Белоруссии. Право белорусов участвовать в местных выборах в России предусмотрено подписанным 13 марта президентами двух стран протоколом об изменениях в двусторонний договор «О равных правах граждан» от 25 декабря 1998 года, при этом Конституция РФ в ст. 32 содержит императивную норму об участии в выборах только граждан России.

3. В последнее время законодатель стал использовать т.н. «провоцирующее» законодательство, которое имеет направленность на провокацию определенного поведения. Причем такое поведение, по нашему мнению, может рассматриваться скорее не как общественно полезное, а как девиантное и потенциально опасное для жизни и здоровья граждан.

Как, к примеру, следует относиться к попыткам региональных нормотворцев (Постановление Правительства Кемеровской области-Кузбасса от 31.03.2025 № 186 «Об установлении Порядка и условий единовременной выплаты отдельной категории граждан») платить школьницам несколько сот тысяч рублей за рождение ребенка. Фактически, это не что иное, как отрытое провоцирование со стороны государства «педофилии», осуждаемого во всем мире явления.

Или уже пример из новаций федерального законодателя, которое устанавливает освобождение от оплаты кредитных и долговых обязательств на суммы до 10 млн. рублей в случае, если должник призван на военную службу по

мобилизации в ВС РФ (Федеральный закон от 06.04.2024 № 72-ФЗ "О внесении изменений в статью 1 Федерального закона «Об особенностях исполнения обязательств по кредитным договорам (договорам займа) лицами, призванными на военную службу по мобилизации в Вооруженные Силы Российской Федерации, лицами, принимающими участие в специальной военной операции, а также членами их семей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Как можно оценить такое нововведение? Ведь это просто провоцирует рост корыстных преступлений, того же мошенничества.

4. Еще одной разновидностью «новых» правовых норм выступает т.н. «персональное законодательство», когда посредством поправок в законы делаются исключения для конкретных чиновников, занимающих высшие государственные должности. Так, сделаны исключения из общих правил для Председателя Конституционного Суда и Председателя Верховного Суда (Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ (ред. от 14.07.2022) «О Верховном Суде Российской Федерации» убраны все ограничения по возрастному цензу для занятия должности), и в эту же группу новаций входит и конституционная поправка 2020 года, обнулившая сроки, ограничивающие занятие должностей для двух лиц, занимавших должность Президента РФ, до принятия поправки.

5. Самой главной тенденцией последних нескольких лет является формирование «политизированного законодательства» и «неопределенность норм законодательства» в рамках его правоприменения. Например, законодательство, устанавливающее ответственность за т.н. «склонение к аборту» в ряде регионов России, включая и Красноярский край (Закон Красноярского края от 27.02.2025 № 9-3657 «О запрете склонения к искусственному прерыванию беременности в Красноярском крае»).

Или как можно оценить нормы законодательства об изъятии доходов от использования интеллектуальной собственности у лиц, признанных иноагентами, и запрете распоряжаться этими средствами, что просто сегрегирует людей по политическим основаниям. Как отмечает М.Ю. Бахтина, современная российская законодательная практика пошла именно по такому пути: соразмерность вводимых ограничений практически не анализируется и не учитывается [2, с. 32].

6. Еще одной тенденцией формирования современного законодательства стало заимствование иностранных институтов и дополнение их явно неконституционными запретами и ограничениями. Тот же американский институт иностранных агентов, который в США, являет собой только требование

о регистрации в специальном реестре организаций и маркирование их публикаций в прессе, которые за счет финансирования со стороны иностранного государства лоббируют их интересы в американских органах власти, в нашей стране стал основой для стигматизации и лишения конституционных прав граждан по политическим мотивам без наличия фактов какого-либо иностранного финансирования (непрозрачный внесудебный механизм включения в список почти автоматически приводит к уголовным делам и введению ограничений на право работы и распоряжения собственностью, запреты на профессии и т.д.).

В целом, можно говорить о серьезном падении качества нормативного регулирования в стране, как на федеральном, так и на региональном уровнях. К тому это дополняется и фантастической вариативностью (избирательностью) правоприменения в судебных инстанциях. Также в течение последних лет наблюдается примитивизация судебной системы в сторону административно-политической целесообразности и стандартизации приговоров по большинству статей, и правосудие все больше превращается в «отрасль государственного управления».

Очевидно, что изменения политической режима и политической системы приняли в Российской Федерации необратимый характер, и коллизии между нормами глав 1 и 2 Конституции и нормами «нового» российского законодательства только множатся, поэтому с долей уверенности можно предположить, что в достаточно близкой перспективе нас ждет разработка и принятие новой Конституции. В которой будет зафиксировано полное расхождение с правовыми императивами стран Запада, и, скорее всего, за образец будет взят современный китайский вариант конституционного регулирования общественных отношений.

Список использованных источников:

1. Баранов П.П. Современный политический режим России, его конституционная легализация, легитимация и легитимность // Северо-Кавказский юридический вестник. 2017. № 1. С. 121-128
2. Бахтина М.Ю., Мокосеева М.А. Ограничения прав и свобод человека в конституционной теории и практике // Марийский юридический вестник. 2016. № 1 (16). С. 32-34
3. Дергачев А.Ю. Политический режим в России в постсоветский период (региональный аспект) // Интерэкспо Гео Сибирь. 2018. № 6. С.12-16.

4. Умнова-Конюхова И.А. Духовно-нравственная мобилизация конституций как запрос и тенденция конституционного развития современных государств // Государственная власть и местное самоуправление. 2023. № 6. С. 24-28.

5. Харитонов С.И. Гарантии конституционных прав и свобод граждан в условиях особых правовых режимов // Юрист. 2020. № 12. С. 53-58.

6. Шаблинский И.Г. Политический режим в России и авторитарные режимы прошлого: сходства и различия // КВ. 2021. № 6 (24). С. 1. С. 192-199.

УДК 343.9

ОСНОВНЫЕ СУБЪЕКТИВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ КОРРУПЦИОННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

В. В. Кострыкина

Сибирский федеральный университет

Коррупция представляет собой сложное, многогранное явление, которое причиняет существенный вред общественным отношениям. По справедливому утверждению исследователей «когда распределение ресурсов осуществляется в интересах только определённых заинтересованных групп, механизм нормального, /в интересах общества и государства регулирования общественных отношений начинает давать сбой. Это порождает недоверие к власти, социальную напряженность, экономическое отставание и другие негативные процессы» [3, с. 11]. Коррупция имеет широкое распространение [23] и проникла практически во все сферы жизнедеятельности общества. При этом сфера деятельности организаций также не является исключением. Организации осуществляют свою деятельность в социальной, экономической, политической, духовной, а также в сфере обеспечения безопасности и правопорядка. Особую опасность для развития названных сфер представляет коррупционная преступность в организациях, негативные последствия которой наносят невосполнимый вред охраняемым законом интересам личности, общества и государства. Исследователи указывают, что «именно организации в механизме реализации коррупционных отношений могут представлять как сторону активного, так и пассивного подкупа. При этом стороной активного подкупа организации выступают во взаимоотношениях с государственными и муниципальными органами. В свою очередь, стороной пассивного подкупа

организации чаще выступают в отношениях внутри организации, а также во взаимоотношениях между собой» [7, с. 373].

Одним из наиболее опасных явлений в организациях выступает коррупционная преступность. Будучи по своей природе негативным явлением, коррупционная преступность в организациях требует совершенствования системы мер по ее предупреждению. Для этого необходимо выявить детерминанты, способствующие его распространению.

Различные аспекты детерминант коррупционной преступности в коммерческих и иных организациях были рассмотрены в работах таких исследователей как Е.А. Акунченко [2]; С.А. Аверинская [1]; А.Г. Бондарь [4;5]; М.А. Волкова [6], Г.В. Дашков [8]; И.С. Паршин [18]; А.В. Петрянин, И.Ю. Антонова и О.А. Петрянина [20]; И.С. Скифский [22]; Т.М. Судакова [24]; Ю.В. Трунцевский [25]; И.М. Мацкевич [15]; В.А. Номоконов [16]; Л.Ю. Перемолотова, Д.А. Трыканов [19]; И.А. Щербович и Р.Ш. Караев [29] и др. Указанные изыскания имеют значимый научно-практический потенциал, между тем на сегодняшний день детерминанты коррупционной преступности в организациях в полной мере не изучены. В большинстве предметных исследований затрагиваются лишь часть причинного комплекса данного вида преступности.

На доктринальном уровне единого подхода к содержанию понятия детерминант преступности пока не существует. В зависимости от избранного подхода, авторы вкладывают в указанное понятие различное содержание. Так, по мнению М.П. Клейменова под *детерминантами преступности* следует понимать «явления криминогенного характера, порождающие преступления, повышающие вероятность массового криминального поведения, создающие благоприятные условия для реализации преступных намерений» [9, с. 64]. Некоторые авторитетные исследователи предлагают разделять детерминанты преступности *по природе происхождения* на объективные и субъективные [9, с. 64; 11, с. 75; 12, с. 67-68; 14, с. 148]. По мнению М.П. Клейменова, «объективные детерминанты преступности раскрываются как негативизмы социального порядка, явления социальной дезорганизации (противоречия, конфликты, создающие обстановку социальной несправедливости и др.)» [9, с. 60]. В свою очередь под субъективными детерминантами преступности автор предлагает понимать «негативные социально-психологические явления, порождающие преступность» [9, с. 60].

Основываясь на предложенной М.П. Клейменовым классификации детерминант преступности, рассмотрим основные субъективные

детерминанты коррупционной преступности в организациях.

Распространенность коррупциогенных стереотипов поведения среди различных категорий работников организаций. В научной литературе под коррупциогенным стереотипом понимается «устойчивое бытовое представление о коррупции и мерах противодействия ей, в значительной степени способствующее совершению коррупционных правонарушений представителями некоторой социальной группы» [17, с. 74] (например, работники организации). По справедливому замечанию исследователей «складывающаяся на протяжении долгих лет в обществе модель коррупционного поведения субъектов таких отношений привела к формированию в сознании общества и психологии отдельных его граждан определённых стереотипов поведения, стереотипов отношения к власти и ее решениям» [6, с. 193]. К числу подобных коррупциогенных стереотипов в организации относятся утверждения о том, что подарок до 3000 тыс. рублей взяткой (подкупом) не считается, а коррупция это только преступление, или то, что взятка, подкуп или иного рода злоупотребления является единственным способом для продвижения своей профессиональной деятельности (в т.ч. «если хочешь решить вопрос в свою пользу – заплати»).

Желание различных категорий работников продолжить ведение своей уставной деятельности организации в условиях нарушения требований законодательства. В настоящее время существует множество обстоятельств, под воздействием которых организация стремится сохранить успешное ведение своей уставной деятельности. Однако способы достижения указанной цели могут иметь как законный, так и незаконный характер. К числу последнего относятся совершение различными категориями работников коррупционных деяний с целью получения разрешений, справок, лицензий, аккредитаций и пр., когда их законное приобретение является ресурсозатратным мероприятием, или невозможным в силу различных причин, в том числе при наличии административных барьеров или искусственно созданного «бюрократического вымогательства».

Стремление организаций и ее представителей к незаконному обогащению, устранению конкуренции, монополизации рынка. Указанное стремление наиболее распространено в организациях, осуществляющих свою деятельность в бизнес-сегменте, которая неразрывно связана с непрерывным поиском конкурентных решений, способами выживания на рынке и пр. Некоторые предприниматели желают построить свою «частную империю» с целью занятия доминирующего положения на рынке, что

является вполне нормальным поведением в условиях соблюдения всех установленных законом требований. Однако на практике указанные потребности могут достигаться не легальным путем, а посредством использования коррупционных связей. Подобного рода деяния выступают питательной средой для возникновения недобросовестной конкуренции, и способствуют возникновению такого наиболее опасного явления как преступный монополизм, представляющего собой «общественно опасное, противоправное, виновно совершенное и уголовно наказуемое деяние, направленное на недопущение, ограничение либо устранение конкурентной борьбы, т.е. состязательности хозяйствующих субъектов на рынке» [26, с. 6].

Низкий уровень мотивации руководства организации для внедрения эффективной антикоррупционной политики. В целом антикоррупционную мотивацию следует рассматривать «как процесс побуждения лица посредством внутрилличностных и внешних факторов к определенному виду профессиональной деятельности, направленной на достижение индивидуальных и общих целей, в рамках предупреждения коррупционных проявлений» [13, с. 39]. При этом недостаточная мотивация организации и ее различных категорий работников способствует совершению коррупционных правонарушений, затрудняет успешное завершение многих задач, которые предполагается решить в процессе проводимых в стране антикоррупционных реформ. Одной из причин низкого уровня антикоррупционной активности организаций является дефицит мотивации со стороны ее руководства по принципу «тон сверху» к добропорядочному ведению деятельности. Лояльность, конформизм и успешная реализация коррупционных механизмов со стороны руководства организации может послужить основой для мотивационной составляющей коррупционного поведения со ее работников.

Таковы основные субъективные детерминанты коррупционной преступности в организациях. Коррупционная преступность в организациях обусловлена различными по своему содержанию субъективными и объективными детерминантами, которые тесно связаны между собой. Проведение комплексного и межотраслевого исследования и своевременное выявление детерминант коррупционной преступности в организациях позволит усовершенствовать систему предупреждения данного негативного явления.

Список использованных источников:

1. Аверинская, С.А. Детерминанты коррупционной преступности // Вестник Восточно-Сибирского института Министерства внутренних дел России. 2010. № 4 (55). С. 3-10.
2. Акунченко, Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение коррупционной преступности в избирательном процессе Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Акунченко Евгений Андреевич. Красноярск, 2018. 272 с.
3. Антикоррупционные меры безопасности / Н. В. Щедрин, И. А. Дамм, Е. А. Акунченко [и др.]. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. – С.11.
4. Бондарь, А.Г. Коррупционная преступность: общая характеристика и основные детерминанты // Пробелы в российском законодательстве. 2019. № 1. С. 148-151;
5. Бондарь, А.Г. Основные детерминанты коррупционной преступности // Проблемы экономики и юридической практики. 2019. Т. 15. № 3. С. 49-53.
6. Волкова, М. А. Детерминанты коррупционной преступности в сфере государственных (муниципальных) закупок // Право и политика. 2020. № 9. С. 189–205.
7. Дамм, И. А. Типология организаций в аспекте противодействия коррупции в Российской Федерации / И. А. Дамм, В. В. Кострыкина // Russian Journal of Economics and Law. – 2023. – Т. 17, № 2. – С. 367-384.
8. Дашков, Г.В. Причины и условия коррупции // Криминология : учебник для аспирантов / под. ред. И.М. Мацкевича. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2019. Глава 4. 368 с.
9. Клейменов, М.П. Криминология : учебник / М.П. Клейменов. — 3-е изд., перераб. и доп. Москва : Норма : ИНФРА–М, 2021. 416 с.
10. Кострыкина, В.В. Основные объективные детерминанты коррупционной преступности в организациях // Сибирский антропологический журнал. 2025. Т. 9, № 2. С. 86-91.
11. Криминология. Общая и Особенная части : учебник / Г.Н. Горшенков, И.В. Пикин, А.Е. Михайлов [и др.] ; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Г.Н. Горшенкова. Москва : ИНФРА-М, 2023. 390 с.
12. Криминология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В. Д. Малкова. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ЗАО «Юстицинформ», 2011. 544 с.
13. Кудряшов, К. В., Санькова, А. А. Мотивация как объективное условие противодействия коррупции // Государственное и муниципальное

управление. Ученые записки СКАГС. 2010. № 2. С. 38–46.

14. Лунеев, В.В. Криминология: учебник для академического бакалавриата / В.В. Лунеев. – М.: Издательство Юрайт, 2014. 686 с.

15. Мацкевич, И.М. Причины экономической преступности : учебное пособие / И. М. Мацкевич ; М-во образования и науки Российской Федерации, Московский государственный юридический ун-т имени О. Е. Кутафина (МГЮА). Москва : Проспект, 2017. 272 с.

16. Номоконов, В.А. Причины преступности в современной России: проблема обостряется // Всероссийский криминологический журнал. 2017. Т. 11. № 2. С. 247-257;

17. Основы антикоррупционного просвещения в сфере образования : учеб. пособие / Е.А. Акунченко, П.А. Вырва, И.А. Дамм и др.; под ред. И.А. Дамм, Н.В. Щедрина. – Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2016. – 200 с.

18. Паршин, И.С. Причины и условия коррупционной преступности // Российский следователь. 2014. № 1. С. 36-40.

19. Перемолотова, Л. Ю. Коррупционная преступность в сфере высшего образования: краткий анализ причин и условий / Л. Ю. Перемолотова, Д. А. Трыканов // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2020. № 19. С. 128-132.

20. Петрянин, А.В., Антонов, И.Ю., Петрянина, О.А. Детерминанты и предупреждение коррупционной преступности // В сборнике: Особенности оперативно-розыскной деятельности ОВД в свете изменяющегося законодательства. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции к 100-летию уголовного розыска России. Под редакцией Ю.Н. Савенкова. 2018. С. 50-53.

21. Полукаров, А.В. Административно–правовое регулирование противодействия причинам и условиям, детерминирующим коррупции в социальной сфере // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. Т. 11. № 4. С. 35-46.

22. Скифский, И.С. Детерминанты коррупционной преступности (по материалам судебной практики Тюменской области) // Современное право. 2010. № 6. С. 14-17.

23. Состояние преступности в России : статистический сборник за январь – декабрь 2024 г. // Официальный сайт МВД России. URL: <https://media.mvd.ru/files/application/9209203>.

24. Судакова, Т.М. Проблемы криминологической детерминации и

причинности в научной доктрине профессора Виталия Анатольевича Номоконова // Всероссийский криминологический журнал. 2024. Т. 18, № 1. С. 2-9.

25. Трунцевский, Ю.В. Объективное и субъективное в причинах экономической преступности // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. №3 (39). С. 187-189.

26. Хутов, К. М. Преступный монополизм: уголовно-политическое и криминологическое исследование : автореф. канд. ... юрид. наук. Саратов, 2006. 30 с.

27. Чуфаровский, Ю.В. Криминология в вопросах и ответах : учеб. Пособие / Ю.В. Чуфаровский. – М.: Проспект, 2009. 144 с.

28. Шедий, М. В. Коррупция как социальное явление: социологический анализ : дис. ... д-ра. социол. наук : 22.00.04 / Шедий Мария Владимировна. М., 2014. 393 с.

29. Щербович, И. А., Караев, Р. Ш. Анализ детерминантов низовой коррупционной преступности в России // Правовая политика и правовая жизнь. 2017. № 2. С. 69-76.

УДК 34.096

ПОНИМАНИЕ «ИМПЕРИИ» В ПРОЕКТАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ОСНОВЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА В НАЧАЛЕ XIX ВЕКА

Н. И. Красняков

*Новосибирский национальный исследовательский государственный
университет*

Политико-правовая категория «империя» имеет фундаментальный смысл в общественном сознании и междисциплинарное значение в научных исследованиях, поскольку характеризуется динамическими свойствами иерархий общества, государства, права и на методологическом уровне позволяет идентифицировать культурно-идеологические, социально-экономические и политические условия эволюции Российской империи, и, как следствие, оказывает влияние на ее цивилизационное развитие в перспективе. Имперский период российской государственности представляет интерес ввиду несхожести укладов присоединенных в различные периоды истории Нового времени разностатусных территорий ее составляющих в управленческом,

хозяйственном и нормативно-законодательном отношении [4, с. 27] и процессах взаимного влияния центра и регионов [2]. Прерогативы российского императора дифференцировались по регионам в рамках традиционной автономизации в государственном управлении в зависимости, главным образом, от политико-правового прошлого, стадии экономического развития, условий вхождения в состав России, геостратегического положения территории, возможностей для безопасности и целостности государства, соответственно имперская идея воплощалась, прежде всего, в политической сфере общества. Потому в исследовании осмысления современниками той эпохи имперской формы государства, следует изучать реформирование политической системы такого сложносоставного государственного образования и, прежде всего, надлежит обобщить взгляды верховной власти и акторов преобразований на управление регионами, а именно – бюрократическую организацию и варианты ее переформатирования в контексте сложноцентрализованного государственного аппарата и осознание высшим чиновничеством принципов, возможностей, способов и результатов планируемой модернизации. Планируемые последствия будущего упорядочения системы правительственных учреждений даже в момент разработки проектов переустройства государства сопровождалось включением в процесс самого императора, вызывали широкое обсуждение в центре и регионах, приобретали первостепенное значение в повседневной деятельности чиновников в работе с различными категориями местного населения.

В контексте централизаторских тенденций формирования единого Российского государства середины XVII-XVIII вв. развитие возглавляемых воеводами местных учреждений власти и, которые выступали территориальным органом центра, предполагало, что отдельные части системы администрации подчиняются целому, а целое – центральной власти. Следует отметить, что после противоречивой ситуации этого времени в функционировании института престолонаследия данные меры в целом обеспечивали определенный порядок в делах, однако, в долговременном отношении такой подход в имперском, сложносоставном по территориям, государстве представлялся не перспективным. Например, по мнению специалиста в областном устройстве государства П. Мрочка-Дроздовского, на самом деле упорядоченности не получилось ввиду «раздробление самой центральной власти между различными приказами», что в свою очередь продемонстрировало «слабость этой власти», поскольку средство для преодоления неразберихи в виде «учреждения прав» предусмотрено не было [6, с. 12]. Классик исторической науки буржуазного периода Н.М. Карамзин также подчеркивал разрастание

сверх надобности при Петре I бюрократии и бюрократизации [7, с. 12], что негативно сказывалось на понимании чиновничеством востребованности и сущности прогнозируемых преобразований. Можно утверждать, что бюрократия центральных правительственных учреждений оказывалась существенной помехой в деле модернизации государственных институтов, тем более, что внедряемые Петром I элементы рационализации в дальнейшем не прижились. Проводимая реформа сословной дифференциации и организации конца XVIII в., на наш взгляд, не отражала на тот момент и в том виде естественно сформировавшихся потребностей общества, как целостной системы, а выражала волю абсолютистского государства, вовсе не в рамках предоставления так необходимых, упомянутых выше, прав различным слоям населения, и не сложной в социальном, политическом и экономическом смысле развивающейся имперской государственно-правовой конструкции.

Разрешению сложившихся противоречий в начале XIX в. способствовали реформы государственного управления, они привели к упорядочению деятельности центральных органов на основе единообразной схемы функционирования структур власти, их соподчиненности в системе «центр-периферия», в которой генерал-губернатор имел значение территориального министра. Касательно управления регионами, на принципиальном уровне, во многом сохраняли действие функционирующие до вхождения в состав России институты местной власти, поскольку правительство вынуждено было придерживаться определенной самостоятельности некоторых регионов и этносов.

В оценке дальнейшей динамики государства господствовали представления политической элиты на сложившуюся форму Российского государства как на империю. В частности, такая базовая характеристика как первостепенный фактор в разработке идей, направлений и средств к преобразованию внутренней политики отражена известным дипломатом С.Р. Воронцовым, который считал, что в такой огромной стране император не в силах править «при существующей форме правления без конституции, без твердых законов, без несменяемых и независимых судов». Он же в письме известному государственному деятелю Н.Н. Новосильцеву, придерживаясь эволюционного пути политических преобразований указывал на необходимость сохранения социальной основы монархии в виде дворянства, ослабление которого приравнивал к подкопу под императорский трон [1, с. 120-121]. Как видим, правящими кругами не осознавалась мысль, что без изменения социального фундамента навряд ли смогут одновременно функционировать монополия на государственную службу дворян, различные формы управления и

самоуправления на земском уровне и конституционные начала в переустройстве общества, государства и права.

Присоединение новых территорий – Финляндии, Бессарабии и значительной части Польши – вынуждали Александра I при сохранении государственного единства решать проблемы децентрализации управления не только его деконцентрацией, но и другими путями, вплоть до разработки проектов конституций-установлений. В общественно-политических кругах становилась все более очевидной потребность приспособления политической системы к изменяющейся функциональности государства. В частности, коронационные проекты А.Р. Воронцова, В.П. Кочубея и Н.Н. Новосильцева, нашедшие отражение в «Грамоте российскому народу» 1801 г. содержали идеи, прежде всего, Habeas Corpus Act и Декларации прав человека и гражданина, составившую основу трех французских конституций [3, с. 113]. Под конституцией авторы проекта понимали «закон, определяющий порядок, который следует соблюдать при создании административных законов, которые непременно... должны подвергнуться перемене согласно известному, строго определенному, неизменному способу, который закрыл бы дверь всякому произволу и, следовательно, уменьшил бы зло, могущее произойти от различия способностей тех, кто стоит во главе государства».

По поручению Александра I в 1809 г. М.М. Сперанским представлен знаменитый «План всеобщего государственного образования», который воплотил на бумаге рассуждения императора и исполнителя его замыслов. Стратегическая цель преобразований виделась в создании условий для перехода от традиционного самодержавия к более прогрессивной форме правления – рационально организованной «истинной» или «законной» монархии. Под конституцией понимались «права верховной власти, права престола, образ составления законов, права подданных», а также устройство тех высших государственных законодательных и исполнительных учреждений, т.е. систему установленных монархом законодательных норм, обеспеченных его «доброй волей» их соблюдать. План преобразований предполагал основой устройства государства принцип разделения властей, идеи верховенства закона, выборности части чиновников и суда.

В 1819-1820 гг. в Варшаве французский юрист Петр Иванович Пешар-Дешан под руководством Н.Н. Новосильцева, подготовил Конституционную хартию России (в русском варианте – «Государственная уставная грамота Российской империи»), в которой определялось, что монарх является единственным источником всей власти в империи. К октябрю 1819 г. небольшой по объему проект – всего две с половиной страницы печатного текста, был готов, и после

его редактирования императором стал иметь название «Краткое изложение основ конституционной хартии Российской империи». О его конституционном характере свидетельствуют: представительная форма правления в лице императора, министров и назначаемых императором членов Государственного совета, а также созываемой каждые 5 лет Государственной думы, получившей право отклонять и даже налагать вето на законопроекты; федеративная структура империи из наместничеств, причем внутри каждого предлагалось создать двухпалатную думу; декларировался целый ряд гражданских свобод и общих принципов права.

Хотя осуществить рассмотренные проекты в силу различных причин не оказалось возможным, все же подчеркнем понимание имперскими властями значимости преобразования политической системы с позиций баланса интересов, в том числе и отношений центра и разностатусных регионов. Проектами преобразований властеотношений имперского типа предусматривались цели-принципы, направления и средства их переустройства с учетом вышеизложенных факторов. Основным результатом централизации и бюрократизации административного управления явилось усиление государственной власти в центре, поскольку только она выступала необходимым средством для установления, поддержания и укрепления государственного единства через создание устойчивой системы управления периферийными регионами, органично выступающие закономерными процессами для имперской формы государства [5].

Список использованных источников:

1. Гросул, В.Я. Русское общество XVIII-XIX веков: Традиции и новации. М.: Наука, 2003. 517 с.
2. Кодан, С.В. Система права Российской империи как отражение взаимодействия правовых систем метрополии и национальных регионов (1800-1850-е гг.) / Кросс-культурные взаимодействия в политико-правовой сфере: история, теория, современность. Доклады и сообщения: Материалы Уральских юридических чтений (научная конференция). Екатеринбург: УрГЮА, 2010. С. 19-25.
3. Конституционные проекты в России XVIII - начало XX вв. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 815 с.
4. Красняков, Н.И. Имперская парадигма государственного управления России XVIII – начале XX вв.: сущность, направления исследования // История государства и права. 2023. № 5. С. 27-30.

5. Красняков, Н.И. Российская империя: опыт управления национальными регионами (середина XVII – начало XX в.): моногр. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2023. 460 с.

6. Мрочек-Дроздовский, П. Областное управление России XVIII века до Учреждения о губерниях 7 ноября 1775 года. Историко-юридическое исследование. Ч. 1: Областное управление эпохи первого учреждения губерний (1708–1719). М., 1876. 350 с.

7. Управленческая элита Российской империи. История министерств. 1802-1917. СПб.: Лики России, 2008. 693 с.

УДК 343.13

О «БЕДНОМ» ПОТЕРПЕВШЕМ ЗАМОЛВИТЕ СЛОВО

С. М. Курбатова

Сибирский федеральный университет

Автор выражает благодарность доктору юридических наук Александру Дмитриевичу Назарову, модератору секции уголовного процесса и криминалистики XVII Всероссийской научно-практической конференции «Енисейские политико-правовые чтения», за предложенную формулировку к названию доклада автора на данной конференции, послужившей в дальнейшем основой для настоящей статьи.

Потерпевший – один из основных участников уголовного судопроизводства. Однако на сегодняшний день сложилась парадоксальная ситуация: лицо, пострадавшее от преступления, зачастую продолжает страдать и дальше – как в процессе расследования преступного деяния, так и при рассмотрении уголовного дела в суде. Особенно актуально это для физических лиц, которые составляют абсолютное большинство из числа потерпевших от преступлений. Так, в 2016 году потерпевшими были признаны около 1,8 млн человек, а в 2017 году – примерно 1,6 млн человек. В 2019 и 2020 гг. – порядка по 1,4 млн человек, в 2021-2024 гг. – по около 1,3 млн человек [10].

Причины таких страданий – пробелы и коллизии законодательства, а также издержки правоприменительной деятельности органов предварительного расследования, прокуратуры и суда. Так, на досудебных стадиях много проблем возникает при приеме, регистрации и рассмотрении заявлений о преступлениях.

В их числе: отказ в приеме заявления о преступлении, укрытие преступлений от учета и регистрации, формальный подход сотрудников правоохранительных органов к проверке заявления о преступлении и пр. [8; 9]. До сих пор не урегулирован правовой статус заявителя, участвующего в процессуальной проверке заявления о преступлении: в разделе II УПК РФ такой участник уголовного судопроизводства отсутствует, соответственно, не закреплен и его процессуальный статус, а значит нет механизма и гарантий его реализации, а также затрудняет реализацию уголовно-процессуальных норм. Например, вызывает вопрос о возможности выполнения соответствующими органами и должностными лицами требования, содержащегося в ч. 1 ст. 144 УПК РФ, согласно которому необходимо разъяснять участникам доследственной проверки их права и обязанности, учитывая отсутствие в УПК РФ данного участника как такового. Так как заявитель не есть потерпевший, согласно нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, у него нет прав, предусмотренных ч. 2 ст. 42 УПК РФ для потерпевшего. Поэтому на этапе проверки повода для возбуждения уголовного дела он не обладает, например, правом на предоставление доказательств по уголовному делу, а также правом участвовать с согласия следователя или дознавателя при производстве следственных действий [2].

Обращает на себя внимание и существующее неравенство возможностей заявителя и лица, в отношении которого проводится проверка на этапе проверки информации, содержащейся в поводе для возбуждения уголовного дела. Так, согласно ч. 1 ст. 144 и п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование, наделено правом на участие защитника с момента начала осуществления процессуальных действий против него, тогда как по поводу заявителя в ст. 49 УПК РФ ничего не сказано. Да, у потерпевшего есть право иметь представителя, однако оно может быть реализовано лишь после возбуждения уголовного дела, когда юридически и появляется данный участник уголовного судопроизводства (п. 8 ч. 2 ст. 42 и ст. 45 УПК РФ). При этом у пострадавшего от преступления отсутствует право на бесплатную юридическую помощь в отличие от лица, в отношении которого осуществляется процессуальная проверка.

Можно выделять и много других проблем, касающихся участия потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве [5; 6; 11]. Однако и на судебных стадиях их предостаточно. Так, не всегда выясняется и учитывается мнение потерпевшего в случаях рассмотрения судом на предварительном слушании по уголовному делу на стадии подготовки уголовного дела к судебному разбирательству, как и не всегда судом разъясняется потерпевшему

право на предъявление гражданского иска, если органами предварительного расследования оно не было разъяснено. На стадии судебного разбирательства нередки ситуации с различными нарушениями прав потерпевших, в том числе связанных с реализацией принципа равенства сторон и доступа граждан к правосудию. В судебном разбирательстве по уголовным делам частного обвинения не предусмотрено участие государственного обвинителя, при том, что, как правило, потерпевшие не владеют юридическими знаниями в должном объеме, а у подсудимого, в рамках реализации его права на защиту есть возможность потребовать для себя участия защитника по назначению. Потерпевший может быть лишен права на участие в судебном заседании, а также в прениях сторон, что является ущемлением права потерпевшего на доступ к правосудию и судебную защиту [1]. Много вопросов возникает по поводу рассмотрения судом первой инстанции гражданского иска, заявляемого в рамках производства по уголовному делу. Можно выделять и иные проблемы, в том числе связанные с исполнением приговора, с участием потерпевшего на стадиях пересмотра судебных решений, а также при возобновлении производства по уголовному делу в виду открытия новых и вновь открывшихся обстоятельств [3; 4; 7; 9].

Таким образом, следует говорить о системной проблеме ненадлежащего урегулирования участия в уголовном судопроизводстве потерпевшего. Данная проблема пронизывает современное российское уголовно-процессуальное законодательство, которое, по идее, должно быть направлено на защиту прав и законных интересов данного лица, как пострадавшего от преступления (ч. 1 ст. 6 УПК РФ). Поэтому ее решение требует всестороннего осмысления и решения на основе комплексного системного подхода, который должен быть заложен в уголовно-процессуальную политику российского государства и в механизм ее реализации, а не просто посредством локальных изменений норм УПК РФ, что наблюдается на протяжении всего периода действия данного кодекса.

Список использованных источников:

1. Антонов, А. Нарушения прав потерпевшего в уголовном процессе, 2024 [Электронный ресурс] URL: <https://pravo163.ru/> (дата обращения: 05.08.2025).
2. Караева, А. А. Процессуальный статус потерпевшего в российском уголовном судопроизводстве / А. А. Караева // Теоретический и практический потенциал современной науки : Сборник научных статей / Научный редактор Н.О. Берая. Том Часть IV. – Москва : Издательство "Перо", 2019. С. 173-178.
3. Колузакова, Е. В. К вопросу о предмете и пределах перекрестного

допроса свидетеля, потерпевшего в суде с участием присяжных заседателей / Е. В. Колузакова, А. С. Александров // Российский судья. 2007. № 3. С. 17-20.

4. Кондрашин, П. В. Право потерпевшего на «законный суд» и его реализация в уголовном процессе / П. В. Кондрашин // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1(52). С. 111-117.

5. Неретин, Н. Н. К вопросу защиты прав и интересов потерпевших на досудебном производстве по уголовным делам / Н. Н. Неретин // Российская юстиция. – 2015. № 9. С. 27-28.

6. Овсянников, И. В. Проблемы защиты прав и законных интересов потерпевших от преступлений на начальном этапе досудебного производства / И. В. Овсянников // Российская юстиция. 2019. № 1. С. 33-36.

7. Панченко, А. В. Обеспечение прав потерпевших в судах апелляционной, кассационной и надзорной инстанции / А. В. Панченко // Российское право: история, современность и тенденции развития : материалы всероссийской научно-практической конференции, Оренбург, 21–22 декабря 2017 года / Ответственный редактор: Левченко О.В. – Оренбург: Оренбургский государственный университет, 2018. С. 179-182.

8. Пострадавшие от преступлений: в надежде на справедливость. Всероссийский опрос ВЦИОМ. 2017 г., 1600 респондентов в 82 субъектах Российской Федерации // Сайт ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=536> (дата обращения: 26.04.2025).

9. Соблюдение и защита прав потерпевших в уголовном процессе: тематический доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Москва, 2020. 68 с. // СПС КонсультантПлюс.

10. Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт [Электронный ресурс] <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 07.06.2025).

11. Шипунова, О. В. Обеспечение прав умершего потерпевшего на досудебном производстве по уголовному делу / О. В. Шипунова // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2017. № 2 (16). С. 134-140.

УДК 347.214.42

«ДАЧНАЯ АМНИСТИЯ»: ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРАВ

Е. А. Летягина

Красноярский государственный аграрный университет

Процедура «дачной амнистии» динамично модернизируется в течение всего периода своего действия. Отметим, что государство, несомненно, заинтересовано в увеличении учтенных надлежащим образом объектов недвижимости, расположенных на территории дачных земельных участков (далее - ЗУ), права на которые оформлены в соответствии с требованиями действующего законодательства, для роста объема налогооблагаемой базы.

Об актуальности данного вопроса говорят исследования, которые осуществляют правоведы по данной тематике. В частности, можно отметить работы, Ефимовой Е.И. [1, с. 59-74], Петрухиной Н.В [2, с. 53-58], Совриковой Е.М. [3, с. 118-122; 4, с. 375-378], Сторожевой А.Н., Дадаян Е.В. [5, с. 62-64], Ульянова А.В. [6, с. 36-47; 7, с. 50-54]. Вместе с тем, данные исследования не исчерпывают указанную тематику.

Приступая к исследованию, отметим, что согласно Федеральному закону от 30.12.21 №478-ФЗ с 1.07.22, действует обновленная редакция п. 2 ч. 13 ст. 70 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – 218-ФЗ), которая содержит изменения обязанностей государственного регистратора при осуществлении государственной регистрации прав в упрощенном порядке на объекты недвижимости (жилые и садовые дома). В частности, из предмета правовой экспертизы, осуществляемой государственным регистратором, необходимо теперь исключать минимальные отступы от границ ЗУ, позволяющие определить соблюдение требований к размещению недвижимости, в независимости от нормативного документа, устанавливающего соответствующие ограничения.

При этом, отметим, что такой «упрощенный» порядок, свидетельствует все же о том, что условия государственной регистрации на жилые и садовые объекты недвижимости ужесточились, что и потребовало дополнительной регламентации для сохранения возможности государственной регистрации прав на такие объекты с учетом провозглашенной «дачной амнистии».

Таким образом, можно говорить о некоторых послаблениях, установленных на короткий промежуток времени, который должен стимулировать владельцев к

регистрационным действиям даже в отношении недвижимости, которая имеет определенные нарушения в расположении.

Вместе с тем, важно понимать, что собственники ЗУ, которые размещают объекты недвижимости на них, обязаны соблюдать определенные требования законодательства, например, положения п. 1 ст. 263 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ), подп. 2 п. 1 ст. 40, абз. 7 ст. 42 Земельного кодекса РФ (далее – ЗК РФ) о безопасности объектов, которые включают в себя и выполнение предписаний о предельных параметрах разрешенного строительства, понятие которых раскрывается в ч. 1 ст. 38 Градостроительного кодекса РФ. Так, в эту категорию включаются и минимальные отступы от границ ЗУ, за пределами которых не разрешается строительство объектов недвижимого имущества, а также максимальное количество этажей, процент застройки в границах ЗУ. При этом определение законодательных требований в сфере строительства входит в компетенцию технического регулирования на основании абз. 21 ст. 2 Федерального закона от 27.12.2002 № 184-ФЗ «О техническом регулировании» (далее – 184-ФЗ).

Вследствие уведомительного регламента, определяемого ст. 51.1 Градостроительного кодекса РФ, наделенные соответствующими обязанностями должностные лица строительного надзора и государственной регистратор проверяют местоположение объекта недвижимости на ЗУ с учетом предельно допустимых отступов, предусмотренных правилами землепользования и застройки, документами по планированию, и федеральными нормативными правовыми актами, до 1.07.2022 требований по осуществлению надзора строительства не было. Также, обозначим, что к федеральным нормативным актам, устанавливающим требования, проверка соблюдения которых обозначена в п. 2 ч. 13 ст. 70 218-ФЗ, относится и Федеральный закон от 30.12.2009 №384-ФЗ «Технический регламент о безопасности зданий и сооружений» (далее – 384-ФЗ), правовые предписания которого распространяют свое действие и на строительство, осуществляемое на садовых и дачных ЗУ.

Соответственно, такая двойственность и не ясность действующего законодательства не способствует эффективной и результативной реализации «дачной амнистии», поскольку перекликающиеся между собой требования о минимальных отступах в разных правовых источниках, например в СНиП и в правилах землепользования и застройки, утверждаемых органами местного самоуправления, что формирует коллизии в установлении приоритетов и механизма реализации эти предписаний (обязательный или рекомендательный характер исполнения, который определяется в соответствии с п. 3 ст. 4 184-ФЗ).

Нет в этой связи и единообразия в судебной практике. Так, в одних случаях

СНИПы признаются как рекомендательные документы, поскольку как вытекает из 384-ФЗ, далеко не все такие документы признаются обязательными. Однако суды, указывают, что положения ГК РФ, в частности ст. 263, содержат бланкетные, отсылающие, например, к СНиП 30-02-97, нормы, что устанавливает обязательный характер указанного СНиП, а, следовательно, его несоблюдение влечет отказ в осуществлении регистрационных действий.

Такая ситуация, требует дополнительного, более детального правового регулирования с целью установления четких и понятных критериев обязательности либо рекомендательности соответствующих документов, коль скоро они выступают основанием регистрации прав на объекты недвижимости в рамках «дачной амнистии» либо в отказе в ее осуществлении.

При этом обозначим и еще одну трудность, по которой возможно и были сделаны послабления в части отказа от проверки соблюдения соответствующих отступов от границ ЗУ. Так, часто в принципе не представляется возможным осуществить документальную проверку отступов, поскольку в Едином государственном реестре недвижимости (далее - ЕГРН) отсутствуют сведения о характерных точках границ ЗУ, а сведения о площади носит условный декларируемый характер. В этом случае, требуется осуществить надлежащее межевание ЗУ, которое не является обязательным в случае регистрации прав на недвижимость на основании «дачной амнистии».

С учетом вышеизложенного, полагаем, что на сегодняшний день следует говорить об определенном ошибочно расширенном толковании правоприменителями действующих правовых предписаний, в частности положений п. 2 ч. 13 ст. 218-ФЗ, о необходимости соблюдения требований различных документов, зачастую, носящих рекомендательный характер и требующих только добровольного, а не обязательного применения.

Более того, отметим, что поскольку здания, сооружения и строения тесно и неразрывно связаны с землей, то отсутствие точных координат характерных таких ЗУ, существенно, и может влечь фактическое нарушение градостроительных и иных строительных требований и т.п.

Список использованных источников:

1. Ефимова, Е.И. О практических проблемах «лесной амнистии» при реализации процедуры на дачных участках / Е.И. Ефимова // Хозяйство и право. – 2024. – № 4(567). – С. 59-74.

2. Петрухина, Н.В. Дачная амнистия: действующие и новые правила / Н.В. Петрухина // Кадастр недвижимости. – 2022. – № 1(66). – С. 53-58.

3. Соврикова, Е.М. Проблемы реализации "дачной амнистии" на территории субъекта Российской Федерации / Е.М. Соврикова // Конституция Российской Федерации как фундамент современных земельных отношений и развития земельного законодательства : Сборник материалов международной научно-практической конференции, Москва, 19 декабря 2023 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования Государственный университет по землеустройству, 2024. – С. 118-122.

4. Соврикова, Е.М. Работы кадастрового учета по программе "дачной амнистии" в городе Барнауле / Е.М. Соврикова // Кадастр недвижимости, геодезия, организация землепользования: опыт практического применения : материалы Всероссийской (национальной) заочной научно-практической конференции, Барнаул, 26 апреля 2024 года. – Барнаул: Алтайский государственный аграрный университет, 2024. – С. 375-378.

5. Сторожева, А.Н. Дачная амнистия: новые возможности / А.Н. Сторожева, Е.В. Дадаян // Актуальные проблемы частно-правовых и публично-правовых отношений в сфере рационального использования и охраны окружающей среды : материалы региональной (межвузовской) научно-практической конференции, Красноярск, 24–25 ноября 2022 года / Красноярский государственный аграрный университет. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – С. 62-64.

6. Ульянов, А.В. О полномочиях государственного регистратора в ходе упрощенного порядка регистрации жилых и садовых домов / А.В. Ульянов // Нотариальный вестник. – 2023. – № 4. – С. 36-47.

7. Ульянов, А.В. Предельные параметры разрешенного строительства как препятствие дачной амнистии / А.В. Ульянов // Материалы круглых столов онлайн : сборник тезисов, Москва, 15 мая – 30 2020 года / отв. редакторы: Н. Г. Жаворонкова, Н. П. Воронина; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации; Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина. – Москва: РГ-Пресс, 2021. – С. 50-54.

УДК 343.131

РАЗУМНОЕ СОЧЕТАНИЕ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Л. В. Майорова

Сибирский федеральный университет

Проблема разумного сочетания публичного и частного в производстве по уголовным делам рассматривается как применительно в целом к уголовному производству, его отдельным формам, так и к отдельным институтам. Данная проблема носит не только доктринальный характер, но и обстоятельно исследуется в судебной практике.

Так, Конституционный Суд РФ в своих решениях обращает внимание на необходимость обеспечения баланса частного и публичного интересов, как законодателем, так и судами, в частности, в области уголовного судопроизводства [3].

Аналогичные позиции можно встретить в решениях Верховного Суда РФ, как в постановлениях Пленума, так и в решениях по конкретным уголовным делам обязывает суды обеспечить «баланс конституционно защищаемых ценностей», «баланс частных и публичных интересов».

Вопросу о сбалансированности ценности публичного и частного в производстве по уголовным делам достаточно много авторов уделяют внимание [1; 2]. И.В. Смолькова подчеркивает, что законный интерес личности «...сам по себе ценность, которая в любом случае должна рассматриваться как отнюдь не меньшая, чем ценность общественного интереса» [6].

В данной статье сочетания публичного и частного в производстве по уголовным делам рассматривается применительно к отдельным следственным действиям.

Соблюдение основополагающих принципов уголовного судопроизводства позволяет достичь как цели уголовного преследования, так и соблюдение законных прав и интересов участников процесса и других, вовлеченных в него лиц.

Право человека на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну как абсолютное правовое благо определено в Конституции (ст. 23, 24) и отражено в УПК РФ и УК РФ.

В уголовном праве понятие «тайна» определяется как сведения (информация), доступ к которым ограничен в соответствии с положениями

федерального законодательства и за несанкционированное нарушение конфиденциальности которых установлена уголовная ответственность.

Проблемы с обеспечением принципа неприкосновенности жилища возникают чаще всего при расследовании преступлений и производстве таких следственных действий как осмотр и обыск (производство регулируется УПК РФ), а также при производстве такого оперативно-розыскного мероприятия (далее ОРМ) как обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств (производство регулируется Законом об ОРД).

Осмотр места происшествия, обыск и обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств формально разграничиваются действующим законодательством, но на практике содержательные различия между ними зачастую отсутствуют. Формальные разграничения предусматривают различный уровень процессуальных гарантий лицам, чьи права в результате их производства ограничиваются. Это часто обуславливает возникновение процессуальных нарушений вследствие подмены более строгого регулируемого следственного действия – обыска – менее требовательно, с точки зрения детальной регламентации, осмотром места происшествия и ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств».

Подмена осмотра или обыска жилища проведением оперативно-розыскного мероприятия «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» зачастую вызвано ложно понятым общественным интересом – стремлением к быстрому раскрытию преступления. Вместе с тем, соглашаясь, что необходимо дальнейшее совершенствование законодательства по данной тематике, необходимо проанализировать действующее.

Если при совершении преступления вторжение в жилище образует квалифицирующий признак, то, конечно, следует определить, является ли данное помещение жилищем. Необходимо получить от заявителя согласие на производство осмотра жилища, если это потребуется для дальнейшего производства по делу.

При поступлении заявления о совершении незаконного проникновения в жилище (ст. 139 УК РФ), оно должно содержать информацию о том, кому это жилище принадлежит и кто в нем фактически проживает, а также, почему заявитель считает проникновение незаконным. Факт подачи заявления означает согласие лица подвергнуть свое жилище осмотру.

Из анализа практики в Постановлении Пленума Верховного суда от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о

преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 1381, 139, 1441, 145, 1451 Уголовного кодекса Российской Федерации)» [5], незаконное проникновение в жилище может иметь место и без вхождения в него, но с применением технических или иных средств, когда такие средства используются.

Осмотр места происшествия и осмотр жилища в силу ч. 1 ст. 176 УПК РФ являются разными следственными действиями, в то время как до возбуждения уголовного дела, в случаях, не терпящих отлагательств, законодательно допустимо проводить только осмотр места происшествия, документов и предметов (ч. 1 ст. 144 УПК РФ).

На практике, в таких случаях проводимое следственное действие называют осмотром места происшествия, а в протоколе местом осмотра указывают жилище. Данная практика, хоть и является довольно распространенной, не совсем соответствует требованиям закона к следственным действиям, производимым в жилище (согласно ч. 5 ст. 177 УПК, осмотр жилища допускается только с согласия проживающих в нем лиц или на основании судебного решения).

Предложения же о необходимости законодательного закрепления возможности производить осмотр жилища до возбуждения уголовного дела, в случаях, не терпящих отлагательств, с соблюдением процедуры уведомления прокурора и суда, вызывают вопросы. Ч. 5 ст. 165 УПК РФ предусматривает, что в исключительных случаях следственные действия могут быть произведены на основании постановления следователя или дознавателя с последующим получением судебного решения. Следует вспомнить и наличие возможности обжаловать в суд постановление органа дознания, дознавателя, следователя и руководителя следственного органа в порядке ст. 125 УПК РФ.

Конечно, оперативно – розыскная деятельность является результативной как раз в тех случаях, когда уголовное дело еще не возбуждено, поскольку выявление, пресечение преступлений, а также их раскрытие «по горячим следам» наиболее эффективно.

Именно в подобных случаях достаточно часто проводится оперативно-розыскное мероприятие обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Ст. 5 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» предусматривает оперативно-розыскное мероприятие «обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». При этом, указанный закон не содержит определение понятия данного оперативно-розыскного мероприятия, а главное детальную регламентацию.

Более детально данное ОРМ регулирует только Приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» [4]. Этот акт является внутриведомственным и возникает вопрос о возможности использования результатов данного ОРМ и соответствие ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности». Якобы благие цели раскрытия преступления «по горячим следам» могут привести не только к нарушению прав и законных интересов лиц, участвующих в производстве по уголовному делу, но и к недостижению целей правосудия.

После возбуждения уголовного дела обыск более предпочитают другим следственным действиями и ОРМ, поскольку он имеет наиболее четко обозначенную в законе цель, и при этом, для ее достижения, следователь обладает широчайшими полномочиями. Это и является на практике причиной предпочтения обыска.

Когда получить достаточные основания для производства обыска затруднительно, недобросовестные сотрудники правоохранительных органов под его видом проводят осмотр места происшествия или обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что наличие активных поисковых действий, в том числе открывание ящиков, шкафов, вскрытие помещений должностным лицом, если они не являлись добровольными, может быть характерно только для обыска. В случаях, когда они имели место в рамках осмотра места происшествия или обследования, это может свидетельствовать о неправомерной подмене ими обыска.

Что касается изъятия обнаруженных в ходе проводимого следственного действия (ОРМ) объектов, осмотр места происшествия и обыск объединяет четко установленная законом возможность изъятия предметов, содержащих следы преступления и имеющих значение для расследуемого уголовного дела соответственно. При этом, фактически, предметами, имеющими значение, и являются содержащие следы преступления предметы. Изъятие таких предметов при проведении обследования допустимо в предусмотренных Законом об ОРД случаях «возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации», что значительно ограничивает круг предметов, подлежащих изъятию.

Обыск и обследование в части полномочий по изъятию объединяет

необходимость изъятия в любом случае предметов и документов, изъятых из оборота. Это положение предусмотрено ч. 9 ст. 182 УПК РФ для обыска и п. 12 Инструкции МВД о порядке проведения обследования [4].

Таким образом, осмотр места происшествия, обыск и обследование разграничиваются и по объему полномочий проводящего их лица. Широта полномочий, предоставленная должностному лицу в рамках производства обыска, обуславливает его подмену другими следственными действиями.

Исходя из вышенаписанного, можно сделать следующий вывод – целый ряд уголовно-процессуальных характеристик позволяет разграничить осмотр места происшествия, обыск и ОРМ «Обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств». В каждом из них сочетается установленный законом набор полномочий уполномоченного должностного лица с набором гарантий тем лицам, чьи права затронуты в результате производства этих следственных действий и ОРМ. Проанализировав положения уголовно-процессуального закона и Закона об ОРД, можно сделать вывод, что такие наборы обычно прямо пропорциональны друг другу в объеме. То есть, чем больше полномочий у сотрудника в рамках одного следственного действия (ОРМ), тем больше у него обязанностей по обеспечению прав лиц, в отношении которого оно проводится. При этом, по объему таких полномочий проанализированные следственные действия и ОРМ можно условно расположить в следующем порядке, от наименее к наиболее широкому: обследование, осмотр места происшествия, обыск. Обыск, однозначно, становится наиболее строгим действием во всех рассмотренных аспектах. Это, в свою очередь, приводит к тому, что обыск производят под видом менее строго урегулированного – обследования или осмотра места происшествия. Такая подмена является неправомерной, так как соответствующие обыску процессуальные гарантии не обеспечиваются должным образом – фактически это и есть цель подмены.

Малочисленные материалы судебной практики являются одними из примеров, когда российские суды отменяют приговор, в том числе, на основании того, что важнейшие вещественные доказательства собраны в ходе обследования или осмотра места происшествия, тогда как фактически производился обыск. Однако, количество жалоб, поданных в порядке статьи 125 УПК РФ, позволяет сделать вывод о том, что такая проблема подмены обыска встречается на практике гораздо чаще.

Законодательство предусматривает эффективные способы защиты в случаях, когда неправомерной подменой обыска нарушаются законные права граждан, но необходимо совершенствование судебной практики.

Представляет интерес определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 1840-О об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина, который обращался к следователю с ходатайством о даче посредством видеоконференц-связи показаний по выдвинутому обвинению, находясь в розыске и скрываясь за границей [3].

Ст. 189.1 УПК РФ устанавливает особенности проведения допроса, очной ставки, опознания путем использования систем видеоконференц-связи, но действующее законодательство исключает проведение дистанционных следственных действий с использованием оборудования и программного обеспечения, не принадлежащих российским правоохранительным органам, т.е. дистанционный допрос лица, находящегося в другом государстве, законом не предусмотрен. КС РФ указывает, что право на судебную защиту прав и свобод не означает возможности выбора гражданином по своему усмотрению способов и процедур судебной защиты, которые определяются, в частности, УПК РФ. Для использования обвиняемым принадлежащих ему процессуальных прав и реализации, имеющихся у него возможностей защиты своих законных интересов, ему необходимо соблюдать предусмотренные уголовно-процессуальным законом процедуры, включая очное участие в производстве по уголовному делу [3].

Таким образом, в данном определении позиция КС РФ сформулирована с одной стороны с учетом того, что публичный характер уголовно-процессуального права отнюдь не означает отказа от защиты частных интересов при производстве по уголовным делам. КС РФ акцентирует внимание на том, что реализации прав и законных интересов обвиняемого не может осуществляться противоправными средствами, а частный и публичный интерес – это не конкурирующие ценности [3].

Современное общество более чувствительно реагирует на защиту законных прав и интересов участников уголовного судопроизводства. Таким образом, можно сделать вывод, что совершенствованию законодательства должно соответствовать развитие судебной практики в разумном сочетании публичного и частного в производстве по уголовным делам. Судебная практика, особенно решения Конституционного Суда РФ и Верховного Суда РФ, безусловно, способствуют в полной мере осуществлению права на правосудие и права на справедливое судебное разбирательство.

Список использованных источников:

1. Давлетов, А.А. Баланс публичного и частного интересов как основополагающий фактор формирования современного российского уголовного процесса / А.А. Давлетов, Н.В. Азаренок // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6.

2. Каминский, Э.С. К вопросу о публичном интересе в уголовном процессе / Э.С. Каминский // Российский судья. 2021- № 1.

3. Определение Конституционного Суда РФ от 17.07.2025 № 1840-о «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Манилова Артема Юрьевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 части второй статьи 38, статьями 189.1 и 453 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru>

4. Приказ МВД России от 01.04.2014 № 199 «Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств» // КонсультантПлюс: справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru>

5. Постановление Пленума Верховного суда от 25.12.2018 № 46 «О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против конституционных прав и свобод человека и гражданина (статьи 137, 138, 138.1, 139, 144.1, 145, 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации)» // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: <https://www.consultant.ru>

6. Смолькова И.В. Частная жизнь граждан: основания и пределы уголовно-процессуального вмешательства / И.В. Смолькова. М.: Луч, 1997.

УДК 343.34

РОЛЬ ТАМОЖЕННОГО СОЮЗА В РЕАЛИЗАЦИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В. А. Мещериков

Сибирский федеральный университет

Международные экономические отношения являются одной из динамичных развивающихся сфер в международных отношениях. В настоящее время эти отношения можно охарактеризовать как интеграционный процесс на глобальном уровне, но в то же время все больше государств создают экономические объединения по региональному признаку, то есть идет регионализация экономического пространства.

Предлагаю рассмотреть понятия: глобализация и регионализация в международных экономических отношениях.

Под глобализацией Сергеев Д.В. [4, с. 3] понимает растущую взаимозависимость стран в результате увеличения масштабов международной торговли и расширения ее сферы, охватывающей не только обмен товарами, но и услугами, капиталом, технологиями и финансовыми активами. С данным определением можно согласиться, и в качестве примера глобализации в сфере торговли, услуг и других отраслях экономики можно привести международные соглашения, которые заключили государства при вступлении во Всемирную торговую организацию.

В свою очередь, регионализация - это процесс взаимодействия, сближения экономик в определенных региональных рамках. Под регионализацией можно понимать процесс образования, функционирования, развития и расширения региональных интеграционных объединений и группировок. Регионализация - процесс экономического взаимодействия стран, приводящий к сближению хозяйственных механизмов, принимающий форму межгосударственных соглашений и согласованно регулируемый межгосударственными органами [4, с. 5]. Примером глубокой региональной интеграции является Европейский Союз, который в настоящее время прошел все этапы экономической интеграции от создания зоны свободной торговли до экономико-политического союза.

Глобализация имеет как положительные стороны, так и отрицательные.

Так позитивной стороной глобализации можно отнести следующие: международное разделение труда; эффективно распределение использования природных и финансовых ресурсов, распространение технологий между

развитыми и развивающимися государствами, сокращение транспортных издержек и временных, что в итоге стирает экономические границы между странами.

В конце двадцатого века (конец 90-х годов) основное направление экономического сотрудничества между государствами состояло в достижении сближения экономик и выстраивания устойчивых связей во всех сферах экономического сотрудничества. Российская Федерация так же стремилась стать активным участником интеграционных процессов в экономической сфере. Участие России во Всемирной торговой организации предоставило ей возможность стать участником всех интеграционных процессов направленных на формирование единого международного рынка.

В настоящее время в международных экономических отношениях происходят изменения, вызванные рядом причин, как политического, так и экономического характера. Отдельные государства переосмысливают значимость глобализации, что вызвано экономическими и политическими причинами. Таким причинами можно считать торговые войны, которые ведутся между крупными экономиками за доминирование на мировом рынке: повышения таможенных пошлин со стороны США в отношении товаров произведенных в КНР, что однозначно не способствует развитию интеграционных процессов в мировом хозяйстве;

- экономические ограничения, введенные недружественными государствами в отношении РФ начиная с 2014 года и по настоящее время.

К отрицательным моментам глобализации можно отнести экономическую взаимозависимость государств, что в случае наступления экономического кризиса в одном государстве, может повлечь за собой экономический кризис в других странах. Например, это финансовый кризис. В современный период финансовые кризисы в развитии мировой экономики признают международными или глобальными, так как они охватывают несколько или большинство стран мира.

Международный финансовый кризис (1997-1998 гг.) «Азиатский кризис». Он начался в Таиланде и затронул большинство стран Восточной Азии: Индонезию, Малайзию, Филиппины, Южную Корею, страны Латинской Америки. В России он послужил внешней причиной кризиса 1998 года. [3, с. 12]

Следующий финансовый кризис начался в 2007 году в США и распространился на большинство стран мира, включая Российскую Федерацию.[5, с. 49]

Из приведенных примеров можно сделать вывод, что одной из причин наступивших негативных последствий финансовых кризисов является

глобализация в финансовой сфере государств.

Но не только в финансовой сфере можно рассмотреть отрицательные моменты глобализации, но и на примере других сфер:

В 2019 году в мире началась Коронавирусная инфекция - COVID-19. На пике пандемии наблюдалась временная нехватка персональных средств защиты, что поставило под сомнение надежность глобальных цепочек поставок и необходимости повысить устойчивость экономик за счет переориентации на внутреннее производство.

Начало специальной военной операции (СВО) России на Украине в 2022 году, поставило под сомнение стремление стран к глобализации. Введение рядом государств экономических ограничений в отношении РФ показало опасность зависимости от «недружественных стран» в сфере экономического сотрудничества. Более того, негативные последствия наступили и для государств - бывших партнеров РФ. Так, Голдберг и Рид в пример ставят энергетическую зависимость Европы от России, переосмысленную после энергетического кризиса 2022 г. [1], уязвимость глобальной системы поставок, основанной на гиперспециализации производства. Так в мировой практике возник френдшоринг – выстраивание производственно-сбытовых цепочек со странами – политическими союзниками [1].

В связи выше обозначенными проблемами, на мой взгляд, на первый план в современный период развития экономических отношений выходит регионализация экономики. Главной целью создания региональных блоков является формирования устойчивых экономических связей между государствами отдельного региона. При этом, создание таких объединений не выступает против процессов глобализации, а можно сказать, является неотъемлемой ее частью. Например, государства - участники Договора о Евразийском Экономическом Союзе [2, с. 2] в преамбуле обозначили цели создания ЕАЭС и подтвердили свое намерение быть частью глобализации:

- обеспечивают экономический прогресс путем совместных действий, направленных на решение стоящих перед государствами - членами Евразийского экономического союза общих задач по устойчивому экономическому развитию, всесторонней модернизации и усилению конкурентоспособности национальных экономик в рамках глобальной экономики;

- принимают во внимание нормы, правила и принципы Всемирной торговой организации.

В настоящее время, обострились отрицательные стороны глобализации, и одной из целей региональных блоков стало коллективное противодействие

негативным ее последствиям.

Одним из примеров регионализации является создание Таможенных союзов. Таможенный союз является одной из наиболее распространенных форм международной интеграции. Характеризуя понятие «таможенный союз», Г.М. Вельяминов указывает, что это «более высокая форма продвижения к интеграции. Таможенные союзы означают свободную, беспошлинную торговлю товарами внутри союза, ликвидацию национальных тарифов стран-участниц, проведение ими общей торговой политики, установление единого для всего объединения государств таможенного тарифа для торговли с третьими странами и, таким образом, образование единого таможенного пространства с общей таможенно-тарифной и нетарифной защитой в отношении других стран». Мировая практика выработала четкие международно-правовые правила создания таможенного союза, которые закреплены в части III Генерального соглашения по тарифам и торговле 1947 года. К основным положениям договоров о создании таможенного союза относятся: 1) создание единой таможенной территории; 2) образование единого внешнего таможенного тарифа, принятие единых основных таможенных правил; 3) введение свободного обращения товаров: товары внутри таможенного союза обращаются без взимания таможенных пошлин и экспортно-импортных налогов, а также без применения экспортно-импортных квот и лицензий; 4) учреждение единой таможенной службы либо организация тесного взаимодействия и сотрудничества национальных таможенных служб между собой.

Таможенные союзы реализуют право на участие в международных отношениях с государствами. В частности, установление отношений Таможенного союза с государствами осуществляется посредством приема в члены или наделения статусом наблюдателя или заключения двухсторонних торговых договоров с другими государствами. Например, государства – участники ЕАЭС заключили ряд торговых соглашений со следующими странами: Вьетнам, КНР, Иран, Сингапур, Сербия. Другое объединение созданное на базе таможенного союза - Европейский союз. ЕС имеет двухсторонние соглашения о зоне свободной торговле со многими государствами (Албания, Чили, Египет, Грузия, Израиль, Ливан и др.).

Исходя из выше сказанного, можно сделать вывод, о том, что Таможенные союзы как субъекты международных экономических отношений могут самостоятельно осуществлять международное сотрудничество с другими странами, с целью взаимовыгодного сотрудничества и экономической целесообразности.

Список использованных источников:

1. Демьяненко В. Конец глобализации и его последствия 24 апреля 2023 / В. Демьяненко // Эконс.– URL: <https://econs.online/articles/ekonomika/konets-globalizatsii-i-ego-posledstviya/?ysclid=m19i1a3bqt73144832> (дата обращения 17.09.2024)
2. Договор о Евразийском экономическом союзе (Астана, 29 мая 2014 года) // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_(дата обращения 17.09.2024)
3. Ляменков, А.К., Ляменкова, Е.А. Особенности финансовых кризисов периода глобализации мировой экономики /А.К. Ляменков, Е.А. Ляменкова // Журнал актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 3. С. 12-15.
4. Сергеев, Д.В. «Глобализация и регионализация мировой экономики: Основные тенденции и перспективы»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Сергеев Дмитрий Владимирович, специальность автореферата по ВАК РФ 08.00.14, канд. экон. наук ; Российский университет дружбы народов. Москва, 2003. 24 с.
5. Яровенько, С.Э.; Ниязбекова, Ш.У. Сравнительный анализ мировых финансовых кризисов, их причины и последствия / С.Э. Яровенько, Ш.У. Ниязбеков // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте . Экономика и управление. 2021. № 4. С. 48-56.

УДК 341.1/8

ПРАВО НА БЛАГОПРИЯТНУЮ ОКРУЖАЮЩУЮ СРЕДУ – ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В. А. Мещериков

Сибирский федеральный университет

Вопросы окружающей среды в современном мире носят актуальный характер. Загрязнение окружающей среды является закономерным результатом хозяйственной деятельности человека. Причем на разных этапах развития общества данная проблема всегда сопровождала человечество - ее масштабы были соизмеримы историческому этапу развития общества. Например, появление первых поселений приводило к засорению тех мест обитания, где

поселенцы проживали: засорение земель отходами жизнедеятельности, рек, ручьев, текущих мимо этих поселений. С развитием городов загрязнение их территорий становилось угрожающим для жителей и характеризовалось появлением заболеваний, которых человечество не знало до этого.

Нельзя сказать, что людей не волновали проблемы загрязнений. Люди предпринимали различные мероприятия для улучшения экологической ситуации в местах проживания. В древние времена люди в своем примитивном хозяйстве использовали природные материалы: камни, дерево, продукты животного и растительного мира, которые после их использования становились частью природных вещей. Так, отходы от жизнедеятельности животных становились удобрением, дерево использовалось в качестве топлива, а камни оставались неотъемлемой частью природы. Можно сделать вывод, что для небольших поселений древних людей, которые в своей жизнедеятельности использовали природные материалы, проблема загрязнения природы практически не имела актуального значения. Однако с увеличением поселений людей, ростом городов, появление заводов и фабрик, гонкой за повышением урожайности в сельском хозяйстве, которая достигалась с помощью применения новых методов, проблема загрязнения окружающей среды становилась всеобъемлющей.

Вопросами роли и места человека и группы людей в окружающем мире занимались еще ученые древности. Одним из видных ученых античности, который посвятил данной проблематике ряд своих работ, был Гиппократ. Один из известных трактатов Гиппократа, посвященный вопросам места человека в окружающей среде через призму возникновения различных заболеваний, это трактат «О воздухах, водах, местностях» [4]. В нем Гиппократ указал, что здоровье людей зависит не только от образа жизни, но и от ряда природных факторов.

Следующим древним источником, содержащим отдельные положения, посвященные окружающей среде, являются Законы Ману (2 в. до н.э.), где было записано, что разрушение окружающей среды убивает вместе с ней человека и физически, и нравственно [10]. Были и иные источники древности, содержащие подобные нормы: «Фетха негест» (4 в. до н.э), работа римского философа Лукреция Кар «О природе вещей» и др.

С укрупнением поселений, созданием городов становилось больше отходов человеческой жизнедеятельности. Так, в средние века, в европейских городах жидкие отходы и нечистоты выливали прямо во двор, улицы. Знаменитые широкополые шляпы французов служили защитой ее владельца от возможного попадания на голову нечистот, которые могли вылить из окна на

улицу. С целью предупреждения того, что из окна будут выливать помои, во Франции в 1270 году французский король Людовик IX издал закон, обязывающий предупреждать об этом действии. Однако этот указ не решил проблему — нечистоты выливали из окон, и шляпы не спасали от грязи. Твердые отходы вывозили за город, где и складировали. Известны факты, свидетельствующие о загрязнении воздуха уже во вполне «исторические» времена. Так, в XII в. Рим, по свидетельству «варвара» из войска Фридриха Барбароссы, являл собою довольно неприглядное место. «Из прудов, пещер и окрестных свалок испаряются яды, и густой воздух наполнен моровой заразой и смертью», — писал он [1].

Другой проблемой городов того времени был дым из печных труб. В этот период стали чаще применять уголь для отопления домов, и вместе с дымом в воздух происходил выброс сажи - жителям городов становилось трудно дышать. Сжигание «морского угля», как первоначально окрестили каменный уголь, привозимый в Лондон морем из Ньюкасла, вызвало в Англии XIII в. бурю жалоб. Последовали первые законы по борьбе с дымом. Они приводились в жизнь предельно просто: их нарушение каралось смертью [1]. Король Англии Эдуард I в 1273г. запретил сжигание угля в Лондоне, во Франции в 1382 г. Карл VI своим эдиктом запрещал выпускать в Париже дым «тошнотворный и дурно пахнущий».

В России проблема загрязнения воздуха, окружающей среды также имела место. В 1817 г. Петр I издал Указ «О соблюдении чистоты улиц в Москве, о наказании за выбрасывание сору и всякого помету на улицы и переулки». М. Ломоносов также изучал проблему, связанную с взаимодействием человека с окружающей средой, и написал научный труд «Воздух – тепло – человек».

Исходя из выше приведенного краткого анализа воздействия человека на окружающую среду в древности, средневековье можно сделать вывод, что человек своей деятельностью напрямую влияет на окружающую его среду: воздух, землю. Причем развитие человечества, появление новых средств производства, как правило, приводят к увеличению числа негативных последствий для окружающей среды. Можно констатировать, что на каждом этапе развития человечества, развивалось законодательство, направленное на предотвращение негативного воздействия людей на экологию; наука о влиянии на человека окружающей среды, в которой он живет, и, как следствие, разрабатывались методы, посредством применения которых человечество может избежать негативных последствий воздействия на природу.

Многие проблемы, которые были обозначены и в настоящее время имеют место.

Революция 1917 года в России привнесла свое веяние на определение места человека во взаимоотношении с природой. Одним из первых документов, принятых Советской властью, стал Декрет о земле 1917г. [6]. Данный документ закрепил иной подход к землевладению и землепользованию, нежели который существовал в Российской империи.

Декрет о земле 1917 г. в п. 2 закреплял положения о передаче вех недр земли: руды, нефти, угля, соли и т.д., а также леса и воды, имеющих общегосударственное значение, в исключительное пользование государства. Все мелкие реки, озера, леса и проч. переходили в пользование общин, при условии заведывания ими местными органами самоуправления [6]. Данная норма закрепила обязанность государства по охране водных и биологических ресурсов от недобросовестного использования.

Следующий документ, на который хотелось обратить внимание, – это Постановление Совета министров СССР и ЦК ВКП(б) от 20.10.1948 «О плане полезавитных лесонасаждений, внедрение травопольных севооборотов. Строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР» [8]. Этим постановлением Совет министров СССР утвердил мероприятия по борьбе с засухой, прекращению смыва и выдувания почв, закреплению песков и правильному использованию земель. Все обозначенные мероприятия должны были способствовать улучшению окружающей среды. Основной задачей данного Постановления, по мнению С.А. Гуревича [2], была борьба со «стихийным бедствием», что для старого режима (дореволюционной России) было обычным, систематически повторяющимся явлением в указанных районах и всегда влекло за собой голод и обнищание широких масс сельского населения. В XVIII веке имели место 34 голодовки, в XIX – больше 40, а в начале XX века (1901, 1905, 1906, 1907, 1908 и 1911-1912) голод буквально поражал страну. С каждым десятилетием голод распространялся на все большие территории. Так, в 1880-1890 гг. голод охватил 6-18 губерний, в 1890-1900 гг. – 9-29, в 1901-1910 гг. – 19-49, а в 1911-1912 гг. – уже 60 губерний. «Угроза голодной смерти является ежегодно весьма возможной участью значительного числа земледельцев России», – констатирует официальный отчет Министерства внутренних дел за 1908 г. [2].

Двадцатый век характеризовался интенсификацией промышленной деятельности человека, а так же обнищанием и исчезновением биоматресурсов, если ранее они могли успеть восстанавливаться, то в настоящее время эти цепочки нарушены. Таким образом, можно утверждать, что загрязнение окружающей среды в результате прогресса человека является причиной, одной

из многих, неблагоприятно влияющей на здоровье человека.

Праву человека на благоприятную окружающую среду на международно-правовом уровне международное сообщество стало уделять внимание после создания ООН. Одним из первых документов, в котором были закреплены права человека, стала Всеобщая декларация прав человека 1948 г. Декларация провозгласила право человека на такой жизненный уровень, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его самого и его семьи (ст. 25) [3], так же ст. 3 Декларации закрепляет право каждого человека на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность.

Следующий международно-правовой документ - это Стокгольмская декларация Конференции ООН по проблемам окружающей среды 1972 г. [5] Принцип 1 Декларации закрепляет следующее: «Человек является творением и одновременно создателем своей окружающей среды, которая обеспечивает его физическое существование и предоставляет ему возможности для интеллектуального, нравственного, социального и духовного развития» [5]. При этом Стокгольмская декларация 1972 года указывает на два аспекта окружающей человека среды: естественной и созданной человеком, и оба эти аспекта имеют решающее значение для благосостояния человека, и для осуществления основных прав человека, включая даже право на саму жизнь.

Принцип 2 Стокгольмской декларации определил проблему, связанную с сохранением и улучшением качества окружающей человека среды, влияющей на благосостояние народов и экономическое развитие всех стран мира. Это является выражением воли народов всего мира и долгом правительств всех стран.

В 1992 г. в Рио-де-Жанейро была принята Декларация по окружающей среде и развитию [7]. В соответствии с Принципом 1 Декларации Рио-де-Жанейро забота о людях занимает центральное место в усилиях по обеспечению устойчивого развития. Люди имеют право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой.

Помимо выше обозначенных международно-правовых документов существует еще ряд международных соглашений в области защиты и охраны окружающей среды, положения которых направлены на защиту прав человека через призму охраны окружающей среды.

В заключение можно прийти к следующему выводу: благоприятная окружающая среда является необходимой для нормальной жизнедеятельности человека и реализации его права на достойный уровень жизни; проблема окружающей среды появилась еще в начале нашей эры, где ей уделяли внимания ученые того периода; развитие человечества воздействует на

состояние окружающей человека природы; проблема загрязнения окружающей среды остро себя проявила в современный период; проблема охраны окружающей среды в настоящее время признана международным сообществом.

Список использованных источников:

1. Фратрич И., Халупа К., Кралик Ю. Троянский конь цивилизации. – М.: Изд-во Мир, 1977.

2. Гуревич С.А. Великий план преобразования природы и его гигиеническое значение // Электронная библиотека «КиберЛенинка». - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/velikiy-plan-preobrazovaniya-prirody-i-ego-gigienicheskoe-znachenie?> (дата обращения 01.09.25).

3. Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Официальный сайт ООН. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml?ysclid (дата обращения 01.09.25)

4. Гиппократ. Избранные книги / Пер. с греч. В.И. Руднев, редакция, вступительные статьи и примечания В.П. Карпова. – М.: Сварог, 1994.

5. Декларация Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 г. // Официальный сайт ООН. - URL:

https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declarathenv.shtml?ysclid (дата обращения 01.09.25).

6. Декрет II Всероссийского съезда Советов о земле 26 октября 1917 г. - URL: https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/o_zemle.htm (дата обращения 01.09.25).

7. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию // Официальный сайт ООН. - URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.shtml?ysclid=mf9w0at5kc86009525 (дата обращения 01.09.25).

8. Совет министров СССР Центральный комитет ВКП(б) Постановление от 20 октября 1948 г. № 3960 «О плане полезащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах европейской части СССР». - URL: https://e-ecolog.ru/docs/Yp2MWix9R4YsCE9Dsm0QH?ysclid=mf9t6icvxa920318524&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru (дата обращения 01.09.25).

9. Советская историческая энциклопедия / под ред. Е.М. Жукова. – М.:

Советская энциклопедия, 1973-1982.

10.Хавкина Т.К. Химико-физическое загрязнение окружающей среды и его последствия для человека / Т. К. Хавкина. – Саратов, 2013. – URL: http://elibrary.sgu.ru/uch_lit/1165.pdf (дата обращения: 01.09.25).

УДК 343.7

ЗНАЧИТЕЛЬНЫЙ УЩЕРБ КАК ПРИЗНАК ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ

А. С. Мирончик

Сибирский федеральный университет

В главе 21 Уголовного кодекса РФ при формулировке нескольких составов преступлений законодатель использует признак «значительный ущерб» либо «значительный ущерб гражданину». Так, в качестве криминообразующего признака «значительный ущерб» назван в ст. 167 УК РФ – в умышленных уничтожении или повреждении чужого имущества, в ч. 5 ст. 159 УК РФ - в мошенничестве в сфере предпринимательской деятельности; в качестве квалифицирующего признака «значительный ущерб гражданину» назван в хищениях, в частности, в краже (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ), в мошенничестве (ч. 2 ст. 159 УК РФ), в мошенничестве с использованием электронных средств платежа (ч. 2 ст. 159.3 УК РФ), в мошенничестве в сфере страхования (ч. 2 ст. 159.5 УК РФ), в мошенничестве в сфере компьютерной информации (ч. 2 ст. 159.6 УК РФ), в присвоении и растрате (ч. 2 ст. 160 УК РФ).

Как отмечается в уголовно-правовой литературе, квалифицирующий признак в виде причинения значительного ущерба гражданину является оценочным признаком [9, С. 44]. Несмотря на то, что в примечании 2 к ст. 158 УК РФ указано, что размер этого ущерба не может быть менее 5000 рублей, наличие значительности ущерба для гражданина устанавливается применительно к каждому случаю хищения отдельно с учетом имущественного положения гражданина. При этом учету подлежат такие объективные обстоятельства, как стоимость похищенного имущества, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство и др. Учитывается также субъективное обстоятельство в виде значимости похищенного имущества для потерпевшего. Однако мнение потерпевшего о значительности или

незначительности причиненного ему хищением ущерба должно учитываться в совокупности с материалами дела, подтверждающими стоимость похищенного имущества и имущественное положение потерпевшего.

Анализ судебной практики показывает, что признак «значительный ущерб гражданину» при совершении хищения вменяется и в том случае, когда потерпевшим выступает индивидуальный предприниматель.

В доктрине уголовного права такой подход правоприменителя также находит поддержку. Так, профессор П.С. Яни отмечает, что правильность такого подхода подтверждена Конституционным Судом РФ [9, с. 43]. Так, в определении Конституционного Суда РФ от 25 февраля 2013 г. № 276-О отмечается, что предоставление гражданину права заниматься предпринимательской деятельностью без образования юридического лица с момента государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя (пункт 1 статьи 23 ГК Российской Федерации), приобретение им статуса индивидуального предпринимателя не лишает его остальных прав, в том числе в сфере уголовно-правовой охраны собственности. В силу принципа юридического равенства правило определения значительного ущерба гражданину при квалификации мошенничества по части второй статьи 159 УК Российской Федерации применяется равным образом к любым гражданам, в том числе являющимся индивидуальными предпринимателями.

Отмечает корректность вменения признака, предусмотренного п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, в случае если потерпевшим от хищения выступает индивидуальный предприниматель, и О. В. Ермакова, так как статус индивидуального предпринимателя не связан с юридическим лицом, следовательно, на него должны распространяться все те права, которые относятся к гражданам [1, с. 11; 2, с. 90].

Вместе с тем в уголовно-правовой науке высказано и другое мнение. Например, профессор Н. А. Лопашенко подчеркивает, что если виновный совершает, например, хищение каких-либо товаров из офиса индивидуального предпринимателя (не образовавшего юридического лица), нет никаких оснований рассматривать это хищение по признакам хищения, причинившего значительный ущерб гражданину. Хищение должно квалифицироваться без вменения этого признака [4, с. 301].

Следует отметить, что, исходя из буквального толкования текста уголовного закона в формулировке признака «значительный ущерб гражданину» явно имеется в виду гражданин как частное, физическое лицо.

Исходя из принципа субъективного вменения, следует подчеркнуть, что виновный стремится причинить ущерб не субъекту хозяйственной деятельности,

а именно гражданину - частному лицу. Таким образом, при квалификации деяния следует руководствоваться направленностью умысла виновного: если виновный, совершая хищение, хотел причинить ущерб конкретному физическому лицу содеянное, при наличии признаков значительности причиненного ущерба, влечет квалификацию как хищение, причинившее значительный ущерб гражданину; если же умысел виновного был направлен на причинение ущерба лицу, занимающемуся предпринимательством (в том числе и при одном только осознании виновным факта предпринимательства потерпевшего при безразличном отношении к тому, кому будет причинен ущерб), содеянное не может быть квалифицировано по признаку значительного ущерба гражданину, даже если ущерб обладает такими признаками.

Другими словами, закон исходит не из приоритетной охраны частной собственности (иначе это входило бы в противоречие с провозглашенным Конституцией РФ принципом равенства форм собственности), а из приоритетной охраны имущественных интересов физического лица по сравнению с охраной имущественных интересов субъектов хозяйственной деятельности.

Не зря в главе 21 УК РФ есть два варианта употребления признака причинения значительного ущерба. Так, в ст. 158, ч. 2 ст. 159 и ст. 160 УК РФ говорится о значительном ущербе гражданину, а например, в ч. 5 ст. 159, ст. 167 УК РФ о значительном ущербе. В свою очередь высшая судебная инстанция толкуя признак значительного ущерба в мошенничестве, предусмотренном ч. 5 ст. 159 УК РФ, указывает, что размер причиненного ущерба надлежит исчислять исходя из стоимости похищенного имущества на момент совершения преступления, при этом согласно положениям п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ значительный ущерб, причиненный потерпевшему в результате преступления, предусмотренного ч. 5 ст. 159 УК РФ, определяется без учета его имущественного положения. Исходя из уголовного закона и разъяснений высшей судебной инстанции, С.В. Склярков справедливо делает вывод, что признаки «значительный ущерб гражданину» и «значительный ущерб» в статьях, предусматривающих ответственность за хищение, имеют разное содержание: в первом случае учитывается размер хищения и имущественное положение гражданина, во втором - применение признака происходит только с учетом размера хищения без учета имущественного положения потерпевшего [6].

Полагаем, что системное, логическое и буквальное толкование норм главы 21 УК РФ, позволяет сделать вывод о том, что законодатель, формулируя признак значительности ущерба именно для гражданина, ограничил круг потерпевших по этому квалифицирующему обстоятельству исключительно

гражданами как физическими лицами. Ведь если бы он хотел указать на то, что ущерб от хищений может быть значительным и для гражданина - физического лица и для гражданина - индивидуального предпринимателя, он изложил бы его иным образом (например, как в ст. 167 УК РФ).

С учетом изложенного, полагаем, что вменение признака «значительный ущерб гражданину», когда потерпевшим выступает индивидуальный предприниматель, невозможно, в ином случае это повлечет расширительное толкование уголовного закона, что недопустимо. Представляется, что потерпевшим при вменении этого квалифицирующего признака хищения может быть только гражданин как физическое (частное) лицо.

Необходимо отметить, что в диспозиции ч. 1 ст. 167 УК в отличие от диспозиции п. «в» ч. 2 ст. 158 УК отсутствует указание на значительность ущерба только для гражданина. Из этого следует, что ущерб, причиненный умышленным уничтожением или повреждением чужого имущества, должен быть значительным как для гражданина, так и для индивидуального предпринимателя, и для юридического лица.

При этом в доктрине уголовного права отмечается, что связи с этим существует неопределенность в вопросе о том, могут ли положения п. 2 примечания к ст. 158 УК РФ распространяться на ст. 167 УК РФ [5].

В пункте 6 постановления от 5 июня 2002 г. № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» Пленум Верховного Суда РФ рекомендовал судам при решении вопроса о том, причинен ли значительный ущерб собственнику или иному владельцу имущества, исходить из стоимости уничтоженного имущества или стоимости восстановления поврежденного имущества, значимости этого имущества для потерпевшего, например в зависимости от рода его деятельности и материального положения либо финансово-экономического состояния юридического лица, являвшегося собственником или иным владельцем уничтоженного либо поврежденного имущества.

Как ранее отмечалось, согласно примечанию 2 к ст. 158 УК значительный ущерб гражданину в статьях всей главы 21 должен определяться с учетом его имущественного положения, но не может составлять менее пяти тысяч рублей. Таким образом, законодатель установил нижний предел размера стоимости уничтоженного или поврежденного имущества, позволяющий оценить причиненный ущерб как значительный для гражданина.

В уголовном законе не установлен нижний предел стоимости уничтоженного или поврежденного имущества, используемый при определении

значительности ущерба юридическому лицу, что, на наш взгляд, создает определенные трудности при разграничении административного и преступного уничтожения или повреждения чужого имущества, принадлежащего юридическому лицу.

В доктрине уголовного права также отмечается, что отсутствие прямого указания величины и критериев значительного ущерба применительно к ст. 167 УК РФ ведет к нестабильной судебной практике и ее отличает в региональном разрезе [7, с. 370-371]. В то же время есть и противоположное мнение, заключающееся в том, что использование оценочного понятия «значительный ущерб» и отсутствие его нижней границы в преступлении, предусмотренном ст. 167 УК РФ, позволит максимально учесть все обстоятельства содеянного в зависимости от конкретного случая умышленного уничтожения или повреждения имущества [8, с. 370-371].

Мы полагаем, что значительный ущерб организации не может быть таким же, как для граждан, поскольку юридическое лицо изначально предполагает более высокий уровень финансового обеспечения, иные размеры доходов, чем у граждан.

Однако следует отметить, что в соответствии с ч. 1 ст. 50 ГК РФ юридическими лицами могут быть организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности (коммерческие организации) либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками (некоммерческие организации). Поэтому возникают следующие вопросы: какой критерий должен учитываться для признания ущерба значительным для юридического лица; должен ли минимальный предел, используемый для указанных целей, варьировать для коммерческих и некоммерческих организаций.

Как известно, одной из наиболее распространенных организационно-правовых форм юридического лица (коммерческой организации) в сфере малого и среднего бизнеса является общество с ограниченной ответственностью. В связи с этим в качестве ориентира предлагаем использовать минимальный размер уставного капитала, определенного законом для юридического лица этой организационно-правовой формы. Согласно ст. 14 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» величина уставного капитала должна быть не меньше десяти тысяч рублей. В п. 3 ст. 20 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» сказано, что, если по окончании второго и каждого последующего финансового года стоимость чистых активов общества окажется меньше минимального размера уставного капитала, установленного на дату государственной

регистрации общества, общество подлежит ликвидации. Серьезность последствий уничтожения или повреждения имущества, могущего повлечь уменьшение уставного капитала юридического лица ниже минимального его размера, позволяет определить ущерб, признаваемый значительным, в размере десяти тысяч рублей.

Представляется, что минимальный предел значительности ущерба для некоммерческих организаций можно определить так же.

С учетом изложенного полагаем, что значительный ущерб юридическому лицу должен определяться с учетом финансово-экономического состояния юридического лица, но не может составлять менее десяти тысяч рублей.

Следует обратить внимание и на то, что финансово-экономическое состояние юридического лица должно определяться, исходя как из его доходов, так и расходов.

Так, например, по делу о похищении телефонного кабеля и повреждении телефонных сетей, принадлежащих ОАО «Электросвязь» и Волгоградскому узлу связи и радионавигации, суд установил, что причиненный организациям ущерб не является значительным, так как на восстановление сетей ОАО «Электросвязь» было затрачено 13916 рублей, а Волгоградским узлом связи и радионавигации - 53375 рублей, доходы же указанных организаций составили соответственно свыше 72 млн. и 3 млн. рублей. Верховный Суд РФ отменил приговор, указав на то, что суд первой инстанции дал ненадлежащую и неполную оценку финансово-экономического состояния юридических лиц, а именно, не учел следующие обстоятельства: доходы Волгоградского узла связи радионавигации составили 3 млн. 421 тыс. рублей, а расходы превысили 3 млн. рублей, при этом прибыль составила 286 тыс. рублей, а ОАО «Электросвязь» вообще является убыточным предприятием, так как его затраты превысили доходную часть.

Очевидно, что именно отсутствие всестороннего исследования финансово-экономического состояния организации привело в данном случае к тому, что суд первой инстанции дал неверную юридическую оценку содеянного.

При решении вопроса о том, является ли причиненный ущерб значительным для юридического лица, следует учитывать и иные обстоятельства: значимость имущества в производственном процессе, влияние утраты или повреждения имущества на экономическую стабильность организации и др.

Следовательно, для того чтобы определить, является ли причиненный ущерб организации значительным, и, соответственно, правильно квалифицировать содеянное, дознавателю и суду в каждом конкретном случае необходимо устанавливать все обстоятельства, позволяющие составить полное и

верное представление о финансово-экономическом состоянии организации.

Имущественное положение лица обязательно должно быть установлено в ходе расследования на основании документов, позволяющих определить его доход (например, справка с места работы о заработной плате, справке из пенсионного фонда о размере получаемой лицом пенсии и т.п.), о составе семьи, документы, подтверждающие нахождение на иждивении потерпевшего других лиц и прочее.

Ю. Жариков предлагает при определении значительного ущерба гражданину фиксировать не только минимум данного ущерба, но и конкретизировать соотношение стоимости похищенного (уничтоженного, поврежденного) имущества и оставшегося в распоряжении потерпевшего, а также соотношение утраченного имущества и дохода потерпевшего за определенный период времени (условно, за год). Так, по мнению автора, трудно признать ущерб значительным, если, например, материальный ущерб от повреждения автомобиля составил 9 тыс. руб., в то время как стоимость самого автомобиля составляет более 500 тыс. рублей [3, с. 46].

На наш взгляд, такой подход некорректен. Если в момент причинения ущерба, он для потерпевшего являлся значительным, исходя из полного и всестороннего исследования его имущественного положения, значимости этого имущества для потерпевшего, то содеянное независимо от соотношении ущерба с полной стоимостью поврежденного имущества, следует квалифицировать по ст. 167 УК.

Кроме того, в настоящее время признак значительного ущерба используется правоприменителем в главе 21 в отношении мошенничества в предпринимательской деятельности (ч. 5 ст. 159 УК РФ), потерпевшим от которого может выступать только индивидуальный предприниматель и (или) коммерческая организация. В примечании 1 ст. 159 УК РФ указано, что значительным ущербом в ч. 5 ст. 159 УК РФ признается ущерб в сумме, составляющей не менее десяти тысяч рублей. Причем здесь следует сказать, что законодатель не связывает значительность ущерба с имущественным положением потерпевшего предпринимателя. Таким образом, значительный ущерб предпринимателю не носит оценочного характера, является по содержанию строго определенным.

Представляется, что такой подход законодателя и правоприменителя в отношении определения признака «значительный ущерб» в преступлениях против собственности носит непоследовательный, несистемный характер.

Резюмируя изложенное, заметим, что законодателю следует либо полностью легализовать и четко определить размер значительного ущерба

гражданину, индивидуальному предпринимателю и юридическому лицу в главе 21 УК РФ либо установить минимальную границу этого размера для указанных лиц, но оставить оценочный характер в части установления наличия или отсутствия значительного размера ущерба с учетом имущественного положения и значимости имущества для потерпевших лиц.

Список использованных источников:

1. Ермакова, О.В. Значительный ущерб гражданину как преступное последствие кражи: проблемы правоприменительной практики // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 11-14.

2. Ермакова, О.В. Сложности толкования понятия «значительный ущерб» в рамках главы 21 уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 89-92.

3. Жариков, Ю. Реализация оценочных понятий в уголовном праве / Ю. Жариков // Законность. 2007. № 9. С. 45-47.

4. Лопашенко, Н.А. Посягательства на собственность / Н. А. Лопашенко. Москва: Норма, 2012. - 527 с.

5. Рыжов, Э.В. Квалифицирующий признак «значительный ущерб» в преступлениях против собственности как инструмент скрытой криминализации // Российский следователь. 2024. № 5.

6. Скляр, С.В. Значительный ущерб и размер хищения // Уголовное право. 2024. № 11.

7. Тюнин, В.И. Значительный ущерб как последствие умышленного уничтожения и повреждения чужого имущества // Россия и Санкт-Петербург: экономика и образование в XXI веке. научная сессия профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов по итогам НИР за 2015 год: сборник лучших докладов. 2016. С. 206-208.

8. Черноусова, А.В. Значительный ущерб как конструктивный признак состава умышленного уничтожения или повреждения чужого имущества // Евразийский юридический журнал. 2018. № 5 (120). С. 235-238.

9. Яни, П.С. Значительный ущерб как признак хищения // Законность. 2016. № 4. С. 43-48.

УДК 342.51

**О ПРЕЗИДЕНТСКОЙ ВЕТВИ ВЛАСТИ В РАЗЛИЧНЫХ МОДЕЛЯХ РАЗДЕЛЕНИЯ
ВЛАСТЕЙ****С. С. Митин***Сибирский федеральный университет*

Теория разделения властей была сформулирована в XVII-XVIII веках известными философами, учеными и просветителями Дж. Локком и Ш. Монтескье. Каждый из них отмечал в системе государственной власти её отдельные ветви. В частности, Дж. Локк выделял законодательную, исполнительную и федеративную власти [2, с. 317]. В свою очередь, Ш. Монтескье полагал, что государственная власть должна быть разделена на законодательную, исполнительную и судебную [4, с. 169-170]. При этом авторы концепции разделения властей не находили и не выделяли президентскую ветвь в системе государственной власти.

Своё практическое воплощение теория разделения властей нашла в конституционных актах большинства стран мира, закрепляющих форму правления соответствующих государств. Значительная часть из них является республиками, которые подразделяются на парламентские, президентские и смешанные (полупрезидентские). В каждой из указанных форм существует специфическая модель разделения властей, в которой особое место занимает президент государства, наделенный определенными полномочиями. Вместе с тем ветви государственной власти присущи специфические признаки, основным из которых является осуществление важной общегосударственной функции, для реализации которой необходимо наличие значительных властных полномочий [6, с. 5]. В связи с этим не во всех формах правления возможно выделить президентскую власть в качестве отдельной и самостоятельной ветви государственной власти.

К парламентским республикам относятся Германия и Италия. Роль президента в таких странах практически незаметна. Все основные властные полномочия принадлежат законодательному органу и правительству, которое возглавляет премьер-министр.

Так, согласно Конституции Федеративной Республики Германия Федеральный президент избирается Федеральным собранием (бундестагом и бундесратом) без прений, его полномочия длятся пять лет, непосредственное переизбрание допускается только один раз. Федеральный президент не может

входить ни в состав правительства, ни в состав законодательной ветви государственной власти. Полномочия Федерального президента в случае каких-либо препятствий или досрочного освобождения от должности осуществляются председателем бундесрата. Федеральный президент представляет Германию в международно-правовых отношениях, заключает договоры с иностранными государствами, аккредитует и принимает послов, назначает и увольняет федеральных судей, федеральных чиновников и офицеров. Однако для действительности предписаний и распоряжений Федерального президента необходима их контрасигнатура Федеральным канцлером или соответствующим федеральным министром. Федеральный канцлер избирается без прений бундестагом по предложению Федерального президента. Он определяет основные направления политики и несет за них ответственность. В пределах этих основных направлений каждый федеральный министр ведет дела своей отрасли самостоятельно под свою ответственность. При расхождении мнений между федеральными министрами соответствующий вопрос решается федеральным правительством. Правом издания приказов и командования вооруженными силами пользуется министр обороны. В области законотворчества Федеральный президент не обладает правом законодательной инициативы (законопроекты вносятся в бундестаг федеральным правительством, членами бундестага или бундесратом) а также правом вето в отношении принятых законопроектов.

Аналогичные по своей сути положения содержатся и в Конституции Итальянской Республики.

Подобное строение государственного механизма приводит к значительной степени зависимости политического руководства страной от политических партий. Правящие партии через свои руководящие органы, правительства и парламентские фракции непосредственно участвуют в принятии политических решений, которые, будучи преобразованы в соответствующие нормативные правовые акты, приобретают обязательную силу, и в их реализации. [1, с. 111-112].

Следовательно, президент в парламентской республике не обладает значимыми полномочиями и не является самостоятельной политической фигурой, в связи с чем при этой форме правления сложно выделить президентскую власть в качестве отдельной и самостоятельной ветви государственной власти.

В президентской республике (наиболее очевидным примером которой являются США) президент совмещает полномочия главы государства и главы исполнительной власти. Как указано в Конституции США, исполнительная власть предоставляется Президенту США. Он избирается коллегией выборщиков в

рамках особой процедуры, является главнокомандующим армией, флотом США и народным ополчением отдельных штатов, он осуществляет руководство подчиненными ему органами и ведомствами исполнительной власти, может затребовать мнение в письменном виде от высшего должностного лица в каждом из исполнительных департаментов по любому вопросу, касающемуся их должностных обязанностей, он правомочен даровать отсрочку исполнения приговора, а также помилование за преступление против Соединенных Штатов. Он правомочен по совету и с согласия Сената заключать международные договоры при условии их одобрения двумя третями присутствующих сенаторов; он по совету и с согласия Сената назначает послов, других официальных представителей и консулов, судей Верховного суда и других должностных лиц США.

Конгресс США оказывает влияние на президента путем изменения бюджетных ассигнований, отказа в одобрении президентских назначений на высшие федеральные должности, привлечения к импичменту президента и других федеральных должностных лиц, преодоления квалифицированным большинством президентского вето на ранее принятые законопроекты. В свою очередь, именно право вето является средством воздействия президента на Конгресс.

В отличие от британской формы правления, основанной на принципе монизма, когда премьер-министр, получив мандат от избирателей, сосредотачивает в своих руках функции руководства партией, правительством и парламентом, американская система не допускает такой концентрации руководства. Президент осуществляет руководство только федеральной администрацией. Фактически властные полномочия распределяются между президентом и Конгрессом, внутри Конгресса – между палатами, внутри палат – между многочисленными постоянными комитетами, обладающими значительной самостоятельностью. Таким образом, в отличие от британского премьер-министра американский президент правит не через Конгресс, а вместе с Конгрессом [3, с. 83].

Взаимоотношения между президентом как главой исполнительной властью и его партией носят иной характер, чем в странах с парламентскими формами правления. Американское правительство формируется президентом самостоятельно внепарламентским путем, без участия Конгресса, не несет перед ним ответственность за свою деятельность, в связи с чем не зависит от соотношения партийных сил внутри законодательного органа. В свою очередь, и Конгресс не может быть распущен президентом. Эти обстоятельства дают президенту и его партии значительную независимость друг от друга.

Включенность президента в исполнительную власть и руководство ею, а также наличие у законодательной власти определенных полномочий, сдерживающих и ограничивающих федеральную администрацию, не позволяют выделить в президентской республике президентскую ветвь государственной власти как отдельную и самостоятельную.

Только в полупрезидентской (или смешанной) республике, к которой многие исследователи относят Российскую Федерацию и Францию, возможно обнаружить президентскую ветвь государственной власти. Её назначение – обеспечение согласованного функционирования трех ветвей власти и координация их взаимодействия [5, с. 23].

В отличие от президента в парламентской республике Президент РФ наделен реальными властными полномочиями. Он является гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией Российской Федерации порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, поддерживает гражданский мир и согласие в стране. Президент РФ вносит законопроекты в Государственную Думу, подписывает и обнародует федеральные законы, назначает референдум, выборы Государственной Думы, распускает её в случаях и порядке, предусмотренных Конституцией РФ. Он является Верховным Главнокомандующим Вооруженными Силами РФ, утверждает военную доктрину РФ, назначает и освобождает высшее командование Вооруженных Сил РФ, в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии вводит на территории РФ или в отдельных её местностях военное положение с незамедлительным сообщением об этом Совету Федерации и Государственной Думе, награждает государственными наградами Российской Федерации, присваивает высшие воинские и высшие специальные звания. Президент РФ осуществляет руководство внешней политикой государства, ведет переговоры и подписывает международные договоры, как глава государства представляет Российскую Федерацию внутри страны и в международных отношениях, осуществляет иные полномочия.

С другой стороны, в отличие от американского президента Президент РФ не относится к исполнительной власти и не возглавляет её. Он является главой государства, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов, входящих в единую систему публичной власти, может использовать согласительные процедуры для разрешения разногласий между органами государственной власти РФ и органами государственной власти субъектов РФ, а также между органами государственной власти субъектов РФ. Президент РФ

осуществляет общее руководство Правительством РФ, вправе председательствовать на заседаниях Правительства РФ, назначает Председателя Правительства РФ, кандидатура которого утверждена Государственной Думой по представлению Президента РФ, и освобождает Председателя Правительства РФ от должности, утверждает по предложению Председателя Правительства РФ структуру федеральных органов исполнительной власти, вносит в нее изменения, назначает на должность заместителей Председателя Правительства РФ и федеральных министров (после утверждения их Государственной Думой или после консультаций с Советом Федерации), принимает решение об отставке Правительства РФ, принимает отставку Председателя Правительства РФ, заместителей Председателя Правительства РФ, федеральных министров, представляет Государственной Думе кандидатуру для назначения на должность Председателя Центрального банка РФ, ставит перед Государственной Думой вопрос об освобождении от должности Председателя Центрального банка РФ, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Конституционного Суда РФ, заместителя Председателя Конституционного Суда РФ и судей Конституционного Суда РФ, Председателя Верховного Суда РФ, заместителей Председателя Верховного Суда РФ и судей Верховного Суда РФ, назначает председателей, заместителей председателей и судей других федеральных судов, назначает на должность после консультаций с Советом Федерации и освобождает от должности Генерального прокурора РФ, заместителей Генерального прокурора РФ, прокуроров субъектов РФ, прокуроров военных и других специализированных прокуратур, приравненных к прокурорам субъектов РФ, представляет Совету Федерации кандидатуры для назначения на должность Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты, представляет Государственной Думе кандидатуры для назначения на должность заместителя Председателя Счетной палаты и половины от общего числа аудиторов Счетной палаты, формирует Государственный Совет РФ в целях обеспечения согласованного функционирования и взаимодействия органов публичной власти, определения основных направлений внутренней и внешней политики РФ и приоритетных направлений социально-экономического развития государства, формирует Совет Безопасности РФ в целях содействия главе государства в реализации его полномочий по вопросам обеспечения национальных интересов и безопасности личности, общества и государства, а также поддержания гражданского мира и согласия в стране, охраны суверенитета РФ, ее независимости и государственной целостности, предотвращения внутренних и внешних угроз, возглавляет Совет Безопасности РФ.

Таким образом, конституционный статус Президента РФ позволяет утверждать о существовании президентской ветви власти в государственном механизме Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Ильинский И.П., Мишин А.А., Энтин Л.М. Политическая система современного капитализма. М.: Международные отношения, 1983.
2. Локк, Дж. Соч.: В 3 т. Т. 3. / ред. и сост., авт. примеч. А.Л. Субботин; пер с англ. и лат. М.: Мысль, 1988.
3. Мишин А.А. Государственное право США. М.: Наука, 1976.
4. Монтескье, Ш. Избранные произведения. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955.
5. Радченко В.И. Президент в конституционном строе Российской Федерации. Саратов: СГАП, 2000.
6. Чиркин, В.Е. О понятии «ветвь государственной власти» // Право и политика. 2003. № 4 (40).

УДК 340.111

**РОССИЙСКАЯ ПАРАДИГМА ПРАВОПОНИМАНИЯ РУБЕЖА XX -XXI ВЕКА:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Е. В. Мороз

Сибирский федеральный университет

Современная Россия характеризуется перманентным состоянием реформирования правовой сферы. За более тридцатилетнюю историю Российской Федерации изменениям подвергались неоднократно все стороны правовой жизни общества. Это нашло свое отражение как в существенных структурных изменениях в правоохранительной системе, так и постоянном совершенствовании (не всегда позитивном) нормативно-правовых актов. Все это не способствует созданию прочного фундамента для правоприменительной практики.

Для отечественной правовой системы необходимо не только создание теоретической концепции правопонимания, но и реальное ее воплощение в практической сфере. Достижению этой цели в определенной степени поможет

знание научного наследия по данной проблематике отечественных правоведов.

Актуальность данного исследования обусловлена, во-первых, тем, что проблема правопонимания остается трудной для изучения и восприятия в современной отечественной юриспруденции. В настоящее время продолжают споры о происхождении права и его сущности. Во-вторых, необходимостью анализа методологических основ современных концептов правопонимания, заложенных отечественными правоведами на рубеже XIX – XX века, что необходимо для понимания современного состояния и перспектив развития отечественного правопонимания.

Различные мнения о происхождении права привели к формированию нескольких правовых концепций правопонимания на рубеже XX - XXI века, часто противоречивых по содержанию. Однако до сих пор серьёзным препятствием для совершенствования правопонимания в нашей стране является отождествление (смешение) права и закона.

Многообразию концепций правопонимания в российской юриспруденции, сложившееся в начале нашего столетия, обусловлено следующими причинами:

- историческая – в процессе эволюции российского общества, на разных этапах его развития формировались концепции о понимании права, присущие именно этой исторической эпохе с ее особенностями и неповторимыми чертами;
- философская – составляющая методологическую и понятийную основу правопонимания;
- социальная – понимание права в различных социальных стратах общества отличается;
- страноведческая – влияние на понимание права культурных, религиозных, ментальных особенностей конкретной страны;
- многокомпонентность правового регулирования.

В настоящее время российская юридическая наука продолжает развивать и совершенствовать различные подходы к пониманию права. Методологические поиски универсального концепта правопонимания основаны в большей степени на трансформации этатистской правовой модели в естественно-правовую модель.

С точки зрения правопонимания это означает постепенный переход от преобладания позитивизма, отождествляющего право и норму к созданию нового концепта права, основанного на сочетании различных подходов к правопониманию.

Вместе с тем, до настоящего времени новая единая парадигма правопонимания так и не сформировалась в отечественной юридической науке.

К сожалению, фундаментом российского права остается юридический позитивизм, что не способствует разработке критериев для различия закона от произвола, так необходимых для современного правоприменения.

Следствием этого является невозможность современной российской правоприменительной практики защитить достойно россиян от произвола.

Право - сложное социальное явление, научный интерес к которому не ослабевает со временем.

Вопросы, которые связаны с пониманием права, его природой, всегда актуальны, так как каждый новый этап развития общества. Появилась самостоятельная научная категория - правовое мышление, которое широко используется в юриспруденции и практике.

Правовое понимание отражает процесс и результаты умственной деятельности человека.

Содержание правового понимания – это знание вопроса о правах и обязанностях, запретах и разрешениях, несправедливости и справедливости. Основой правопонимания является уровень культуры его субъекта, методологические представления, преобладающие в обществе, культурные традиции общества, характер исторической эпохи, идеологические и религиозные позиции.

Нынешний уровень юриспруденции позволяет систематизировать различные мнения о праве на базе конкретных критериев.

Во всем разнообразии общественных отношений, опосредованных правом, постоянно возникают, изменяются и прекращаются правовые отношения.

Следует признать, что зачастую отечественная правовая доктрина понимает право, как систему правовых норм, непосредственно связанных с действиями государственных органов, что вытекает из нормативистско-этикатического понимания права.

Подобное правопонимание сегодня подвергается критике, что нашло свое отражение в существовании в нашем столетии в российской правовой доктрине двух основных концепций правопонимания: «узконормативного» и «широкого» понимания права.

Вместе с тем, правопонимание давно привлекало к себе внимание отечественных ученых-правоведов, которыми были разработаны различные концепции данной проблемы. Теоретические знания концепций правопонимания в правовой мысли прошлого столетия, безусловно, помогут в разработке модели соотношения теории и практики правопонимания в современной России.

Следует отметить, что проводимая в России правовая реформа, должна

иметь одной из своих центральных идей этическую обусловленность правопонимания. Это ведет к пониманию права не только как системы юридических институтов и методов, но и как диалога субъектов применения права к конкретным фактам. В этом диалоге большую роль играют этические нормы, основу которых составляют такие категории как добро и справедливость. Именно эти аксиологические понятия являются одними из фундаментальных в российской правовой мысли начала XX века.

Отечественная юридическая наука, создавая новую модель правопонимания на рубеже XX – XXI века, пыталась отойти от господствовавшего в советское время позитивизма. В процессе создания новой модели в этот период отечественные правоведы большое внимание уделяли российской правовой мысли конца XIX – начала XX века, заимствуя и совершенствуя основные методологические подходы и категорийный аппарат предшественников.

Проблема правопонимания рубежа XX – XXI века рассматривалась на основе различных методологий: позитивизм, возрожденное естественное право, реализм, социологическое правоведение. Изучение правовых доктрин, основанных на разных методологических подходах, позволяет более многогранно и междисциплинарно посмотреть на проблему правопонимания. Вместе с тем, несмотря на методологическое разнообразие подходов и большое внимание, уделяемое правопониманию в правовой мысли, ряд вопросов до настоящего времени остаются полемическими, некоторые аспекты данной проблемы вообще мало изучены.

В отечественной правовой мысли рубежа XX – XXI века можно выделить несколько концептов правопонимания, которые берут свои истоки в российской правовой мысли рубежа XIX-XX века:

- Позитивистский и с ним отождествляют нормативистский подход, что на наш взгляд, упрощает эти два различных методологических подхода к пониманию права исключительно как к закону, а он, в свою очередь, понимается исключительно как норма.

Современный российский позитивизм невозможен без методологической основы, заложенный еще известным российским цивилистом Г.Ф. Шершеневичем (1863 – 1912 гг.).

Концепция правоведа базируется на фактологическом восприятии миропорядка. Для понимания права есть только конкретные факты, а не теоретические умозаключения. Подобные подходы присутствуют и в современной юридической науке.

Некоторые современные юристы, а особенно политики, активно

поддерживают идею Г.Ф. Шершеневича, утверждая, что государство - первично и является источником права, а право – производно от него [8, с. 308]. На наш взгляд, подобная точка зрения доводит до абсурда правотворческую роль, считая, что право возникает после появления государства.

Продолжателем традиций русской школы позитивизма был д.ю.н., профессор М.И. Байтин (1921 – 2009 гг.), считавший в начале XXI века, что право – это система норм, выражающая государственную волю общества [2, с. 152].

М.И. Байтин крайне резко критиковал представителей естественно-правового концепта правопонимания, утверждая, что «абстрактные идеалы не могут служить критерием правомерного и неправомерного поведения, право не может быть чем-то аморфным» [2, с.97].

Наиболее известным представителем позитивистского направления в начале нашего века был д.ю.н., профессор, член-кор. РАН С. С. Алексеев (1924 – 2013 гг.), который определяет право как «социально обоснованную меру свободы» [1, с. 45].

- Естественно-правовой концепт, разделяющий понятия права и закона. Истоки данного направления лежат в правовом учении российского правоведа П.И. Новгородцева (1866 – 1924 гг.). Правовой концепт Новгородцева основан на этике Канта, дополненной отдельными положениями этики Гегеля.

Наиболее значимыми элементами учения П.И. Новгородцева, нашедшими свое продолжение в современных естественно-правовых концептах, являются следующие:

- решение проблемы соотношения государства и права через субстанциональное понимание права: «... мы должны, однако, тем сильнее подчеркнуть необходимость другой точки зрения, которая отправляется не от формальных, а от субстанциональных начал права ...» [5, с. 510-511];

- создание естественно-правовой конструкции государства, согласно которой власть в государстве реализуется через господство закона [5, с. 512].

Несмотря на отказ Новгородцева П.И. к концу своей жизни от естественно-правового концепта, его учение – вершина школы естественного права.

Идеи Новгородцева нашли свое продолжение в естественно-правовой концепции д.ю.н., профессора В.И. Леушина (1936 – 2010 гг.), который считал, что «понимание права носит человеческий характер (хотя это не всегда признается) независимо от того, в каком ракурсе рассматривается закон: онтологический, эпистемологический, аксиологический, праксиологический или иной» [4, с. 207].

- Интегративный концепт правопонимания, одним из основателей которого является российский правовед Б.А. Кистяковский (1868 – 1920 гг.).

Для правоведа было важно, чтобы государство подчинялось праву. Выделяя такие признаки государства, как суверенность и легитимность, в качестве основного признака признавал полноту и верховенство власти. Для Б.А. Кистяковского было важно определить особенности именно государственной власти, при этом он отдавал приоритет именно духовным элементам власти. Его нравственная конструкция государственной власти, основанной на обаянии и авторитете, заслуживает уважения потомков, но она оказалась утопичной с точки зрения политической практики [3].

Интегративный концепт правопонимания представлен в отечественной правовой мысли рубежа XX – XXI века исследованиями таких правоведов, как З. Лившиц, В. Г. Графский, А.В. Поляков, И.Л. Честнов и др.

И. Л. Честнов (д.ю.н., профессор) считает необходимым создание принципиально нового концепта правопонимания эпохи модерна. Правовед понимает право, как многомерное явление, включающее в себя не только нормы права, но их восприятие и реализацию [7].

Однако Честнов не дает четкого определения понятия понимания права, утверждая, что общеобязательное правило поведения является «голой абстракцией», которая наполняется конкретным содержанием в применении к фактически существующему социуму.

Честнов считает, что мы живем в новую историческую эпоху, которой должна соответствовать новая концепция правопонимания, учитывающая происходящие изменения в общественном сознании.

А.В. Поляков (д.ю.н., профессор) предложил коммуникативную концепцию права, основу которой составляет идея создания синтетического определения права. Однако подобное определение автору не удастся сформулировать, так как понятие права относится к понятиям «с нечеткими, размытыми границами» [6].

Таким образом, основные направления развития российского понимания права рубежа XX – XXI века включают в себя следующие особенности:

1) интегративность как стремление обобщить основные положения и методологические основы концептов правопонимания современных и рубежа XIX - начала XX века;

2) практик ориентированность, выраженная в необходимости объяснения права не только через теоретическое восприятие феномена, но и на основе анализа юридической практики и реализации норм различными группами населения;

3) национальные традиции, заключающиеся в акцентировании на национальных особенностях правопонимания, основанных на традициях

российской правовой науки рубежа XIX - начала XX века;

4) теоретическая обоснованность, то есть стремление отечественных правоведов обличать свои размышления о праве в теоретическую форму.

Многочисленные концепции правопонимания рубежа XX – XXI века можно объединить в три основных методологических направления (подхода), берущих свое начало в российской правовой мысли рубежа XIX - начала XX века:

1. Естественное-правовое направление, основанное на восприятии права как моральной ценности, представители направления делают акцент на роли человека, его правах и свободах, приоритетном значении человека, а не государства, аксиома концепта – естественные права человека первичны, а государство – вторично.

2. Позитивистское направление, основанное на примате государства над правом, государство – первично и источник права. Представители данного направления в той или иной форме отождествляют право с законом, нормой, нормативно-правовым актом.

3. Социологическое направление (подход) понимает право через правопорядок, складывающийся в определенном обществе, жизнь права возможна только в социуме. Право создается и устанавливается обществом. Общественным порядком, а не законодателем как представителем власти государства.

Многочисленные концепты правопонимания основаны на одном из этих трех основных подходов или на синтезе и комбинированности элементов из этих трех основных направлений.

Различные типы правопонимания дополняют друг друга и ясно показывают многомерный характер концепции права, что приводит к бесконечному списку подходов, выводов и толкований. У каждого юридического соглашения есть свои сильные стороны и свои последователи.

В заключение необходимо подчеркнуть, что дальнейшее изучение проблематики исследования определяется тем, что наши представления о правопонимании составляют теоретическую основу формирования и практической реализации правоотношений в обществе и государстве. Их осмысление, анализ, методология и дальнейшее развитие крайне важны для практического формирования и применения всей системы права.

Необходимо понять, что смысл разработки методологических проблем правопонимания, представленных в данной статье, состоит не только в самопознании самого этого явления, но и в обеспечении предстоящих правовых исследований мощным познавательным инструментарием, позволяющим раскрыть глубинные аспекты правопонимания как правового явления.

Список использованных источников:

1. Алексеев, С.С. Избранное: Наука права. Общесоциальные проблемы. Публицистика. М., 2003.
2. Байтин, М. И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). 2-е изд. доп. М., 2005.
3. Кистяковский, Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
4. Леушин, В. И. Природа человека как основа правопонимания // Теоретические и практические проблемы правопонимания. Материалы III Международной конференции, состоявшейся 22—24 апреля 2008 г. в Российской академии правосудия // Под ред. д-ра юрид. наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ В.М. Сырых и канд. юрид. наук М.А. Заниной. 2-е изд. М., 2010.
5. Новгородцев, П.И. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Год XV. Кн. 75 (V).
6. Поляков, А.В. Общая теория права: проблемы интерпретации в контексте коммуникативного подхода: учебник. СПб., 2016.
7. Честнов, И. Л. Общество и юриспруденция на исходе второго тысячелетия: монография. СПб., 1999.
8. Шершеневич, Г.Ф. Общая теория права: [в 4 вып.]. М., 1911 – 1913. Вып. 1.

УДК 343.9

**РАСПРОСТРАНЕНИЕ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ И ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ
В ФОРМЕ БЕЗДЕЙСТВИЯ**

Г. Л. Москалев

Сибирский федеральный университет

Уголовно-противоправные проявления экстремизма и терроризма в науке и юридической практике принято именовать преступлениями экстремистской и террористической направленности. Среди таких деяний можно выделить самостоятельную группу, опасность которых связана с распространением информации, способной причинять вред или создавать угрозу его причинения для общества. Их можно обоснованно именовать информационными преступлениями экстремистской и террористической направленности. В

уголовном законе к ним относятся составы преступлений, предусмотренные ст. 205.2, 280, 280.1, 282 УК РФ [4].

Принято считать, что указанные преступления могут совершаться исключительно в форме действия. В диспозиции ст. 282 УК РФ прямо указывается на возможность совершения этого преступления исключительно в форме действий [1]. Утверждения о том, что преступления, предусмотренные ст. 205.2, 280 и 280.1 УК РФ, также совершаются только в активной форме, систематически обнаруживаются на страницах научных комментариев к уголовному закону [2].

Действие, будучи признаком объективной стороны состава преступления, обладает тремя собственными признаками: физическим (действие является телодвижением), социальным (телодвижение должно быть общественно опасным) и юридическим (общественно опасное телодвижение должно нарушать уголовно-правовой запрет) [5]. На первый взгляд для распространения экстремистской и террористической информации, действительно, необходимо совершить некоторое телодвижение. Устная, письменная, графическая, аудиовизуальная формы информации при их создания и дистрибуции требуют определенных движений тела человека. Актуально это и в том случае, если распространение информации происходит путем использования информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети "Интернет", являющееся наиболее распространенным способом совершения информационных преступлений на настоящий момент.

Преступления, которые связаны с публичным распространением незаконной информации, могут быть длящимися. Если речь идет о распространении информации путем публикации материала в сети Интернет, таковыми эти преступления будут всегда. Стоит заметить, что на сегодняшний день согласно материалам судебной статистики, подавляющее большинство информационных преступлений экстремистской и террористической направленности совершается именно с использованием информационно-телекоммуникационной сети [4].

Длящееся преступление совершается каждую последующую секунду после того, как оно начато. Это значит, что не имеет значения, когда именно размещена незаконная информация. До тех пор, пока она находится в доступе для третьих лиц, то есть не будет удалена, она продолжает распространяться. Например, если она содержится в публикации на форуме или социальной сети, размещённой 10 лет назад, и до сих пор не удалена, то она продолжает распространяться каждый день.

При этом начало распространение длящегося информационного

преступления не всегда связано с началом распространения информации. Возможна ситуация, когда на момент начала публикации информации она не была запрещена, но в определенный момент попала под правовой запрет. Например, когда речь идет о символике или деятельности организации признанной экстремистской или террористической, а равно в случае признания распространенного материала экстремистским. В такой ситуации началом нарушения закона следует признать не первичный момент распространения информации, связанный с телодвижением распространителя, а момент возникновения запрета на её распространение.

Таким образом, следует признать возможными случаи, когда общественно-опасная информация, нарушающая нормы уголовного закона, распространяется и без совершения каких-либо телодвижений.

Описанная ситуация соответствует признакам преступного бездействия, ответственность за которое возможна при соблюдении двух условий: наличия возможности и обязанность действовать определенным образом [3]. Обязанность здесь проистекает из запрета на распространение экстремистской и террористической информации, предусмотренного профильными Федеральными законами «О противодействии экстремистской деятельности» от 25.07.2002 № 114-ФЗ и «О противодействии терроризму» от 06.03.2006 № 35-ФЗ.

Стоит признать, что указание в диспозиции ч. 1 ст. 282 УК РФ на совершение этого преступления только в активной форме, пожалуй, нельзя признавать пробелом в установлении уголовно-правового запрета, несмотря на изложенное выше. Связано это с тем, что помимо экстремистского характера распространяемых информационных материалов, необходим умысел виновного на возбуждение ненависти и вражды. На это указывает и судебная практика. Так, Б. увидел в открытом доступе в сети Интернет смешные картинки со стихами, сохранил их на своей странице "ВКонтакте" для себя. Узнав, что они являются экстремистскими материалами, указанные изображения удалил. В результате Б. разместил 35 изображений, которые решением суда ранее признаны экстремистскими. Суд кассационной инстанции приговор в отношении Б. по ч. 1 ст. 282 УК РФ отменил, производство прекратил за отсутствием состава преступления, указав следующее. Вопрос о том, является ли массовое распространение экстремистских материалов преступлением или административным правонарушением (ст. 20.29 КоАП РФ), должен решаться в зависимости от направленности умысла. Б. в экстремистских ячейках не состоял, никакие экстремистские течения не поддерживал, ссылок на фотографии для того, чтобы с ними ознакомились другие лица, не делал. Достаточных данных, указывающих на наличие у Б. прямого умысла на возбуждение ненависти или

вражды, материалы дела не содержат [6].

Очевидно, что если бы распространенный Б. материал изначально не был экстремистским, но далее был признан таковым, и продолжил распространяться ввиду бездействия Б., то на квалификацию содеянного (отсутствие состава ч. 1 ст. 282 УК РФ) это не повлияло. Таким образом, диспозиция ч. 1 ст. 282 УК РФ в рассматриваемой части не требует корректировок.

Наиболее вероятной видится возможность распространения экстремистской информации путем бездействия по признакам публичного оправдания терроризма и его пропаганды, предусмотренных ст. 205.2 УК РФ. Дело в том, что в случаях, когда оправдание или пропаганда касаются деятельности какой-либо организации, то на положительное решение вопроса о террористическом содержании такой информации серьезное влияние оказывает факт признания этой организации и её деятельности террористическими. Данный вывод следует из практики применения нормы судебными органами [6].

Следовательно, в случае оправдания и пропаганды деятельности организации в сообщении, распространенном в сети «Интернет» и доступном для восприятия третьими лицами, может расцениваться как преступное бездействие по ст. 205.2 УК РФ с момента признания этой организации террористической. Уголовный закон в этом случае не ограничивает правоприменителя в возможности квалифицировать содеянное по ст. 205.2 УК РФ, поскольку не говорит об строго активной форме совершения преступного деяния для данного состава преступления. Однако такое ограничение может содержать сознание субъекта применения права, в связи с тем, что, как было отмечено выше, научная и учебная литература не склонным рассматривать возможность совершения информационных преступлений экстремистской и террористической направленности в форме бездействия.

Список использованных источников:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
2. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. – Москва : Проспект, 2020. – 1536 с.
3. Малинин В.Б., Парфенов А.Ф. Объективная сторона преступления. — Санкт-Петербург : Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2004. – 301 с.
4. Москалев Г.Л. Информационные преступления экстремистской и

террористической направленности в материалах судебной статистики // Национальная безопасность / nota bene. 2022. № 5. С. 41-49.

5. Уголовное право. Общая часть : учебник для бакалавров / А. Н. Тарбагаев, А. Ф. Мицкевич, В. В. Питецкий [и др.]. – Издание второе, переработанное и дополненное. – Москва : Общество с ограниченной ответственностью "Проспект", 2025. – 448 с.

6. Хромов Е.В. Комментарий к отдельным положениям Уголовного кодекса Российской Федерации в решениях Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2023.

УДК 340.14

РЕШЕНИЕ СПОРА ОБ ОТНЕСЕНИИ УСЛОВИЯ О БЕНЕФИЦИАРНОМ СОБСТВЕННИКЕ ДОХОДА СТ. 10-12 МК ОЭСР И ТК ООН К ПРАВИЛАМ ПРОТИВ ИЗБЕЖАНИЯ НАЛОГОВ

А. В. Николаев

Сибирский федеральный университет

С момента утверждения в 1977 г. [9] ст. 10-12 Модельной конвенции Организации экономического сотрудничества и развития в отношении налогов на доходы и капитал (далее – МК ОЭСР) содержат условие о предоставлении налоговых льгот, предусмотренных этими статьями, лишь тому получателю дивидендов, процентов или роялти, кто является бенефициарным собственником соответствующего вида дохода, с разъяснением значения термина «бенефициарный собственник дохода» в Комментариях к ст. 10-12 МК ОЭСР.

Со времени утверждения в 1980 г. [11] Типовая конвенция Организации Объединенных Наций об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами (далее – ТК ООН) следует этому условию МК ОЭСР а в Комментариях к ТК ООН при разъяснении значения термина «бенефициарный собственник дохода» воспроизводятся соответствующие положения Комментариев к МК ОЭСР. Следовательно, вопросы к положениям о бенефициарном собственнике дохода МК ОЭСР и Комментариев к ней, как и ответы на эти вопросы, распространяются на положения ТК ООН с Комментариями к ней.

Дискутируя о предложенных в 2011 г. ОЭСР новеллах Комментариев к ст.

10-12 МК ОЭСР, касающихся определения термина «бенефициарный собственник дохода», Standard Chartered Bank предложил дополнить положения указанием, что условие ст. 10-12 о бенефициарном собственнике дохода не используется в качестве инструмента предотвращения злоупотреблений соглашениями об избежании двойного налогообложения (далее – СИДН) [1, с. 55]. ОЭСР отвергла возражения против использования условия ст. 10-12 МК ОЭСР о бенефициарном собственнике дохода в качестве договорного правила против избежания налогов [1, с. 57], но представители зарубежной налогово-правовой доктрины не отказались от такого подхода, предлагая к тому аргументы.

Так, Блажей Кузняцкий настаивает – врожденная функция условия о бенефициарном собственнике дохода заключается в распределении дохода сообразно целям соответствующих статей СИДН, а не в противодействии избежанию налогов. По его мнению, это вытекает из первых примеров использования условия о бенефициарном собственнике дохода в налоговых соглашениях (США с Канадой 1942 г.), прослеживается в изначальном неприятии странами-участницами ОЭСР предложения британской делегации включить в проект МК ОЭСР условие о бенефициарном собственнике дохода в качестве меры против treaty shopping, и, наконец, прочитывается в появившихся в Комментариях к МК ОЭСР 2003 г. [10] указаниях, что условие о бенефициарном собственнике дохода призвано разъяснить значение используемых в ст. 10 и 11 слов «выплачиваемые резиденту» и уточнить, как ст. 12 применяется к платежам посреднику. Использование Соединенным Королевством в своих СИДН условия о бенефициарном собственнике дохода как меры против избежания налогов вытекает исключительно из свойственных его праву правил распределения trustee доходов от иностранных источников. Неохотное включение странами-участницами ОЭСР в ст. 10-11 проекта МК ОЭСР условия о бенефициарном собственнике дохода как меры против treaty shopping стало компромиссом, давшим Соединенному Королевству возможность решить свои проблемы, но появление условия о бенефициарном собственнике дохода в ст. 10-12 МК ОЭСР 1977 г. повлекло повсеместное его заимствование договаривающимися государствами в качестве меры против избежания налогов, вопреки природе условия о бенефициарном собственнике дохода. Тогда и проявились проблемы такого подхода, которые ОЭСР вынуждена десятилетиями неустанно решать [2, р. 1-49; 3, р. 1-14, 18-23].

Столь полная развернутая аргументация требует принять к оценке возражения, выдвинутые против устоявшейся договорной международной налогово-правовой практики применения условия о бенефициарном собственнике дохода ст. 10-12 МК ОЭСР (как и такого же условия ТК ООН).

Требуется дать толкование условию о обнефициарном собственнике дохода ст. 10-12 МК ОЭСР, которое также будет иметь силу для воспроизведенных в ТК ООН соответствующих положений, и наверняка «первыми на ум» приходят правила толкования Венской конвенции о праве международных договоров [8] (далее – Венская конвенция). Да, но если бы не существовал вопрос о правовой природе МК ОЭСР и аналогичной ТК ООН.

МК ОЭСР (а вслед за ней ТК ООН) не является международным договором в значении Венской конвенции, но служит моделью, используемой договаривающимися государствами при заключении СИДН, в т.ч. с участием государств без членства в ОЭСР. Например, И.А. Хаванова определяет ее как юридическую конструкцию в виде идеальной модели особого построения нормативного материала, отражающую сложную структуру отношений, основанных на налоговом суверенитете договаривающихся государств. Не обладая юридической силой действующего международного договора она приобретает авторитет в меру степени совершенства воплощенных в ней «экономико-правовых идей, юридических подходов и качества их текстуальной реализации» а также пропорционально распространенности СИДН, составленных по ее модели. Она – документ, формализующий принципы международного налогового права. Отражение этих принципов в ее тексте «имеет не устанавливающий, но констатирующий характер», при этом основные принципы налогообложения не могут быть нарушены по причине такого их закрепления – не в тексте закона. «Как у любого модельного документа у не нет обязательных правовых последствий», ее влияние «растет благодаря воплощению модельных положений» в СИДН. Даже не будучи официальными, «правила, отражающие согласованную практику государств, не могут быть полностью лишены юридического значения» [4, с. 132-133].

Сторонник т. н. «мягкого права» (soft law) – феномена, представленного мозаикой множества доктринальных подходов [5, с. 72-75; 6, с. 182-197] – увидит в приведенном выше описании признаки и характер документа мягкого права. Действительно, например, с точки зрения А.И. Савицкого МК ОЭСР и ТК ООН представляют собой мягкое право в международном налоговом праве [7, с. 107-126]. Или А.В. Демин называет МК ОЭСР с Комментариями к ней и ТК ООН наиболее известными документами мягкого права, где МК ОЭСР демонстрирует степень влияния мягкого права даже в отношениях стран, не связанных членством в ОЭСР [6, с. 176]. А говоря впоследствии о функции актов мягкого права помогать в толковании официальных источников налогового права, он приводит в пример активное использование отечественными судами и фискальными органами МК ОЭСР и Комментариев к ней при толковании СИДН с

российским участием [6, с. 190-191].

Принимая для целей настоящей работы такое видение правовой природы МК ОЭСР и ТК ООН заключаем, что для ответа на вопрос об обоснованности возражений против использования условия ст. 10-12 МК ОЭСР о бенефициарном собственнике дохода в качестве договорного правила против избежания налогов мы должны дать толкование положениям акта мягкого права. По причине чего встает другой вопрос, не имеющий должного доктринального освещения: каковы правила толкования актов международного мягкого права?

Нормативное закрепление в Венской конвенции правил толкования международных договоров – исключение, поскольку правила толкования норм права являют собой пример правовой традиции, а не законодательного и иного нормативно-правового урегулирования. Помощь предлагает правовая наука. Например, при использовании лекала юридического неопозитивизма толкование является лингвистический анализом, направленным на выявления мысли авторов актов права, – с этой точки зрения толкование актов мягкого права не будут исключением. В рамках общей цели – выявления мысли авторов текста правового акта – правила научного анализа текста, будь текст законом, международным договором или документом мягкого права – сущностно едины. С нашей точки зрения, классификация МК ОЭСР в качестве акта мягкого права в сфере международных договорных отношений допускает по аналогии прибегнуть к правилам толкования международных договоров, закрепленным в Венской конвенции.

С этих позиций интересующее нас толкование положений ст. 10-12 МК ОЭСР, содержащих условие о бенефициарном собственнике дохода, сводится к выявлению инструментами лингвистического анализа мысли их авторов о роли данного условия как меры против избежания налогов. Анализируемыми текстами будут соответствующие положения ст. 10-12 МК ОЭСР 1977 г., Комментарии к ним, являющиеся соглашением, относящимся к МК ОЭСР, достигнутым всеми участниками в связи с ее заключением, составляющим контекст для целей толкования МК ОЭСР, а также протоколы заседаний рабочей группы по проекту МК ОЭСР, служащие дополнительными средствами толкования положений МК ОЭСР. Толкование положений МК ОЭСР, содержащих условие о бенефициарном собственнике дохода, должно производиться добросовестно в соответствии с обычным значением, которое следует придать терминам положений в их контексте, а также в свете объекта и целей МК ОЭСР.

В момент утверждения МК ОЭСР в 1977 г. ее цель (и цель заключаемых на ее базе СИДН) раскрывалась в Комментариях к ст. 1 как: содействие обмену товарами и услугами и перемещению капитала и лиц путем устранения

международного двойного налогообложения, что, однако, не должно способствовать избежанию налогов или уклонению от уплаты налогов. То есть, МК ОЭСР и заключаемые на ее базе СИДН должны были служить устранению международного двойного налогообложения не предоставляя при этом налогоплательщику возможности избежать налога или уклониться от его уплаты.

Риск двойного налогообложения тем меньше, чем формальнее требования к налогоплательщику. Цель устранения международного двойного налогообложения требует максимально формального правила распределения дохода, но появление оговорки о лишении при этом налогоплательщика возможности избежать налога или уклониться от его уплаты требует перехода от формальных к более жестким условиям предоставления налоговых льгот, предусмотренных СИДН. В ст. 10-12 МК ОЭСР 1977 г. требование быть бенефициарным собственником соответствующего вида дохода ужесточает формальное требование к получателю дивидендов, процентов или роялти, претендующего на получение предусмотренных в этих статьях налоговых льгот, быть резидентом другого договаривающегося государства. Комментарии к ст. 10-12 МК ОЭСР 1977 г. дают понять, что ужесточение направлено на исключение возможности получения рядом лиц, не являющихся бенефициарным собственником дохода, налоговой льготы, предусмотренной этими статьями. Но чтобы окончательно прояснить, была ли мысль авторов условия о бенефициарном собственнике дохода направлена на придание ему роли правила против избежания налога, необходимо обратиться к протоколам рабочей группы по проекту МК ОЭСР.

Автором закрепленного в статьях 10-12 МК ОЭСР 1977 г. условия о бенефициарном собственнике дохода является британская делегация, совместно с делегациями других стран-участниц ОЭСР работавшая над проектом МК ОЭСР. Британский опыт условия о бенефициарном собственнике дохода для целей трансграничного налогообложения начался соглашением с США 1945 г. и продолжился соглашением с Канадой 1946 г., которые во многом были схожи с американо-канадским соглашением 1942 г., впервые прибегшим к условию о бенефициарном собственнике дохода для целей трансграничного налогообложения [1, с. 15]. Оценка Б. Кузнецкого, что в упомянутом соглашении 1942 г. условие о бенефициарном собственнике дохода служило распределению дохода, а не противодействовало избежанию налогов, даже будучи справедливой не играет значимой роли в нашем толковании ст. 10-12 МК ОЭСР.

Дело в том, что опыт использования условия о бенефициарном собственнике дохода, распространяемый британской делегацией на проект МК ОЭСР, начинался с протокола 1966 г. к упомянутому выше соглашению 1945 г. и

имел продолжение в протоколе того же года к соглашению со Швейцарией, в СИДН с Новой Зеландией 1966 г. и Нидерландами 1967 г., в протоколах 1968 г. к соглашениям с Антигуа, Данией и Швецией, в СИДН с Португалией и Финляндией того же года, в СИДН с Испанией 1975 г. [1, с. 15-16]. Во всех случаях условием предоставления предусмотренной СИДН налоговой льготы было требование к получателю дохода быть и резидентом другого договаривающегося государства, и бенефициарным собственником дохода. Согласно протоколам заседаний рабочей группы, британская делегация характеризовала такой подход Соединенного Королевства к заключению СИДН как меру против *treaty shopping*, которой недостает проекту ст. 10 и 11 МК ОЭСР вопреки смыслу самой МК ОЭСР [1, с. 16-18]. Обоснованно полагаем, что смыслом МК ОЭСР является не раз упомянутое выше устранение двойного налогообложения без предоставления налогоплательщику возможности избежать налога или уклониться от его уплаты.

Отрицать, что при утверждении в 1977 г. условию о бенефициарном собственнике дохода ст. 10-12 МК ОЭСР отводилась роль правила против избежания налогов, значит идти против толкования этих положений, выявившего мысль его авторов – британской делегации, в ходе работы над проектом МК ОЭСР предложившей делегатам других стран перенять опыт использования Соединенным Королевством при заключении СИДН условия о бенефициарном собственнике дохода как меры против *treaty shopping*. Условие о бенефициарном собственнике дохода служит изложенной в Комментариях к ст. 1 МК ОЭСР 1977 г. цели в части лишения налогоплательщика возможности избежания налогов или уклонения от их уплаты. Сделанное в работах Б. Кузнецкого по сути заключение о природной неэффективности условия о бенефициарном собственнике дохода как меры против избежания налогов не опровергает этого вывода и не доказывает, что при включении этого условия в ст. 10-12 МК ОЭСР 1977 г. ему придавалось значение исключительно правила распределения дохода в целях избежания двойного налогообложения. В силу прямой корреспонденции соответствующих положений ТК ООН и Комментариев к ней с разобранными положениями МК ОЭСР и Комментариев к ней, вывод распространяется и на условие о бенефициарном собственнике дохода ТК ООН 1980 г.

Список использованных источников:

1. Демин, А. В. Доктрина бенефициарного собственника в налоговом праве / А. В. Демин, А. В. Николаев. М.: Проспект, 2021. 296 с.
2. Kuźniacki, B. Beneficial Ownership in International Taxation and Biosemantics – Why a Redundant, Paradoxical and Harmful Concept Can Be a Potent Weapon in the Hands of the Tax Authorities / B. Kuźniacki // *Bulletin for International Taxation*. – 2023. February. P. 42–53.
3. Kuzniacki, B. Determining the Beneficial Owner of Dividend Income Compared to Other Items of Income in International Taxation: nihil sub sōle novum / B. Kuzniacki // *Nordic Tax Journal*. 2024. № 1. P. 1–28.
4. Хаванова, И. А. Избежание двойного налогообложения и предотвращение уклонения от налогообложения в условиях взаимодействия национального и международного права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04; 12.00.10 / И. А. Хаванова. М., 2016. 415 с.
5. Кудряшов, В. В. «Мягкое право» как метод регулирования международных финансовых отношений в зарубежной доктрине международного финансового права / В. В. Кудряшов // *Московский журнал международного права*. 2013. № 2. С. 70–89.
6. Демин, А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые способы ее преодоления: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.04 / А. В. Демин. М., 2014. 452 с.
7. Савицкий, А. И. Международное налоговое право: Общая часть: электронное учебное издание / А. И. Савицкий. – Екатеринбург. – 2018. – 366 с.
8. Венская Конвенция о праве международных договоров: Вена, 23.05.1969 // *Ведомости ВС СССР*. 1986. № 37. Ст. 772.
9. OECD (1977), *Model Tax Convention on Income and on Capital: Report of the OECD Committee on Fiscal Affairs 1977*, OECD Publishing, Paris. URL: <https://doi.org/10.1787/9789264055919-en> (дата обращения: 10.04.2025).
10. OECD (2003) *Model Tax Convention on Income and on Capital: Condensed Version 2003*, OECD Publishing. URL: https://doi.org/10.1787/mtc_cond-2003-en (дата обращения: 10.04.2025).
11. *United Nation Model Double Taxation Convention between Developed and Developing Countries (1980)*. New York: UN, 1980. URL: <https://digitallibrary.un.org/record/13957> (дата обращения: 10.04.2025).

УДК 343.34

АНТИКРИМИНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА: ТИПЫ И СОДЕРЖАНИЕ

В. А. Номоконов

Сибирский федеральный университет

Формирование, формулирование и реализация цельной (в единстве и согласовании всех его элементов) антикриминальной политики государства должно стать предметом особого научного и практического внимания [1, с. 34]. Однако следует обратить внимание на ещё имеющуюся теоретическую неразработанность проблемы криминологической политики в современной России. Об этом свидетельствует, в частности, трюизм о том, что криминологическая политика является частью уголовной политики. Однако есть и точка зрения, согласно которой соотношение между этими видами политики диаметрально противоположное: уголовная политика выступает частью криминологической, поскольку последняя опирается еще и на социальную политику. Если социально-политические решения, направленные на повышение жизненного уровня населения (например, ликвидация нищеты), находятся за рамками уголовной политики, то они охватываются содержанием криминологической политики, так как имеют фиксируемые антикриминогенные последствия. В то же время любая составная часть уголовной политики (уголовно-правовая, уголовно-процессуальная, уголовно-исполнительная, административно-правовая, оперативно-розыскная политика) должна быть нацелена на ограничение преступности, иными словами, обладать антикриминогенным потенциалом, соответствовать направлению криминологической политики и с этой точки зрения оцениваться криминологами. Наконец, антикриминогенный потенциал должен характеризовать любой другой вид политики: культурной, экономической, таможенной, финансовой и т. д. — и, в связи с этим, учитываться в теории и практике криминологической политики [2, с. 238-239].

В литературе, тем не менее, криминологическая политика чаще всего рассматривается как часть уголовной политики и в этом плане она охватывает лишь область т. н. специальной профилактики.

Представляется, что криминологическая политика может рассматриваться в трёх разных плоскостях: 1) как антикриминальная политика, включающая уголовно-правовую и криминологическую политику как её составные элементы, 2) как часть уголовной политики и, наконец, 3) как государственную социальную

политику, обладающую антикриминогенным потенциалом. Для лучшего понимания авторской позиции можно предложить следующую трактовку разных аспектов антикриминальной, криминологической или уголовной политики.

Антикриминальная политика — это государственная политика в сфере противодействия преступности, включающая уголовную политику и социальную политику с антикриминогенным потенциалом. В широком значении криминологическая политика совпадает с антикриминальной социальной политикой, включает так называемые общесоциальные меры – политические, правовые, организационные, экономические, социально-культурные, идеологические, образовательно-воспитательные (педагогические), психологические, религиозные. Общесоциальные меры, по существу, есть меры *не столько против* преступности, сколько содержат усилия «за» утверждение законопослушного ответственного поведения, достойного духовно-нравственного облика граждан. Лучшая профилактика преступности – внедрение и закрепление позитивных факторов, направленных на всестороннее физическое, духовное и материальное развитие населения вообще и каждого гражданина, в частности. Адекватная оптимальная социальная политика государства есть, в то же время, лучшая антикриминальная политика. Изучение проблемы антикриминальной политики в широком социальном контексте показывает недостаточность традиционных подходов и, соответственно, необходимость более глубокого погружения в предмет с точки зрения сущностных характеристик и самой политики, и ее объекта – преступности. В наше очень непростое время, которое переживает мир, важно определить, какую роль в противодействии преступности играет или должна играть антикриминальная политика.

Об антикриминальной стратегии как элементе антикриминальной политики. В ряде работ, посвященных государственной политике в области борьбы с преступностью, употребляется термин «антикриминальная стратегия» как синоним антикриминальной политики [3, с. 34]. Представляется, что было бы целесообразно всё же разграничить эти термины. В настоящее время правомерно говорить об антикриминальной политике государства как составляющей государственной политики по реализации Стратегии национальной безопасности РФ (утвержденной Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400). В этой части, вероятно, более точно было бы говорить именно об *антикриминальной стратегии* [4; 5]. В свою очередь, необходимо уточнить соотношение антикриминальной политики и антикриминальной стратегии.

Антикриминальная политика — это более широкий, концептуальный подход, который определяет основные направления государственной политики в области борьбы с преступностью. Она включает в себя законодательные инициативы, проектирование и выполнение программ профилактики, а также регулярный мониторинг и оценку их эффективности. Антикриминальная политика охватывает множество аспектов, включая уголовно-правовую, криминологическую, социальную и экономическую составляющие. Важно отметить, что она также включает в себя взаимодействие с различными институтами и организациями, как государственными, так и частными, а также с международными структурами.

С другой стороны, *антикриминальная стратегия* представляет собой конкретные действия и механизмы, реализующие цели антикриминальной политики. Она фокусируется на тактических аспектах, разрабатывая конкретные меры по предотвращению преступлений, их расследованию и последующему наказанию правонарушителей. Это может включать в себя создание специализированных подразделений в правоохранительных органах, проведение кампаний по предупреждению преступности, а также программы реабилитации для осужденных.

Соотношение криминологической и уголовной политики. Уголовная политика — это уголовно-правовая, криминологическая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политика. Криминологическая политика в составе уголовной политики — система специальных профилактических мер. Криминологическая политика и уголовная политика являются взаимосвязанными и взаимозависимыми концепциями. Уголовная политика определяет нормы и принципы, на основе которых принимаются уголовные законы и разрабатывается система наказаний для преступников. Криминологическая политика, в свою очередь, основывается на анализе криминологических данных и исследований, чтобы определить причины и факторы, способствующие преступности, и разработать меры для ее предотвращения. Криминологическая политика помогает определить, какие преступления являются наиболее серьезными и требуют наибольшего внимания со стороны уголовной политики. Например, если анализ криминологических данных показывает, что насилие в семье или киберпреступления становятся все более распространенными, то криминологическая политика может предложить разработку новых законов или изменение существующих, чтобы более эффективно реагировать на эти виды преступлений. Уголовная политика, в свою очередь, определяет, какие преступления считаются нарушением закона и какие наказания применяются к преступникам. Она также разрабатывает стратегии и

программы для борьбы с преступностью и обеспечения безопасности общества. Криминологическая политика является основой для разработки этих стратегий и программ, так как она предоставляет информацию о том, какие меры будут наиболее эффективными в предотвращении преступности.

Таким образом, криминологическая политика и уголовная политика взаимодополняют друг друга и работают вместе для достижения общей цели - снижения уровня преступности и обеспечения безопасности общества. Криминологическая политика предоставляет научную основу для разработки уголовной политики, а уголовная политика воплощает меры и действия, предложенные криминологической политикой, в законодательство и практику. Термин «антикриминальная политика» выражает наиболее широкую трактовку государственной политики противодействия преступности.

Типы антикриминальной политики. В области государственного воздействия на преступность возможны две противоположные модели, которые можно обозначить условно как «репрессивно-силовая» и «гуманно-гармоничная». Первая модель является традиционной. Суть ее – в опоре на различные варианты государственного принуждения к законопослушному поведению. Она возникла изначально и со временем модифицируется под влиянием тех или иных политических решений. Однако криминологические исследования показывают прямую зависимость состояния и динамики преступности не столько от собственно уголовной политики, хорошей или плохой работы правоохранительных органов, хотя и от неё тоже, сколько прежде всего от своеобразия причинного комплекса преступности. Это хорошо известно, поэтому исторически более перспективной представляется гуманно-гармоничная модель, сосредоточенная на решении прежде всего социально-гуманитарных проблем с целью минимизировать криминогенные факторы.

К сожалению, реальная антикриминальная политика многих государств, в том числе и России, все же пока мало опирается на эту модель. В нашей стране в силу известных причин явно обозначился тренд в сторону ещё большего усиления репрессивно-силовых средств. Больше того, сейчас мы видим, как публично демонстрируются совершенно незаконные средства воздействия на задержанных (например, отрезание уха) и это не находит никакой реакции со стороны правоохранителей. Презюмируется, что если это – враги государства, то к ним применимы любые незаконные меры насилия. Представляется, что это – тупиковый путь. Почему? Да, помимо прочего, потому что причинные факторы преступности не устраниваются, остаются и дальше продолжают генерировать преступность.

Напомним, что репрессивно-силовая модель в своём тоталитарном варианте уже реализовывалась в СССР в сталинский период. Представляется, что в настоящее время наметилась тенденция возврата к такой весьма жёсткой модели, что вызывает обоснованную тревогу и должно быть остановлено, если мы не хотим реанимировать тоталитаризм.

В качестве антипода тоталитарного варианта антикриминальной политики можно назвать т. н. «либеральную» модель с её приоритетами, кратко говоря, в виде частной собственности, прав человека и неформальной дифференциации населения на «включённых» и «исключённых». Обратим внимание и на известные крайности идей либерализма, когда под лозунгами свободы в действительности оправдываются анархия и вседозволенность, нравственное растление. Оптимальная антикриминальная политика должна отвечать, в частности, следующим требованиям: соответствие национальной идеологии, которая представляет собой синтез традиционных ценностей народов России; повышение духовно-нравственного потенциала общества; осуществление культурно-нравственной политики в направлении воспитания гуманистических личностных качеств; приоритетное внимание предупреждению преступлений; разделение бизнеса и власти таким образом, чтобы исключить, с одной стороны, участие бюрократии в предпринимательской деятельности в любых формах, а с другой — «хождение» бизнесменов во власть; устранение всех правовых иммунитетов, кроме дипломатического; создание процедур гласной аттестации должностных лиц определенных категорий с участием представителей общественности; усиление государственного регулирования и присутствия государства в экономике; ликвидация нищеты, бедности, безработицы; восстановление трудовых ресурсов; снижение потребления алкоголя и наркотических средств; укрепление семьи; защита детей от любых форм эксплуатации, всех форм физического или психологического насилия, злоупотребления или растления; обеспечение гласности и научности при подготовке законодательных актов; введение института криминологической экспертизы нормативных правовых актов; исключение практики nepотизма, кумовства и семейственности; оптимизация процессов криминализации-декриминализации деяний; социальная ответственность бизнеса; разработка криминологического законодательства; защита потенциальных и реабилитация реальных жертв преступлений; правовое просвещение; совершенствование криминологического менеджмента; декриминализация регионов, отраслей экономики и сфер деятельности; международное взаимодействие и сотрудничество по выявлению, пресечению и предупреждению преступлений

[2, с. 242-243]. В таком понимании оптимальной антикриминальной политики вектор политики обозначен верно.

В настоящее время актуализируется проблема содержательного наполнения антикриминальной политики (криминологической политики в её широком социальном созидательном контексте и в зависимости от конкретной сферы её действия). Например, противодействие экономической преступности и коррупции предполагает создание прозрачной, справедливой и конкурентной среды в политической и экономической сферах.

Другими словами, криминологи должны включиться в исследование проблем криминологической оценки не только уголовной, но также и государственной политики и общества в целом с целью выявления и нейтрализации криминогенных факторов. А для этого надо понять, что это за факторы. В любом случае государству следует идти не по пути увеличения социальной напряжённости и попыток снизить последнюю с помощью принуждения, а выстраивать позитивную конструктивную социальную политику, повернуться в сторону всемерного содействия гармонизации общественной жизни, устранения причин возникающих конфликтов, снижения остроты социальных контрастов, обеспечения баланса интересов личности, общества и государства, социальной солидарности.

Список использованных источников:

1. Джатиев В.С. О российской антикриминальной политике // Криминология вчера, сегодня, завтра. 2014. № 2.
2. Клеймёнов М.П. Криминология: учебник. М., 2018.
3. Биккинин И.А., Муцалов С.И. Антикриминальная стратегия государства: теоретические и практические аспекты реализации // Вестник Чеченского государственного университета. № 4 (40).
4. Антикриминальная стратегия и её криминологическая составляющая. М., 2023.
5. Уголовно-правовые средства государственного социального управления. М., 2023.

УДК 349.3

**О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ
ПРИ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ**

Е. И. Петрова

Сибирский федеральный университет

События, вызванные стихийными бедствиями, климатическими катаклизмами, а также террористическими атаками становятся все более разнообразными и влекут за собой значительные негативные последствия для населения, включая повреждение здоровья, уменьшение средств к существованию и бедность, потерю жилья. Поэтому социальная защита населения (в том числе и государственная социальная помощь) при чрезвычайных ситуациях представляет собой комплекс организационных, правовых и материальных мер, обеспечивающих каждому пострадавшему компенсацию понесенного им физического и материального ущерба. Порядок и условия, виды и размеры компенсаций и социальных гарантий, предоставляемых гражданам Российской Федерации, устанавливаются законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации.

В соответствии со ст. 1 Федерального закона от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» (далее – ФЗ № 68) чрезвычайная ситуация (ЧС) – это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, опасного природного явления, катастрофы, распространения заболевания, представляющего опасность для окружающих, стихийного или иного бедствия, которые могут повлечь или повлекли за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности людей [1].

На основании ст. 18 ФЗ № 68 пострадавшие имеют право получать медицинское обслуживание и социальные гарантии в связи с утратой работоспособности, обретенным заболеванием; правовую поддержку; право на возмещение ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие чрезвычайных ситуаций (далее также - ЧС); участвовать в установленном порядке в мероприятиях по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций; на пенсионное обеспечение в случае потери трудоспособности в связи с увечьем или заболеванием, полученным при выполнении обязанностей по

защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций. Возмещение вреда, который причинён в результате террористического акта, регулируется Федеральным законом от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» [6].

Различают чрезвычайные ситуации по характеру источника - природные, техногенные, биолого-социальные и военные. ЧС подразделяются также на ЧС мирного и военного времени.

Кроме того, чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера подразделяются на чрезвычайные ситуации локального, муниципального, межмуниципального, регионального, межрегионального и федерального характера [2]. Последняя классификация имеет особое значение, поскольку положенный в ее основу территориальный критерий влияет на объём предоставляемых гарантий и размер выплат, назначаемых гражданам.

Так, в случае возникновения чрезвычайных ситуаций федерального или межрегионального характера пострадавшие граждане имеют право на получение из федерального бюджета таких видов финансовой помощи, как: единовременная материальная помощь; финансовая помощь в связи с утратой имущества первой необходимости; выплата единовременного пособия членам семей в случае гибели гражданина и др.

Размеры и порядок выплат устанавливаются также нормативными правовыми актами исполнительных органов субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления соответственно. При чрезвычайных ситуациях муниципального характера органы местного самоуправления также вправе оказывать денежную помощь пострадавшим гражданам.

Отметим, что финансовая нагрузка для органов публичной власти может быть довольно высокой, поскольку обеспечение населения предметами первой необходимости (одежда, обувь, одеяла, посуда, средства личной гигиены, моющие средства, ткани, галантерея и др.) осуществляется из собственных ресурсов и резервов субъекта РФ и органов местного самоуправления. Наряду с этим предусмотрено использование гуманитарной, благотворительной и других видов помощи. Понесенные бюджетами регионов расходы могут быть компенсированы за счет резервного фонда Правительства РФ, но позднее.

Итак, Правительство РФ финансирует выплаты в случае ЧС федерального или межрегионального значения.

Цели, условия и порядок предоставления выплат из федерального бюджета на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера в части чрезвычайных ситуаций федерального, межрегионального и регионального

характера предусмотрены постановлением Правительства РФ от 28.12.2019 г. № 1928 «Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями» далее – Правила) [3].

На основании ст. 4, 18 ФЗ № 68, приказа Министерства чрезвычайных ситуаций России от 10.12.2021 г. № 858 «Об утверждении Порядка подготовки и представления высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации документов в МЧС России для обоснования предельного объема запрашиваемых бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации» (далее – Приказ МЧС России № 858) обязанность по составлению списков граждан, пострадавших в результате чрезвычайной ситуации, возложена на орган местного самоуправления, на территории которого введен режим чрезвычайной ситуации, в связи с чем для получения единовременной материальной и финансовой помощи из федерального и регионального бюджета гражданам, пострадавшим от чрезвычайной ситуации природного/техногенного характера, необходимо обратиться в орган местного самоуправления с заявлением о включении их и членов их семей в списки на оказание единовременной материальной помощи и (или) финансовой помощи в связи с утратой имущества [4]. К такому заявлению требуется приложить копии документов, удостоверяющих личность гражданина и членов его семьи, а также документы, подтверждающие факт постоянного проживания пострадавшего и членов его семьи в населенном пункте, пострадавшем от ЧС, заключение медицинской экспертизы - для выплаты единовременного пособия по вреду здоровью, а также иные документы по желанию пострадавшего.

Заметим, что действующим законодательством срок предоставления таких заявлений не определен. Однако Приказом МЧС России № 858 установлен общий срок для органов местного самоуправления на предоставление списка пострадавших в региональные органы власти, который составляет 1 месяц. Это снижает эффективность предоставления мер социальной поддержки нуждающимся гражданам.

Обращение к федеральному законодательству и нормативным правовым актам субъектов РФ свидетельствует о том, что к основным способам охраны прав граждан при возникновении ЧС отнесены: проведение мероприятий, направленных на максимально возможное уменьшение риска возникновения ЧС, сохранение здоровья людей, снижение размеров ущерба имуществу граждан, окружающей среде; создание и использование финансовых ресурсов для предупреждения и ликвидации ЧС; государственный надзор в области защиты населения от ЧС (в форме плановых, внеплановых и комплексных проверок).

В то же время события в Оренбургской области и Приамурье (наводнения 2024-2025 гг.), а также атаки беспилотных летательных аппаратов по территории РФ выявили ряд проблем по обеспечению прав граждан в рассматриваемой сфере. Среди них проблемы организационного характера, которые связаны с несвоевременным применением технических средств оповещения населения об угрозе и возникновении ЧС и низким уровнем обеспеченности населения средствами индивидуальной защиты; материального характера, выражающиеся в недостаточности материальных ресурсов для возмещения причинённого ЧС ущерба имущественного и неимущественного характера, необеспеченностью граждан временным жильем в случае утраты их жилища в результате ЧС, либо признания его непригодным для проживания.

На характер проводимых государством мероприятий по организации государственной помощи пострадавшим гражданам также влияют межведомственные отношения, поскольку чрезвычайные ситуации оказывают влияние на все стороны жизнедеятельности той или иной территории. Кроме того, сказываются особенности и уровень финансирования пострадавших регионов, их снабжение, необходимость эвакуации из зоны чрезвычайной ситуации, интенсивность проведения восстановительных работ и т.д.

Наряду с этим на регионы ложится ответственность по социальной защите отдельных групп населения, имеющих повышенную уязвимость при ЧС. Это так называемые «уязвимые люди». К этой категории относятся: дети младшего возраста; пожилые и маломобильные люди; лица, имеющие физические и психические недостатки, не позволяющие им оперативно получать сигналы предупреждения и информацию об опасностях, требующие дополнительной помощи и поддержки при ликвидации чрезвычайных ситуаций. Методический материал ООН [5], посвященный защите инвалидов при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях, обращает внимание на то, что в кризисных ситуациях, при эвакуации, из-за неподготовленности и отсутствия учета уязвимых групп в планах действий чаще всего забывают об инвалидах.

Все вышеизложенное говорит о необходимости осуществления серьезной государственной политики в сфере профилактики чрезвычайных ситуаций, минимизации их негативных последствий, обеспечения действенной социальной защиты пострадавшего населения. Представляется, что для повышения эффективности социальной помощи гражданам, пострадавшим от ЧС, необходимо разработать общероссийский Стандарт, закрепляющий принципы оказания такой помощи, правила финансирования, виды помощи, их объем и порядок предоставления, который носил бы обязательный характер, независимо от того, на какой территории произошла чрезвычайная ситуация. Стандарт мог бы быть адресован местным органам власти и иным субъектам, участвующим в планировании мероприятий по предупреждению и ликвидации чрезвычайных ситуаций, организации первичного жизнеобеспечения населения, а также медицинским учреждениям, службам социального обеспечения, миграционным службам.

Список использованных источников:

1. О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера: Федеральный закон от 21.12.1994 № 68-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

2. Положение о пункте временного размещения населения, пострадавшего при возникновении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера // Гражданская оборона и защита от чрезвычайных ситуаций в учреждениях, организациях и на предприятиях. 2023. № 5. С. 52 - 64.

3. Об утверждении Правил предоставления иных межбюджетных трансфертов из федерального бюджета, источником финансового обеспечения которых являются бюджетные ассигнования резервного фонда Правительства Российской Федерации, бюджетам субъектов Российской Федерации на финансовое обеспечение отдельных мер по ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, осуществления компенсационных выплат физическим и юридическим лицам, которым был причинен ущерб в результате террористического акта, и возмещения вреда, причиненного при пресечении террористического акта правомерными действиями: Постановление Правительства РФ от 28.12.2019 № 1928 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Об утверждении Порядка подготовки и представления высшими исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации документов в МЧС России для обоснования предельного объема

запрашиваемых бюджетных ассигнований из резервного фонда Правительства Российской Федерации: приказа Министерства чрезвычайных ситуаций России от 10.12.2021 № 858 // СПС «КонсультантПлюс».

5. Защита инвалидов при стихийных бедствиях и чрезвычайных ситуациях [Электронный ресурс] // Сайт ООН. URL: https://www.un.org/ru/rights/disabilities/background_1.shtml (дата обращения: 03.09.2025).

6. О противодействии терроризму Федеральным законом от 06.03.2006 № 35-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

УДК 347.65, 347.72

НАСЛЕДСТВЕННО-КОРПОРАТИВНЫЕ СПОРЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ

Е. Н. Петрова

Сибирский федеральный университет

По данным Федеральной налоговой службы РФ на 01 января 2025 г. в Едином государственном реестре юридических лиц зарегистрировано 2 623 091 коммерческая организация. Из них 2 544 116 – это общества с ограниченной ответственностью [11]. Общество с ограниченной ответственностью - удобная организационная правовая форма, подходящая для ведения как малого, так среднего бизнеса.

В свою очередь, по словам Президента Торгово-промышленной палаты РФ С.Н. Катырина в России 75% малого и среднего бизнеса в стране - это семейные компании [12]. При этом не всегда все члены семьи являются непосредственными участниками - владельцами долей общества с ограниченной ответственностью. В такой ситуации после смерти владельца доли может возникнуть спор, связанный с переходом корпоративных прав членам семьи или выплатой действительной стоимости, перешедшей им по наследству доли.

В соответствии с п. 6 ст. 93, абз. 2 п. 1 ст. 1176 ГК РФ, а также п. 8 ст. 21 и п. 5 ст. 23 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью. Таким образом, уставом общества может быть предусмотрено, что переход доли в

уставном капитале общества к наследникам либо не допускается вообще, либо возможно только с согласия остальных участников общества. В случае запрета, а также, если согласие участников общества не получено, общество обязано выплатить наследнику умершего участника общества действительную стоимость доли, вошедшей в состав наследства. Если право наследника нарушается возникает вопрос - к компетенции какого суда относится данный спор: арбитражного или общей юрисдикции.

В данном случае необходимо констатировать, что у наследника корпоративные права (права участника) не возникают, следовательно, спор о его праве на выплату стоимости унаследованной им доли должен расцениваться в качестве спора, возникшего из наследственных правоотношений, и рассматриваться судом общей юрисдикции. Такую позицию неоднократно высказывал Верховный суд РФ, отразив ее в п. 1 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» [9], а также в Обзоре судебной практики ВС РФ № 1, утвержденном Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015 (вопрос 7) [4].

Прошло более десяти лет с момента опубликования этих разъяснений. Тем не менее, единства подходов в судебной практике до сих пор не наблюдается. Можно привести ряд дел, рассмотренных арбитражными судами различных инстанций по искам наследников, не получивших согласия других участников на вхождение в ООО, о взыскании действительной стоимости доли или исков об истребовании документов, лежащих в основе определения действительной стоимости доли, с размером которой наследник был не согласен. В этих делах судами либо не поднимался вопрос о том, должно ли такое дело рассматриваться в суде общей юрисдикции, несмотря на то, что истец явно не обладал корпоративными правами, либо указанный вопрос ставился, но в передаче дела было отказано.

Так, в частности, решением Арбитражного суда Республики Крым от 14 октября 2024 г. по делу № А83-12978/2023 были удовлетворены требования наследника умершего участника к обществу с ограниченной ответственностью о взыскании действительной стоимости доли в размере 20 047 221,25 руб. Ранее другие участники общества отказались дать согласие на переход доли к наследникам умершего участника, мирным путем достичь соглашения о размере действительной стоимости доли достичь не удалось [10]. Впоследствии этим же судом было принято к производству исковое заявление наследника к этому же обществу о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами в связи с несвоевременной выплаты истцу действительной стоимости доли в уставном капитале общества. Ответчик заявил ходатайство о

передаче дела в Верховный Суд Республики Крым, поскольку считал, что спор не подсуден арбитражному суду. Заявление ответчика было оставлено без удовлетворения. Постановлением Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2025 № 21АП-4282/2025 по делу № А83-26070/2024 определение об отказе в удовлетворении заявления о передаче дела в суд общей юрисдикции оставлено без изменения [6].

В другом деле наследнице было отказано в приеме в качестве участницы общества и ей была выплачена действительная стоимость перешедших по наследству долей. Она посчитала, что сумма выплат была определена на основании недостоверных сведений бухгалтерского баланса и обратилась к обществу с требованием о представлении ей первичных документов, на основании которых был составлен баланс. Общество их не представило, заявив, что они были уничтожены в результате пожара. Наследница обратилась в Арбитражный суд Ивановской области с заявлением об истребовании от общества копий документов. Дело дошло до Арбитражного суда Волго-Вятского округа. Вопрос о передаче дела из арбитражного суда в суд общей юрисдикции не ставился. В итоге требование наследницы было удовлетворено в части запрашиваемых документов, необходимых для последующего определения стоимости выплаченных долей, поскольку общество не доказало, что не может восстановить документы [5].

В деле ООО «И-Пирамида» арбитражные суды трёх инстанций также рассмотрели иск в интересах наследников о взыскании действительной стоимости доли и не озадачились вопросом о том, должно ли такое дело рассматриваться в суде общей юрисдикции, ведь истец не обладал корпоративными правами, так как не получил согласия участников на вход в ООО [2, с. 60].

В свою очередь, есть примеры постановлений арбитражных судов, которыми в аналогичных ситуациях заявления сторон о передаче спора на рассмотрение в суд общей юрисдикции были удовлетворены [7; 8].

Ранее на данную проблему отсутствия однообразия в судебной практике указывали многие авторы [1, с. 35; 2, с. 60; 3, с. 27]. Приходится констатировать ее наличие и в настоящее время.

Список использованных источников:

1. Дергачев, С. Подведомственность корпоративных споров, связанных с семейными и наследственными правоотношениями / С. Дергачев // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 6. С. 32 - 36.

2. Михальчук, Ю. Корпоративные споры, возникающие в связи с наследованием долей в уставном капитале ООО / Ю. Михальчук, А. Горева // *Гражданское право*. 2022. Т. 1, № 1. С. 32-60.

3. Можиян, С. К вопросу о разграничении компетенции судов при рассмотрении споров, связанных с наследованием корпоративных прав / С. К. Можиян // *Арбитражный и гражданский процесс*. 2020. № 6. С. 24-28.

4. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 04.03.2015) // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

5. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22.06.2020 N Ф01-11007/2020 по делу № А17-1025/2018 // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

6. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 10.07.2025 № 21АП-4282/2025 по делу № А83-26070/2024 // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

7. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.08.2025 № 19АП-3862/2025 по делу № А14-7365/2025 // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

8. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 28.05.2024 № 09АП-36090/2024 по делу № А40-29554/2024 // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (ред. от 24.12.2020) // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

10. Решение Арбитражного суда Республики Крым от 14 октября 2024 г. по делу № А83-12978/2023 // *КонсультантПлюс: справочная правовая система*. – URL: <https://www.consultant.ru/>

11. Сведения о работе по государственной регистрации юридических лиц по состоянию на 01.08.2025 // *Официальный сайт ФНС России*. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/related_activities/statistics_and_analytics/forms/15764462/ (дата обращения: 01.09.2025).

12. Сергей Катырин предложил обсуждать тему семейного бизнеса в рамках ШОС и БРИКС // *Новые Известия on-line*. URL: <https://newizv.ru/news/2024-09-19/sergey-katyrin-predlozhit-obsuzhdat-temu-semeynogo-biznesa-v-ramkah-shos-i-briks-433298?ysclid=mf7y1v9ffd472879600> (дата обращения: 01.09.2025).

УДК 343.152, 347.736

ПУБЛИЧНЫЕ САНКЦИИ В ДЕЛАХ О БАНКРОТСТВЕ: ВТОРОЙ РАУНД РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

И. И. Писаревский

Сибирский федеральный университет

Для тех, кто не следил за развитием обсуждаемой проблемы, кратко напомним ее суть и хронологию рассмотрения.

Суть заключается в столкновении частных и публичных интересов в делах о банкротстве, когда в гражданско-правовые по своей природе отношения в сфере банкротства добавляется уголовно-процессуальный элемент, что может выражаться, например, в назначении должнику-банкроту уголовного наказания в виде штрафа или же удовлетворении гражданского иска. В результате – начинается конкуренция уголовно-процессуальных и норм банкротного законодательства, о природе которой мы писали ранее [1, с. 190-199].

Обозначенная конкуренция выражается, как ни странно, в борьбе юрисдикций за имущество должника – банкрота, а именно, за право погасить данным имуществом требования, установленные в уголовно-процессуальном или же гражданско-правовом порядке.

В свою очередь этот общий вопрос распадается на две самостоятельные, но взаимосвязанные подпроблемы:

- наложение в уголовно-процессуальном порядке арестов на имущество должника – банкрота в рамках любой из уголовно-процессуальных процедур для достижения публично-правовых целей (как в качестве вещественного доказательства, так и для обеспечения исполнения приговора);

- очередность удовлетворения публично-правовых санкций, наложенных в уголовно-процессуальном порядке.

По данному вопросу на сегодняшний день имеется ряд ключевых правовых позиций.

1. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 31.01.2011 № 1-П, в котором закреплено, что механизм гражданского иска в уголовном судопроизводстве не может создавать привилегированные условия для удовлетворения требований отдельных кредиторов должника-банкрота, признанных потерпевшими по уголовному делу, по сравнению с общим порядком погашения требований кредиторов в процедуре банкротства [2].

2. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от

13.03.2018 № 578-О, в котором закреплено, что именно уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное законодательство обладает приоритетом перед банкротным, когда речь качается определения порядка и условий исполнения и отбывания наказаний [3].

3. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298 (2) согласно которому принудительное исполнение судебных актов по имущественным требованиям к несостоятельному должнику, в том числе по подтвержденным приговором суда требованиям о возмещении причинного преступлением имущественного вреда, осуществляется в деле о его банкротстве, а имущество осужденного должника, на которое наложен арест в обеспечение указанных требований, включается в состав конкурсной массы должника и реализуется арбитражным управляющим [4].

Здесь следует сразу же дать несколько комментариев.

Во-первых, кажущаяся на первый взгляд противоречивость Постановления Конституционного Суда РФ от 31.01.2011 № 1-П и Определения от 13.03.2018 № 578-О в действительности не является таковой, так как в первом случае речь идет о конкуренции между кредиторами в деле о банкротстве и гражданскими истцами в уголовном деле, а во втором о конкуренции между требованиями государства к должнику – банкроту в виде уголовно-правового наказания и кредиторами в деле о банкротстве.

В результате в Постановлении от 31.01.2011 № 1-П Конституционный Суд отдает предпочтение банкротному законодательству, а в Определении от 13.03.2018 № 578-О – уголовно-правовому, но, как было указано ранее, это обусловлено различием регулируемых материально-правовых отношений, а не противоречивостью подходов.

В этом смысле Определение Судебной коллегии по экономическим спорам от 24.10.2024, в котором речь шла об арестах имущества банкротства в целях исполнения гражданского иска, соответствует Постановлению от 31.01.2011 № 1-П и при этом не противоречит Определению от 13.03.2018 № 578-О.

Однако возникает вопрос, почему же, при кажущейся правовой-определенности, Верховный Суд в марте 2025 года своим определением по делу № 309-эс18-19021 (6) направил запрос в Конституционный Суд Российской Федерации, предметом которого стал вопрос учета и исполнения уголовно-правового штрафа в отношении должника-банкрота [5]?

Ответ на этот вопрос был дан нами еще в 2022 году и заключается в том, что в Определении от 13.03.2018 № 578-О Конституционный Суд уклонился от однозначного определения приоритетов частно и публично-правовых начал в

делах о банкротстве по отношению к исполнению приговора, как разновидности публично-правовой санкции [б. с. 253], что выразилось в том, что приоритет последним был отдан слишком легко, без должной правовой аргументации и глубокого изучения проблемы, на что и указал в своем особом мнении судья А.Н. Кокотов.

Почему этот запрос важен?

Полагается, что в данном случае Верховный Суд руководствуется чисто утилитарными и так необходимыми практике соображениями, которые заключаются в том, что провозглашенные Конституционным Судом в Постановлении от 31.01.2011 № 1-П и Определении от 13.03.2018 № 578-О приоритеты при их общей понятности, не предусматривают надлежащих механизмов их реализации в делах о банкротстве, что приводит к блокированию последних.

В чем это выражается?

Во-первых, до конца не определена природа уголовного наказания, когда оно носит имущественный характер, и как оно соотносится с требованиями других кредиторов в деле о банкротстве, в частности, могут ли данные требования приобретать статус текущих и если могут, то при каких условиях?

Во-вторых, в законодательстве и практике до сих пор нет единой позиции, в каком порядке и кем должны сниматься уголовно-процессуальные аресты в делах о банкротстве, безотносительно того наложены ли они для обеспечения исполнения приговора или гражданского иска.

Так иногда арбитражная практика наделяет абз. 9 п. 1 ст. 126 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» силой непосредственного действия, и исходит из того, что после введения процедуры банкротства, аресты, наложенные по уголовным делам, прекращаются в силу закона [7; 8].

Однако чаще применяется иной подход, согласно которому аресты, наложенные в уголовно-процессуальном порядке, могут быть сняты только судом общей юрисдикции в рамках производства по уголовному делу и до этого момента сохраняют свою силу вне зависимости от процесса разворачивания банкротных правоотношений.

В результате процесс снятия арестов превращается для должника, кредиторов и арбитражного управляющего в бесконечное «хождение по мукам» в попытка убедить правоохранительные органы и суд, в производстве которого находится уголовное дело, в том, о чем еще в 2011 году написал Конституционный Суд, и сделать это по понятным причинам получается далеко не всегда, что создает парадоксальную ситуацию, когда у должника имеются

активы, но распорядиться ими он не может в силу наложенных по уголовному делу арестов, а без определения судьбы имеющихся активов, не может быть завершена процедура банкротства, что превращается в замкнутый круг.

Судя по всему, устав от однотипных жалоб, Судебная коллегия по экономическим спорам решила наконец, с помощью Конституционного Суда, поставить точки в указанном вопросе и разрубить gordiev узел противоречий.

Надеемся, что в это раз Конституционный Суд не только выскажет очередное суждение о приоритетах банкротного и уголовно-процессуального законодательства, но и предложит четкие комплексные механизмы разрешения возникающих противоречий и, в первую очередь, механизм снятия арестов с имущества должника – банкрота, что найдет последующее закрепление и в федеральном законодательстве, благо для этого у Конституционного Суда имеются все полномочия.

Список использованных источников:

1. Писаревский И. И. Наложение ареста на имущество должников банкротов по уголовным делам в контексте столкновения частных и публичных интересов // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2021. № 12. С. 190-199.

2. Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений частей первой, третьей и девятой статьи 115, пункта 2 части первой статьи 208 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и абзаца девятого пункта 1 статьи 126 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Недвижимость-М», общества с ограниченной ответственностью «Соломатинское хлебоприемное предприятие» и гражданки Л.И. Костаревой от 31 янв. 2011 г. № 1-П [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision52997.pdf> (дата обращения 24.08.2025).

3. Определение Конституционного Суда РФ по делу об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Сухорукова Игоря Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 16, статьями 31 и 32 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации, частями 1 и 15 статьи 103 Федерального закона «Об исполнительном производстве», частью девятой статьи 115 и статьей 4012 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 13 мар. 2018 г. № 578-О [Электронный ресурс] // Сайт Конституционного Суда РФ. URL:

<http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision323666.pdf> (дата обращения 24.08.2025).

4. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 24 окт. 2024 г. по делу № А33-18794/2021 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2416116 (дата обращения: 24.08.2025).

5. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 25 мар. 2025 г. по делу № А47-13142/2015 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf_ec/2451750 (дата обращения: 24.08.2025).

6. Писаревский И. И. Проблема исполнения приговора в отношении гражданина-банкрота // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сборник статей, Томск, 27–29 января 2022 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2022. С. 251–253.

7. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 26 дек. 2014 г. по делу № А56-91/2014 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1121462 (дата обращения: 24.08.2025).

8. Определение Верховного Суда Рос. Федерации от 17 янв. 2020 г. по делу № А50-36338/2018 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf_ec.php?id=1854016 (дата обращения: 24.08.2025).

УДК 342.2

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ОБЪЕКТИВНЫХ ГРАНИЦ ПРИГОТОВЛЕНИЯ К ПРЕСТУПЛЕНИЮ

В. В. Питецкий

Сибирский федеральный университет

В уголовном праве имеется много неразрешенных вопросов, связанных с квалификацией неоконченных преступлений. Это обусловлено двумя группами факторов: неточностями уголовно-правовых предписаний и слабой теоретической базой по вопросам правовой оценки неоконченных преступлений, в частности приготовления. Одним из актуальных вопросов является определение объективных границ последнего. К ним следует отнести форму деяния, моменты начала и окончания, а также причины, по которым преступление не доводится до конца. Законодательное определение приготовления к преступлению (ч. 1 ст. 30 УК) включает в себя перечень относительно определенных действий, которые характеризуются общим понятием – создание условий. Поэтому для установления в содеянном

признаков приготовления к преступлению необходимо установить, были ли созданы соответствующие условия для совершения преступления.

В отличие от покушения, где в ч. 3 ст. 30 УК указано на «действие или бездействие», в определении приготовления форма деяния прямо не определена. Некоторые ученые признают, что приготовление к преступлению возможно не только путем действия, но и бездействием [5, с. 15; 13 с. 69]. Эта позиция отражена и в п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2025 № 10 «О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона». Однако большинство исследователей склоняются к тому, что для приготовления к преступлению характерно лишь действие, бездействие невозможно [4, с. 105; 9 с. 548]. Это вытекает из смысла уголовного закона. Слово «создание» в русском языке трактуется с учетом глагола «создать», который понимается как - сделать существующим, произвести [8, с. 733]. В рассматриваемом случае речь идет об условиях. Они создаются в том смысле, что становятся существующими, появляются действительности. Поэтому от условий, отраженных в ч. 1 ст. 30 УК РФ, должно зависеть в дальнейшем совершение преступления. Бездействием условия для совершения преступления не могут быть созданы, поскольку уже существующее остается в статичном состоянии. Уголовно-правовое бездействие обладает существенной спецификой и в случае его возникновения образует объективную сторону преступления, поэтому может быть покушением, но не приготовлением. Чтобы бездействие можно было квалифицировать как приготовление к преступлению необходимо внесение дополнений в уголовное законодательство.

По моменту начала приготовление предполагает частичную реализацию возникшего умысла, выраженную в конкретном деянии, которое способствует, облегчает совершение преступления. Действия виновного должны в последующем обеспечивать возможность выполнения объективной стороны оконченного преступления. Предварительный этап возникновения или обнаружения умысла такой способностью не обладает, поэтому не имеет самостоятельного уголовно-правового значения. Обдумывание или выражение намерения, не подкрепленное конкретными действиями, не может влечь за собой уголовную ответственность, поскольку не возникает необходимая объективная связь такой деятельности с конечным преступным результатом. При обнаружении умысла не только не исполняется преступление, но и даже не создаются условия для его совершения, обнаружение умысла не приближает лицо к достижению преступного результата или к завершению намеченных им действий, при обнаружении умысла охраняемым уголовным законом

объектам не только не причиняется вред, но и даже не создается угроза причинения вреда. Так, Президиум Верховного Суда РФ исключил из приговора указание об осуждении лиц по ст. 30 и п. «а», «б», «в» ч. 3 ст. 229 УК РФ как излишне предъявленное. Хадеев и др., обсуждая план разбойного нападения на квартиру и предполагая, что кроме ценностей там могут находиться наркотики, высказали намерение завладеть ими в случае их обнаружения. Однако при нападении никаких действий, направленных на завладение наркотиками, они не совершали [10]. Такие высказывания носили характер уголовно не наказуемого обнаружения умысла. В п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» справедливо указывалось, что как ненаказуемое обнаружение умысла следует расценивать высказанное намерение лица дать (получить) деньги, ценные бумаги, иное имущество либо предоставить возможность незаконно пользоваться услугами материального характера в случаях, когда лицо для реализации высказанного намерения никаких конкретных действий не предпринимало.

В связи с этим была высказана точка зрения о том, что возникновение и обнаружение умысла практического уголовно-правового значения не имеют никогда, они нейтральны [6, с. 131; 12 с. 177-179]. Однако полагаем, что это не всегда так. При определенных условиях выражение возникшего намерения во вне может представлять объективную сторону некоторых преступлений, которые предполагают информационное воздействие на объект уголовно-правовой охраны. Внешне проявляется ранее возникший умысел, но эти деяния обладают самостоятельной общественной опасностью. К ним следует отнести, например, угрозы причинения вреда (ст. 119, ч. 1 ст. 205, ч. 1 и 2 ст. 296, ст. 318 УК РФ), призывы, обращения, высказывания (ст. 280, 280.1, 280.4 УК), отрицание фактов, одобрение преступлений (ч. 1 ст. 354.1 УК) и др. В этих преступлениях речь идет не о первоначальной стадии какого-то преступления, которое будет в последующем развиваться до стадии оконченного преступления, а о самостоятельных составах, имеющих такую особую конструкцию. Их реальная общественная опасность выражается в непосредственном причинении вреда путем психического воздействия на потерпевших или лиц склонных к совершению преступлений. Поэтому юридически они признаются оконченными.

Кроме объективной связи с конечным результатом приготовительные действия по созданию условий должны обладать определенной степенью общественной опасности. Этот критерий характеризует поведение с точки зрения его необходимости и достаточности для реального совершения

преступления. Однако в действительности это происходит не всегда. Предварительная преступная деятельность может выразиться либо в незначительности самих действий для наступления результата, либо в их существенной отдаленности от последующего исполнения преступления и доведения его до конца. Например, приобретение спичек для поджога, металлической трубы для изготовления оружия или перемещение к месту совершения грабежа, изнасилования, сбыта поддельных денег и т. д. Следует согласиться с тем, что такие действия могут подпадать под ч. 2 ст. 14 УК, устанавливающую, что не является преступлением действие или бездействие, хотя формально и содержащее признаки какого-либо деяния, предусмотренного УК, но в силу малозначительности не представляющее общественной опасности [1, с. 185; 3 с. 70].

По времени приготовительные действия всегда предшествуют исполнению преступления и не имеют необходимой причинной связи для наступления конечного преступного результата. Такой связью обладает только непосредственное исполнение преступления, которое образует следующую стадию – покушение или оконченное преступление в преступлениях с формальным или усеченным составом. В этой связи спорным представляется следующее судебное решение. По приговору Брянского областного суда Поротиков признан виновным в покушении на разбой, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с незаконным проникновением в жилище, с применением оружия. Моисеев предложил Поротикову, а также двум другим лицам совершить нападение на квартиру Степкина, на что те, в том числе и Поротиков, согласились. Поротиков указал квартиру Степкина и остался внизу у подъезда для наблюдения за обстановкой. Доронин позвонил в квартиру и с целью проникновения в нее попросил Степкина обменять доллары США. Последний в дверной глазок увидел, что один из преступников надевает маску, в связи с чем дверь не открыл, а стал кричать, что вызовет милицию. Испугавшись, соучастники убежали. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор оставила без изменения [2]. В данном примере в действиях виновных отсутствуют необходимые признаки объективной стороны разбоя – нападения и применения насилия, опасного для жизни или здоровья. Поэтому, по нашему мнению, начавшееся посягательство прервано все же на стадии создания условий и образует приготовление.

Кроме, предусмотренного ч. 2 ст. 30 УК запрета о квалификации действий в качестве приготовительных, каких-либо иных формальных ограничений в УК РФ не содержится. Однако, полагаем, что приготовление все же возможно не к любому умышленному тяжкому или особо тяжкому преступлению. Это связано с

особенностями их законодательных конструкций, содержанием объективных и субъективных признаков конкретных составов. Приготовление также невозможно к тем умышленным преступлениям, в которых действия, направленные на создание условий, уже составляют часть или всю объективную сторону усеченного состава преступления. Например, любые действия, направленные на организацию занятия проституцией другими лицами, или содержание притонов уже образуют состав оконченного преступления (п. 32 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами»). Обещание или предложение посредничества во взяточничестве необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение было направлено на доведение его до сведения других лиц (п. 13.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»). Однако эти действия образуют окончанный состав преступления, предусмотренный ч. 5 ст. 291.1 УК.

Если состоявшееся создание условий в дальнейшем перешло в более опасную стадию исполнения или привело к доведению преступления до конца, то оно поглощается последними и квалифицируется соответственно как покушение на преступление либо оконченное преступление. По приговору Таштыпского районного суда Республики Хакасия С. признан виновным в приготовлении к разбойному нападению, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с угрозой применения оружия, и в разбойном нападении, совершенном группой лиц по предварительному сговору, с применением оружия, с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего, и осужден по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 162 и ч. 2 ст. 162 УК РФ. Судебная коллегия Верховного Суда РФ изменила состоявшиеся судебные решения: исключила осуждение С. по ч. 1 ст. 30, ч. 2 ст. 162 УК РФ по следующим основаниям. По смыслу закона неоднократные действия в отношении одного и того же объекта преступного посягательства, направленные на достижение единого результата, образуют единое преступление и не требуют дополнительной квалификации действий, предшествовавших достижению преступного результата [7].

Приготовление к преступлению может потребовать квалификации по совокупности, если действия по созданию условий дополнительно содержат признаки иного оконченного состава преступления, причиняющего вред другому объекту. Типичным для практики является хищение оружия с целью

совершения убийства или иных насильственных преступлений. Поэтому в п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 N 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» указывается, что в случаях хищения либо вымогательства огнестрельного оружия с целью совершения другого преступления должно квалифицироваться как совокупность оконченного хищения либо вымогательства оружия и приготовления к совершению иного преступления, если ответственность за это предусмотрена законом. Угон транспортного средства с целью облегчить совершение другого преступления также квалифицируется по совокупности с соответствующими статьями УК РФ, предусматривающим ответственность за совершение иных преступлений. Так, П., имея намерение совершить разбойные нападения на торговые предприятия, предложил участвовать в этих преступлениях своим знакомым. Они завладели без цели хищения автомобилем потерпевшей А., который хотели использовать как транспортное средство во время разбойных нападений. Неправомерно завладев автомашиной А., осужденные выехали в город, но были задержаны работниками милиции. При этом их умысел на совершение разбойных нападений не был доведен до конца по независящим от них обстоятельствам. Действия П. квалифицированы судом по ч. 1 ст. 30 и ч. 2 ст. 162 УК РФ, ч. 4 ст. 166 УК РФ [10].

В признаке недоведения преступления до конца отражена незавершенность приготовления, которое проявляется через общественно опасные действия - невыполнении тех из них, которые предусмотрены составом покушения или оконченного преступления. Отсюда делается вывод, что по рассматриваемому признаку неоконченное преступление разграничивается с добровольным отказом от совершения преступления, который происходит при осознании лицом возможности доведения преступления до конца (ч. 1 ст. 31 УК РФ), а значит, по обстоятельствам, зависящим от него. Полагаем, что не зависящими от лица обстоятельствами являются помешавшие завершению преступления внешние по отношению к виновному, а также внутренние, не зависящие от его воли факторы. Соответственно, зависящими от лица обстоятельствами можно считать помешавшие завершению преступления внутренние, зависящие от воли виновного факторы. Таким образом, для квалификации приготовления важно установить, по каким именно из указанных обстоятельств преступление не доводится до конца.

При разграничении приготовления и добровольного отказа от преступления необходимо учитывать важную особенность последнего. В теории уголовного права правильно обращено внимание на то, что в ч. 1 ст. 31 УК РФ

речь идет о прекращении «лицом» соответствующих действий (бездействия). Именно это и должно предопределять разграничение. Пока досрочное завершение преступления зависит лишь от самого лица, речь идет о добровольном отказе от преступления. В других случаях преступление также может быть не завершено по обстоятельствам, зависящим от лица, но только их для недоведения преступления до конца оказывается недостаточно. Необходимо, чтобы сыграли свою роль еще и обстоятельства, не зависящие от лица. В такой ситуации наличие добровольного отказа от преступления сомнительно. Во-первых, при таких условиях недоведение преступления до конца обуславливается действием не столько зависящих, сколько не зависящих от лица обстоятельств. Во-вторых, в силу ст. 31 УК РФ лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления. Решение же вопроса о том, подлежит ли ответственности соответствующее лицо, не может основываться на присутствии случайных факторов, связанных с действием внешних сил и закономерностей.

Список использованных источников:

1. Благов Е.В. Применение уголовного права (теория и практика). СПб.: Юридический центр Пресс, 2004.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 10.
3. Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. М., 1955.
4. Назаренко Г.В., Ситникова А.И. Неоконченные преступления: монография. Орел: Изд-во ОрелГТУ, 2002.
5. Николаев К.Д. Понятие, признаки и формы приготовления к преступлению // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2015. № 4.
6. Никонов В.А. Основы теории квалификации преступлений (алгоритмический подход): учебное пособие. Институт государства и права. Тюмень: Тюменский университет, 2001.
7. Определение № 55-Д10-10. Обзор кассационной практики Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ за II полугодие 2010 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 6.
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Москва : Азъ, 1994.
9. Полный курс уголовного права: в 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. Т. 1.

10. Постановление № 613п98 по делу Хадеева. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за 3 квартал 1998 года // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

11. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 304-П07 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2008. № 5.

12. Российское уголовное право. Общая часть / под ред. В.Н. Кудрявцева и А.В. Наумова. М., 1997.

13. Чернокозинская С.В. Приготовление к преступлению: понятие и основания криминализации, влияние на квалификацию преступления и назначение наказания. Тамбов, 2006.

УДК. 340.12

К ВОПРОСУ О ДОСТОИНСТВЕ ГОСУДАРСТВА

Т. В. Протопопова

Сибирский федеральный университет

Тот факт, что достоинство свойственно человеку, очевиден. Но не так обстоят дела с достоинством государства. Ведь государственная организация не является человеком.

Вместе с тем если бы государство представляло собой союз людей, то можно было бы заявлять о достоинстве государства. Причина проста. Когда составные части целостности имеют достоинство, последняя также его имеет.

Однако неочевидно, что государство есть союз или объединение людей. В самом деле, государство определяют через его признаки. Таковые включают, по крайней мере, население, территорию, государственную власть и право [1; 2]. Государство окажется союзом людей, который имеет достоинство, если удастся доказать, что каждый из этих признаков немислим вне союза или объединения людей.

Проще всего легко осуществить такое доказательство применительно к населению государства. Действительно, население государства есть составляющие его люди.

Но и территория государства не существует без населяющих ее человеческих индивидуумов. И даже безлюдная местность является территорией государства, только если на ней возможно обитание людей.

Государственная власть представляет собой отношение воли властвующих

и подвластных людей. Она присутствует прежде всего в сознании властвующих и подвластных. Таким образом, и государственная власть не является внешним относительно живущих в государстве людей феноменом.

Наконец, право есть явление человеческого сознания. Социальные нормы, видом которых является право, существуют именно так. Они присутствуют в сознании объединенных в государстве человеческих индивидуумов.

Итак, можно считать доказанным, что государство состоит из людей. И если каждый из них имеет достоинство, то его имеет и государство.

Причем в достоинстве государства воплощается достоинство составляющих его людей. Общий принцип здесь, по-видимому, таков. Чем достойнее составляющие государство люди, тем достойнее и их государство.

Список использованных источников:

1. Дробышевский С. А. История политических и правовых учений. Основные классические идеи. М., 2024.
2. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб, 1908.

УДК 34.037

О ФОРМАХ И СРЕДСТВАХ САМООХРАНЫ ПРАВ ГРАЖДАН.

А. В. Пушкина

Сибирский федеральный университет

Самоохрана, являясь специфической разновидностью охраны субъективных юридических прав и законных интересов на практике осуществляется в различных формах и с помощью специальных средств. При этом в литературе можно встретить различные термины: формы, способы, средства, меры. С целью обеспечения терминологического единства определимся, что в рамках данной статьи понимается под каждым из данных терминов, а также покажем какие формы самоохраны можно выделить.

В настоящее время отсутствуют исследования, в которых было бы дано понятие формы самоохраны в связи с чем выведем данное понятие через понятия формы охраны, формы защиты и формы самозащиты.

Наибольшее внимание в науке уделяется термину «форма защиты». Одни авторы в понятие формы защиты включают самостоятельные действия

управомоченного лица по защите своих прав [5, с. 561; 3, с. 32-37], а другие трактуют его как определенный, установленный законом порядок рассмотрения компетентными государственными или общественными органами материально-правовых требований управомоченного лица к ответчику [7, с. 108-110]. Ю. Н. Андреев обращает внимание на то, что определение понятия «форма защиты права» следует давать исходя не только из процессуального, но и из материально-правового аспекта защиты прав [2, с. 102-105] и объединяет оба эти подхода. Следует согласиться с последним подходом, так как защита прав учитывая её специфику должна носить как материальный, так и процессуальный характер. Ведь, например, в суде несоблюдение процедуры защиты может привести к отмене решения. В связи с этим различные формы защиты предполагают различный процесс их реализации и различные материальные правовые нормы на которых основана защита прав.

Формы охраны в свою очередь, показывают нам то, как субъекты охраны внешне осуществляют охранительную деятельность. Такая деятельность предполагает комплекс внутренне согласованных мероприятий по охране прав и законных интересов личности, осуществляемая публичными органами власти и частными лицами, как в процессе непосредственной реализации, так и при применении права. В таком определении также находит отражение как материальный, так и процессуальный аспект охраны.

В свою очередь самозащита и самоохрана являются своеобразными формами защиты и охраны, которые также имеют собственные формы осуществления. Как отмечают в литературе, порядок действий по самозащите изначально в законе не определён, лишь говорится, что такие действия должны быть соразмерны нарушению и не выходить за пределы действий, необходимых для его пресечения (п. 2 ст. 14 ГК РФ). По сути, такое установление закона исчерпывает нормативно-правовое регулирование действий по самозащите, что приводит к правовой неопределённости [13].

Статья 12 Гражданского кодекса РФ называет самозащиту способом защиты гражданских прав. При этом в целом считается, что способы защиты, выделяемые в гражданском праве реализуются в рамках двух форм защиты: юрисдикционной и неюрисдикционной. В связи с этим каждый из указанных в статье 12 ГК РФ способов защиты может быть реализован в рамках одной из этих форм. Однако самозащита являясь по факту синонимом неюрисдикционной форме защиты прав по мнению некоторых ученых необоснованно названа законодателем способом защиты [5, с. 546].

При этом не отрицается тот факт, что «защита субъективных гражданских прав и охраняемых законом интересов осуществляется в предусмотренном

законом порядке, то есть посредством применения надлежащей формы, средств и способов защиты» [5, с. 543].

В гражданском праве способы защиты принято отождествлять с гражданско-правовыми правоохранительными мерами, под которыми понимаются закрепленные либо санкционированные законом способы воздействия на правонарушителя или его имущество, применяемые органами государства или уполномоченными им органами, или самим управомоченным лицом в целях: пресечения правонарушения, устранения последствий правонарушения путем восстановления правового положения, имущественной сферы потерпевшего, существовавших до его совершения, возложения имущественных обременений на правонарушителя, а также понуждения правонарушителя к совершению действий неимущественного характера в интересах потерпевшего [5, с. 542-545; 6, с. 556-557].

Однако основываясь на понимании термина способ в русском языке, некоторые авторы говорят о том, что неверно определять способ через термин меры. По их мнению определенный способ защиты реализуется путем допустимых действий или бездействий (или их совокупности), направленных на предупреждение, пресечение нарушения прав, а так же на их восстановление [9]. Выбранный способ защиты представляет собой действия по выбору и применению конкретного средства [18, с. 11], либо конкретные приемы и методы, применяемые действующим субъектом. Так А. П. Вершинин определяет способы защиты как конкретные действия, непосредственно направленные на устранение препятствий на пути осуществления права отождествляя их с требованиями управомоченного лица к обязанному [3, с. 33]. А.А. Иванова говоря уже о способах самозащиты отмечает, что способ определяет характер конкретного деяния, с помощью которого лицо защищает свои права и законные интересы [10].

В юридической науке важное значение имеют именно правовые (юридические) средства. Именно их в первую очередь используют публичные органы власти для обеспечения права. Иные средства, например, технические служат лишь в качестве поддержки правовых средств.

Идея делить средства на правовые и иные уже применялась авторами при анализе средств защиты. Так А. П. Вершинин отмечал, что реакцией на нарушение или оспаривание прав может быть притязание или конкретное действие посредством волеизъявления заинтересованного лиц [2, с. 32-37]. Под средствами защиты понимаются либо конкретные действия, либо средства предметы материального мира, приспособления или объекты, с помощью которых осуществляется защита. Ими могут выступать как общеизвестные

орудия защиты, такие как палка или ружье, а также юридические средства - претензия, жалоба, иск или иной бумажный документ [8].

В. Ю. Панченко, закономерно отмечает что «правовые средства обладают всеми свойствами, которые характеризуют право: публичностью, обозримостью, конкретностью, реальной применимостью, гарантированностью; имеют субстанциональный характер, т.е. это реальные явления правовой действительности, носят информационный характер (содержат сведения), способны влечь правовые последствия, служат способами обеспечения интересов субъектов права, инструментами правового регулирования, обеспечены силой государственного принуждения» [18, с. 128]. А. В. Малько отмечает, что правовые средства - «правовые явления, выражающиеся в инструментах (установлениях) и деяниях (технологии), с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права, об ее починается достижение социально полезных целей» [14, с. 9] Изначально правовые средства самоохраны нужны для того, чтобы средства государственного принуждения не применялись, так как государство вмешивается если права уже нарушены и их необходимо восстановить.

Давая определение понятию средства самоохраны обратим внимание на то, что право не действует само по себе, действуют люди и только люди. Любое правомерное деяние – это результат оценки действий одних людей другими на основе стандартов и в порядке, установленными нормами права. Правовые средства-установления мертвы без правовых средств-деяний [15, с.36].

С учетом этого средства самоохраны это деяния (операции, технологии, действия и бездействия) фактического или юридического характера, осуществляемые управомоченными лицами с целью недопущения нарушения собственных прав.

Под мерами самоохраны мы понимаем определенные действия, осуществляемые управомоченными лицами в целях предотвращения нарушений собственных прав. В этом значении термин мера уже чем термин средства, так как включает в себя только действия или бездействия, которые в том числе могут осуществляться с помощью разных технических или правовых средств.

Говоря о значении остальных понятий, укажем следующее. Форма является внешним выражением явлений. Она показывает, как оно выглядит во вне, и, следовательно, говоря о формах самоохраны надо в первую очередь определять их как внешнее выражение самоохраны, которое может быть, как закреплено в правовых нормах, так и иным образом выражаться в реальности. При этом та или иная форма не всегда может быть детально урегулирована в

законодательстве, иногда в законе просто обозначаются ее границы. При этом ограничивая понятие формы только лишь законодательным регулированием, а способ его практической реализацией, мы разделяем два смежных и взаимосвязанных термина. Нельзя говорить о законодательном регулировании в отрыве от практической реализации. Такая же логика прослеживается при определении понятия средства. Предметы материального мира без надлежащих правовых действий по их использованию, так и останутся предметами и не будут иметь значение для юридической действительности.

На основании вышеизложенного форма самоохраны определяется нами как совокупность средств, объединенных общими характеристиками применяемых субъектами самоохраны с целью предупреждения нарушений собственных прав.

От средств самоохраны необходимо отличать, иные средства которые применяют граждане с целью минимизации последствий возможных нарушений.

Например, считается, что установление в договоре различных мер ответственности должно предупредить нарушение прав контрагента. Несмотря на предупредительное действие данных средств, их нельзя назвать средствами самоохраны, так как при нарушении договора при отсутствии иных гарантий меры, указанные в договоре могут остаться только словами. Для иллюстрации этого положения приведем следующий пример. В случае если стороны взаимодействуют по поводу информации, составляющей коммерческую тайну, то ими также применяются различные юридические меры предупреждения нарушений. Наличие соглашения, устанавливающего жесткие меры ответственности будет служить поводом для другой стороны не нарушать его и не разглашать ее. Однако в случае если контрагент поведет себя недобросовестно и разгласит коммерческую тайну, это приведет не просто к нарушению его обязательств, это приведет к нарушению прав обладателя информации, составляющей тайну. А это значит, он будет вынужден применять меры для восстановления нарушенных прав.

Установление дополнительных мер ответственности может стать альтернативой компенсации морального вреда, если законом такая мера защиты не предусмотрена законом и при этом является дополнительной гарантией ненарушения прав. Так, например, арендодатель может установить обязанность выплаты штрафа дополнительно к возмещению убытков в случае если лицо что-то сломает в квартире. При этом если штраф будет взыскан из обеспечительного платежа самостоятельно арендодателем это будет мера самоохраны, а если через суд, то это уже мера ответственности.

Кроме того, традиционно в науке гражданского права меры ответственности считаются санкциями за нарушение договора, и носят в первую очередь восстановительную, а уже потом предупредительную функцию [6, с. 81-81]. Являясь мерой государственного принуждения меры ответственности не могут быть реализованы без обращения к уполномоченным органам [14], а это значит признак самостоятельности в данном случае не может быть реализован. В отличие от мер ответственности средства самоохраны применяются субъектами самостоятельно без обращения к помощи государства, но при их применении недопустимо нарушение прав других лиц.

Список использованных источников:

1. Алексеев С.С. Правовые средства: постановка проблемы, понятия, классификация / С. С. Алексеев // Советское государство и право. 1986. № 6.
2. Андреев Ю. Н. Механизм гражданско-правовой защиты / Ю. Н. Андреев. М.: НОРМА : ИНФРА-М, 2010.
3. Вершинин А. П. Выбор способа защиты гражданских прав. СПб., 2000.
4. Гаврилов Э. П. Защита частным правом секретов производства и информации, составляющей коммерческую тайну // Патенты и лицензии. 2015. № 4
5. Гражданское право : в 3 т. : учеб. для студентов вузов / под ред. А. П. Сергеева. М. : Проспект : Велби, 2011. Т. 1: Общая часть.
6. Гражданское право : в 4 т. : учеб. для студентов вузов /отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 1: Общая часть.
7. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М. : Статут, 2000.
8. Григоров А.А. Механизм самозащиты / А. А. Григоров // Вестник Костромского государственного университета 2015. №3.
9. Дунаев В. В. Понятие и виды форм защиты гражданских прав / В. В. Дунаев // Сибирский юридический вестник. 2003. №4.
10. Иванова А. А. Самозащита как юридический инструмент обеспечения безопасности / А. А. Иванова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. №4 (28).
11. Казакова Е. Б. Формирование института самозащиты в российском законодательстве / Е.Б. Казакова // Право и государство: теория и практика. 2010. 5 (65).
12. Коровяковский Д. Г. Защита коммерческой тайны предприятия: теоретические и практические аспекты / Д. Г. Коровяковский // Национальные

интересы: приоритеты и безопасность. 2006. № 3.

13. Лаврова С. В. О формах защиты и самозащиты гражданских прав // Юридическая наука. 2017. № 6.

14. Малько А. В. Правовые средства как общетеоретическая проблема / А. В. Малько // Правоведение. 1999. № 2.

15. Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник: в 2 т. Т. 2 / М. Н. Марченко. - 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2016.

16. Микшис Д. В. Самозащита в гражданском праве России: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук : 12.00.03 / Д. В. Микшис., 2006.

17. Панченко, В. Ю. О практико-ориентированном подходе в подготовке юриста: преподавание теории права в контексте принципа взаимодействия и деятельностного подхода / В. Ю. Панченко // Правовое регулирование устойчивого развития сельских территорий и АПК : Материалы национальной научно-практической конференции, Красноярск, 06 декабря 2019 года. – Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2020.

18. Панченко В. Ю. Юридическая помощь (вопросы общей теории): монография / В. Ю. Панченко. Красноярск : Сиб. фед. ун-т, 2011.

УДК 342

К ВОПРОСУ О ПРИНЦИПАХ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСМОТРЕНИЯ

З. Р. Рахматулин

Сибирский федеральный университет

П. В. Сорокун

Ачинский филиал Красноярского государственного аграрного университета

Формирование и последующая адаптация базовых принципов правовой регламентации относятся к числу наиболее сложных задач в юридической сфере. Это обусловлено необходимостью тщательного анализа и согласования интересов многочисленных сторон, участвующих в разных видах административных правоотношений. Правовые нормы призваны обеспечивать баланс между интересами государства, бизнеса, общественных организаций и отдельных граждан, минимизируя конфликты и противоречия. Таким образом, разработка и корректировка нормативных актов требует глубокого понимания специфики каждого субъекта управления, оценки возможных последствий

принимаемых решений и выработки эффективных механизмов реализации установленных требований.

Важно отметить, что при оценке принимаемых нормативных актов необходимо учитывать уровень свободы, предоставляемый законодателю при формировании правовых положений. Здесь наблюдается прямая связь между объемом законотворческого усмотрения и возможностями правоприменителей: увеличение первого фактора ведет к сокращению второго, и наоборот. Тем не менее, эта закономерность носит относительный характер, и при разработке нормативно-правовых актов различных уровней должна учитываться вся совокупность указанных аспектов.

Отметим, что усмотрение законодателя в правотворческом процессе довольно обширно. Оно выражается в том, какой проект нормативного документа будет принят, насколько сохранится или изменится его содержание, какой будет окончательный его вариант.

Первый принимаемый документ может являться «магистральным» для последующих, в этом документе будут фигурировать правила, которые содержат в себе определенную возможность усмотрения в актах, которые принимаются иными органами власти (как правило, — это подзаконное нормотворчество).

Следовательно, «двухуровневое» законодательное усмотрение представляет собой явление, при котором в самом первом принимаемом документе закладываются основы для соответствующей дискреции в документах, обладающих меньшей юридической силой, ввиду невозможности детальной проработки и фиксации правил поведения в первом акте.

Законодательное усмотрение взаимосвязано с административным и судебным усмотрением, в связи с этим акцентируем внимание на этих вопросах.

Так, К.И. Комиссаров под судебным усмотрением понимает «предоставленное суду правомочие принимать, сообразуясь с конкретными условиями, такое решение, возможность которого вытекает из общих и относительно определенных указаний закона, в случаях отсутствия прямого, абсолютно определенного указания найти такое из ряда предполагаемых законом решений, которое наиболее точно соответствует идее законодателя» [3].

Судебное усмотрение включает в себя свободу при принятии решений по разрешению правового спора судьями, исходя из их внутренних качеств, требований и принципов законодательства.

Административное усмотрение, как правило, реализуется федеральными органами исполнительной власти. Важнейшая характеристика административного усмотрения — это возможность «исходить из принципа

целесообразности при обращении к гражданам с конкретными повелениями, основанными на законе и направленными на исполнение закона [4], представляя собой «оптимальное соотношение законности и целесообразности» [4].

Наличие усмотрения, предусмотренного в правовых нормах, ведет в определенных случаях к неоднообразной правоприменительной практике и расширяет правоприменительное и судебное усмотрение.

Следовательно, для того, чтобы данные вопросы не влияли на качество нормативных документов и правоприменительной практики, в теории должны быть выработаны определенные критерии, которые позволят создать ориентир для законотворческого и правоприменительного процесса. Главным ориентиром в этом вопросе являются принципы законотворческого процесса, которые разрабатываются в юридической литературе.

В настоящее время выделяют следующие принципы законотворческого процесса: демократизма, научности, гласности, профессионализма, планирования, гуманизма, федерализма, юридического равенства, целесообразности, оперативности, стабильности, непрерывности, экономичности [4]. Как правило, авторы [1] их дифференцируют в зависимости от соответствующего этапа.

Отметим, что в рамках данной работы принципы, фигурирующие на первом этапе, не будут затронуты, а вот принципы, относящиеся к составлению нормативных актов, должны быть изучены с учетом того, насколько они могут влиять на соответствующее усмотрение.

Представляется, что к этим принципам относятся следующие:

1. Социально-обусловленная необходимость (Крайняя необходимость) наличия норм, содержащих в себе усмотрение. Данный принцип означает, что дискреция, закрепленная в нормах, вызвана комплексом обстоятельств, связанных с невозможностью урегулировать данные общественные отношения посредством конкретных формулировок. Их конструирование по закрытому типу может способствовать тому, что некоторые вопросы вообще останутся вне поля зрения законодателя. К примеру, это имеет место в тех случаях, когда перечисляются определенные критерии, однако в жизни могут возникать какие-то новые явления, которые предусмотреть в данный момент времени достаточно проблематично или невозможно вовсе.

2. Научность. В соответствии с данным принципом специальному изучению учеными должны подвергаться формулировки, являющиеся диспозитивными. Это необходимо для того, чтобы впоследствии после изучения определенного эмпирического материала, данных судебной практики, точек зрения различных

авторов была возможность изменения в целом формулировки или ее части.

3. Приоритет недопустимости многократного дублирования диспозитивных норм. В актах вышестоящих должна закладываться основа того, что нижестоящие документы будут содержать в себе правила о конкретизации этих норм.

4. Минимизации коррупционных рисков. Законодательно именно нормы, сформулированные дискреционно, содержат в себе большую вероятность коррупционных проявлений. Следовательно, следует тщательно выверять соответствующие формулировки в тексте правового акта во избежание их неоднозначного интерпретирования. В данном случае следует отдельно применять положения законодательства о противодействии коррупции, а также пункты норм права об экспертизе правовых актов.

5. Последующей своевременной корректировки. Данный принцип связан с принципом научности и практикоориентированности. Его суть сводится к тому, что первоначально законодатель, устанавливая определенное правило, содержащее в себе усмотрение, не может в полной мере понять до конца, насколько та или иная формулировка эффективна. Однако этому вопросу могут быть посвящены специальные исследования, которые будут проверять данные формулировки и предлагать идеи по их изменению, уточнению, корректировке. Эти новеллы можно в последующем фиксировать в нормах ведомственных документов, инструкциях, решениях Высших Судов РФ.

6. Практикоориентированность и социальная востребованность норм. Сущность данного принципа заключается в том, что доля усмотрения в правовых актах должна в первую очередь быть направлена на возможность реализации правоприменительной деятельности. Они должны быть понятны практическим сотрудникам и необходимы для оптимального осуществления ими своей деятельности, а не затруднять и не создавать сложности в их работе.

Таким образом, данные элементы находятся в перманентной взаимосвязи между собой. Увеличение объема усмотрения в одних звеньях будет влечь за собой то, что впоследствии дискреционные основы будут расширяться. Это найдет свое отражение в тексте принимаемого нормативного акта.

Следовательно, анализ вопросов законодательного, судебного и административного усмотрения имеет как теоретическое, так и прикладное значение. В этой связи изучение этих аспектов должно приводить к тому, что законодателем или юридической практикой должны быть выработаны оптимальные критерии по ограничению подобной дискреции. Безусловно, такие пределы предусмотреть в нормах действующего законодательства сложно или невозможно вовсе, однако в таком случае их целесообразно зафиксировать в

ведомственных документах или соответствующих разъяснениях Высших Судов с учетом принципов законодательного усмотрения.

Список использованных источников:

1. Административное право Российской Федерации. Краткий курс / под ред. А.В. Мелехина. М., 2016. 536 с.
2. Комиссаров К.И. Судебное усмотрение в советском гражданском процессе // Советское государство и право. 1969. № 4. С. 49-56.
3. Купреев С.С. Об административном усмотрении в современном праве // Административное право и процесс. 2012. № 1. С. 8-11.
4. Толстиков Е.О. Принципы законотворческого процесса // Вестник науки и образования. № 10-1 (130). 2022. С. 57-61.

УДК 342

**РЕФОРМА ТЕРРИТОРИАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В КРАСНОЯРСКОМ КРАЕ**

О. В. Роньжина, В. В. Плисова
Сибирский федеральный университет

Проходящая трансформация территориальной модели организации местного самоуправления очевидно стала одним из критических моментов в реформировании организации публичной власти, вызвавших негативную реакцию населения [7]. Несмотря на то, что вступивший в силу Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [9] (далее - ФЗ-33) допускает сохранение двухуровневой системы местного самоуправления, в большинстве регионов вопреки мнению жителей ликвидируют сельские и городские поселения. «Стремление региональной власти перейти к одноуровневому местному самоуправлению связано с намерением повысить управляемость местным самоуправлением, подчинить себе значительные финансовые (бюджетные) потоки» [1, с. 60].

Нельзя не согласиться с позицией Е.В. Гриценко, которая обосновывает, что в соответствии с Конституцией РФ «определение территорий муниципальных образований должно осуществляться "с учетом исторических и иных местных

традиций", а значит, естественно и исторически сложившиеся места проживания продолжают оставаться территориальной основой местного самоуправления, хотя признание муниципальными образованиями и иных территорий, объединяющих поселения, как не исключалось, так и не исключается» [2, с. 91].

В Красноярском крае помимо упразднения самых близких к населению публично-правовых образований органы государственной власти одновременно осуществили процедуру изменения границ и преобразования также муниципалитетов верхнего уровня. Муниципальные районы и городские округа были сгруппированы по два-три в укрупненные муниципальные округа. При этом органы власти «не узнали мнение население объединяемых районов и не предоставили никаких документов, подтверждающих потребность их слияния, а жители лишаются реальной возможности осуществлять местное самоуправление» [8].

Сформировавшаяся более чем за столетнюю, а где и более чем за два века, история территориальных единиц края (Новоселовского, Сухобузимского, Березовского, Партизанского, Саянского, других районов и краевых городов), социальные, экономические и культурные связи, дорожная и транспортная инфраструктура свидетельствует о консолидации местного сообщества в них. Система устойчивых взаимоотношений между жителями населенных пунктов, административных центров обособленных территорий подтверждает общность интересов населения в сложившихся границах районов. Реформа не учитывает указанные особенности местных сообществ, деформирует социальные взаимосвязи между образовательными, медицинскими, социальными учреждениями, организациями культуры, творческими коллективами, элементами инфраструктуры поддержки сельскохозяйственных предприятий и иных субъектов малого и среднего предпринимательства.

В продолжение тезиса о том, что «отказ от поселенческого принципа организационно удаляет местный уровень власти от населения и его нужд» [6, с. 102], отметим, что формирование в Красноярском крае в противоречие с естественными экономическими закономерностями чрезмерно обширных протяженных территориальных единиц (некоторые из них превышают по площади 800 тыс. кв. км) ведет к деградации существующей инфраструктуры, к регрессу освоенных пространств, кумулятивному нарастанию провалов в администрировании.

Между тем, границы муниципалитетов должны определяться с учетом объективных экономических, градостроительных, демографических факторов, особенностей расположенных на территории населенных пунктов, плотности и направления транспортных потоков, сложившихся инфраструктурных связей,

возможного тяготения отдельных периферийных зон к «ядру» территории, перспективных тенденций развития [5, с. 54].

Среди основных ключевых претензий к проводимым территориальным преобразованиям называют игнорирование закрепленного в российской Конституции принципа учета мнения граждан.

Ч.ч. 1 и 2 ст. 131 Конституции РФ устанавливают, что территории муниципальных образований определяются с учетом исторических и иных местных традиций, изменение границ территорий, в пределах которых осуществляется местное самоуправление, допускается с учетом мнения населения соответствующих территорий. В соответствии с этими положениями ФЗ-33 нормативные правовые акты субъектов РФ при регулировании вопросов организации местного самоуправления должны учитывать социально-экономические, природно-климатические, территориальные и иные особенности местности, а также исторические, культурные, национальные и иные местные традиции и обеспечивать решение задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории (ч. 3 ст. 4). Изменение границ муниципальных образований осуществляется с согласия населения муниципальных образований, выраженного представительными органами соответствующих муниципальных образований (ч. 6 ст. 11).

Между тем для переходного периода, связанного с внедрением новой территориальной организации местного самоуправления, ст. 91 ФЗ-33 устанавливает специальные положения. Не позднее 1 января 2027 г. могут быть приняты законы субъектов РФ, устанавливающие территориальную организацию местного самоуправления в соответствующем субъекте РФ с осуществлением местного самоуправления в видах муниципальных образований, указанных в пунктах 1 и 2 части 2 статьи 9 ФЗ-33, на всей территории соответствующего субъекта Российской Федерации или на территории отдельного муниципального района.

Законом субъекта Российской Федерации, принимаемым в соответствии с частью 3 статьи 91 ФЗ-33, в целях обеспечения развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры может быть предусмотрено образование муниципального образования в границах, объединяющих территории нескольких муниципальных образований, существовавших по состоянию на день вступления в силу этого Федерального закона, или в иных границах территории, в том числе включающей часть (части) территории указанного муниципального образования (ч. 10 ст. 91).

Органы государственной власти Красноярского края интерпретируют указанные выше положения ФЗ-33 как допускающие в период с 19.06.2025 г. до

01.01.2027 г. проведение любых изменений границ и статуса муниципальных образований вне процедуры учета мнения населения.

Вместе с тем, толкование ч. 10 ст. 91 ФЗ-33 в их взаимосвязи с положениями Конституции РФ позволяет прийти к единственному выводу, что без учета мнения населения могут быть приняты только такие законы субъекта РФ, которые направлены исключительно на приведение муниципально-территориального устройства региона в соответствии с принятым ФЗ-33 (ч. 2 ст. 91 ФЗ-33). Так, чч. 3 и 4 ст. 9 ФЗ-33 предусматривают, что муниципальные и городские округа должны отвечать критериям: о проживании 2/3 населения в городских или сельских населенных пунктах; о соотношении площади территории городских населенных пунктов с площадью территории сельских населенных пунктов и территорий, предназначенных для развития социальной, транспортной и иной инфраструктуры; о плотности населения. Если обеспечить выполнение данных критериев при образовании городских и муниципальных округов в период с 19.06.2025 г. до 01.01.2027 г. невозможно, то субъект РФ, с одной стороны, может создать муниципальное образование в границах, объединяющих территории нескольких муниципалитетов, существовавших по состоянию на день вступления в силу ФЗ-33, или в иных границах территории, в том числе включающей часть (части) территории указанного муниципального образования (ч. 10 ст. 91). С другой стороны, именно в этой ситуации процедуры выявления мнения жителей не проводится, поскольку иное может воспрепятствовать выполнению требований федерального законодательства.

Поскольку рассматриваемые положения ч. 10 ст. 91 ФЗ-33 не исключают двойственного толкования, следует квалифицировать их как не соответствующие конституционному императиву о правовой определенности.

Закон Красноярского края от 15.05.2025 № 9-3914 «О территориальной организации местного самоуправления в Красноярском крае» [3] объединяет территории не для того, чтобы реализовать указанные выше федеральные критерии. Существовавшие до 2025 г. в Красноярском крае муниципальные районы и городские округа им соответствовали. Следовательно, региональные власти воспользовались дефектами анализируемой федеральной нормы как инструментом реализации собственных субъективных политических задач, минуя установленные конституционные процедуры.

Как верно указывают О.А. Кожевников и К.И. Корсун «до тех пор, пока законодательное регулирование местного самоуправления осуществляется путем учета интересов лишь государственной власти, а не населения, отрыв последнего от местной власти и отсутствие желания участвовать в ее формировании и сотрудничестве с ней по развитию территории будут

нарастать» [4, с. 36].

Полагаем, что положения ч. 10 ст. 91 ФЗ-33 могут быть признаны конституционными только в том истолковании, который не допускает изменение границ и преобразование муниципальных образований вне процедуры учета мнения населения, если только таковые не связаны с выполнением региональной властью установленных в федеральном законодательстве критериев, которым должны соответствовать границы и территории муниципалитетов.

Список использованных источников:

1. Баженова О.И. Муниципальный округ: новое решение старой проблемы или новая проблема организации местного самоуправления в России? // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 58-66.

2. Гриценко Е.В. Федерализм и местное самоуправление в свете российской конституционной реформы 2020 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 4. С. 80-97.

3. Закон Красноярского края от 15.05.2025 № 9-3914 «О территориальной организации местного самоуправления в Красноярском крае»// Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2025).

4. Кожевников О.А., Корсун К.И. Право граждан на местное самоуправление: проблемы толкования и реализации на современном этапе исторического развития России // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 2. С. 30-38.

5. Кондрашев А. А., Роньжина О. В. Административно-территориальное устройство субъектов Российской Федерации: общее и особенное (на примере Российской Арктики) // Российское право: образование, практика, наука. 2018. № 3 (105). С. 50-61.

6. Корольков В.В. Муниципальная реформа в России в контексте мировых моделей организации местного самоуправления в федеративных системах // Сравнительное конституционное обозрение. 2025. № 1. С. 95-119.

7. Муниципалы попали под скорую руку // <https://www.kommersant.ru/doc/7906336?query>; Жители края просят Котюкова не объединять регионы // Проспект Мира // <https://prmira.ru/news/2025-04-23/vam-vse-ravno-na-lyudey-zhiteli-kraya-prostyat-kotyukova-ne-ob-edinyat-rayony-5375692> (дата обращения 01.08.2025).

8. Муниципальная реформа дошла до суда //

<https://www.kommersant.ru/doc/7800295?query> (дата обращения 01.08.2025).

9. Федеральный закон от 20.03.2025 № 33-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» // Справочная правовая система «Консультант Плюс». Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 01.08.2025).

УДК 342.84

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРАЖДАН РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Д. С. Рымарев

Сибирский федеральный университет

В результате правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе организации и проведения выборов в Российской Федерации, должны быть обеспечены их *конституционно приемлемая устойчивость и предсказуемость*. Представляется, что это важнейшая задача должна стоять перед законодателем в приоритетном порядке, поскольку от этого зависит характер реализации гражданами Российской Федерации пассивного избирательного права, гарантированного Конституцией Российской Федерации.

Вместе с тем исходя из анализа судебной практики по избирательным спорам, одной из самых актуальных проблем применения действующего избирательного законодательства остается проблема «недопуска» лиц, изъявивших желание баллотироваться в качестве кандидата на ту или иную выборную должность, в виде применения к ним соответствующих мер конституционно-правового воздействия (отказ в регистрации, отмена решения избирательной комиссии о регистрации кандидата) за подготовку избирательных документов с нарушением требований закона.

На данный момент в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 67-ФЗ) [7] предусмотрены следующие положения, которые направлены на то, чтобы помочь кандидатам (избирательным объединениям) успешно преодолеть стадию выдвижения и регистрации. В частности, п. 1.1 ст. 38 Федерального

закона № 67-ФЗ предусматривает обязанность избирательных комиссий извещать соответствующих субъектов избирательных правоотношений о неполноте сведений о кандидатах, отсутствии каких-либо документов, представление которых в избирательную комиссию для уведомления о выдвижении кандидата (кандидатов), списка кандидатов и их регистрации предусмотрено законом, или несоблюдении требований закона к оформлению документов.

После принятия постановления Конституционного Суда РФ от 12.03.2021 № 6-П по делу гражданина С.С. Цукасова [9] ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ была дополнена п. 6.1, которым предусмотрено требование о том, что решение избирательной комиссии о регистрации кандидата (списка кандидатов) не может быть отменено судом в связи с выявлением среди документов, необходимых для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата (списка кандидатов), соответствующих недостатков, если избирательная комиссия *не известила* кандидата, избирательное объединение о данных нарушениях в соответствии с п. 1.1 ст. 38 Федерального закона № 67-ФЗ при условии, если эти нарушения являлись *очевидными* для избирательной комиссии и *не были известны и не могли быть известны* кандидату, избирательному объединению на момент представления документов в избирательную комиссию. При этом Федеральный закон № 67-ФЗ в данном пункте указывает, какие нарушения следует расценивать как очевидные (нарушения, выявление которых возможно без проведения проверки сведений, содержащихся в документах, представленных в избирательную комиссию для уведомления о выдвижении и регистрации кандидата (списка кандидатов)).

Из анализа данной нормы особое внимание заслуживает второй критерий, который также должен быть установлен судом при рассмотрении соответствующего избирательного спора – нарушения, допущенные кандидатом (избирательным объединением) *не были известны и не могли быть* им известны.

Необходимо отметить, что в рамках применения избирательного законодательства при рассмотрении дел о защите избирательных прав действует презумпция о том, что ответственность за представление избирательных документов, их полноту, достоверность и качество несет кандидат, уполномоченный представитель избирательного объединения (п. 4.1 постановления ЦИК России от 11.06.2014 № 235/1486-6 [5]).

В таком случае даже если избирательная комиссия *не исполнила свою обязанность о заблаговременном извещении кандидата (уполномоченного представителя избирательного объединения)* обо всех недостатках в

представительных для уведомления о выдвижении и регистрации документах, вина в ненадлежащей их подготовке будет лежать на данных субъектах избирательных правоотношений. И соответственно, руководствуясь этим положением, если избирательная комиссия намеренно в силу политических, административных и иных предпочтений, видя недостатки в избирательных документах кандидата (политической партии), специально не уведомляет их об этом и регистрирует, то в дальнейшем решение о регистрации кандидата (списка кандидатов) может быть отменено судом, несмотря на положения п. 6.1 ст. 76 Федерального закона № 67-ФЗ.

При этом также следует обратить внимание на сложности, связанные с реализацией компенсаторного механизма при нарушении пассивного избирательного права в рассматриваемом нами аспекте [1; 2]. В частности, несмотря на то, что Конституционный Суд РФ при рассмотрении соответствующего дела гражданина Цукасова «встал на сторону» заявителя, Суд также обратил внимание на то, что для него не исключается возможность использовать для защиты своих прав компенсаторные механизмы. Гражданин Цукасов попытался вернуть потраченные им денежные средства на избирательную кампанию, ссылаясь на ст. 1069 ГК РФ, но Московский городской суд *не увидел причинно-следственной связи* между ненадлежащими действиями избирательной комиссии и отменой решения о регистрации кандидата, так как посчитал, что основанием для такой отмены послужили действия самого истца, которые выразились в некачественной подготовке документов [10].

Таким образом, следует констатировать, что в рамках применения действующего избирательного законодательства сохраняются определенные проблемы, связанные с прохождением стадии выдвижения и регистрации кандидатами и избирательными объединениями. При этом одним их эффективных средств их решения может выступать внедрение определенных цифровых решений в рамках общего и продолжающегося направления цифровизации государственного управления в Российской Федерации.

В этом отношении большим подспорьем в успешном преодолении данной стадии избирательного процесса может стать обязательное использование специализированного программного изделия «Подготовка сведений о кандидатах, уполномоченных представителях, доверенных лицах» ГАС «Выборы» (далее – СПИ, специализированное программное изделие), разработанное по заданию ЦИК России НИИ «Восход».

Данное программное изделие позволяет унифицировать правила подготовки избирательных документов с учетом последних изменений

избирательного законодательства и, соответственно, не допустить тех ошибок, которые в последующем могут привести к отказу в регистрации или отмене решения о регистрации кандидата (списка кандидатов).

При проведении выборов на федеральном уровне обязательность использования СПИ предусмотрена Федеральным законом от 22.02.2014 № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» (статьи 38, 42, 55) [3]. В отношении выборов Президента Российской Федерации, несмотря на то, что Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ [4] прямо не упоминает о возможности использования СПИ, ЦИК России оговорила его использование для подготовки ряда документов при проведении избирательной кампании в 2024 году в пункте 4 постановления ЦИК России от 22.11.2023 № 138/1056-8 [6] и разместила соответствующие модули программы на официальном сайте [8].

С помощью справочной правовой системы «КонсультантПлюс. Регион» было проанализировано законодательство о выборах 85 субъектов Российской Федерации без учета Донецкой Народной Республики, Луганской Народной Республики, Запорожской и Херсонской областей по состоянию на 4 апреля 2025 года. В результате был получен вывод о том, что на региональном уровне возможность использования СПИ предусмотрена в законах о выборах десяти субъектов Российской Федерации только в рамках проведения соответствующих региональных кампаний (Республика Бурятия, Республика Калмыкия, Карачаево-Черкесская Республика, Республика Карелия, Удмуртская Республика, Краснодарский край, а также Брянская, Кемеровская, Ленинградская и Оренбургская области).

В качестве второго возможного комплексного решения обозначенной проблемы может выступать планомерное развитие взаимодействия избирательных комиссий с участниками избирательного процесса через личные кабинеты на портале «Госуслуг», в том числе для предоставления дальнейшей возможности кандидатам, избирательным объединениям подавать необходимые документы для уведомления о выдвижении и регистрации с автоматической проверкой на их количество (комплектность), а также полноту указанных в них сведений.

Список использованных источников:

1. Дудко И.А. «Нет ничего важнее мелочей», или Проблемы исполнения решений Конституционного Суда РФ / И.А. Дудко // Сравнительное конституционное обозрение. 2024. № 1.

2. Зайков Д.Е. Компенсаторный механизм в конституционном правосудии: проблемы правового регулирования и практики применения / Д.Е. Зайков // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5.

3. О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : Федеральный закон от 22 февраля 2014 г. № 20-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

4. О выборах Президента Российской Федерации : Федеральный закон от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

5. О Методических рекомендациях по вопросам, связанным с выдвижением и регистрацией кандидатов, списков кандидатов на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и органы местного самоуправления : постановление ЦИК России от 11 июня 2014 г. № 235/1486-6 (ред. от 18 мая 2016 г.) // Вестник ЦИК России. 2014. № 6.

6. О Перечне и формах документов, представляемых кандидатами, уполномоченными представителями политических партий в Центральную избирательную комиссию Российской Федерации при проведении выборов Президента Российской Федерации : постановление ЦИК России от 22 ноября 2023 г. № 138/1056-8. – Режим доступа: СПС «КонсультантПлюс».

7. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

8. Перечни и формы документов для участия в выборах // Официальный сайт ЦИК России. – Режим доступа: <http://цик.рф/politparty/uchastie-v-vyborah/perechni-i-formy-dokumentov/>. Дата обращения: 10.04.2025.

9. По делу о проверке конституционности пункта 1.1 статьи 38 и пункта 1 статьи 39 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина С.С. Цукасова : постановление Конституционного Суда РФ от 12 марта 2021 г. № 6-П // Собрание законодательства РФ. 2021. № 12. Ст. 2131.

10. Решение Московского городского суда от 23 ноября 2022 года по делу № 3-0485/2022. УИД 770S 0000-02-2022-007309. – Режим доступа: <https://mosgorsud.ru/mgs/services/cases/first-civil/details/d0649f30-a9db-11ec-9c9b-2d0fef74584d?participant=цукасов> (дата обращения: 16.05.2025).

УДК 343.3/.7

О ПОНЯТИИ «ПЛАГИАТ»: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ

Н. Ю. Рычкова

Сибирский федеральный университет

Гражданский кодекс РФ не содержит определения понятия «плагиат», тогда как в науке гражданского права его содержание и соотношение с иным понятием – «присвоение авторства» – раскрывается по-разному.

Определяя понятие «плагиат», исследователи нередко обращаются к оценке объема заимствования чужого произведения.

Так, дореволюционный цивилист Г.Ф. Шершеневич определял плагиат как заимствование произведения *в дозволенных законом пределах*, но без указания имени автора, если заимствование *превысило дозволенные законом пределы* (коснулось всего произведения, его части), нарушение представляло собой контрафакцию (даже если при этом было присвоено авторство) [18, с. 239]. По его мнению, плагиат представлял собой лишь одну сторону присвоения авторства, связанную с разрешенным использованием произведения (т.е. за пределами посягательства на исключительное право). Присвоение авторства, рассматривавшееся им как понятие более широкое по своему объему, могло оказаться связанным с нарушением исключительного права (контрафакция) и не связанным (плагиат).

Современные исследователи И.А. Близнец и К.Б. Леонтьев, напротив, считают иначе: плагиатом следует считать присвоение авторства на произведение полностью или в части, а случаи «<...> использования без разрешения автора и без ссылки на него художественного или научного произведения <...>» плагиатом не являются, так как «<...> отсутствует такой характерный признак плагиата, как присвоение авторства» [3].

Итак, приведенные выше позиции различны: в первом случае плагиат – «часть» присвоения авторства, во втором – понятия тождественны; в первом плагиат – незначительное (дозволенное) заимствование (сопряженное с нарушением права авторства). Во втором плагиат относится ко всему произведению или его существенной части, предполагая заимствование значительное.

Однако не все ученые связывают плагиат со значительным объемом заимствований.

Так, С. П. Гришаев, соглашаясь с мнением Э. П. Гаврилова, считает плагиатом включение в свою работу чужих отрывков без указания имени автора [6,7].

Для Н.И. Федоскиной плагиат – заимствования любого объема (как дозволенного (при свободном использовании произведения), так и недозволенного), если не было указано имя автора или источник заимствования [16]. Тогда как присвоение авторства – только те случаи, когда «<...> нарушитель выдает чужое произведение за свое, обнародует или использует его под своим именем», иными словами, заимствование *всего* произведения [16]. Содержание понятия «присвоение авторства» рассматривается как часть содержания понятия «плагиат».

Таким образом, многие ученые полагают: плагиат – это незаконное (без указания имени автора) заимствование произведения науки, литературы и искусства, *независимо от объема использованного материала*.

Кроме того, определяя понятие «плагиат», исследователи, как правило, обращаются к анализу вида прав, нарушенных в результате его совершения. Ключевой вопрос – плагиат посягает только на право авторства или, в том числе, на иные права?

Так, сущность плагиата, по мнению М. Вошинского, заключается в нарушении именно права авторства [5, с. 61], Н. Толочкова определяет плагиат как: «<...> самостоятельное нарушение лично-неимущественных прав, выраженное в присвоении авторства как в отношении всего произведения, так и его отдельных частей, в том числе использование произведения, части (включая название) без указания источника заимствования» [15, с. 9], С. А. Судариков как : «<...>самовольное обнародование некоторым лицом под своим именем произведения, созданного другим автором» [14, с.325], а О.В. Богданова как: «<...> присвоение авторства и всех прав, принадлежащих подлинному автору на основании закона <...>» [2]. Очевидно, что мнению некоторых ученых, плагиат предполагает нарушение не только права авторства, но и других авторских прав.

Чаще всего, в числе таких прав называется исключительное право. Так, С.А. Судариков отмечает: «Нарушение права авторства – это лишь часть плагиата. Второй его частью является присвоенное нарушителем исключительное право» [14, с. 313]. В. Г. Камышев ранее также указывал, что в случае присвоения другим лицом права авторства (плагиате) ущемляются не только личные, но и имущественные права автора [8, с. 7]. Напротив, В. Витко считает, что плагиат не обязательно связан с нарушением исключительного права и может заключаться только в нарушении личных прав (например, авторство присваивается правообладателем) [4].

Краткий обзор позиций позволяет понять: нет единства в понимании сущности плагиата, и как следствие, его соотношения с понятием присвоения авторства.

В ч. 1 ст. 146 УК РФ содержание понятия «плагиат» также не раскрывается.

В науке уголовного права плагиат характеризуется как: «..использование в работах произведений других авторов без указания на них, издание чужого произведения под своим именем либо издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве, без указания имени соавтора» [13], «..выпуск в полном объеме или части чужого произведения под своим именем; издание под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их фамилий»[9], издание чужого произведения под своим именем либо произведения, созданного в соавторстве, без указания имени соавтора [10]. Немногие авторы расширяют стандартный перечень, включая в него переработку произведения без соблюдения права авторства [1], использование в собственном произведении фрагмента произведения другого автора без указания на источник заимствования [11].

В постановлении Пленума ВС РФ «О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака» от 26 апреля 2007 г. № 14 сказано, что при установлении факта нарушения авторских прав путем присвоения авторства (плагиата), предусмотренного частью 1 статьи 146 УК РФ, суду надлежит иметь в виду, что указанное деяние может состоять, в частности, *в объявлении себя автором чужого произведения, выпуске чужого произведения (в полном объеме или частично) под своим именем, издании под своим именем произведения, созданного в соавторстве с другими лицами, без указания их имени* [12].

Таким образом, существенных различий в определении содержания понятия в науке уголовного права и правоприменительной практике не усматривается.

Вместе с тем, необходимо обратить внимание на упоминаемое в постановлении Пленума ВС РФ № 14 присвоение авторства (плагиат) посредством *объявления себя автором чужого произведения*. Данное нарушение находится в одном ряду с таким существенным по своему характеру посягательством как выпуск чужого произведения в полном объеме под своим именем. Указание неслучайно. Объявить себя автором чужого произведения можно при издании произведения (т.е. его воспроизведении и распространении), во время публичного показа, публичного исполнения произведения, в связи с доведением произведения до всеобщего сведения

(иными словами, размещением в сети Интернет) и т.д.. Публичный показ, публичное исполнение, доведение произведения до всеобщего сведения – самостоятельные способы использования объекта авторского права. В приведенных выше примерах нарушаются оба права: и право авторства, и право исключительное. Так как перечень возможных способов использования произведения довольно обширен (ст. 1270 ГК РФ), Пленум Верховного Суда РФ, по-видимому, счел возможным, не называя каждого из них отдельно, указать на универсальный «вариант» присвоения авторства «объявление себя автором чужого произведения», применимый к любому способу использования. Итак, представляется, Верховный Суд РФ полагает: плагиату, в каком поведении он бы не выразился, свойственно наряду с правом авторства и нарушение исключительного права.

Этим, по-видимому, объясняется употребление законодателем в ч.1 ст. 146 УК РФ одновременно двух терминов: «присвоение авторства» и «плагиат». Поэтому описание объективной стороны нарушения авторских и смежных прав (ч. 1 ст. 146 УК РФ) говорит нам о том, что не любое присвоение авторства преступно, а только то, за которым «скрывается» плагиат – незаконное использование (заимствование) чужого произведения.

Список использованных источников:

1. Агешкина Н.А., Беляев М.А., Белянинова Ю.В., Бирюкова Т.А., Болдырев С.А., Буранов Г.К., Воробьев Н.И., Галкин В.А., Дудко Д.А., Егоров Ю.В., Захарова Ю.Б., Копьёв А.В. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Гарант: справочная правовая система. - URL: <https://www.garant.ru/>
2. Богданова О.В. Присвоение авторства как способ нарушения авторских прав / О. В. Богданова // Право и экономика. 2016. № 8.
3. Блинец И., Леонтьев К. Плагиат и заимствования: правовой аспект / И. Блинец, К. Леонтьев // ИС. Авторское право и смежные права. 2013. № 7.
4. Витко В. О признаках понятия «плагиат» в авторском праве / В. Витко // ИС. Авторское право и смежные права. 2017. № 2.
5. Вошинский М. Уголовная ответственность за нарушение авторских и смежных прав по новой редакции статьи 146 УК / М. Вошинский // Российская юстиция. 2003. № 6.
6. Гаврилов Э.П. Ограничения исключительного авторского права / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. 2015. № 5.
7. Гришаев С.П. Плагиат: вопросы теории и практики / С. П. Гришаев //

КонсультантПлюс : справочная правовая система. - URL: <https://www.consultant.ru/>

8. Камышев В.Г. Права авторов литературных произведений / В. Г. Камышев. М.: Юридическая литература, 1972.

9. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Х. М. Ахметшин, А.Н. Игнатов, В.П. Котов и др.; под ред. В.М. Лебедева. – 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2007.

10. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / Г. Н. Борзенков, В. П. Верин, Б. В. Волженкин и др.; отв. ред. В.М. Лебедев. – 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2010.

11. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А.И. Чучаева. М.: «КОНТРАКТ», 2013.

12. О практике рассмотрения судами уголовных дел о нарушении авторских, смежных, изобретательских и патентных прав, а также о незаконном использовании товарного знака: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26 апреля 2007 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 7.

13. Серебренникова А.В. К вопросу о необходимости совершенствования статьи 146 УК РФ /А.В. Серебренникова // Современное право. 2006. № 10.

14. Судариков С.А. Право интеллектуальной собственности: учебник / С. А. Судариков. М.: Проспект, 2010.

15. Толочкова Н.Г. Гражданско-правовая охрана авторских прав от контрафакции и плагиата: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Г. Толочкова. Волгоград, 2004.

16. Федоскина Н.И. Нарушение авторских и смежных прав: содержание и виды / Н.И. Федоскина // Журнал российского права. 2007. № 11.

17. Цивилистическая концепция интеллектуальной собственности в системе российского права: монография / А.А. Богустов, В.Н. Глонина, М.А. Рожкова и др.; под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2018.

18. Шершеневич Г.Ф. Авторское право на литературные произведения / Избранное. В 6 т. Т. 3. Вступ. слово П.В. Крашенинникова / Г. Ф. Шершеневич. М.: Статут, 2017.

УДК 343.985.3

**ОТДЕЛЬНЫЕ ТАКТИКО-КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ ПО
ПРЕДЪЯВЛЕНИЮ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЙ С ПРИМЕНЕНИЕМ
ПОЛИГРАФА В ХОДЕ ДОПРОСА**

А. И. Семеновский

Сибирский федеральный университет

В монографических исследованиях тактики допроса последних лет вновь обращается внимание на необходимость исследования памяти допрашиваемого с применением полиграфа в целях преодоления его негативной установки на дачу ложных показаний. В отдельных исследованиях отмечается невозможность применения проверок с использованием полиграфа, так как отсутствует общепринятая научно-обоснованная методика их проведения [4, с. 154-155]. В большинстве монографий провозглашается высокая результативность проведения данных проверок для выявления идеальных следов в памяти допрашиваемого, обозначаются пути технического совершенствования соответствующего оборудования, новые методы статистического анализа полученных сведений [1, с. 106; 2, с. 94-96; 5, с. 122, 130-131].

Относительно тактико-криминалистического применения результатов подобных проверок, ученые утверждают о том, что такие результаты способствуют формированию вопросов, которые могут быть заданы в ходе допроса [1, с. 111]. Такие проверки помогают также выстраивать следственные версии [8, с. 30]. В одной из последних работ, посвященной проверке памяти допрашиваемого с использованием полиграфа, отмечено, что недобросовестному допрашиваемому следует сообщить о предстоящей проверке, после чего осуществлять в отношении него оперативно-розыскные мероприятия и/или следственные действия, в зависимости от ситуации, в целях выявления у него «улик поведения», которые недобросовестный допрашиваемый будет проявлять [5, с. 160]. Результаты таких действий, при прочих условиях, возможно будет использовать в качестве доказательств по делу.

Не теряет актуальности и отражается в монографиях последних лет позиция В.А. Образцова относительно тактики применения результатов исследования с использованием полиграфа непосредственно в ходе допроса [2, с. 99]. В своей работе, изданной на заре становления в России производства проверок с использованием полиграфа в уголовном судопроизводстве, ученый отметил, что

результаты таких проверок могут быть использованы в ходе допроса так: они предъявляются недобросовестному допрашиваемому или непосредственно в ходе допроса, или сначала полученные из них сведения «закрепляются» в ходе тех или иных следственных действий, после чего уже результаты последних предъявляются допрашиваемому для преодоления его негативной установки на дачу заведомо ложных показаний [7, с. 129].

Оценку таких рекомендаций следует осуществить с позиций судебно-следственной практики применения полиграфа.

Банк электронных судебных актов Верховного Суда Российской Федерации с марта 2002 года по февраль 2025 года содержит 43 925 судебных актов по уголовным делам, только в 262 из них упоминается о проведении или об отказе в проведении исследований памяти того или иного участника уголовного судопроизводства с использованием полиграфа [13]. И только 11 судебных актов содержат сведения об оспаривании стороной защиты правомерности отсылок государственного обвинителя к результатам соответствующих исследований в ходе судебного разбирательства или об оспаривании правомерности обоснования исследованиями с помощью полиграфа судебных решений нижестоящих судов. Из общей совокупности 64 судебных акта содержат оспаривание стороной защиты отказа в принятии органами предварительного расследования и судами результатов исследований памяти осужденного, при этом такие результаты входят в противоречие с собранной по делу совокупностью доказательств (тем самым выступают как бы «оправдывающим доказательством»). Кроме результатов исследований при помощи полиграфа, в таких делах отсутствуют иные доказательства, оправдывающие осужденного. При этом 154 судебных акта содержат жалобы стороны защиты на отказ в проведении в отношении памяти осужденного исследований с применением полиграфа.

Учитывая изложенное, количество дел, по которым результаты исследований с применением полиграфа вступают в противоречие с совокупностью собранных по делу доказательств (примерно 25%), на наш взгляд, напрашивается вывод, что проверка на полиграфе не является надежной. Стороной защиты она может в отдельных случаях использоваться в качестве «последнего» средства убедить в невиновности привлекаемого к ответственности лица. Если, конечно, не полагать, что во всех этих случаях были допущены ошибки в ходе расследования уголовного дела, повлекшие незаконное и необоснованное осуждение лица.

Рекомендация проверять результаты исследований с применением полиграфа посредством проведения следственных действий представляется

имеющей рациональное зерно. Результаты таких процессуальных действий или опровергнут ложные результаты исследования, или подтвердят их допустимыми доказательствами.

Однако стоит рассмотреть и ситуацию, когда следователь полагает возможным предъявлять результаты исследований с применением полиграфа допрашиваемому непосредственно.

С 2010-х годов Верховный Суд Российской Федерации стоит на позиции, что исследования с применением полиграфа невозможно считать доказательством по уголовному делу [3, с. 48]. С этого периода мы не находим судебные акты высокой судебной инстанции, опровергающие данную позицию. При наличии в материалах дела подобных исследований, суд принимает по ним одну из следующих позиций:

1. Если в результатах такого исследования провозглашается, что его объектом выступала память, то суд рассматривает такие результаты в качестве специального исследования памяти, требующего специальных познаний, но не отвечающего критерию научности, а потому такие результаты не могут быть рассмотрены в качестве доказательства, заключения эксперта [10; 12].

2. Если в результатах такого исследования провозглашается, что в ходе его проведения решался вопрос о ложности/правдивости сообщенных в ходе дачи показаний сведений, суд отмечает, что оценка достоверности показаний полиграфологом нарушает свободу оценки доказательств, такая оценка входит в компетенцию лиц, указанных в ст. 88 УПК РФ [9].

В литературе предлагаются 2 основных подхода к использованию полиграфа в рамках уголовного судопроизводства: 1) признавать исследования с использованием полиграфа в качестве заключения эксперта; 2) применять его в качестве технического средства в ходе допроса с привлечением специалиста-полиграфолога [5, с. 130; 8, с. 31]. Учитывая, что подобные исследования имеют своим объектом психические образования человека, требуют познаний из области психологии, предполагают исследование психики в том или ином виде, поддержим позицию, что они должны признаваться экспертизой по делу, но таковой не являются в силу отсутствия научно-обоснованной методологии их проведения [6, с. 39]. Проведение исследования на полиграфе в ходе допроса будет недопустимой подменой допросом проведения «экспертизы» в силу изложенного: фактически такое исследование будет анализом психических явлений допрашиваемого, требующим специальных познаний, что характерно для судебной экспертизы.

Такое положение дел, отказ от придания легального статуса результатам исследования с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве,

приводит к тому, что такие результаты невозможно предъявить в качестве доказательств по делу, объясняя их значение для установления обстоятельств расследуемого события и, как следствие, путем логического воздействия изменить негативную установку на дачу ложных показаний допрашиваемого.

Последнее замечание важно, на наш взгляд, если признавать, что правильная интерпретация результатов исследования памяти с применением полиграфа и само правильное проведение такого исследования действительно иногда позволяют выявить скрываемые идеальные следы. Так, в рамках расследования уголовного дела по обвинению Д. и З. в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, установлено, что свидетели из числа сотрудников правоохранительного органа, в котором несли службу и осужденные, присутствовали в месте избиения потерпевших [14]. В своих показаниях свидетели отмечали, что не видели избиений потерпевших со стороны Д., однако, проверка с использованием полиграфа установила обратное. Результаты ее были продемонстрированы в ходе допроса соответствующим свидетелям, которые не изменили своих показаний. Доказательств, опровергающих показания данных свидетелей, по делу не имелось, указанные лица не понесли ответственности за дачу ложных показаний. Осужденные по делу также проходили проверку памяти с использованием полиграфа, которая установила факт наличия в их памяти идеальных следов о причинении побоев потерпевшим (было выявлено, что осужденные наносили эти побои). Результаты такой проверки предъявлялись следователем осужденным, но изменить их позицию на отказ от дачи правдивых показаний не смогли.

Исходя из данного примера, полагаем, что работа в правоохранительной сфере свидетелей по анализируемому уголовному делу допускает их осведомленность о действительном уголовно-процессуальном значении исследований с применением полиграфа. И, как следствие, ознакомление допрошенных свидетелей и осужденных с результатами проверки с использованием полиграфа не послужило толчком к изменению их позиции в ходе допроса. Суд первой инстанции исключил в качестве доказательств результаты проверки с использованием полиграфа по данному уголовному делу.

Несмотря на отсутствие уголовно-процессуального значения у проверок с использованием полиграфа, исследователи отмечают, что иногда государственные обвинители требуют у органов предварительного расследования результаты таких проверок, последние могут играть роль неформального убеждающего фактора субъекта доказывания по уголовному делу в истинности той или иной версии [5, с. 123]. Отметим, что в практике

Верховного Суда Российской Федерации имеются казусы, когда демонстрация результатов проверки с использованием полиграфа действительно оказывала решающее влияние на лиц, не являющихся специалистами в области уголовного судопроизводства, в принятии ими той или иной линии поведения, что было установлено судом [11].

Таким образом, если следователь избирает в ходе допроса тактику, связанную с предъявлением недобросовестному допрашиваемому результатов исследования с применением полиграфа, на наш взгляд, следует учитывать ряд факторов.

Во-первых, следователь должен быть уверен, что результатам такого исследования можно доверять, они в целом согласуются с иными доказательствами по делу, так как имеются прецеденты, отраженные в практике, когда результаты таких исследований явно не достоверны, не согласуются с иными достоверными материалами по делу, а допрашиваемые успешно «обманывают» полиграф.

Во-вторых, следует учесть, как сам допрашиваемый относится к проверке с применением полиграфа: убежденность (осведомленность) допрашиваемого в бесполезности исследования с применением полиграфа в части доказывания обстоятельств расследуемого события, в части оказания влияния на внутреннее убеждение субъектов доказывания по уголовному делу негативно влияет на попытки нивелировать установку на дачу ложных показаний такого допрашиваемого путем предъявления результатов соответствующего исследования.

В-третьих, в зависимости от конкретной следственной ситуации, если следователь полагает возможным доверять результатам исследования с применением полиграфа, такие результаты в целом соответствуют имеющимся по делу материалам, им не противоречат, то следователь, считаем, может сообщить допрашиваемому, что другие субъекты доказывания и участники стороны обвинения по уголовному делу могут обратить внимание на согласованность результата такого исследования с другими доказательствами по делу, а это сыграет роль в закреплении их убежденности в той или иной версии по делу. На наш взгляд, это не может не внести свой вклад в оказание влияния на выбор допрашиваемого занять позицию противоборства или сотрудничества со следователем, раз следователь сообщает, что результаты подобного исследования, пусть и неформально, будут оказывать влияние на внутреннее убеждение субъектов, от которых зависит в известном смысле положение допрашиваемого. Однако допускаем, что подобная рекомендация подходит лишь в отношении допрашиваемого лица, привлекаемого к уголовной

ответственности. Его благополучие в наибольшей степени зависит от внутреннего убеждения обозначенных лиц.

Список использованных источников:

1. Карпенко, О.А. Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография / О.А. Карпенко, В.П. Лавров. М.: Юрлитинформ, 2020. 144 с.

2. Лонщакова, А.Р. Тактика допроса обвиняемого по делам о насильственных преступлениях: монография / А.Р. Лонщакова. М.: Юрлитинформ. 2022. 168 с.

3. Майлис, Н.П. О «доказательственной полиграфологии» / Н.П. Майлис, Ю.И. Холодный // Российское правосудие. 2022. № 11. С. 47-55.

4. Подвойский, К.В. Криминалистическая диагностика лжи: монография / К.В. Подвойский. М.: Юрлитинформ, 2024. 184 с.

5. Рахимов, А.И. Получение и проверка информации, содержащейся в идеальных следах: монография / А.И. Рахимов, А.А. Бессонов. М.: Юрлитинформ, 2023. 184 с.

6. Сафуанов, Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза: учебник для вузов / Ф.С. Сафуанов. М.: Юрайт, 2019. 309 с.

7. Следственные действия. Криминалистические рекомендации. Типовые образцы документов / под ред. В.А. Образцова. М.: Юристъ, 1999. 501 с.

8. Федосеева, Е.Л. К вопросу о применении полиграфа в доказывании по уголовным делам / Е.Л. Федосеева // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2022. № 2 (34). С. 28-32.

9. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2020 № 4-АПУ19-51 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/1864548 (дата обращения: 01.02.2025).

10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.09.2023 № 4-УД23-42-А1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2292980 (дата обращения: 01.02.2025).

11. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 17.05.2007 № 84-О07-16СП // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/177990 (дата обращения: 01.02.2025).

12. Определение суда кассационной инстанции Судебной коллегии по

уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11.09.2024 № 128-УД24-12-А1 // Официальный сайт Верховного Суда РФ. – Режим доступа: https://vsrf.ru/lk/practice/stor_pdf/2403126 (дата обращения: 01.02.2025).

13. Официальный сайт Верховного Суда Российской Федерации. – Режим доступа: <https://vsrf.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

14. Уголовное дело № 1-3/2022. Архив Сосновоборского городского суда Красноярского края, 2022.

УДК 340.12

РЕЦЕПЦИЯ НОРМ ДИГЕСТ ЮСТИНИАНА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

Д. Д. Смолин

Сибирский федеральный университет

Понятие рецепции получило широкое распространение в современной юриспруденции, на что указывает такой факт, как расширение круга работ, посвященных изучению механизмов рецепции норм права, а также отражение результатов исследований правовых рецепций в диссертационных исследованиях и словарях, статьях современных юристов и философов. Так, например, в Большой Советской Энциклопедии дается определение рецепции права – «заимствование и приспособление к условиям какой-либо страны права, выработанного в другом государстве или в предшествующую историческую эпоху» [2, с. 188], а также отмечается, что рецепция права представляет собой восприятие более развитых правовых форм государствами, связанными преемственностью правовой культуры, сходством социально-экономических условий [2, с. 189].

Л. В. Сокольская пишет о рецепции как об исторической форме правовой аккультурации – продолжительном контакте правовых культур различных социумов, который создает «в зависимости от исторических условий разнообразные методы и способы воздействия, необходимым результатом которого является изменение первоначальных структур контактируемых культур и формирование единого правового пространства» [18, с. 1581]. Исследователем также отмечается, что «проблема рецепирования элементов иностранного права достаточно актуальна для современной России» [18, с. 1587]. Автор связывает это с развитием государственности и права России в русле

континентальной цивилизации, длительным влиянием западноевропейского права, отмечая также влияние норм восточного права. В этой связи Л. В. Сокольская пишет: «Русская правовая культура в силу своего географического положения, национальной и правовой ментальности формировалась как евразийская культура, которая имеет свою специфику и особенности» [18, с. 1587].

Исследование рецепций в праве находит отражение в диссертациях начала XXI века, что подчеркивает актуальность рассмотрения данного вопроса и внимание юристов к проблемам изучения контакта правовых культур разных государств. Так, например, Е. Ю. Курышев в диссертационной работе «Рецепция в российском праве» предметом исследования делает «юридические конструкции, механизмы, формы и способы восприятия отечественным правом норм, институтов, учений инокультурного происхождения» [10, с. 4]. Автор работы говорит о важности теоретического осмысления рецепции как явления с юридических и исторических позиций и отмечает, что «рецепция всегда играла значительную роль в развитии мировой правовой культуры» [10, с. 3]. В процессе анализа теоретических трудов и исследования правовых источников Е. Ю. Курышев приходит к выводу о том, что «рецепция права является закономерной формой развития правовой культуры и сопутствует правовой жизни различных регионов и цивилизаций» [10, с. 7].

Объектом исследования в настоящий момент часто становится заимствование норм римского права, ряд работ посвящен заимствованию византийских норм русским правом. Отметим в этой связи труды А. А. Воротникова и В. А. Марченко, В. И. Ермоловича, А. Ф. Закомлистова, О. Д. Максимовой, С. Е. Метелёва и Т. Э. Зульфугарзаде, В. А. Савельева, П. Ф. Царпакина [3; 7; 8; 12; 14; 15; 20]. Зачастую исследователи, отмечая, что заимствование византийских норм не носило обширного характера (как в странах Западной Европы), обращают внимание на перенесение определенных элементов византийских кодексов на русскую правовую почву, при этом замечается, что иностранные нормы перерабатывались законодателями, приспособившими их к местным условиям. Е. В. Салогубова в статье «Элементы римского права в Российском судопроизводстве X–XVII вв.» пишет о том, что Дигесты никогда не были в России действующим правом, тем не менее «некоторые нормы римских источников были восприняты российским гражданским процессуальным законодательством на различных ступенях его развития» [16, с. 173].

Рассмотрим, какие нормы Дигест Юстиниана находят отражение в российском законодательстве. Прежде всего отметим, что процесс

реципирования начался в X–XII веках, когда нормы проникали в Россию из Византии вместе с христианством [6, с. 203]. Многие судебники Древней Руси, как отмечает Н. Н. Димитров, содержат прямые отсылки на *Corpus iuris civilis* Юстиниана, можно увидеть заимствования как системы, так и отдельных юридических норм, рецепции норм брачного, обязательственного и налогового права [6, с. 203].

При рассмотрении принципов и норм современного российского законодательства, исследовании кодексов можно заметить, что рецепция Дигест Юстиниана прослеживается, в частности, в Гражданском кодексе РФ. О влиянии Дигест говорят, например, исследователи В. А. Летяев, А. А. Фомин, они обращают внимание на то, что заимствованию подвергались в основном идеи, на базе которых создавались собственные законодательные конструкции, и делают акцент на важности заимствований в развитии юридической доктрины [11, с. 46]. Отдельные признаки реципирования исследователи видят также в том, что в современном российском законодательстве существует разделение права на частное и публичное (источником такого явления в юриспруденции считают Дигесты Юстиниана [9, с. 18-19; 1, с. 226; 17, с. 566] и др.).

Рассматривают современные исследователи и нормативное регулирование деятельности адвокатов в соответствии с нормами Дигест Юстиниана. С. Ю. Макаров в статье «Правовое регулирование деятельности адвокатов в соответствии с Дигестами Юстиниана» пишет: «значительная часть профильных положений Дигест относится к урегулированию проблемы, которую мы сейчас именовали бы дисциплинарной ответственностью адвокатов. <...> Наиболее частой мерой дисциплинарной ответственности было отстранение адвоката от практики. Это... представляет интерес... в плане возможной рецепции данной меры дисциплинарной ответственности в современной России, с тем чтобы ввести отстранение от практики на определенный период времени как промежуточную меру дисциплинарной ответственности адвокатов» [13, с. 71]. Автор статьи говорит о том, что современные нормы, регулирующие деятельность адвоката в плане соблюдения им правил адвокатской работы, также соотносятся с Дигестами. Главными профессиональными преступлениями, как отмечается С. Ю. Макаровым, считались: «вероломная измена клиенту (*prevaricatio*), вымогательство больших гонораров, выговаривание себе части спорного имущества и клеузничество» [13, с. 73]. В настоящее время такого рода формы поведения адвокатов также выделяются, контролируются и обозначаются как неприемлемые.

Наиболее четко, на наш взгляд, рецепции Дигест Юстиниана представлены в отдельных конкретных статьях Гражданского кодекса РФ. Так, например, в

статье 274 ГК РФ (Право ограниченного пользования земельным участком (сервитут)) содержится такая информация: «Собственник недвижимого имущества (земельного участка, другой недвижимости) вправе требовать от собственника соседнего земельного участка, а в необходимых случаях и от собственника другого земельного участка (соседнего участка) предоставления права ограниченного пользования соседним участком» [4]. И в Дигестах, и в российском праве сервитут представляет собой право ограниченного пользования чужим имуществом. Современное российское право переняло принципы сервитута, представленные в Дигестах, приспособив их к современной системе отношений. Это можно увидеть, сопоставив такие отрезки текстов: «Сервитут может устанавливаться для обеспечения прохода и проезда через соседний земельный участок, строительства, реконструкции и (или) эксплуатации линейных объектов, не препятствующих использованию земельного участка в соответствии с разрешенным использованием, а также других нужд собственника недвижимого имущества, которые не могут быть обеспечены без установления сервитута» («Гражданский кодекс Российской Федерации») [4]; «Если кому-нибудь уступлен или просто оставлен проезд через чей-либо участок на неопределенное время, то это значит, что ему можно будет ходить и ездить через любую часть участка, но с соблюдением интересов собственника: ибо в уговоре некоторые правила принимаются по умолчанию»; «Если участок принадлежит нескольким лицам, то право прохода и проезда может быть предоставлено мне (каждым собственником) в отдельности» (Цельс в 5-й книге Дигест; Цельс в 27-й книге Дигест (Т. II)) [5, с. 303]. Нормы сервитута, существующие в современном обществе, восходят к нормам, обозначенным в Дигестах, и они касаются способов использования и распоряжения земельными участками и недвижимым имуществом, принципов сервитутного права, типов сервитутов.

Другой показательный пример заимствования концепции и освоения норм, представленных в Дигестах, мы находим в Статье 1165 ГК РФ «Раздел наследства по соглашению между наследниками». Здесь оговоримся, что современные юридические нормы в основном заимствуются из источников права более ранних эпох чаще всего опосредованно: отдельные нормы были освоены отечественным законодательством в древности (например, при формировании судебныхников и иных правовых документов – судебника 1497 г., судебника 1550 г. и др.). С принятием христианства влияние Византии на территории Руси заметно выросло во всех отношениях, в том числе и в правовом, многие юридические письменные источники несут на себе этот отпечаток. В статье 1165 ГК РФ говорится: «Наследственное имущество, которое находится в общей долевой

собственности двух или нескольких наследников, может быть разделено по соглашению между ними»; «Соглашение о разделе наследства, в состав которого входит недвижимое имущество, в том числе соглашение о выделении из наследства доли одного или нескольких наследников, может быть заключено наследниками после выдачи им свидетельства о праве на наследство» [4]. И несколько выдержек из Дигестов: «Посредством иска о разделе наследства разделяется наследство – либо при наличии, либо при отсутствии завещания»; «если нет веской причины, тяжбу о разделе наследства можно возбуждать не более одного раза, а если остались какие-либо неразделенные вещи, то тут можно начать иск о разделе общего имущества»; «Иск о разделе наследства состоит из двух частей – вещей и выплат, каковые вызывают личные иски» [5, с. 481, 493, 495]. Эволюция наследственного права имеет длительную историю, на наш взгляд, несомненно, что корнями она в отечественном праве уходит в византийские юридические документы, поскольку на уровне государственного строительства влияние Византии вряд ли может быть оспорено в виду тесной связи Византии и Древней Руси во многих отношениях, в особенности же – в религиозном, а религия в древности был определяющей в деле формирования государства и создания его норм. Как и в нормах, представленных в Дигестах, в современном российском праве наследование осуществляется по завещанию и по закону, как и в византийском праве, в современном российском законодательстве также определяется круг наследников, которые «в порядке очередности, предусмотренной статьями 1142–1145 и 1148 Гражданского Кодекса» (ч. 1 ст. 1141) призываются к наследованию. Как и в византийском праве, в современном российском праве существуют нормы, которые регулируют передачу непринятого наследства в пользу государства. В Дигестах Юстиниана упоминается, что при отсутствии наследников наследственное имущество признается «выморочным», то есть ничьим. Со времён принципата (конец I в. до н.э. до II в. н.э.) «выморочное» наследство (оно также называлось «лежачим») стало передаваться государству. Вот какие строки присутствуют по данной теме в Дигестах: «Случилось так, что фиском истребуются выморочные части; но сенатусконсульт будет применим и в том случае, если бы назначался наследник всего имущества; он будет применим и в случае, если фиск требует судебным порядком выморочное имущество или если имущество перейдет к нему по какой-то иной причине... (так же будет) и в том случае, если (имущество) истребуется в пользу общины» [5, с. 105].

Интересными представляются факты, представленные в Дигестах Юстиниана в связи с ответственностью за деятельность, связанную с азартными играми. В Титуле V «Об игроках в азартные игры» отмечается: «Претор говорит:

“Тому, кто в связи с игрой допустит насилие, я определю наказание, сообразное с делом”. Это разъяснение относится к тому, кто принуждает к игре, так что он или карается штрафом, или приговаривается к работе в каменоломнях или к содержанию в оковах» [5, с. 185]. По нормам современного российского законодательства «наказываются штрафом в размере от трехсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо обязательными работами на срок от ста восьмидесяти до двухсот сорока часов, либо ограничением свободы на срок до четырех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет» лица, которые участвуют в организации и (или) проведении азартных игр с использованием игрового оборудования вне игровой зоны» [19]. В современном российском законодательстве не в достаточной степени отрегулированы механизмы, которые могут контролировать принуждение к игре и предусматривать различные санкционные меры в отношении лиц, путем обмана или насилия вовлекающих в азартную деятельность. В этом отношении Титул V «Об игроках в азартные игры» Дигестов Юстиниана может стать хорошим ориентиром. В настоящий момент можно руководствоваться иными статьями, например, при вовлечении в такого рода деятельность несовершеннолетних можно апеллировать к Статье 150 УК РФ «Вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления» [19]. Однако важно подчеркнуть, что существование юридических норм, регулирующих деятельность граждан в области игрового бизнеса в части вовлечения в нее манипулятивными способами, а также с применением любых видов давления, способствовало бы совершенствованию существующего законодательства и развитию правовой культуры, а также безопасности граждан.

Подводя итоги, отметим, что основными направлениями рецепции норм Дигест Юстиниана в современном российском законодательстве являются те, которые касаются реализации норм административного права (в частности традиции управления и администрирования: создание местных судов и назначение судей, которые были характерны для Византии, стали основой для развития местного самоуправления в Древней Руси и др.). Хотя важно отметить: только административной областью заимствования не ограничиваются. Особо следует сказать о таком направлении рецепций, как регулирование имущественных отношений, выделим здесь рецепирование в таких областях, как порядок призвания к получению наследства, способы использования земельных участков, распоряжение земельными участками и недвижимым имуществом, кроме того, отметим рецепирование в области, которая связана с ответственностью за деятельность по организации и проведению азартных игр

(вовлечение в проведение азартных игр несовершеннолетних, незаконная организация азартных игр).

Список использованных источников:

1. Акинфеева В. В., Воронцов С. Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 226-247.

2. Большая Советская Энциклопедия. В 30 т. Т. 22 / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд-е 3-е. М.: Советская энциклопедия, 1975. 628 с.

3. Воротников А. А., Марченко В. А. О понятии рецепции в современной юридической науке // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 1 (114). С. 11-16.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 25.04.2025).

5. Дигесты Юстиниана / перевод с латинского; Отв. ред. Л. Л. Кофанов. Т. II. – 2-е изд., испр. М.: Статут, 2008. 622 с.

6. Димитров Н. Н. Особенности рецепции римского права в современном Российском законодательстве // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2009. № 2. С. 202-206.

7. Ермолович В. И. Договор товарищества в римском частном праве и законодательстве средневековой Сербии и Беларуси (сравнительный анализ) // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. Минск: БГЭУ, 2018. Вып. 11. С. 512-519.

8. Закомлистов А. Ф. Философия юридической нормы: автореф. дис. ... д-ра философ. наук. Пермь, 2004. 48 с.

9. Курдюк Г. П. Историко-правовые предпосылки современного представления системы российского права // Общество и право. 2009. № 4 (26). С. 18-21.

10. Курьшев Е. Ю. Рецепция в российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2005. 26 с.

11. Летяев В. А., Фомин А. А. Влияние римского права на формирование и развитие юридической доктрины как источника права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 4 (42). С. 43-47.

12. Максимова О. Д. Язык права и правовые понятия по Дигестам Юстиниана и использование римских разработок в обучении и правовом

воспитании современных студентов-юристов // Высшее образование для XXI века: проблемы воспитания: XIV Международная научная конференция, МосГУ, 14–16 декабря 2017 г.: доклады и материалы : в 2 ч. Ч. 1 / под общ. ред. И. М. Ильинского ; науч. ред. Ч. К. Ламажаа. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2017. 597 с.

13. Макаров С. Ю. Правовое регулирование деятельности адвокатов в соответствии с Дигестами Юстиниана // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 67-77.

14. Метелёв С. Е., Зульфугарзаде Т. Э. Основные этапы рецепирования римского права в европейскую юриспруденцию // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 4. С. 5-23.

15. Савельев В. А. Юридическая техника римской юриспруденции классического периода // Журнал российского права. 2008. № 12. С. 108-115.

16. Салогубова Е. В. Элементы римского права в Российском судопроизводстве X–XVII вв. // IVS ANTIQVVM. Древнее право. 1999. № 1 (4). С. 173-179.

17. Семитко А. П. Исторические корни и современное состояние проблемы «публичное – частное право» во французской юридической доктрине // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2021. Т. 25, № 3. С. 562-585.

18. Сокольская Л. В. Рецепция как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 8 (45). С. 1581-1589.

19. Уголовный кодекс Российской Федерации. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 25.04.2025).

20. Царапкин П. Ф. Эволюция формы государства Древнего Рима и ее влияние на развитие системы частного права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2011. 23 с.

УДК 347.12

ПОСЛЕДСТВИЯ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

С. Я. Сорокина

Сибирский Федеральный университет

Согласно п. 3, 4 ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) при установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно. Никто не вправе извлекать преимущество из своего незаконного или недобросовестного поведения. Эти правила закрепляют принцип добросовестности поведения участников гражданских правоотношений на всех стадиях возникновения и осуществления прав и обязанностей, включая стадию защиты права.

В соответствии с п. 1 ст. 10 ГК РФ не допускается осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом). Очевидно, что в контексте ст. 10 ГК РФ недобросовестность и злоупотребление правом есть понятия с одинаковыми признаками.

По мнению П. В. Коновалова, положения п. 3 и 4 ст. 1 ГК РФ имеют зеркальное отражение в норме п. 1 ст. 10 ГК РФ о запрете злоупотребления правом. Злоупотребление правом - это всегда недобросовестное поведение, а недобросовестность, как правило, проявляется в злоупотреблении правом [1, с. 9].

При этом принцип недопустимости злоупотребления правом в отличие от принципа добросовестности выражен в абсолютно конкретной, специальной по отношению к ст. 1 ГК РФ норме права и образует конструкцию виновного правоосуществления с конкретными санкциями за недобросовестное использование предоставленных субъекту правовых средств [2, с. 48]. Автор далее говорит о разных формах вины недобросовестного субъекта, начиная с умысла и грубой неосторожности и заканчивая более «мягкой» формой вины – простой неосторожностью.

Согласно классическим представлениям « злоупотребление правом есть особый тип гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанный с

использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения». И это поведение (злоупотребление правом) есть один из видов гражданского правонарушения, то есть поведение не только противоправное, но и виновное (спор идет только по поводу того, о какой форме вины идет речь в данном случае) [3, с. 57-63].

Вместе с тем в науке нет единства взглядов на юридическую природу феномена злоупотребления правом. Действия субъекта злоупотребления признаются как правонарушением, так и особой формой реализации права, намерение - как умышленное, так и неосторожное, вред - как материальный, так и нематериальный. Отсутствует унифицированное научное определение понятия «злоупотребление гражданским правом», мало изучены формы и виды злоупотребления правами и др. [4, с. 4].

Так, злоупотребление правом рассматривается как особая форма не правового поведения, находящегося на стыке правонарушения и правомерного осуществления гражданских прав [5, с. 4]. На взгляд В.А.Гончаровой, добросовестность выступает дополнительным, наряду с правомерностью, критерием оценки поведения участников оборота, а «любое правомерное поведение может быть как добросовестным, так и недобросовестным, в зависимости от фактических действий участников конкретных правоотношений» [6, с. 172]. Полагаем, что эти предложения могут быть применены к характеристике поведения субъектов в различных гражданско-правовых отношениях с учетом конкретных обстоятельств.

Итак, как отмечено выше, формы злоупотребления правом сформулированы в п. 1 ст. 10 ГК РФ в виде запретов. Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом).

Не допускается использование гражданских прав в целях ограничения конкуренции, а также злоупотребление доминирующим положением на рынке.

В случае несоблюдения этих требований суд, арбитражный суд или третейский суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом (п. 2 ст. 10 ГК РФ). П. 4 ст. 10 ГК РФ предусматривает возможное последствие злоупотребления правом - возмещение убытков. С учетом судебной практики возможен отказ в принятии возражений ответчика.

Отказ в защите права называется санкцией относительно-определенного

характера, предполагающей возможность для правоприменителя выбрать конкретную форму отказа в защите права, которая в необходимой мере соответствует характеру данного конкретного случая: отказ в принудительном осуществлении права; отказ в конкретном способе защиты; лишение правомочий на результат, достигнутый путем недозволенного осуществления права; лишение субъективного права в целом и др. [7].

А.В. Волков в своей диссертации «Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики» пишет, что отказ в защите права является системной охранной мерой (санкцией) гражданского права, т.е. своеобразной защитой от злоупотреблений субъектов с помощью средств (форм) самого гражданского права и применяется (в том числе по собственной инициативе суда) как к истцу, так и к ответчику.

Отказ в защите права - это системное защитное средство гражданского права, содержащее в себе возможность суда ограничить охранную составляющую субъектного гражданского права в целях пресечения «злоупотребительного» использования гражданских прав и обязанностей [8, с. 17]. Данное положение, выносимое автором на защиту, более детально и полно раскрывает особенности и выполняемые функции отказа в защите права как санкции за злоупотребление правом.

Закрепленное в законе такое последствие недобросовестного поведения (злоупотребления правом) как возмещение причиненных этим убытков вызывает ряд вопросов. Например, согласно ст. 53.1 ГК РФ лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа юридического лица уполномочено выступать от его имени, несет ответственность (убытки, причиненные по его вине юридическому лицу), если будет доказано, что при осуществлении своих прав и исполнении своих обязанностей оно действовало недобросовестно или неразумно, в том числе если его действия (бездействие) не соответствовали обычным условиям гражданского оборота или обычному предпринимательскому риску.

Содержание данной нормы вызывает ряд вопросов. Во-первых, по традиционному подходу, который характерен для национального законодательства и других развитых правовых систем, возмещение убытков считается формой (мерой) гражданско-правовой ответственности, а не последствием недобросовестного поведения. И, во-вторых, в этом случае при возмещении убытков в поведении лица должны быть установлены элементы состава гражданского правонарушения.

Применительно к гражданскому праву положение о составе правонарушения как общем основании ответственности прочно вошло в

доктрину и правоприменительную практику. При этом состав гражданского правонарушения представляет собой совокупность определенных признаков правонарушения, характеризующую его как достаточное основание ответственности.

Но вопросы о том, является ли состав не только общим, но и единственным основанием гражданско-правовой ответственности, а также о том, какие элементы (признаки) образуют состав, вызывает множество разногласий. Предложено располагать главные элементы гражданского правонарушения в следующей последовательности: противоправное действие (бездействие) лица, вредный результат этого действия (бездействия) и причинная связь между действием (бездействием) и вредом – как объективные элементы состава и вина правонарушителя – как субъективный элемент состава [9, с. 5-18].

Здесь появляется гипотеза о возможности отнесения недобросовестного поведения к противоправному, влекущему применение мер гражданско-правовой ответственности (возмещение убытков). Однако, недобросовестность – это все-таки дополнительный инструмент и не должен заменять ни нормы позитивного права об ответственности, ни устоявшиеся доктринальные представления о составе гражданского правонарушения.

Можно предположить, что в этом случае за недобросовестными действиями стоят противоправные действия, нарушающие не нормы объективного права, а конкретные субъективные гражданские права или, как считает судебная практика, недобросовестность свидетельствует о неисполнении обязанности директора действовать добросовестно и разумно в интересах юридического лица.

Итак, состав гражданского правонарушения для привлечения руководителя к ответственности дополняется недобросовестным поведением, что не исключает наличия всех других элементов состава, в частности, вины как субъективного основания ответственности директора.

В конкретном деле суд указал, что привлечение руководителя юридического лица к ответственности зависит от того, действовал ли он при исполнении своих обязанностей разумно и добросовестно, проявил ли он заботливость и осмотрительность и принял ли все необходимые меры для надлежащего исполнения своих обязанностей.

В соответствии со ст. 71 АПК РФ всесторонне, полно и объективно исследовав фактические обстоятельства и представленные в дело доказательства, суды установили, что причиной возникновения убытков послужили привлечение Общества к ответственности за совершение административного правонарушения, выразившегося в несвоевременном

предоставлении запрошенной акционером информации, и, как следствие, наложение административного штрафа в сумме 250 000 руб.

В п. 4 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30.07.2013 № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» указано, что в случае привлечения юридического лица к публично-правовой ответственности (налоговой, административной и т.п.) по причине недобросовестного и (или) неразумного поведения директора понесенные в результате этого убытки юридического лица могут быть взысканы с директора [10].

Таким образом, добросовестность выступает дополнительным, наряду с правомерностью и виновностью, критерием оценки поведения участников оборота, существенным ориентиром, позволяющим суду проанализировать действия таких участников не с позиции соответствия нормативно-правовым предписаниям, а с точки зрения их гармонизации с хозяйственной логикой функционирования и организации рынка, отношением к контрагентам и исполнением ими взятых на себя обязательств [11, с. 171].

Недобросовестное поведение (злоупотребление правом) влечет возмещение убытков и в других случаях. Это п.5 ст.60 ГК РФ - недобросовестное распределение активов и обязательств реорганизуемых юридических лиц; ст. 220 ГК РФ - недобросовестные действия лица, осуществившего переработку; ст. 431.2 ГК РФ - предоставление стороне недостоверных заверений об обстоятельствах, имеющих существенное значение; ст. 434.1 ГК РФ - недобросовестные действия при ведении переговоров.

В соответствии с п. 3 ст. 434.1 ГК РФ сторона, которая ведет или прерывает переговоры о заключении договора недобросовестно, обязана возместить другой стороне причиненные этим убытки.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 (п. 19) к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, применяются нормы главы 59 ГК РФ с исключениями, установленными ст. 434.1 ГК РФ. Например, юридическое лицо либо гражданин возмещает вред, причиненный недобросовестным поведением его работника при проведении переговоров (ст. 1068 ГК РФ). В случае, когда вред при проведении переговоров причинен несколькими контрагентами совместно, они отвечают перед потерпевшим солидарно (ст. 1080 ГК РФ).

При этом правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ к этим отношениям не применяется. Позиция Верховного Суда РФ о применении к отношениям, связанным с причинением вреда недобросовестным поведением при проведении переговоров, норм главы 59 ГК позволяет говорить об экспансии

недобросовестности в сферу деликтного права (в доктрине эта возможность отрицалась). Вторжение недобросовестности в деликтное право ставит вопросы о ее месте в числе элементов генерального деликта, соотношении с противоправностью и виновностью. Тем более, как отмечено ранее, правило п. 2 ст. 1064 ГК РФ к этим отношениям не применяется. Напомним, что речь в нем идет о презумпции вины делинквента.

Возможным последствием совершения сделки, нарушающей запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, является признание ее недействительной по ст. 168 ГК РФ, как нарушающей требования закона или иного правового акта.

В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» содержится указание на то, что если совершение сделки нарушает запрет, установленный п. 1 ст. 10 ГК РФ, в зависимости от обстоятельств дела такая сделка может быть признана судом недействительной (п. 1 или 2 ст. 168 ГК РФ). Речь идет о совместном или совокупном применении ст.ст. 10, 168 ГК РФ, что в доктрине признается эффективным способом пресечения случаев явного злоупотребления правом.

В качестве последствий недобросовестного поведения, могут выступать и правила эстоппеля как запрета на противоречивое поведение. Термин "эстоппель" в гражданском законодательстве РФ не закреплен, однако его содержание раскрыто в отдельных нормах ГК РФ и судебной практике. Например, заявление о недействительности сделки не имеет правового значения, если ссылающееся на недействительность сделки лицо действует недобросовестно, в частности, если его поведение после заключения сделки давало основание другим лицам полагаться на действительность сделки (п. 5 ст. 166 ГК РФ).

Или сторона, принявшая от другой стороны полное или частичное исполнение по договору либо иным образом подтвердившая действие договора, не вправе требовать признания этого договора незаключенным, если заявление такого требования с учетом конкретных обстоятельств будет противоречить принципу добросовестности (п. 3 ст. 432 ГК РФ).

Существует позиция, что за неправомерность в смысле недобросовестности не следует наказание, а применяются иные, более гибкие санкции, как-то: блокировка возникновения прав и обязанностей (ст. 157 ГК РФ), передача вещи в собственность (ст. 220, 302 ГК РФ), возмещение доходов (ст. 303 ГК РФ), возмещение вреда (ст. 1103 ГК РФ), изъятие материального носителя исключительных прав (ст. 1252 ГК РФ), реституция и т.п. Все указанные санкции связаны с умышленным либо неосмотрительным осуществлением субъектом

своих прав [12, с. 49].

Иные случаи недобросовестного поведения и его последствия предусмотрены ст. 149.3 ГК РФ - защита прав правообладателей бездокументарных ценных бумаг; ст. 450.1 ГК РФ - добросовестность при отказе от договора (исполнения договора); ст. 602 ГК РФ – учет добросовестности при определении объема содержания по договору пожизненного содержания с иждивением.

Итак, недобросовестность участников гражданских правоотношений охватывает обширный круг возможного отрицательного поведения субъектов гражданского права как связанного, так и не связанного с гражданским правонарушением, влекущим различные негативные последствия, в том числе не являющиеся формами гражданско-правовой ответственности.

Список использованных источников:

1. Коновалов А.В. Принцип добросовестности в новой редакции Гражданского кодекса Российской Федерации и в судебной практике // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 4-14
2. Волков А. В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского ун-та. Сер.5. Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 44-50.
3. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 412 с.
4. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 54 с.
5. Матанцев Д. А. Злоупотребление правом в гражданско-правовых обязательствах // Бюллетень нотариальной практики. 2011. № 4. С. 4-6
6. Гончарова В.А. Недобросовестность как основание недействительности сделки: pro et contra // Вестник Ворон. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4. С. 166-178.
7. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2000. 412 с.
8. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2010. 54 с.
9. Матвеев Г.К. Основания гражданско-правовой ответственности. М.: Юрид. лит., 1974. 310 с.
10. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 4 июня 2018 № Ф07-4903/18 по делу № А44-7415/2017 // <https://base.garant.ru/41271642/>

11. Гончарова В.А. Недобросовестность как основание недействительности сделки: pro et contra // Вестник Ворон. ун-та. Серия: Право. 2018. № 4. С. 166-178.

12. Волков А.В. Соотношение принципа добросовестности и принципа недопустимости злоупотребления правом в современном гражданском праве // Вестник Волгоградского ун-та. Сер.5. Юриспруденция. 2013. № 3 (20). С. 44-50.

УДК 343 34

ЭВОЛЮЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

Т. Г. Спиглазова

Сибирский федеральный университет

Моделировать взаимодействие общества и природы, основываясь на законодательно определенных стандартах качества окружающей среды, казалось бы, не составляет особого труда, но в стране давно уже сложилась ситуация, при которой многие природопользователи оказываются неспособными в хозяйственной деятельности соответствовать установленным природоохранным требованиям, а система действующего законодательства не готова исключить все факторы, способствующие этому, и более того, саму возможность возникновения такой ситуации.

В то же самое время состояние окружающей среды приближается к критическому, за пределами которого разрушительные процессы приобретут необратимый характер. Получается, что конституционное право каждого жителя страны на благоприятную окружающую среду систематически и безнаказанно нарушается, а подавляющее большинство об этом даже не догадывается. По всей видимости, страна достигла уровня, при котором недостаточно взять ситуацию под контроль, обозначив цели последовательного перехода к устойчивому развитию Российской Федерации в обозримом будущем.

Своевременным решением сегодня должна стать стабилизация экологической ситуации в стране, осуществляемая на основе симбиоза источников формального и неформального экологического права, который позволит эволюционировать экологическому законодательству, обеспечивая развитие экологических правоотношений, не разрушая их фундаментальных основ.

В правовом пространстве действия экологических норм постепенно складываются условия для формирования различных по форме и содержанию

концептуальных источников экологического права. При этом ни один из существующих источников в полной мере не отвечает задачам руководящего документа страны, способного максимально эффективно воплотить национальную идею моделирования взаимодействия общества с окружающей средой в современных реалиях.

Объяснить это можно тем, что состояние окружающей среды Российской Федерации, благодаря её ассимиляционному потенциалу и лидерству по запасам природных ресурсов, имеет не только национальное, но и мировое стратегическое значение, следовательно, формирование качественно новых отношений в сфере взаимодействия общества и природы требует правового обеспечения высокой степени социальной ответственности, общественного экологического сознания и развития экологического законодательства как самостоятельного явления.

Возникновение эколого-правовых концептуальных форм было диалектически обусловлено универсальным характером экологических отношений, суть которых предопределена общественной потребностью в экологическом правопорядке.

Стремление к упорядоченности человек всегда черпал в природе, определяя тем самым цель развития и функционирования общества. Исторический характер экологических отношений особенно активно проявлял себя в тех случаях, когда возникала необходимость в новых способах взаимодействия общества и природы. Результат достигался переносом накопленных социальных и экологических знаний с простой системы взаимодействия общества и природы на более сложную, отвечающую новым условиям общественного развития. В то же время самоопределению человека, как существа сознательного, сопутствовало стремление к тому чтобы эколого-правовые отношения обеспечить методологической основой, позволяющей различать взаимодействие с природой и воздействие на природу, естественное право и экологическое право, охрану природы и охрану окружающей человека среды.

Производство методологической основы эколого-правовых отношений осуществлялось посредством формирования идей, представлений, теорий в доктрине права о синтезе общественных потребностей и убеждений. Изложение в систематизированном виде общепринятых взглядов содержалось в официальных документах, не отвечающих признакам нормативного правового акта, к примеру, в концепциях. Признание государством соответствующих мировоззрений происходило через закрепление отдельных концептуальных положений уже в нормативных правовых актах. В истории возникновения права

известны случаи прямого применения источников правовой доктрины в качестве опорных или подтверждающих. Тем не менее причислять их к разряду источников права до сих пор не нашлось достаточных оснований. Однако, всплеск общественного интереса к систематизированному отражению и оценке эколого-правовой реальности в виде идей, концепций и теорий заставляет задуматься о возможностях системы источников экологического права к расширению. Ученые полагают, что экологическое право, как никакая другая отрасль российского права, может быть на это способно [1, с. 99].

Работа над положениями Эколого-правовой концепции Российской Федерации, на наш взгляд, является одной из экологических потребностей общества в обеспечении оптимального взаимодействия общества с окружающей средой. Условия для этого в правовой доктрине уже созданы. Поэтапный исторический переход к новой форме взаимосвязи человека и окружающей среды (определение В.В.Петрова [2, с. 2]) завершается. Результатом станет осознанный отказ от потребительского отношения общества к природной среде и выстраивание отношений на основе оптимального взаимодействия.

Для этого понадобится новая ориентальная концепция. Это может быть Эколого-правовая концепция Российской Федерации. Схематично это выглядит следующим образом: натуралистический этап формирования эколого-правовых отношений завершился принятием философских концепций; потребительский этап завершился принятием Концепции перехода РФ к устойчивому развитию; гуманитарный этап в настоящее время активно требует принятия Эколого-правовой концепции РФ.

Тем более, что целью Экологического права является реализация ведущего принципа: научно обоснованного сочетания экологических, экономических и социальных интересов человека, общества и государства в целях обеспечения устойчивого развития и благоприятной окружающей среды.

Для следования по пути к этой цели государство уже выделяет три задачи, которые составляют основу следующих условно выделенных составляющих механизма действия эколого-правовых норм. Обозначим их как Административно-правовой (или организационно-правовой) механизм, Экономико-правовой механизм и Правовой механизм в собственном смысле этого слова.

Задачей Административно-правового механизма является ограничение техногенного воздействия природопользователя на окружающую среду в результате хозяйственной деятельности. Решение данной задачи находится в плоскости императивных отношений власти и подчинения. Главным правовым

инструментом значится Экологическое управление.

Задачей Экономико-правового механизма является стимулирование природопользователя. Для этого государство создаёт условия для материальной заинтересованности природопользователя соответствовать в своей деятельности нормам Закона. Для этого используется, прежде всего, правовой институт платы за негативное воздействие на окружающую среду.

Задачей Правового механизма является принуждение природопользователя к исполнению взятых на себя обязанностей. Для этого существуют 2 правовых института: ответственности за совершение экологических правонарушений и возмещения экологического вреда.

Основное отличие между составляющими механизма Экологического права заключается в том, что первые два – Административно-правовой и Экономико-правовой механизмы расположены в области правомерного причинения экологического вреда, когда причинитель вреда есть, а вины его при этом нет. Поэтому говорить о карательной функции здесь невозможно. В то время как Правовой механизм работает исключительно в области неправомерного экологического вреда. Поэтому здесь возникают основания для привлечения лиц к ответственности и возмещению экологического вреда.

Список использованных источников:

1. Дубовик О.Л. Экологическое право: учеб. – 3-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009.
2. Петров В.В. Экологическое право России. М., 1995.

УДК 349*349.2

ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ В ВОПРОСАХ НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ РЕЛОКАНТОВ

М. К. Старикова

Сибирский федеральный университет

В настоящее время в Российской Федерации в связи с развитием экономики и внедрением информационных технологий во многие сферы можно отметить стремительный рост работодателей готовых принять в штат и заключить с потенциальными работниками дистанционные трудовые договоры, что способствует развитию новых трудовых отношений. Данная тенденция

обусловлена рядом факторов, таких как снижение затрат на содержание офиса, расширение географии поиска квалифицированных работников и повышение гибкости трудового процесса.

В свою очередь, для работников дистанционная занятость открывает новые возможности, позволяя совмещать работу и личную жизнь, экономить время и средства на дорогу, а также реализовывать свой потенциал независимо от места проживания. Однако, развитие дистанционных трудовых отношений ставит перед законодателем ряд новых вопросов, требующих детальной проработки.

К таким вопросам относятся, в частности, обеспечение соблюдения трудовых прав дистанционных работников, определение режима рабочего времени и времени отдыха, организация охраны труда, а также вопросы социального страхования и налогообложения. Необходимость адаптации существующего трудового законодательства к реалиям дистанционной занятости становится все более очевидной, что требует внесения изменений в нормативные правовые акты, регулирующие трудовые отношения. Дальнейшее развитие и совершенствование правового регулирования дистанционного труда позволит обеспечить баланс интересов работодателей и работников, способствуя развитию современной и эффективной экономики [2, с. 68].

В соответствии со ст. 312.1 ТК РФ дистанционной работой является выполнение работником определенной трудовым договором или дополнительным соглашением к трудовому договору, трудовой функции вне места нахождения работодателя с помощью сети «Интернет» или иных средств связи, при непосредственном контроле и ведении работодателя за деятельностью такого работника.

Проанализировав статьи гл. 49.1 ТК РФ, которая ориентирована на внедрение и развитие дистанционной работы в РФ, а также посвященная правовому положению дистанционных работников, важно отметить, что нерешенным по-прежнему остается вопрос, а можно ли заключать дистанционный трудовой договор с иностранным работником о дистанционной работе, который находится за рубежом, и на территории Российской Федерации не появляется. В ТК РФ не закреплены нормы, которые позволяют заключить такой договор, но с другой стороны и не содержат прямого запрета. Таким образом, если нет запретов законодательства, то можно предположить возможным заключение дистанционного трудового договора с таким гражданином.

В Письмах Минфина от 01.08.2018 № 03-04-06/54321 [8] и от 21.02.2018 № 03-04-05/10825 [9] также сформирована позиция, о том, что можно заключать такие договоры с дистанционными работниками, находящимися за рубежом, так

как Минфин регулирует налоговый статус работника и работодателя, потому что в трудовых отношениях существует необходимость социального страхования, уплаты страховых взносов, НДФЛ подоходного налога. Более того в 2024 году в НК РФ были внесены изменения, касающиеся налогообложения релокантов об оплате НДФЛ с трудовых договоров работников, работающих за границей. Получается, что законодатель на уровне НК РФ признал возможным заключение такого договора.

Кроме того, развитие дистанционных трудовых отношений приводит к появлению новой категории работников. Одной из них являются релоканты. Появление такой категории становится возможным благодаря развитию информационных технологий, которые позволяют связывать страны и работать через интернет. Релокация в широком смысле подразумевает переезд работника на место жительства в другую страну для осуществления оттуда трудовой деятельности [12]. Релоканты не являются мигрантами или эмигрантами, поэтому за ними сохраняется российское гражданство. Ряд иностранных государства дает льготы релокантам (например, визы для цифровых кочевников) [1]. Официального понятия релокант в законодательстве РФ не закреплено. Хотя как экономическая категория они, конечно, появились на российском рынке труда.

Поскольку статус релокантов на сегодняшний день в российском законодательстве не имеет официального закрепления, тем самым возможны существенные правовые проблемы как для самих работников, так и для работодателей. Во-первых возникает вопрос по поводу налогообложения доходов таких работников, во-вторых, как оплачивать страховые взносы, а самое главное, по-прежнему остается нерешенным вопрос об определении применимого права, касающиеся трудовых отношений релокантов.

Это рождает новый регуляторный запрос. В частности, правовые проблемы возникают в области налогового права.

Отсутствие четкого правового статуса релокантов в российском законодательстве создает ряд определенных правовых проблем. Например, в вопросах налогообложения и социального страхования таких дистанционных работников. Так, непонятно, в какой стране должны уплачиваться налоги с доходов релоканта: в РФ, как стране гражданства, или же в стране фактического проживания? На настоящий момент физическое пребывание в стране является единственным критерием налогового резидентства в России. Это означает, что российские налоговые резиденты утрачивают обязанность платить налоги в России, если проведут в России менее 183 дней в течение 12 месяцев, следующих подряд.

В 2015 году Федеральная налоговая служба сделала попытку ввести более гибкий критерий в виде «центра жизненных интересов». Такая позиция была выражена в письме ведомства [5]. Минфин с такой позицией не согласился и уже год спустя признал это письмо недействительным «в связи с несоответствием налоговому законодательству Российской Федерации и положениям международных соглашений об избежании двойного налогообложения, а также несогласованностью с позицией Минфина России».

Несмотря на отмену данного письма ФНС, вопрос о «центре жизненных интересов» периодически затрагивается в решениях по налоговым спорам. Налоговые органы пытаются доказать, что фактическое пребывание лица на территории Российской Федерации, наличие семьи или других близких родственников, имущества, а также и ведение бизнеса, свидетельствуют о его резидентстве, даже если формально гражданин проводит за пределами страны более 183 дней.

Судебная практика по данному вопросу неоднозначна. Некоторые суды поддерживают позицию налоговых органов, учитывая совокупность факторов, свидетельствующих о тесной связи лица с Россией. Другие суды, напротив, настаивают на формальном соблюдении критерия 183 дней, указывая на его четкость и определенность. Так, согласно Постановлению Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2022 №А42-3434/2020 [11] инспекция федеральной налоговой службы доказала, что гражданин Испании А.А. Хоецян находился на территории РФ менее 183 дней в 2013–2015 гг., что подтверждается представленным УФСБ России по Мурманской области письмом от 07.08.2017 № 6/32385 (находился на территории РФ всего 210 дней). Таким образом, апелляция отменила решение первой инстанции и постановила, что доходы за 2016 г. должны облагаться НДФЛ по ставке 30%, так как А.А. Хоецян не является резидентом.

Кроме того, важным является, то, что уплата налога на доходы физических лиц (НДФЛ) не зависит от гражданства работника. Согласно гл. 23 НК РФ важным является его статус — является ли он налоговым резидентом РФ. Гражданин считается резидентом, если он проводит на территории страны 183 дня и более в течение следующих 12 месяцев. Окончательный налоговый статус физического лица, которое определяет, как его доходы будут облагаться налогом по итогам года, устанавливается по результатам календарного года. Если иностранный гражданин работает удаленно и не появляется на территории РФ, он не станет налоговым резидентом РФ [10].

Ранее правовая позиция Минфина в письме от 02.02.2021 № 03-04-06/6598 заключалась в следующем [6]. Если работник трудится в иностранном

государстве по трудовому договору или оказывает услуги по гражданско-правовому договору, его доходы относятся как поступающие из-за границы. Важно, чтобы в договоре было указано, что рабочее место расположено за пределами РФ. Нерезиденты оплачивают налоги в своей стране проживания. Таким образом, если в трудовом договоре закреплено, что местом работы релоканта является иностранное государство, то его заработная плата не облагается НДФЛ, но при условии, что такой работник не признается налоговым резидентом РФ. Минфин на протяжении нескольких лет обосновывал свою точку зрения тем, что объектом обложения НДФЛ являются доходы, которые получены налоговыми резидентами РФ, как от источников в РФ, так и от источников, полученными за пределами РФ. В таком случае, если физическое лицо не является налоговым резидентом РФ, то облагаемым доходом будут только доходы от источников в РФ (согласно ст. 209 НК РФ). Вознаграждение за выполнение трудовых обязанностей за границей – это доход, полученный работником от источников за пределами РФ (согласно п. 6 п. 3 ст. 208 НК РФ). Кроме того, Минфин в данном письме также отметил, что место работы является обязательным условием в трудовом договоре (согласно ст. 57 НК РФ). Поэтому, если в трудовом договоре закреплено, что место работы релоканта в иностранном государстве, то вознаграждение за выполнение трудовых обязанностей за пределами РФ по данному договору относится к доходам от источников за пределами РФ.

Однако с 01.01.2025 года введено радикальное изменение в отношении дистанционных работников, находящихся за пределами РФ (релокантов) [3].

Во-первых, согласно п. 6.2 ст. 208 НК РФ вознаграждение работника, который работает дистанционно из-за границы на российскую компанию, теперь является источником дохода в пределах РФ. Во-вторых, ставка НДФЛ для релокантов оставлена 13% (15%-22%), как для резидентов РФ. Теперь доходы, полученные по трудовому договору дистанционных работников (релокантов) российских организаций, облагается НДФЛ в РФ, даже если работник работает за пределами РФ. При выплате таких доходов работодатель должен исчислить, удержать НДФЛ и перечислить его в бюджет. Таким образом, не надо платить налог по ставке 30 % даже в том случае, если работник приобретает статус нерезидента.

Одной из самых частых проблем, с которыми сталкиваются дистанционные работники, является риск двойного налогообложения [4, с. 158]. Потому что, двойное налогообложение возникает, когда две или более страны, в которых проживают релоканты, требуют уплаты налогов с одного и того же дохода. Данная проблема может усугубляться, если дистанционный работник (релокант)

работает в компании, расположенной в его родной стране, но физически работает из другой. В этом случае возникают вопросы: как правильно платить налоги, и следует ли из этого, что налоги нужно платить в обеих странах? Ответ будет зависеть от налогового законодательства страны гражданства релоканта и наличия соглашений об избежании двойного налогообложения между этой страной и Российской Федерацией.

Таким образом, неурегулированность статуса релокантов в российском законодательстве создает определенные правовые пробелы и риски, как для самих работников, так и для работодателей. В связи с этим, считаем необходимо урегулировать в ТК РФ возможность заключения дистанционного трудового договора с релокантами, а также закрепить в НК РФ иные нормы о приобретении статуса резидента, установить дополнительные критерии налогового резидентства в Российской Федерации.

Список использованных источников:

1. Виза цифрового кочевника в 2025 году: полный обзор условий, стран и требований. – Режим доступа: <https://hi-tech.mail.ru/review/125079-viza-tsifrovogo-kochevnika/#anchor1743999916335933> (дата обращения 29.04.2025).

2. Люtareвич-Гeфтер, Ю.А. Новые проблемы правового регулирования дистанционной работы и пути их преодоления // Вестник РПА. Актуальные вопросы частного права. 2021. № 3. С. 66-72.

3. НДФЛ с доходов дистанционных сотрудников за границей и другие изменения для дистанционных работ. – Режим доступа: <https://its.1c.ru/db/newscomm/content/485290/hdoc> (дата обращения 29.04.2025).

4. Нодари, Д.Э. Дистанционная работа сотрудника за рубежом: с какими потенциальными налоговыми рисками может столкнуться работник / А.И. Григорьев, В.А. Мочалова, Д.Э. Нодари // Вестник экономической безопасности. 2023. № 3. С. 156-163.

5. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России «Об обложении НДФЛ и страховыми взносами вознаграждения физического лица, выполняющего работы по гражданско-правовому договору на территории иностранного государства» от 12 ноября 2021 г. № 03-04-06/91573. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.04.2025).

6. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России «Об определении налогового статуса физического лица для целей налогообложения» от 2 февраля 2021 г. № 03-04-06/6598. – Режим доступа: (дата

обращения 30.04.2025).

7. Письмо Минфина России «О налогообложении НДФЛ доходов сотрудника организации, выполняющего трудовые обязанности по трудовому договору о дистанционной работе за пределами РФ» от 01.08.2021 № 01-04-06/В54321. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.04.2025).

8. Письмо Минфина России «Об НДФЛ с доходов по трудовому договору о дистанционной работе за пределами РФ» от 01.08.2018 № 03-04-06/54321. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.04.2025).

9. Письмо Минфина России «Об НДФЛ с вознаграждения дистанционного работника за выполнение трудовых обязанностей за пределами РФ» от 21.02.2018 № 03-04-05/10825. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.04.2025).

10. Полякова, В. Дистанционный работник уже полгода за границей. На что это влияет и чем рискует компания // Кадровое дело. 2023. № 3. – Режим доступа: <https://e.kdelo.ru/1015498> (дата обращения 29.04.2025).

11. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 25.03.2022 № А42-3434/2020. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 29.04.2025).

12. Релокация сотрудника. – Режим доступа: <https://www.klerk.ru/blogs/sbersolutions/596227/> (дата обращения 29.04.2025).

УДК 343.231

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ СИСТЕМЫ НЕОСТОРОЖНОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

П. Л. Сурихин

Сибирский федеральный университет

Ранее мы предпринимали попытку описания функциональной модели системы преступления [6]. В той ситуации изначально подразумевалось, что речь идет о преступлении, совершенном с прямым умыслом. Так получилось само собой в силу того, что преступление описывалось нами как деятельность, а деятельность как управление действием, другими словами, как совокупность целеустремленных действий. По-другому не может и быть, размышляли мы, поскольку об этом утверждает теория физиологии построения человеческого движения – любое движение человека целеустремленно, человек движется за

счет достижения череды целей [2].

В частности, опираясь на классическое учение о преступлении [5; 8], мы предположили, что «некий субъект (вменяемое физическое лицо достигшее возраста уголовной ответственности), сформулировав преступную цель, выбрав объект посягательства (конкретные охраняемые общественные отношения, объект состава преступления), осознавая фактический характер и общественную опасность своего деяния, предвидя наступление общественно-опасных последствий, с желанием их наступления (виновно, с прямым умыслом), совершает задуманные им действия, которые приводят к определенным последствиям с точностью, определяемой развивающейся причиной связью (признаки объективной стороны состава преступления)» [6, с. 26-27].

Далее мы наложили описанные выше признаки деяния (состава преступления) на элементы абстрактной функциональной модели системы [Гайдес], и получили функциональную модель системы преступления:

- «1. Цель преступления – это цель системы.
2. Вина (субъективная сторона) – это блок управления.
3. Общественно-опасное деяние – блок исполнения.
4. Объект – информация на входе системы.
5. Общественно-опасные последствия (поврежденный объект) – информация на выходе системы».

Работа данной системы была описана следующим образом:

- «1. Цель преступления формирует умысел.
2. Согласно умыслу, подбирается общественное отношение, посягательство на которое способно обеспечить реализацию преступной цели.
3. Осуществляется посягательство на общественное отношение.
4. Наступают общественно-опасные последствия, объекту причиняется существенный вред.
5. Измененное общественное отношение сопоставляется с целью – соответствует ей (преступная цель реализована) или не соответствует (цель не реализована)» [6, с. 27].

Таким образом мы косвенно невольно уже тогда доказали, что любое преступление имеет свою цель, поскольку систем без цели не существует, а преступление – это система, как любое другое явление [1]. Это породило серьезную проблему. Дело в том, что данный вывод вполне соответствует постулату теории уголовного права в части преступлений с прямым умыслом – им характерна цель преступной деятельности, но вступает в противоречие с другим ее постулатом – преступление с косвенным умыслом, тем более неосторожное преступление не могут иметь цели [9, с. 152; 10, с. 164]. Другими

словами, согласно общепринятым представлениям о субъективной стороне, цель преступной деятельности – это признак исключительно умышленной формы вины, и, в частности, только прямого умысла. Для справедливости следует отметить, что непогрешимость данного подхода в определенном смысле ставилась под сомнение еще И.Г. Филановским в работе 1970 г., он признавал, что в общем-то любое деяние имеет цель, но целью преступления можно называть только ее общественно опасный вид [11, с. 105], по каким-то причинам он разделял цель как признак деятельности человека и цель как признак преступления. Более того, многие ученые вполне допускают общественно полезные цели при совершении умышленных преступлений, но, к сожалению, не рассматривают их наличие в случаях с неосторожностью [3]. И так известный постулат остается неизменным.

Сложившаяся ситуация требует анализа и соответствующей оценки. Попытаемся решить проблему методом сравнительного анализа функциональных моделей умышленного и неосторожного преступлений, используя стандартные ситуации из судебной практики.

Сначала опишем модели системы умышленного преступления. Для наглядности возьмем простую ситуацию – убийство с прямым умыслом: субъект, желая отомстить потерпевшему, стреляет в упор из огнестрельного оружия, что влечет мгновенную смерть последнего. Таким образом:

1. Цель системы убийства с прямым умыслом – месть в виде причинения смерти.
2. Блок управления – прямой умысел. Виновный осознает общественную опасность выстрела в упор, предвидит неизбежность наступления смерти и желает причинение смерти потерпевшему.
3. Блок исполнения – выстрел в упор.
4. Вход системы – общественные отношения по поводу жизни потерпевшего.
5. На выходе системы убийства мы видим наступление мгновенной смерти человека.

Далее, для обеспечения глубины анализа смоделируем систему убийства с косвенным умыслом: субъект, желая отомстить потерпевшему, стреляет из огнестрельного оружия, но с большого расстояния, не целясь и в процессе движения последнего, пуля практически случайно попадает в жертву, и это влечет мгновенную смерть. В данном случае:

1. Цель системы убийства с косвенным умыслом – месть в виде: либо причинения смерти, либо вреда здоровью, либо создания ситуации опасной для жизни или здоровья.

2. Блок управления – косвенный умысел. Виновный осознает общественную опасность выстрела в человека, предвидит возможность наступления смерти, не желает, но сознательно допускает наступление смерти потерпевшего либо относится к этому безразлично.

3. Блок исполнения – непряцельный выстрел в движущегося человека с большого расстояния.

4. Вход системы – общественные отношения по поводу жизни потерпевшего.

5. На выходе системы убийства мы видим так же наступление мгновенной смерти человека.

Уже сейчас, сравнив две описанные модели убийства, обнаруживаем интересный для нас факт, – оба убийства при прямом и косвенном умысле имеют конкретные цели.

Перейдем теперь к моделированию систем неосторожных преступлений, легкомысленного и небрежного. Возьмем за основу наиболее распространенное неосторожное преступление, суть которого – дорожно-транспортное происшествие (ДТП): субъект, желая максимально быстро преодолеть расстояние из пункта А в пункт Б, движется на транспортном средстве (ТС) с превышением разрешенной скорости, в процессе этого совершает наезд на пешехода, чем причиняет смерть потерпевшему. Модель системы легкомысленного преступления можно описать так:

1. Цель системы ДТП-преступления – сократить время перемещения на ТС из пункта А в пункт Б.

2. Блок управления – легкомыслие. Виновный предвидит возможность причинения смерти случайным пешеходам, но без достаточных к тому оснований (избранная им скорость в конкретной ситуации не обеспечивает техническую возможность своевременной остановки ТС) самонадеянно, опираясь только на личный опыт управления ТС, рассчитывает на предотвращение этих последствий.

3. Блок исполнения – наезд на пешехода в силу превышения безопасной скорости движения ТС.

4. Вход системы – общественные отношения по поводу безопасности движения ТС.

5. На выходе системы легкомысленного преступления мы видим наступление смерти человека.

Смоделируем также систему небрежного преступления на примере того же ДТП: субъект, желая побыстрее выполнить маневр, начинает разворот на пустынной улице задним ходом, совершает наезд на пешехода, которого не

наблюдал из кабины ТС в силу ее конструкции, в результате чего причиняет смерть потерпевшему. Модель системы небрежного преступления:

1. Цель системы ДТП – сократить время выполнения маневра на ТС.

2. Блок управления – небрежность. Виновный не предвидит возможность причинения смерти случайным пешеходам при выполнении маневра, поскольку проезжая часть кажется для него свободной, хотя при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было, в силу правил дорожного движения, и могло предвидеть эти последствия, достаточно было выйти из кабины и осмотреть полосу движения или прибегнуть к помощи других лиц.

3. Блок исполнения – наезд на пешехода в силу опасного маневра.

4. Вход системы – общественные отношения по поводу безопасности движения ТС.

5. На выходе системы небрежного преступления мы видим наступление смерти человека.

Как ни странно, но мы наблюдаем, что и системы неосторожных преступлений также имеют конкретные цели, впрочем, это закономерно, поскольку цель является обязательным признаком любой системы [Гайдес].

В итоге обнаруженными целями рассмотренных систем преступлений являются:

1) при прямом умысле – месть в виде причинения смерти;

2) при косвенном умысле – месть в виде: либо причинения смерти, либо причинения вреда здоровью, либо создания ситуации опасной для жизни или здоровья;

3) при легкомыслии – сократить время перемещения на ТС из пункта А в пункт Б;

4) при небрежности – сократить время выполнения маневра на ТС.

Фактически наступившими общественно опасными последствиями описанных преступлений, т.е. результатами на выходе смоделированных систем преступлений являются:

1) при прямом умысле – смерть человека;

2) при косвенном умысле – смерть человека;

3) при легкомыслии – смерть человека;

4) при небрежности – смерть человека.

Если сопоставить цели систем описанных преступлений и результаты их функционирования на выходе (проанализировать обратные связи), и максимально обобщить, то получится, что:

1) при прямом умысле результат функционирования системы является

осознанным и желаемым, прогностически и практически совпадает с поставленной общественно опасной целью; функция максимально эффективно обеспечивает достижение общественно опасной цели;

2) при косвенном умысле результат функционирования системы является осознанным, но случайным, прогностически и практически обеспечивает достижение поставленной общественно опасной цели; функция случайно обеспечивает достижение альтернативной наиболее общественно опасной цели.

3) при легкомыслии результат функционирования системы был предполагаемым, но оценивался как маловероятный, прогностически и практически не совпадает с поставленной общественно неопасной целью; функция случайно обеспечивает общественно опасный результат, который не соответствует общественно неопасной цели.

4) при небрежности результат функционирования системы был неосознанным, возможность его наступления не оценивалась, прогностически и практически не совпадает с поставленной общественно неопасной целью; функция неожиданно для виновного обеспечивает общественно опасный результат, который не соответствует общественно неопасной цели.

Таким образом наиболее эффективной системой, т.е. максимально полно обеспечивающей достижение своей цели является преступление с прямым умыслом, оно соответственно и самое общественно опасное, а наименее эффективной системой будет, в приведенном ряду, – преступление по небрежности. Функции систем неосторожных преступлений выдают случайный результат, который вообще никак не связан с целью системы – эту ситуацию по существу можно назвать системной ошибкой [7].

Попытаемся сформулировать некоторые выводы, значение результатов настоящего исследования.

1. Описанная нами ранее функциональная модель системы преступления оказалась одинаково верной как для умышленного преступления, так и для неосторожного. Это вполне закономерно поскольку каждое явление можно представить как систему.

2. Любое преступление, являясь системой, имеет определенную цель. Нужно отметить, что вообще любое действие человека целенаправленно – движение осуществляется от цели к цели.

3. Умышленным преступлениям характерна общественно опасная цель, а неосторожным – общественно нейтральная или даже общественно полезная.

4. Общественная опасность неосторожных преступлений заключается в порочности их функций, блок управления системы практически не обеспечивает

достижение общественно неопасной цели, общественно опасные последствия носят случайный характер. Принципиальное отличие преступлений легкомысленного и небрежного заключается в степени осознания развития причинной связи между деянием и общественно опасными последствиями. При легкомыслии лицо, в момент совершения преступления, осознает незначительную вероятность развития причинной связи, при небрежности – не осознает.

5. В плане вопросов уголовного наказания функциональная модель системы неосторожного преступления наглядно демонстрирует причины неосторожных преступлений, соответственно дает возможность определения, законодательного закрепления и применения эффективного наказания, обеспечивающего решение задач УК РФ. Причины неосторожных преступлений скрыты в порочности их функций, находятся в блоке управления, который не обеспечивает достижение общественно неопасной цели – лицо желает одно, но получает совершенно иное. Наказание должно быть связано с исправлением не целей общественно опасного деяния, что наиболее характерно для умышленного преступления, а алгоритмов управления и приобретением надлежащих практических навыков.

Список использованных источников:

1. Аверьянов А.Н. Системное познание мира. Методологические проблемы / А.Н. Аверьянов. М., 1985. 263 с.
2. Бернштейн Н.А. О ловкости и ее развитии [текст] / Н.А. Бернштейн. 2-ое изд. М., 2017 328 с.
3. Васяев Д.В. О видах мотивов и целей преступления (на примере мотивов и целей убийств) / Д.В. Васяев // Вестник ВУиТ. 2014. № 1 (80).
4. Гайдес М.А. Общая теория систем (системы и системный анализ) / М.А. Гайдес. – Режим доступа: <http://www.хаос.ru> (дата обращения: 31.01.2005).
5. Марцев А.И. Преступление: (Сущность и содержание) / А.И. Марцев. Омск, 1986. 68 с.
6. Сурихин П. Л. Преступление: функциональная модель системы / П. Л. Сурихин // Северный регион: наука, образование, культура. 2021. № 1 (47). С. 26-28.
7. Сурихин П.Л. Системная ошибка в уголовном праве: понятие, сущность / П.Л. Сурихин // Актуальные проблемы борьбы с преступностью: вопросы теории и практики : Материалы XXII международной научно-практической конференции: в 2 частях, Красноярск, 04–05 апреля 2019 года / отв. ред. Н.Н.

Цуканов. Том Часть 1. – Красноярск: Сибирский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 190-193.

8. Трайнин А.Н. Общее учение о составе преступления / А.Н. Трайнин. М., 1957. 308 с.

9. Уголовное право Российской Федерации: Общая часть: учебник / под ред. А.И. Марцева. М., 2006. 408 с.

10. Уголовное право. Общая часть: учебник для бакалавров / отв ред. А.Н. Тарбагаев. М., 2016. 448 с.

11. Филановский И.Г. Социально-психологическое отношение субъекта к преступлению / И.Г. Филановский. Л., 1970. 176 с.

УДК 341.24:343.2(47+57)"1961/1997"

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ КАК ФАКТИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ СОВЕТСКОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПЕРИОД ДЕЙСТВИЯ УК РСФСР 1960 ГОДА

А. Н. Тарбагаев, М. Д. Луцаева
Сибирский федеральный университет

Советское уголовное законодательство включало в себя два уровня: общесоюзный и отдельных республик [8, с. 53]. В 1958 году были приняты Основы уголовного законодательства и СССР и союзных республик, а также ряд общесоюзных уголовных законов, а в 1960 году – третий Уголовный кодекс РСФСР, который учел многие положения международных договоров, в которых участвовал СССР. Кроме того, в этот УК довольно часто вносились изменения и дополнения после ратификации новых конвенций. Однако поскольку ни один из перечисленных документов не содержал положений о статусе международных договоров (лишь в Основах уголовного законодательства и СССР и союзных республик 1991 года была закреплена обязанность приведения уголовного законодательства СССР и союзных республик в соответствие с международными договорами) – необходимо было обращаться к конституционным нормам. Таким образом, период действия данного уголовного закона можно условно подлить на два этапа, соответствующим времени действия Конституциям СССР 1935 года и РСФСР 1936 года и Конституциям СССР 1977 года и РСФСР 1978 года. Это важно для установления нормативных предпосылок для признания международных договоров источниками уголовного права, поскольку фактически они оказывали влияние на уголовное законодательство на

протяжении всего действия Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. (далее – УК РСФСР).

В Конституции СССР 1935 года было закреплено только то, что вопросы внешней политики (представительство Союза в международных сношениях; заключение международных договоров и т. д.) относятся к ведению органов власти СССР, а в Конституции РСФСР 1936 года международные договоры не упоминались.

Положения Конституции СССР 1977 года помимо названных выше вопросов были дополнены и рядом других, таких как: обмен дипломатическими и консульскими представителями, участие в деятельности международных организаций и другими. Однако правовое регулирование статуса международных договоров по-прежнему отсутствовало.

В свою очередь, в ст. 32 Конституции РСФСР 1978 г. был урегулирован ранг только общепризнанных международных норм, относящихся к правам человека – они имели преимущество перед законами и непосредственно порождали права и обязанности граждан [6]. Безусловно, общепризнанные нормы могли быть закреплены в международном договоре, а могли – существовать в форме международного обычая. Вопрос о том, включала ли данная статья оба вида общепризнанных норм или только договорных – остается открытым. В свою очередь, в отношении остальных международных договоров, которые не содержали общепризнанных норм, относящихся к правам человека – нормативная регламентация на конституционном уровне отсутствовала. Положение о приоритете международных договоров в случае их коллизий с национальным законодательством впервые нашли отражение в 1961 году в Основах гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, затем и в некоторых других законах. Однако данные нормы распространялись только на соответствующие отрасли советского права и не влияли на регулирование уголовно-правовых отношений.

Также в 1978 года появился Закон «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР», ст. 24 которого устанавливала порядок внесения предложений об изменении и дополнении советского законодательства в связи с заключением международного договора СССР [2]. Это было единственное положение, конкретизирующее общую обязанность соблюдения международных договоров, до присоединения СССР к Венской конвенции о праве международных договоров в 1986 году.

Новые законодательные изменения нашли отклик в доктрине. Так со второй половины XX века большое количество работ было посвящено как общим вопросам соотношения и взаимодействия международного и

внутригосударственного права, так и способам реализации международного права в национальном законодательстве. Среди наиболее известных ученых можно назвать: И. П. Блищенко, А. С. Гавердовского, Б. Л. Зимненко, Д. Б. Левина, И. И. Лукашука, С. Ю. Марочкина, Л. Х. Мингазова, Н. В. Миронова, Р. А. Мюллерсона, Е. Т. Усенко, С. В. Черниченко и др.

В этот же период появились первые работы, посвященные значению международных договоров в уголовно-правовой сфере. В 1982 году была защищена кандидатская диссертация В. И. Степаненко на тему «Влияние международных договоров на содержание и сферу действия советского уголовного права». Однако возможность признания международных договоров источниками уголовного права советская доктрина отрицала [7, с. 64], несмотря на то, что с 1978 года возникли первые нормативные предпосылки для этого.

Тем не менее, советские ученые иногда приводили примеры имплементации международных договоров. Так, Н. Д. Дурманов, несмотря на то, что источником уголовного права признавал только уголовный закон, отмечал, что «ряд статей общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик отражают международные соглашения», и что «текст конвенции может в некоторых случаях помочь уяснить содержание соответствующей статьи уголовного закона» [7, с. 160—161].

В качестве аргументации своих слов автор ссылаясь на имплементацию положений Конвенции о борьбе с подделкой денежных знаков 1929 года (ратифицирована СССР в 1931 году), которая обязывала стран-участниц установить ответственность за подделку и сбыт как национальных, так и иностранных денежных знаков, в ст. 24 Закона об уголовной ответственности за государственные преступления 1958 г. и в ст. 87 УК РСФСР 1960 года. Ранее запрет подделки и сбыта иностранной валюты был закреплен в ст. 59.8 УК РСФСР 1926 года.

Еще одним примером, по мнению автора, выступал Закон об уголовной ответственности за воинские преступления 1958 г., в которых нашли отражение Женевские конвенции 1949 года. Необходимо отметить, Женевские конвенции были имплементированы и в УК РСФСР 1960 года – в ст. 202, 266, 267, 268, 269 и другие. Помимо названных примеров автором был приведен ряд статей, введенных с целью исполнения международных обязательств (ст. 129, 159, 164, 202, 204, 205, 224, 225, 228 УК РСФСР 1960 года).

Данный перечень примеров можно продолжить: например, ратификация Конвенции о борьбе с захватом воздушных судов 1970 года привела к появлению в 1973 году ст. 213.2 УК РСФСР, устанавливающую ответственность за угон воздушного судна.

Помимо имплементации многие статьи как Общей, так и Особенной части УК РСФСР 1960 года содержали явные и скрытые отсылки к международным договорам, без обращения к которым невозможно было применить соответствующую норму.

Ст. 4 УК РСФСР года содержала явную отсылку к *международным соглашениям* (в редакции 1982 – к международным договорам), регулирующим вопросы уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, не подсудных советским судам. Для определения круга вышеупомянутых лиц необходимо было обратиться к Положению о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР от 23.05.1966 года. А также к Конвенции о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 года (СССР присоединился в 1953 году); Конвенции о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года (СССР присоединился в 1966 году); Венской конвенции о дипломатических сношения 1961 года (ратифицирована СССР в 1964 году); Венской конвенции о консульских сношения 1963 года (СССР присоединился в 1989 году) и другим международным договорам.

В ст. 5 УК РСФСР 1960 года несколько раз вносились изменения. Изначально она закрепляла, что иностранцы, совершившие преступления за пределами СССР, несут ответственность по советским уголовным законам в случаях, предусмотренных *международными соглашениями*. В 1962 году в Комментарий к УК РСФСР был приведен перечень международных соглашений, в которых участвует СССР и соответствующие составы преступлений, внесенные в Уголовный кодекс 1960 года [5, с. 20]. Подобные перечни встречались и в доктрине [8, с. 136-138]. В 1982 году конструкция «международные соглашения» была заменена на «международные договоры». И, наконец, в редакции УК РСФСР от 13.04.1996 года формулировка стала практически идентичной современному пониманию универсального принципа действия уголовного закона в пространстве. В круг субъектов вошли не только иностранные граждане, но и лица без гражданства, не проживающие постоянно в РФ, а также появилось важное условие: если эти лица не были осуждены в иностранном государстве.

В силу ст. 83 УК РСФСР 1960 г. (в редакции 1995 года) было запрещено ведение на Государственной границе РФ либо вблизи нее хозяйственной, промысловой или иной деятельности, *осуществляемой в соответствии с международными договорами РФ*, без надлежащего уведомления пограничных войск РФ, или в неустановленное время, или в неустановленном месте, или если эта деятельность повлекла либо могла повлечь тяжкие последствия. Таким

образом, в данной статье также содержалась явная отсылка к международным договорам, регулирующим соответствующие виды деятельности.

И, наконец, статья 223.1 УК РСФСР 1960 года (введена в 1974 году) включала запрет загрязнения моря веществами, вредными для здоровья людей или для живых ресурсов моря, либо другими отходами и материалами *в нарушение международных договоров СССР*. Такими договорами являлись в частности: Международная конвенция по предотвращению загрязнения моря нефтью 1954 года, Международная конвенция относительно вмешательства в открытом море в случаях аварий, приводящих к загрязнению нефтью 1969 года, Конвенция по предотвращению загрязнения моря сбросами отходов и других материалов 1972 года, Международная конвенция по предотвращению загрязнения с судов 1973 года.

В качестве примера скрытой отсылки можно привести статью 67 УК РСФСР 1960 года, которая устанавливала уголовную ответственность за убийство представителя иностранного государства с целью провокации войны или *международных осложнений*. Поскольку понятие «международное осложнение» на международном уровне отсутствовало, вероятно, речь шла о вооруженных конфликтах, освещенных в Женевских конвенциях 1949 года, а также об иных случаях ухудшения международных отношений.

Отдельного внимания заслуживает ст. 84 УК РСФСР 1960 года, устанавливающая уголовную ответственность за нарушение правил *международных полетов*. В этой статье содержалась скрытая отсылка к Воздушным кодексам 1961 года и 1983 года. В отличие от Воздушного кодекса СССР 1935 года, ст. 63 которого предусматривала, что регулярные международные полеты совершаются по правилам, установленным в международных договорах СССР, оба вышеупомянутых кодекса не содержали аналогичных положений. В комментариях к ст. 84 УК РСФСР 1960 года также говорилось о том, что помимо действий, перечисленных в статье, уголовная ответственность наступает и за нарушение *иных правил международных полетов, установленных Воздушным кодексом СССР* [5, с. 174]. Данное законодательное решение особенно любопытно, поскольку в данный период СССР стала участницей многих международных договоров, таких как Чикагская конвенция 1944 года (ратифицирована СССР в 1970 году), а также двухсторонних соглашений.

Тем не менее, не все ратифицированные международные договоры были включены в УК РСФСР 1960 года путем имплементации и подключены к регулированию уголовно-правовых отношений с помощью отсылки. Часть из них нашла отражение лишь в УК РФ 1996 года, в частности:

– Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него 1948 года, ратифицированная СССР в 1954 году (ст. 357 УК РФ);

– Конвенция относительно рабства 1926 года, ратифицированная СССР в 1956 году и Дополнительная конвенция об упразднении рабства, работорговли и институтов обычаев, сходных с рабством 1956 года, к которой СССР присоединился в 1957 году (ст. 127.1, 127.2 УК РФ);

– Конвенция о борьбе с торговлей людьми и с эксплуатацией проституции третьими лицами 1949 года, к которой СССР присоединился в 1954 году (ст. 240-240.2 УК РФ);

– Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 года, ратифицированная СССР в 1969 году (ст. 78, 83 УК РФ);

– Конвенция о передаче лиц, осужденных к лишению свободы, для отбывания наказания в государстве, гражданами которого они являются 1978 года, ратифицированная СССР в 1979 году (ст. 13 УК РФ);

– и многие другие.

В свою очередь, другая часть международных договоров до сих пор не имеет возможности практического применения в РФ, поскольку соответствующие составы преступлений не были внесены в Уголовный кодекс 1996 года. В частности, к таким договорам относится Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказании за него 1973 года (ратифицирована СССР в 1975 году). Ст. 4 данной Конвенции содержит обязательство государств-участников «принять любые меры законодательного или иного характера, необходимые для пресечения, а также предотвращения любого поощрения преступления апартеида и сходной с ним сегрегационистской политики или ее проявлений и наказания лиц, виновных в этом преступлении» [9]. Еще одним международным договором является Международная конвенция против апартеида в спорте 1985 года, ратифицированная СССР в 1988 году. В связи с этим в настоящее время в доктрине звучит идея о необходимости внесения соответствующих дополнений в УК РФ [4, с. 67; 1, с. 9]. Действительно, с таким подходом следует согласиться, поскольку, во-первых, этого требует принцип добросовестного исполнения международных обязательств. А во-вторых, многие составы преступлений, находящиеся в главе 34 УК РФ, являются «мертвыми» (или «молчащими») нормами, однако они необходимы, поскольку «сформулированы на опыте не только и не столько сегодняшнего дня, сколько всего периода существования нашего общества» [3, с. 118] и выполняют важную превентивную функцию. Кроме того, они позволяют избежать в будущем ситуаций, когда та или норма появлялась лишь после совершения ряда

преступлений, за которые лицо невозможно было привлечь к уголовной ответственности ввиду ее отсутствия на момент совершения этих деяний.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что международные договоры оказывали значительное влияние на советское законодательство, особенно на Уголовный кодекс РСФСР 1960 года. Более того, в вышеперечисленных случаях они являлись фактическими источниками советского уголовного права, несмотря на то, что в доктрине возможность их отнесения к числу источников была признана значительно позже – после принятия Конституции РФ 1993 года и Федерального закона «О международных договорах» 1995 года. При имплементации непосредственным источником уголовного права выступал УК РСФСР 1960 года, а международный договор был источником источника; в случае явной или скрытой отсылки – соответствующие международные договоры являлись самостоятельными источниками советского уголовного права.

Список использованных источников:

1. Гигинейшвили М.Т. Апартеид: предпосылки и перспективы криминализации в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08. Краснодар, 2013. 24 с.

2. Закон СССР «О порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР» от 06.07.1978 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.03.2025).

3. Карпец И.И. Преступность: иллюзии и реальность. М : Российское право. 1992. 431 с.

4. Кибильник А.Г. Преступления против мира и безопасности человечества / А. Г. Кибальник, И. Г. Соломоненко ; под науч. ред. А.В. Наумова; Ассоц. Юрид. центр. СПб. : Юрид. центр Пресс, 2004. 383 с.

5. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР 1960 г. / Ленингр. Ордена Ленина гос. ун-т им. А.А. Жданова ; под ред. М.Д. Шаргородского и Н.А. Беляева. Ленинград : Изд-во Ленинград. КН-та, 1962. 459 с.

6. Конституция РСФСР от 12.04.1978 г. // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.03.2025).

7. Курс советского уголовного права. Часть Общая : в 6 томах / под ред. А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. Москва : Наука, 1970. Т. 1. 311 с.

8. Курс советского уголовного права / Ленинградский университет им. А.А. Жданова ; отв. ред. М. Д. Шаргородский. Ленинград : Ленинградский университет, 1968. Т. 1. 646 с.

9. Международная конвенции о пресечении преступления апартеида и наказании за него от 30.11.1973 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20.03.2025).

УДК 340.1:342.7

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПРАВОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННЫХ СТРУКТУР

И. В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

При усложнении организационно-правовых механизмов взаимодействия государства и институтов гражданского общества первостепенным является динамичность развития и использования информационных технологий и востребованность соответствующих правовых средств. В современной литературе цифровые новации и информационные технологии рассматриваются в самых различных содержательных аспектах и функциональном назначении для современного общества [2, с. 27-31; 5]. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017-2030 гг. устанавливает приоритетные направления развития информационно-коммуникационных технологий: создание сетей связей нового поколения, использование доверенных технологий электронной идентификации, введение индустриального Интернета, информационная безопасность и пр. Представляется, что главное направление формирования адекватного сюжета реализации информационных технологий должно быть ориентировано на укрепление основ гражданского общества и достижение социального благополучия граждан.

Информационные технологии – это система организационно-правовых, цифровых, технических и иных средств и способов деятельности индивидуальных и коллективных субъектов, которые на основе научно-обоснованных положений, просветительской работы и требований федерального законодательства осуществляют системное научное осмысление,

обоснование и практическое претворение достигнутого технологического порядка в правовую жизнь, развития правил регулярной и эффективной коммуникации, взаимодействия участников политико-правовой системы в целях цивилизованного государственного управления, гарантирования прав и законных интересов граждан и общественных объединений, обеспечения национальной безопасности и создания гармоничной модели общественно-государственного партнерства.

В свою очередь информационные технологии достаточно активно используются в деятельности органов государственной власти, где основными направлениями выступают перспективные форматы информатизации государственной деятельности: автоматизированная информационная система электронной обработки статистической информации; электронный документооборот, позволяющий хранить и обрабатывать документы, отслеживать исполнение поручений, приказов и распоряжений; корпоративная электронная почта. Отдельные органы государственной власти Российской Федерации вводят собственные информационные системы и технологии, позволяющие осуществлять регулярный обмен информацией между различными органами и учреждениями, а также обеспечивать эффективное выполнение собственных управленческих задач и функций. В частности, в уголовно-исполнительной системе используется автоматизированная картотека учета спецконтингента в уголовно-исполнительных инспекциях, система электронного мониторинга подконтрольных лиц [3, с. 5-6]. Министерство внутренних дел реализует автоматизированную информационную систему, интегрированную в виде прикладного сервиса в единую систему информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России при непосредственной организации опытно-конструкторской работы в представленном направлении автоматизации управления; также используются различные информационно-справочные, информационно-поисковые, справочно-правовые системы [7, с. 58-60].

Общественные структуры в современных демократических условиях достаточно активно включаются в деятельность органов государственной власти посредством информационных механизмов. Негосударственные структуры формируются из числа заинтересованных граждан, активистов, новаторов, независимых экспертов и специалистов, волонтеров, представителей общественных объединений. Кроме этого, такими субъектами могут быть коллективные институты гражданского общества – Ассоциация юристов России, Общественная палата Российской Федерации, Совет по правам человека при Президенте Российской Федерации, общественные советы при органах

государственной власти, общественные палаты субъектов Российской Федерации, общественные объединения, профсоюзные и религиозные организации, национальные культурные автономии, инициативные группы и прочие сообщества граждан.

В свою очередь общественные структуры способны претворять в правовой жизни различные информационные технологии и инновации. Можно назвать основные сферы использования информационных технологий в правовой деятельности общественных структур.

Сфера демократии. Практически все участники избирательного процесса вправе использовать информационные технологии, среди которых дистанционное электронное голосование, удаленный режим голосования, общественный контроль с использованием видеонаблюдения, досрочное голосование и др. При этом ЦИК России предлагает к использованию единую Государственную систему регистрации (учета) избирателей, технологию «Мобильный избиратель», цифровые сервисы на портале «Госуслуги», автоинформатор и чат-бот, смс-информирование, интерактивную карту.

Политическая сфера. Сегодня посредством различных технологических решений активно используется практика делиберативного участия граждан в управлении делами государства: использование сети «Интернет», цифровые обсуждения государственного развития, создание интернет-порталов и пр. [6, с. 36-38]. В политической жизни государства и общества вполне уместно использовать практику телевизионных трансляций дискуссий и политической агитации с одновременным анализом уровня общественного доверия, качественных и количественных параметров общественно-значимой деятельности кандидатов и действующих политиков при непосредственном использовании цифровых технологий.

Законодательная сфера. Справедливо отмечается, что наряду с депутатским представительством возможно создание параллельных, существующим в настоящее время, каналов выражения воли, мнения избирателей в отношении инициирования проектов законов при непосредственном использовании соответствующих цифровых технологий. Подобный опыт имеет место на постсоветском пространстве, в частности в Республике Казахстан [8, с. 239-241].

Деятельность центральных общественных структур. Так, Общественная палата РФ, являясь комбинированным институтом гражданского общества, трансформирует систему политического взаимодействия, коммуникации личности, общества и органов публичной власти с использованием искусственного интеллекта, цифровых технологий и платформ. Данные меры способны модернизировать политическую культуру граждан, обеспечить их

широкое вовлечение в общественную социально-политическую и правовую жизнь [1, с. 58-62].

Экспертная деятельность. Независимые эксперты при проведении соответствующих экспертиз прибегают к технологиям блокчейна, искусственного интеллекта, используют специализированные программные комплексы, осуществляют применение Онлайн-судов и виртуальных заседаний, применяют иные специальные методы, инструменты и информационные ресурсы.

Молодежная политика. При организации, проведении, подведении итогов и стратегическом планировании всероссийских мероприятий с участием молодежи («Территория смыслов», «Таврида» и пр.), а также взаимодействии центральных молодежных структур (Молодежного парламента при Государственной Думе РФ, Палаты молодых законодателей при Совете Федерации РФ, Молодежной общественной палаты РФ и др.) с государственным аппаратом широко используются информационные технологии, искусственный интеллект, цифровые ресурсы (цифровая платформа «НАСТАВНИК.РФ», образовательная акция «Всероссийский экономический диктант», видеопроект «О финансах», Всероссийская ярмарка трудоустройства «Работа России. Время возможностей», сервис «Навигатор научных конференций», информационный ресурс «Цифровой портфолио молодого человека» и др.). Подобная конструкция публичного диалога реализуется в усеченном формате и на региональном уровне.

Правоохранительная сфера. В рамках оказания помощи следственно-оперативным и криминалистическим подразделениям эксперты, специалисты, иные участники, не наделенные властными полномочиями, на основе федерального законодательства вправе получать, передавать, обрабатывать, хранить информацию в рамках уголовного судопроизводства, что способствует повышению эффективности деятельности правоохранительных и судебных органов.

Пенитенциарная система. В современных условиях развития уголовно-исполнительной системы общественность принимает активное участие в работе уголовно-исполнительных инспекций, формировании института пробации, что обеспечивает исправление осужденных, их эффективную ресоциализацию и социальную адаптацию. В свою очередь деятельность уголовно-исполнительных инспекций осуществляется посредством внедрения новых информационных технологий, автоматизированных и цифровых систем, формирование электронных баз данных, унифицирующих электронный документооборот, обеспечивающих сквозную автоматизацию рабочих процессов и направленных на оптимизацию работы инспекций. Кроме этого, с введением института

пробации вопросам совершенствования технических средств в функционировании уголовно-исполнительной системы, подготовки специалистов в этой области, юридическая наука уделяет существенное внимание [4, с. 18-22].

Бизнес и предпринимательство. Информационные технологии в данной сфере используются гражданами и предпринимательским сообществом для оперативной и доступной системы расчетов, получения финансовой информации, уплаты налогов, формирования и управления нематериальными активами, цифровой валютой, оказания банковских услуг, реализации экспериментального правового режима и пр. Бизнес-сообщество прибегает к использованию искусственного интеллекта и иных технических новаций для обработки больших данных, установления материальных рисков, формирования финансовой рекламы, взаимодействия бизнеса с инвестиционным сектором экономики, создания новых финансовых продуктов.

Могут быть названы и иные направления реализации информационных технологий негосударственными субъектами: в сфере организации публичной власти и модернизации местного самоуправления, в области науки и образование, культуры и искусства, при решении экологических проблем, укреплении законности и правопорядка, при развитии территориального пространства и урбанизации, в сфере государственного политико-территориального устройства и т.д. Значимым остаются специальные принципы использования информационных технологий, среди которых: ценность реализуемой информации, понятность и полезность, достаточный объем и полнота полученных сведений, возможность проверки полученных результатов. Если говорить о технологиях применения искусственного интеллекта, то в Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года устанавливает такие принципы как защита прав и свобод человека, безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, поддержка конкуренции, открытость и доступность, преемственность, достоверность исходных данных. Крайне важным выступает борьба с киберпреступностью, формирование механизма противодействия процессам распространения в цифровом пространстве таких негативных явлений как финансирование преступности, мошеннические действия, незаконный майнинг криптовалют, вовлечение молодежи в противоправные деяния в виртуальном пространстве.

Конструирование организационно-правовых параметров использования информационных технологий в правовой деятельности общественных структур способно укрепить основы социального, правового государства, обеспечить

интересы гражданского общества, создать необходимые условия для конструктивного диалога общественных институтов и государства.

Список использованных источников:

1. Альбов А.П. Трансформация институтов гражданского общества и функций государства в условиях цифровизации: философско-правовой и публично-правовой аспекты // Ученые труды Российского университета адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева. 2024. № 1 (72). С. 56-63.

2. Воронюк Е.П. Публичные услуги и цифровые технологии: правовое оформление в конституционном праве // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 4 (101). С. 27-33.

3. Геращенко О.М., Загородняя Т.Ю., Кольцов И.В. Современные информационные технологии в деятельности уголовно-исполнительных инспекций // Информационные технологии в УИС. 2021. № 2. С. 2-11.

4. Ермасов Е.В., Тепляшин П.В., Скиба А.П. Перспективы введения досудебной пробации в Российской Федерации // Уголовно-исполнительное право. 2024. Т. 19 (1-4). № 1. С. 12-28.

5. Информационные технологии в уголовно-правовой сфере: монография / под ред. А.И. Бастрыкина, А.Н. Савенкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2023. 279 с.

6. Кравец И.А. Культ писаной конституции и дилеммы конституционных изменений: научные подходы и практика применения делиберативного конституционализма // Правоприменение. 2024. Т. 8. № 2. С. 33-42.

7. Познанский Ю.Н. Информационные технологии как средство повышения эффективности деятельности руководителей органов предварительного следствия в системе МВД России // Труды Академии управления МВД России. 2017. № 4 (44). С. 57-61.

8. Саулен Н., Макарецв А.А., Тебаев Д.Б. Применение инструментов искусственного интеллекта в законодательном процессе и классическая парадигма законотворчества: проблемы интеграции // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2025. Т. 80. № 2. С. 235-244.

УДК 343.848

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ В ПЕНИТЕНЦИАРНОЙ СИСТЕМЕ (УНИВЕРСАЛЬНЫЙ ПОДХОД)

П. В. Тепляшин

Сибирский юридический институт МВД России

Сибирский федеральный университет

Современные преобразования в сфере исполнения уголовных наказаний и, соответственно, функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, вызваны намеченным курсом государства на мобилизацию всех возможных инструментов и ресурсов результативного исправительно-профилактического воздействия на осужденных лиц. Данные преобразования указывают на появление двух ведущих тенденций: 1) формирование «амортизационных» технологий гашения криминальной активности лиц, преступивших уголовный закон; 2) активизация задействования социальных институтов в решении задач, стоящих перед уголовно-исполнительной системой.

Фактически данные тенденции были высвечены Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации на период до 2030 года (далее – Концепция). Так, указание в Концепции на «совершенствование взаимодействия с органами внутренних дел по вопросам установления административного надзора в отношении лиц, освобождающихся из мест лишения свободы», а также «создание и развитие в Российской Федерации эффективной системы пробации» как раз отражает формирование «амортизационных» технологий, направленных на снижение и(или) купирование криминальной пораженности осужденных. По сути, одной из таких технологий выступает пробация, которая введена в отечественную социально-правовую действительность Федеральным законом от 6 февраля 2023 года № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». В этой связи представляется уместным привести справедливые слова А.П. Скибы и Н.С. Малолеткиной, которые отмечают, что «данный закон расширяет, в сравнении с текущим законодательством, организационно-правовые основы взаимодействия учреждений и органов, исполняющих наказания, других государственных органов, осужденных, субъектов общественного воздействия и иных участников уголовно-исполнительных правоотношений» [3, с. 81].

Применительно ко второй тенденции нельзя не заметить, что повышению уровня взаимодействия с институтами гражданского общества отведен самостоятельный раздел Концепции. Следовательно, можно утверждать наличие концептуальных основ реализации ключевых направлений функционирования уголовно-исполнительной системы Российской Федерации, которые в целом находятся в русле обозначенных тенденций.

На фоне обозначенных тенденций особое место приобретает социальная работа в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации, поскольку, во-первых, она предполагает взаимодействие с различными общественными структурами и институтами гражданского общества, что делает социального работника неким «проводником» между осужденным и субъектами, способными оказать ему действенную помощь. Во вторых, в современных условиях социальная работа стала приобретать качества движущего механизма социального служения, под которое необходимо определять как исторически обусловленную совокупность организованных форм социальной работы различных субъектов, выступающей неотъемлемой частью реализации практики содействия людям в преодолении жизненных трудностей, и состоящей в деятельности по поддержке, коррекции и социальной реабилитации в отношении конкретных лиц, осуществляемой в целях повышения уровня их благополучия. В свою очередь пенитенциарное социальное служение или иначе социальное служение в пенитенциарной сфере допустимо сформулировать как социально обусловленную совокупность организованных форм социальной работы различных субъектов при преимущественном участии органов, учреждений и организаций, являющихся субъектами исполнения уголовных наказаний и пробации, выступающей неотъемлемой частью реализации правоохранительных мер и практики содействия осужденным, лицам, которым назначены иные меры уголовно-правового характера, и лицам, освобожденным из учреждений, исполняющих наказания в виде принудительных работ или лишения свободы, нуждающимся в различных видах помощи и (или) оказавшимся в трудной жизненной ситуации, и состоящей в деятельности по поддержке, коррекции, ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации, защите прав и законных интересов указанных лиц, осуществляемой в целях повышения уровня их благополучия, исправления и снижения риска рецидива совершения правонарушений, включая общественно опасные деяния.

Представляется верным утверждать, что анализ социальной работы в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации необходимо осуществлять на концептуальной основе, то есть с учетом теоретических

воззрений на её идейное понимание, путем задействования методологических инструментов, предполагая получение не только практически значимых итогов, но и научно-доктринальных результатов.

При этом следует заметить, что допустимо использовать следующий оборот «социальная работа в пенитенциарной сфере», так как это свидетельствует о её универсальном характере и независимости от государственной принадлежности системы исполнения уголовных наказаний. Иными словами можно утверждать, что не существует социальной работы как культурологического феномена применительно к отдельному государству. Хотя она может иметь определенные особенности в отдельно взятом государстве. Соответственно, можно говорить о специфике социальной работы именно в отечественной уголовно-исполнительной системе, но её сущность неизменна в пенитенциарной системе любого государства. Следовательно, основные концептуальные параметры социальной работы в пенитенциарной системе обладают неизменным и универсальным характером. В этом заключается квинтэссенция универсального подхода к рассмотрению концептуальных основ социальной работы в пенитенциарной системе.

Также необходимо изложить небольшую ремарку о том, что термин «пенитенциарный» указывает на социальную среду, которая заключается в изоляции осужденных от общества (в частности, уголовное наказание в виде лишения свободы на определенный срок) или существенном ограничении их социальных связей (уголовное наказание в виде принудительных работ). В этом случае термин «пенитенциарный» рассматривается в так называемом узком смысле слова. Однако, применительно к исполнению всех видов уголовных наказаний, в том числе тех, которые не связаны с изоляцией от общества или даже ограничением социальных связей осужденных, термин «пенитенциарный» допустимо рассматривать в так называемом широком смысле слова. В рамках данной статьи термин «пенитенциарный» рассматривается в узком смысле слова.

Итак, с позиций универсального подхода концептуальные основы социальной работы в пенитенциарной системе представляют совокупность взаимосвязанных методологических единиц: 1) ведущая идея, сводящаяся к предоставлению осужденным социальных услуг и соответствующего содействия как меры, способствующей решению исправительных, реинтеграционных и (или) профилактических задач. Именно в принципиальной значимости социальной работы для решения данных задач и заключается ведущая идея; 2) наличие особых принципов (использование технологий социальной работы, свойственных для закрытых социальных систем, обязательное взаимодействие

со всеми участниками пенитенциарных отношений и субъектами исполнения наказания, ориентированность на детерминанты (причины и условия) преступного поведения осужденного, инклюзивность, то есть вовлеченность в процесс исполнения уголовного наказания); 3) цель, предполагающая не просто предвосхищаемый итог, но и конкретный результат, поддающийся определенному измерению. Данное измерение возможно за счет такого показателя как удельный вес (коэффициент) лиц, совершивших повторно преступление, – чем выше коэффициент тем менее успешно достижение поставленной цели.

Не имея возможности полноценно раскрыть все обозначенные единицы, все же следует отметить значительную наукоёмкость их содержательной составляющей. Так, применительно к отдельным принципам, относящихся к одной из методологических единиц, можно привести обоснованное мнение (в контексте социально-психологической работы) С.М. Савушкина о том, что в этом методологическом аспекте речь «может идти о двух направлениях развития социально-психологической работы в пенитенциарной системе: 1) об актуальной модели (экстренная помощь осуждённым); 2) о превентивной деятельности психологов с заключёнными. Обе эти модели тесно взаимосвязаны, точно так же, как ресоциализация и реинтеграция» [2, с. 40].

Данные методологические единицы следует рассматривать комплексно, поскольку только в своей совокупности они составляют концептуальную основу социальной работы в пенитенциарной системе. Кстати, несколько сторонне, но также в рамках обозначенного методологического посыла можно привести мнение специалистов, которые обосновано отмечают, что «концептуально позитивное изменение исправительной среды мест лишения свободы возможно при комплексной реализации психосоциальной работы, социального научения, социального воспитания, образовательного и профессионального направлений работы с осуждёнными в условиях их социально-педагогической поддержки» [1, с. 58].

Таким образом, изложенные теоретические воззрения на концептуальные основы социальной работы в пенитенциарной системе призваны обратить внимание научной общественности на необходимость научно-исследовательской проработки данной проблематики. Однако стоит учитывать, что допустимо избирать различные подходы (например, культурологический, идеалистический, системный). Использование универсального подхода позволяет, с одной стороны, расширить представления о сущности социальной работы в сфере исполнения уголовных наказаний, с другой – проводить поиски

специфики её содержания применительно к отечественной уголовно-исполнительной системе.

Список использованных источников:

1. Новиков А.В., Виноградов В.В., Ильин А.В. Концептуальные основы педагогизации исправительной среды мест лишения свободы в процессе пенитенциарной социальной работы // Успехи современной науки и образования. 2017. Т. 2, № 3. С. 56-59.

2. Савушкин С.М. Концептуальные основы социально-психологической работы с осужденными-мужчинами в исправительном учреждении // Вестник Кузбасского института. 2013. № 4 (17). С. 40-47.

3. Скиба А.П., Малолеткаина Н.С. Закон «О пробации в Российской Федерации» как предпосылка дальнейшего развития уголовно-исполнительного права // Вестник Кузбасского института. 2023. № 1 (54). С. 80-90.

УДК 343.976 : 341.16

НАРКОСИТУАЦИЯ НА ПРОСТРАНСТВЕ ГОСУДАРСТВ-УЧАСТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ИНФОРМАЦИОННОГО КООРДИНАЦИОННОГО ЦЕНТРА (КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

П. В. Тепляшин

*Сибирский юридический институт МВД России
Сибирский федеральный университет*

В криминологической доктрине обнаруживается значительный массив инструментов, использующихся в правоохранительной деятельности по противодействию преступности. Данный инструментарий приобретает более детальный характер применительно к отдельным видам преступности. Особый научный интерес приобретает преступность в сфере незаконного оборота наркотиков. Данный вид преступности обладает рядом особых свойств криминологического характера. Думается, что одним из важнейших свойств данного вида преступности выступает его транснациональный характер. Именно в силу данного обстоятельства создаются соответствующие международные органы (организации), деятельность которых ориентирована на координацию

правоохранительных структур конкретных государств в направлении противодействия наркоиндустрии.

Одним из таких органов выступает Центрально-азиатский региональный информационный координационный центр по борьбе с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (далее – ЦАРИКЦ). В соответствии с Положением о ЦАРИКЦ (<https://caricc.org/index.php/tsarikts/pravovaya-osnova/polozhenie-o-tsarikts>) основными задачами данной структурой являются: координация на региональном уровне усилий государств-участников по борьбе с незаконным оборотом наркотиков; создание механизмов взаимодействия компетентных органов государств-участников; содействие укреплению сотрудничества между компетентными органами государств-участников в борьбе с трансграничной организованной преступностью, связанной с незаконным оборотом наркотиков; содействие в организации и проведении согласованных совместных операций и оперативно-розыскных мероприятий, в том числе контролируемых поставок; сбор, хранение, защита, анализ и обмен информацией в области борьбы с незаконным оборотом наркотиков; содействие в реализации мер по унификации информационных систем.

Государствами – участниками выступают Азербайджанская Республика, Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Российская Федерация, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан. В специальных исследованиях справедливо указывается, что в рамках «сотрудничества с ЦАРИКЦ осуществляется обмен информацией, а также координация антинаркотического взаимодействия компетентных служб региона, многосторонних (СНГ, ОДКБ, ОБСЕ, ШОС) и специальных образований (Интерпол и Европол). Проводятся совместные специальные операции со странами-партнерами по изъятию крупных партий наркотиков. ЦАРИКЦ содействует в обеспечении сбора, хранения, защиты, анализа и обмена информацией в сфере борьбы с незаконным оборотом наркотиков» [2, с. 79].

Институционализация ЦАРИКЦ демонстрирует новый виток концептуальных межгосударственных установок и краеугольных механизмов воздействия на наркотические угрозы. Важность её работы обусловлена трансформацией наркоугроз, которые стали приобретать, во первых, инверсионные качества, то есть способствуют созданию условий для реализации либеральных антинаркотических инициатив, что расходится с идеями бескомпромиссной борьбы с незаконным оборотом наркотиков. Во вторых, наркоугрозы стали мимикрировать и фактически подстраиваться под практику рекреационного использования подконтрольных веществ (в силу этого

развивается рост удельного веса наркотиков синтетического происхождения), извлечения из фактов немедицинского потребления наркотических средств не только гедонистических результатов, но и придания этому социально приемлемого окраса. Как представляется, технологии «окна Овертона» здесь недопустимы! При этом незаконный оборот наркотиков сохраняет свои традиционные проявления значительной общественной опасности: 1) сращивание организованной транснациональной наркопреступности с государственными структурами, что ведет к росту рисков коррупционности органов государственной власти, включая правоохранительные; 2) прогрессирующее поражение здоровья населения как в соматическом, так и психическом (ментальном) аспектах, а также воздействие на социальное благополучие населения; 3) прозелитивное распространение наркомании, заключающееся в высокой степени фактического патофизиологического и ментального заражения наркопотребителями окружающих граждан; 4) генерирование иных видов преступности, в частности, общеуголовной, транснациональной, и поддержание за счет высоких наркодоходов экстремистской, деструктивной и террористической деятельности, что ощутимо снижает степень соответствующей защищенности людей; 5) деградация социального развития и функций государств в части формирования здорового общества, развивающегося в русле духовно-нравственных ценностей. Нельзя не заметить, что обозначенные проявления общественной опасности незаконного оборота наркотиков являются основными и одними из ближайших. Они в полной мере проявляются в пространстве государств – участников ЦАРИКЦ.

Безусловно, что данные особенности трансформации наркоугроз и сохраняющаяся высокая общественная опасность незаконного оборота наркотиков требуют постоянного мониторинга наркоситуации, обновления основных стратегических подходов к реализации межгосударственной антинаркотической политики. Соответственно, деятельность ЦАРИКЦ является закономерным реагированием на современные наркоугрозы и сопряженные с ними вызовы.

На основе вышеизложенного допустимо сформулировать ряд ключевых тенденций, характеризующих наркоситуацию на пространстве государств – участников ЦАРИКЦ (с учетом статистических сведений за 2024 год).

Наблюдается рост общего количества зарегистрированных наркопреступлений на 4,1 %, то есть на 8903 общественно опасных деяний в сфере незаконного оборота наркотиков. В рамках данной тенденции необходимо отметить также рост сбыта наркотиков на 4,2 %, что демонстрирует

расширение наркопредложения и, соответственно, доступности наркотиков в регионе.

Обнаруживается рост на 14,7 % наркопреступлений, совершенных организованными преступными группами, которых в 2024 году таких общественно опасных посягательств зарегистрировано 14819. На этом фоне наметилась тенденция эскалации силовой составляющей наркопреступности на рассматриваемом пространстве, активизации организованной составляющей наркоиндустрии, что, в свою очередь, указывает на совершенствование криминальных наркотехнологий (в частности, развитие логистических связей, расширение сетей сбыта наркотиков, методов обучения и конспирации).

В унисон вышеизложенным обнаруживается тенденция роста объемов наркопроизводства, повышения технологичности каналов транснациональной маршрутизации наркотиков, на что обращается внимание рядом авторов [1, с. 95-104; 3, с. 69-70]. На это указывает и факт увеличения объём изъятых психотропных веществ на 15,2 % (на 299 кг.), а также объёмов изъятых прекурсоров на 12 тонн 458 кг.

Вторит этой тенденции и то обстоятельство, что наблюдается рост на 19,5 % фактов (на 62 больше по сравнению с 2023 годом) обнаруженных подпольных лабораторий по изготовлению преимущественно синтетических наркотиков. Это указывает и на доступность приобретения данных нарколабораторий с использованием технологий «даркнета».

В таких государствах как Азербайджан, Кыргызстан, Таджикистан и Узбекистан установлен рост зарегистрированных наркозависимых лиц, что говорит не только об относительной доступности наркотиков, но и значительном спросе на них и, соответственно, росте социального наркотизма.

Обозначенные тенденции демонстрируют сложную наркоситуацию на пространстве государств – участников ЦАРИКЦ, что должно стать предметом конструктивных криминологических исследований, в том числе с привлечением специалистов из различных областей знаний (в частности, наркологии, социологии, экономики, социальной психологии).

Список использованных источников:

1. Сулейменов Т.Н. Характеристика транснациональных организованных преступных групп в сфере незаконного оборота наркотиков // Мир Закона. 2024. № 11-12 (271-272). С. 93-106.

2. Феткулов А.Х., Каримов Н.М., Тогайбаева Ш.С. Международно-правовое регулирование в противодействии с транснациональной торговлей наркотиков // Наука и реальность. 2024. № 3 (19). С. 77-83.

3. Ширинджонов Ф.И. Направления преступной деятельности транснациональных организованных преступных группировок // Актуальные проблемы науки и образования: сборник материалов III Международной научно-практической конференции. М.: Алеф, 2023. С. 67-75.

УДК 343.241.5:343.131

К ВОПРОСУ О ПРИЗНАКАХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНЕГО, ВОВЛЕКАЕМОГО В СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, В СВЕТЕ ИЗМЕНЕНИЙ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОТ 28 ДЕКАБРЯ 2024 ГОДА

А. П. Титаренко

*Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и
государственной службы при Президенте Российской Федерации*

В декабре 2024 года в свет вышел Федеральный закон, который внес одно из многочисленных (очередных) изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ), который дополнил статьи, предусматривающие уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетних в криминальные и антиобщественные действия рядом квалифицирующих признаков [8]. Благодаря данным изменениям в УК РФ появился состав преступления, включающий в себя вовлечение в совершение преступления лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста (п. «в» ч. 3 ст. 150 УК РФ в редакции Федерального закона от 28.12.2024 № 514-ФЗ).

При анализе указанных изменений обращает на себя внимание диспозиция нового преступления в виде совершения преступления лицом, согласно ст. 20 УК РФ, не достигшим возраста уголовной ответственности (14 лет). Создается впечатление, что законодатель вкладывает в данную формулировку несколько иной смысл, чем это представляется при ближайшем рассмотрении законодательной новеллы. Вероятнее всего вовлечение малолетнего лица в преступление должно находиться за рамками самого преступления, которое указано в диспозиции рассматриваемой нормы. Однако, подобное утверждение не выдерживает критики с точки зрения действующего постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике применения

законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее – ППВС РФ 2011 г.), которое указывая на момент окончания, преступления, предусмотренного ст. 150 УК РФ увязывает его либо с моментом совершения малолетним преступления, либо с начала приготовления к нему, либо покушения на него (абз. 4 п. 42 ППВС РФ 2011 г. в редакции от 28.10.2021). Другими словами, минимальный объем рассматриваемого вовлечения, это приготовление несовершеннолетнего к преступлению. Но ч. 1 ст. 30 УК РФ (приготовление к преступлению) не допускает привлечение к уголовной ответственности за данное деяние лица, не достигшего соответствующего возраста, установленного ст. 20 УК РФ (возраст, с которого наступает уголовная ответственность). А уже тем более подобное невозможно при покушении (ч. 3 ст. 30 УК РФ) и оконченном преступлении. Таким образом, следует сделать вывод, что вовлечение в рамках ст. 150 УК РФ включает в себя объективную сторону преступления, совершаемого вовлекаемым.

Следует заметить, что проблема по привлечению взрослого лица к уголовной ответственности за вовлечение в преступление несовершеннолетнего не достигшего возраста уголовной ответственности не нова [6, с. 57; 3, с. 75]. Судебная практика в этой ситуации чаще идет по пути вменения ст. 150 УК РФ, нежели к отказу от ее применения. Данный подход обосновывается соблюдением принципа справедливости: при его использовании взрослому наряду с «основным» преступлением, согласно абз. 6 п. 42 ППВС РФ 2011 г. по совокупности вменяется и преступление, предусматривающее уголовную ответственность за вовлечение в него; если же мы откажемся от вменения ст. 150 УК РФ в случае, если адресатом вовлечения будет выступать, например, тринадцатилетнее лицо, то взрослого должны будут привлекать только за совершение «основного» преступления в качестве его посредственного исполнителя. Но последнее будет действительно противоречить соразмерности возмездия.

Понимая всю необходимость соблюдения принципа справедливости, однако, следует заметить, что иные принципы уголовного права имеют также весьма важное значение. А принимая на вооружение последний подход, мы наблюдаем, что анализируемые изменения ст. 150 УК РФ входят в противоречие с принципом законности в части рассмотрения лица, не достигшего возраста уголовной ответственности в качестве субъекта преступления.

Но рекомендации по квалификации совокупности «основного» состава с актом вовлечения в преступление сложились не в последние годы. Его исторические корни проступают в разрезе взглядов на групповое преступление при отсутствии у одного из соучастников признаков субъекта преступления еще в

период советского уголовного права. Так в Постановлении Пленума Верховного Суда 1963 г. «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» прослеживается тезис согласно которому вовлечение несовершеннолетнего не достигшего возраста уголовной ответственности в совершение преступления требует от суда квалификации по совокупности преступлений за «основное» преступление и за преступление, предусматривающее уголовную ответственность за вовлечение несовершеннолетнего в преступную деятельность (п. 8) [11]. С позиции Пленума Верховного Суда РСФСР 1966 г. «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» действия участника группового грабежа и разбойного нападения подлежали квалификации как за преступление, совершенное в соучастии независимо от того, что другие соучастники преступления не отвечали требованиям субъекта преступления в силу возраста или невменяемости [9]. Аналогичная позиция прослеживалась и в отношении группового изнасилования, отраженная в п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании» [13].

Рассматриваемый подход попытались изменить в начале XXI века. Так Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указывало, что несовершеннолетний возраст используемого лица не создает соучастия (п. 9) [12]. Эту же позицию в 2002 г. первоначально поддержал Верховный Суд РФ в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое», указав, что соучастие образуют только лица, подлежащие уголовной ответственности (п. 12) [10]. Однако уже Постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» пункт 12 сначала из Постановления Пленума по делам о краже, грабеже и разбое был исключен [14]. А затем в пришедшем на смену Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних», нового ППВС РФ 2011 г. вопрос возможности квалификации соучастия совместно с не субъектом преступления не освещался.

Однако судебная практика в редких случаях все же рассматривает соучастие в узком смысле данного понятия, указывая, что совершение деяния лишь одним лицом, являющимся субъектом преступления института соучастия не образует [5; 16]. Данный подход, на наш взгляд, является более предпочтительным. В этом вопросе следует согласиться с мнениями юристов утверждающих, что соучастие следует рассматривать только в отношении лиц,

являющихся субъектами преступления [4, с. 11; 17, с. 31]. Но в вопросах касающихся кардинального изменения законодательных вариантов мы поддерживаем точку зрения А.В. Бриллиантова и П.С. Яни что «несмотря на спорность решения анализируемых вопросов соучастия в правоприменительной практике, мы не призываем к попыткам немедленно соответствующие подходы изменить. К переоценке взглядов надо относиться крайне осторожно, и не только потому, что в некоторых случаях судебная практика вполне устоялась, а сохранение стабильности практики, думается, весьма важный аргумент в научной дискуссии, имеющей не сугубо академический, но и прикладной характер» [2, с. 36].

Вполне понятно, что ст. 150 УК РФ направлена на защиту всех детей, не достигших возраста 18 лет. В главе 20 УК РФ несовершеннолетний рассматривается не как субъект, а как потерпевший [15]. Логика Верховного Суда и Законодателя очевидна. Но для того, чтобы нормы УК РФ были не только справедливыми, но и законными необходимо все же найти то решение, которое будет удовлетворять данным критериям.

Для этого можно пойти по пути ученых, которые предлагают в названии и диспозиции ст. 150 УК РФ слово «преступление» заменить на словосочетание «общественно опасное деяние» [1, с. 129; 7, с. 58]. Либо, что на наш взгляд является более согласующимся с действующими нормами о соучастии, следует изменить объективную сторону, рассматриваемого состава с «вовлечения» на «привлечение» несовершеннолетнего к преступлению. Возможен также вариант с заменой «вовлечение» на глагол «использование» несовершеннолетнего в совершении преступления, как это упоминается в ст. 33 УК РФ. Как логическое продолжение данного законодательного изменения следует в действующем ППВС РФ 2011 г. смоделировать и новое понятие момента окончания рассматриваемого преступления, заменив его современную трактовку с фазы совершения (приготовления, покушения) несовершеннолетним преступления на момент выражения согласия вовлекаемого на совершение навязываемого взрослым преступления.

С принятием указанных изменений УК РФ, а также новым определением момента окончания преступления в ППВС РФ 2011 г. характеризующимся соглашением несовершеннолетнего с вовлекателем, исключит разночтение в понятиях адресата воздействия, предусмотренного ст. 150 УК РФ и создаст предпосылки для квалификации по совокупности названного преступления с деянием, совершенным в развитие данного преступного воздействия, независимо от возраста вовлекаемого.

Список использованных источников:

1. Абызов, К. Р. Отдельные вопросы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления (ст. 150 УК РФ) / К.Р. Абызов, Д.О. Заречнев // Современное право. 2011. № 4. С. 127-129.

2. Бриллиантов, А. В. Применение норм о соучастии: аналогия или толкование? / А.В. Бриллиантов, П.С. Яни // Законность. 2013. № 6. С. 31-36.

3. Бугера, М. А. Спорные вопросы определения возраста несовершеннолетнего потерпевшего в преступлениях, предусмотренных статьями 150, 151 Уголовного кодекса Российской Федерации / М.А. Бугера, О.М. Шаганова // Алтайский юридический вестник. 2018. № 4 (24). С. 74-78.

4. Гордеев, Р. Н. Групповое преступление в уголовном праве России: автореф. дис. ... канд. юр. наук. по спец. 12.00.08. / Р.Н. Гордеев. Красноярск, 2003. 19 с.

5. Кассационное определение Санкт-Петербургского городского Суда от 18.07.2011 по делу № 1–842/10 // Доступ из справ. - правовой системы КонсультантПлюс.

6. Коровин, Е. П. Проблемы квалификации вовлечения несовершеннолетнего в совершение преступления / Е.П. Коровин, М.В. Бавсун, П.В. Попов // Вестник Омской юридической академии. 2015. № 2 (27). С. 56-61.

7. Морозов, А. Проблемы толкования и применения статьи 150 УК РФ / А. Морозов // Уголовное право. 2013. № 1. С. 54-59.

8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 28.12.2024 № 514-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2024. № 53 (Часть I). Ст. 8524.

9. О судебной практике по делам о грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РСФСР от 22.03.1966 № 31 // Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1966. № 6.

10. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

11. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума ВС СССР от 3.07.1963 № 6 // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4.

12. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.02.2000 № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4.

13. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.04.1992 № 4 // Сборник постановлений пленума Верховного Суда Российской Федерации 1961–1993. М., Юрид. лит., 1994.

14. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2010 № 31 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. № 2.

15. По делу о проверке конституционности части четвертой статьи 150 Уголовного кодекса Российской Федерации и ряда положений статей 42, 45, 145, 146 и 222 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой граждан М.В. Золотаревой и В.В. Фроловой: постановление Конституционного Суда РФ от 25.05.2023 № 26-П // Официальный интернет-портал правовой информации URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 29.05.2025).

16. Постановление Президиума Забайкальского Краевого Суда от 21.11.2019 № 44у-230–2019 // Доступ из справ. - правовой системы КонсультантПлюс.

17. Шеслер, А. В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении / А.В. Шеслер // Lex Russica (Русский закон). 2015. Т. 103, № 6. С. 30-38.

УДК 343.357

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПОЛНОМОЧИЯМИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ

Е. А. Федорова

Сибирский федеральный университет

В июне 2024 года Президент России В.В. Путин дал поручение сделать максимально бесплатными занятия спортом в России. Глава государства также отметил, что в стране наблюдается необоснованная коммерциализация физической культуры и массового спорта.

Министерство спорта России запретило сбор стартовых взносов за участие в соревнованиях спортсменов моложе 18 лет. Это новшество установлено приказом №181 Минспорта РФ от 04.03.2025, внесшим изменения в приказ

Министерства спорта РФ от 01.07.2013 № 504 «Общие требования к содержанию положений (регламентов) о межрегиональных и всероссийских официальных физкультурных мероприятиях и спортивных соревнованиях». Запрет на сбор стартовых взносов относится только к официальным соревнованиям всероссийского и межрегионального уровней.

В связи с изложенным в настоящее время у правоохранительных органов наблюдается повышенный интерес к деятельности спортивных организаций. В частности, оценивается законность сбора стартовых (заявочных) взносов с участников соревнований на проведение соревнований и их расходование. По результатам проверок возбуждаются уголовные дела в отношении руководителей спортивных организаций и организаторов спортивных соревнований по признакам хищения с использованием служебного положения. Так, в г. Красноярске возбуждены и расследованы два уголовных дела в отношении представителей спортивных федераций, организовавших спортивные соревнования со взиманием стартовых (заявочных) взносов с участников соревнований) по ч.3 и ч. 4 ст. 160 УК РФ и ч. 3 ст. 159 УК РФ.

Вместе с тем, подобная квалификация действий обвиняемых лиц является более чем спорной. Проанализируем правильность уголовно-правовой оценки следствием действий руководителя спортивной организации в ходе организации и проведения коммерческих соревнований (турнира) при следующих обстоятельствах: сбор стартовых (заявочных) взносов организатором соревнований, занимающего должность президента спортивной федерации, и расходование этих средств на проведение соревнований, без оприходования собранных денежных средств на расчетный счет спортивной федерации. Денежные средства были израсходованы на призы победителям и участникам соревнований, печатную продукцию (грамоты, рекламные плакаты, сувенирная продукция и др.), установку подиума для столов судей соревнования, аренда и услуги по установке (демонтажу) большого видеозэкрана для демонстрации соревнований. Расчеты за оказанные услуги и приобретенную продукцию в основном проводились наличными денежными средствами без оформления первичных документов.

Квалификации таких действий как хищение представляется ошибочной поскольку отсутствуют конструктивные признаки: предмет преступления – чужое имущество, последствия в виде причиненного имущественного ущерба и корыстная цель.

В частности, при квалификации действий как присвоение или растрата (ст. 160 УК РФ) обязательный конструктивный признак состава преступления – это чужое имущество, вверенное виновному. В соответствии с п. 23 постановления

Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» (далее – постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48) противоправное, безвозмездное обращение имущества, вверенного лицу, в свою пользу или пользу других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному законному владельцу этого имущества, должно квалифицироваться судами как присвоение или растрата при условии, что похищенное имущество находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества [3] Если заявочный (стартовый) взнос не был предусмотрен положением (регламентом) о соревнованиях и не определен нормативно, то признать сбор таких взносов вверенным имуществом нельзя и правомочий в отношении данного имущества не возникает.

Также необходимо учитывать были ли собранные денежные средства с участников соревнований, на момент их проведения оприходованы на счета спортивной организации. Если нет, то денежные средства не могут рассматриваться как имущество данной организации. Не оприходование собранных денежных средств на счетах спортивной организации и расходование их на организацию и проведение соревнований свидетельствует о нарушении финансовой дисциплины, а не о хищении денежных средств.

Кроме того, если такие взносы собирались как добровольные пожертвования, например, родителями участников соревнований для покупки призов всем участникам соревнований независимо от результатов, то признать их вверенным имуществом также нельзя, поскольку наличия у руководителя спортивной организации или организатора спортивных соревнований законных полномочий в отношении данного имущества нет.

Следовательно, не образует признаков хищения вверенного имущества в виде денежных средств, их сбор на проведение спортивного мероприятия (соревнований), в форме присвоения или растраты. Данный вывод подтверждается судебной практикой: решение об удовлетворении протеста заместителя Председателя Верховного Суда РФ об отмене судебных решений и прекращении дела [1].

При квалификации действий как хищение также необходимо установить причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества: при квалификации действий как присвоение или растрата ущерб должен быть причинен спортивной организации, при оценке действий как

мошенничество конкретным участникам соревнований, внесшим стартовый (заявочный) взнос. Однако, если денежные средства потрачены в соответствие с положением (регламентом) соревнований на их проведение, даже если имелись факты нарушения финансовой дисциплины (не зачисление денежных средств на расчетный счет спортивной организации, расходование денежных средств без оформления необходимых первичных документов (например, без чеков, накладных на приобретение призов победителям и участникам соревнований), не является причинением имущественного ущерба вышеуказанным лицам, поскольку услуга оказана – спортсмен принял участие в соревнованиях. Таким образом, нарушение финансовой дисциплины само по себе хищением вверенного имущества не является.

Кроме того, обязательным признаком хищения является наличие у организатора соревнований корыстной цели, то есть стремление изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен (п. 26 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48). Поэтому действия могут квалифицироваться как растрата только противоправные действия лица, которое в корыстных целях истратило вверенное ему имущество против воли собственника путем потребления этого имущества, его расходования или передачи другим лицам. Установление в действиях виновного корыстной цели указывает на прямой умысел в хищении чужого имущества (п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48). Если таких обстоятельств не было установлено, и все спортсмены, подавшие заявки, смогли принять участие в соревнованиях, а собранные денежные средства израсходованы на их проведение, то корыстная цель в данном случае отсутствует.

Следует также обратить внимание на правильность оценки квалифицирующего признака, предусмотренного в ч. 3 ст. 159 и 160 УК РФ – использование лицом своего служебного положения, который включает не только то, что лицо, занимает должность, предусматривающую полномочия по распоряжению имуществом, в том числе денежными средствами, собранными на проведение соревнований, но и обязательно использует эти полномочия. В соответствии с положениями примечания 1 ст. 201 УК РФ и п. 29 ППВС РФ № 48 под лицами, использующими свое служебное положение при совершении присвоения или растраты (ч. 3 ст. 160 УК РФ), следует понимать лиц, обладающих признаками, предусмотренными ... п. 1 примечаний к ст. 201 УК РФ (например, лицо, которое использует для совершения хищения чужого имущества свои служебные полномочия, включающие организационно-

распорядительные или административно-хозяйственные обязанности в коммерческой организации). Поэтому следует устанавливать не только наличие таких полномочий у виновного лица, но и использование их при совершении противоправных действий. Так, если сбор стартовых (заявочных) взносов на добровольной основе осуществляли родители спортсменов и тренеры команд участников соревнований, которые также не являются подчиненными организатора соревнований, а являются либо членами спортивной организации (федерации), либо представителями других спортивных организаций (федераций, клубов), то организатор соревнований не может использовать свои полномочия в отношении не подчиненных ему лиц. Таким образом, наличие полномочий, несвязанное с их использованием, не образует признака «использование лицом своего служебного положения».

Оценивая подобные ситуации и установив, что признаки хищения в действиях организаторов спортивных соревнований отсутствуют, нельзя исключать злоупотребление полномочиями, поскольку возможно лицо использует свои полномочия вопреки законным интересам спортивной организации и в целях извлечения выгод и преимуществ для себя или других лиц либо наносит вред другим лицам либо охраняемым законом интересам общества или государства (ст. 201 УК РФ). Такие действия могут быть непосредственно связаны с осуществлением им своих полномочий, однако не вызывались служебной необходимостью и объективно противоречили законным интересам организации, а также тем целям и задачам, для достижения которых это лицо было наделено соответствующими полномочиями [2]. Необходимо установление обязательного признака преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ – использование своих полномочий вопреки интересам организации, то есть какие законные интересы организации были нарушены действиями виновного [4]. Фактическое использование собранных денежных средств на проведение соревнований, в том числе с нарушением финансовой дисциплины, нельзя признать действиями, противоречащими законным интересам спортивной организации.

Вместе с тем, при установлении всех признаков состава преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, необходимо учитывать требование ст. 23 УПК РФ согласно которому уголовное преследование за такие преступления, причинившие вред исключительно коммерческой или иной организации, не являющейся государственным или муниципальным предприятием либо организацией с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования, может осуществляться лишь по заявлению либо с согласия руководителя данной организации [2].

Таким образом, нарушение норм (регламентов) проведения спортивных мероприятий не всегда свидетельствует о злоупотреблении полномочиями лицами, ответственными за их проведение. Необходимо устанавливать противоправный характер действий и направленность на причинение вреда спортивной организации или другим лицам в целях извлечения собственных выгод и преимуществ.

Список использованных источников:

1. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 6 // Официальный сайт Верховного Суда РФ // URL : <https://www.vsrfr.ru/files/10521/>.

2. О некоторых вопросах судебной практики по делам о преступлениях против интересов службы в коммерческих и иных организациях (статьи 201, 201.1, 202, 203 Уголовного кодекса Российской Федерации): постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.06.2021 № 21 // СПС «КонсультантПлюс».

3. О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

4. Руководитель компании оправдан по обвинению в злоупотреблении полномочиями. (Практика защиты) // Уголовный процесс. 2015. № 2. С. 80-84.

УДК 343

**ПРОБЛЕМЫ ВНЕДРЕНИЯ СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОГО ПОДХОДА В ПРАКТИКУ
ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ**

Н. А. Хакимов

Сибирский федеральный университет

В статье рассматривается применение системно-структурного подхода к осмотру места происшествия. Автор подчеркивает, что специфика осмотра напрямую зависит от категории преступления, влияя на выбор тактических приемов и технико-криминалистических средств.

В основе анализа места происшествия лежит понимание постоянного движения и изменения окружающего мира. Пространство фиксирует относительно устойчивое состояние предметов, а изменение предмета – это последовательность отличающихся состояний, возникших под воздействием

различных форм движения материи. Таким образом, место происшествия рассматривается как пространственно-временная структура, где изменения материальных объектов связаны с изменениями временных параметров.

В криминалистике это означает анализ движения (изменения) элементов обстановки, выявление различий между устойчивыми состояниями объектов до и после изменений, а также раскрытие стадий этих изменений. Необходимо подчеркнуть важность понимания природы информации и информационных процессов для реализации информационного потенциала места происшествия.

Вероятность познания зависит не только от отражательной способности следователя, но и от отражательной способности самих материальных объектов. Отражение понимается как способность тел воспроизводить особенности других тел в своей природе. Событие преступления, как материальный процесс, отражается в различных формах и на разных уровнях в пространственно-временной структуре места происшествия.

Автор отмечает, что структура отражает форму расположения элементов и характер их взаимодействия. Она имеет горизонтальную (взаимосвязь элементов) и вертикальную (связь элементов с источником существования) структуры. Обстановка места происшествия представляет собой целостный, структурно организованный в пространстве и времени материальный объект, состоящий из сосуществующих объектов с присущими им характеристиками.

Таким образом, системно-структурный подход к осмотру места происшествия предполагает не просто фиксацию отдельных объектов и следов, а комплексный анализ взаимосвязей между ними, учитывающий динамику развития события во времени и пространстве. Это требует от следователя не только наблюдательности и знания криминалистической техники, но и способности к абстрактному мышлению, позволяющему реконструировать картину преступления на основе имеющихся данных.

Важно понимать, что место происшествия – это не статичная картина, а динамичная система, в которой каждый элемент занимает определенное место и выполняет определенную функцию. Изменение одного элемента неизбежно влечет за собой изменение других, что может привести к искажению первоначальной картины. Поэтому при осмотре необходимо учитывать не только видимые следы, но и потенциальные факторы, которые могли повлиять на их формирование и сохранность.

Применение системно-структурного подхода позволяет следователю выявить скрытые связи и закономерности, которые могут быть незаметны при поверхностном осмотре. Например, анализ расположения предметов относительно друг друга может указать на направление движения преступника,

а изучение характера повреждений на предметах – на орудие преступления и способ его применения.

Кроме того, системно-структурный подход позволяет более эффективно использовать технико-криминалистические средства. Например, при фотографировании места происшествия необходимо учитывать не только отдельные объекты, но и их взаимосвязь с окружающей обстановкой. Это позволяет создать более полную и объективную картину места происшествия, которая может быть использована для дальнейшего расследования.

В конечном итоге, применение системно-структурного подхода к осмотру места происшествия позволяет следователю получить более полную и объективную информацию о событии преступления, что повышает вероятность его раскрытия и привлечения виновных к ответственности. Это требует от следователя постоянного совершенствования своих знаний и навыков, а также умения применять современные методы и технологии в своей работе. Необходимо помнить, что место происшествия – это сложная и динамичная система, требующая комплексного и системного подхода к ее изучению.

Развивая мысль о системно-структурном подходе, стоит подчеркнуть, что его эффективность напрямую зависит от способности следователя к формированию ментальной модели места происшествия. Эта модель не является простой совокупностью зафиксированных объектов и следов, а представляет собой динамическую реконструкцию события, учитывающую пространственно-временные связи и причинно-следственные отношения. Создание такой модели требует от следователя не только знания криминалистической техники и тактики, но и глубокого понимания психологии преступника, мотивов его действий и возможных сценариев развития событий.

Важным аспектом системно-структурного подхода является учет контекста места происшествия. Это означает, что при анализе обстановки необходимо учитывать не только внутренние факторы (расположение предметов, наличие следов), но и внешние (время суток, погодные условия, наличие свидетелей). Контекст может существенно повлиять на интерпретацию обнаруженных следов и объектов, а также помочь в выявлении скрытых связей и закономерностей. Например, наличие следов обуви на мокрой поверхности может указывать на то, что преступник находился на месте происшествия во время дождя, что, в свою очередь, может сузить круг подозреваемых.

Кроме того, системно-структурный подход предполагает активное использование методов моделирования и реконструкции. Это может включать в себя создание трехмерных моделей места происшествия, проведение следственных экспериментов и использование компьютерных программ для

анализа данных. Моделирование позволяет визуализировать различные сценарии развития событий и выявить наиболее вероятные из них. Следственные эксперименты позволяют проверить гипотезы о механизме образования следов и установить причинно-следственные связи. Компьютерные программы позволяют обрабатывать большие объемы данных и выявлять скрытые закономерности, которые могут быть незаметны при ручном анализе.

Необходимо также отметить, что системно-структурный подход требует от следователя гибкости и адаптивности. В процессе осмотра места происшествия могут возникать новые обстоятельства и факты, которые потребуют пересмотра первоначальных гипотез и корректировки плана действий. Следователь должен быть готов к тому, что картина преступления может оказаться более сложной и запутанной, чем предполагалось изначально. Важно сохранять критическое мышление и не поддаваться влиянию предвзятых мнений и стереотипов.

Внедрение системно-структурного подхода в практику осмотра места происшествия требует не только обучения следователей новым методам и технологиям, но и изменения организационной структуры следственных органов. Необходимо создать условия для эффективного взаимодействия между различными специалистами (криминалистами, экспертами, оперативными сотрудниками) и обеспечить доступ к современному оборудованию и программному обеспечению. Важно также разработать единые стандарты и протоколы осмотра места происшествия, которые будут учитывать специфику различных видов преступлений и обеспечивать полноту и объективность собираемой информации.

В заключение, системно-структурный подход к осмотру места происшествия представляет собой перспективное направление развития криминалистической науки и практики. Его применение позволяет следователю получить более полную и объективную информацию о событии преступления, выявить скрытые связи и закономерности, а также повысить вероятность его раскрытия и привлечения виновных к ответственности. Однако для успешного внедрения этого подхода необходимо не только обучение следователей новым методам и технологиям, но и изменение организационной структуры следственных органов и разработка единых стандартов и протоколов осмотра места происшествия. Только в этом случае системно-структурный подход сможет в полной мере реализовать свой потенциал и стать эффективным инструментом в борьбе с преступностью.

Развивая тему системно-структурного подхода, необходимо подчеркнуть его значимость в контексте цифровой криминалистики. Современные преступления все чаще оставляют цифровые следы, которые могут быть не

менее, а порой и более информативными, чем традиционные вещественные доказательства. Применение системно-структурного подхода к анализу цифровых данных позволяет выявить взаимосвязи между различными цифровыми объектами (файлами, логами, сетевым трафиком), реконструировать последовательность действий преступника в виртуальном пространстве и установить его личность.

В цифровой криминалистике системно-структурный подход предполагает, прежде всего, определение границ цифрового места происшествия. Это может быть компьютер, мобильное устройство, сетевой сервер или облачное хранилище. Важно четко определить, какие цифровые объекты подлежат анализу и какие методы и инструменты будут использоваться для их исследования.

Далее необходимо провести сбор и фиксацию цифровых данных. Этот этап требует соблюдения строгих правил и процедур, чтобы обеспечить целостность и достоверность собранной информации. Важно использовать специализированные инструменты и методы, которые позволяют избежать повреждения или изменения цифровых данных.

После сбора данных начинается их анализ. Системно-структурный подход предполагает выявление взаимосвязей между различными цифровыми объектами, установление последовательности событий и реконструкцию действий преступника. Для этого используются различные методы и инструменты, такие как анализ логов, восстановление удаленных файлов, анализ сетевого трафика и декомпиляция программного кода.

Важным аспектом анализа цифровых данных является учет контекста. Это означает, что при интерпретации цифровых следов необходимо учитывать особенности операционной системы, программного обеспечения и сетевой инфраструктуры, которые использовались преступником. Контекст может существенно повлиять на интерпретацию цифровых следов и помочь в выявлении скрытых связей и закономерностей.

Применение системно-структурного подхода к анализу цифровых данных требует от следователя не только знания криминалистической техники и тактики, но и глубокого понимания информационных технологий. Следователь должен быть знаком с различными операционными системами, программным обеспечением и сетевыми протоколами. Важно также уметь использовать специализированные инструменты и методы для анализа цифровых данных.

Кроме того, системно-структурный подход требует от следователя умения работать с большими объемами данных. Современные цифровые устройства могут содержать терабайты информации, анализ которой требует

использования специализированных инструментов и методов. Важно уметь фильтровать данные, выявлять наиболее значимые объекты и устанавливать взаимосвязи между ними.

Внедрение системно-структурного подхода в практику цифровой криминалистики требует не только обучения следователей новым методам и технологиям, но и создания специализированных подразделений, оснащенных современным оборудованием и программным обеспечением. Важно также разработать единые стандарты и протоколы анализа цифровых данных, которые будут учитывать специфику различных видов преступлений и обеспечивать полноту и объективность собираемой информации.

В заключение, системно-структурный подход к осмотру места происшествия, в том числе и цифрового, является необходимым условием для успешного расследования современных преступлений. Его применение позволяет следователю получить более полную и объективную информацию о событии преступления, выявить скрытые связи и закономерности, а также повысить вероятность его раскрытия и привлечения виновных к ответственности. Развитие и совершенствование этого подхода является важной задачей криминалистической науки и практики. Необходимо продолжать исследования в этой области, разрабатывать новые методы и инструменты, а также обучать следователей современным технологиям и методам анализа. Только в этом случае мы сможем эффективно бороться с преступностью в современном мире.

УДК 316.624.3

СИНТЕЗ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИХ ИНИЦИАТИВ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ

А. А. Чащина

Сибирский федеральный университет

Современный этап развития российского общества характеризуется трансформацией парадигмы социальной интеграции, где ключевым вектором становится искоренение социального исключения уязвимых групп, в том числе лиц, вступивших в конфликт с законом. Федеральный закон от 06.02.2023 г. № 10-ФЗ «О пробации и комплексной ресоциализации» законодательно закрепил переход от карательной модели пенитенциарной системы к модели,

нацеленной на глубокую личностную трансформацию и успешную реинтеграцию [1]. Ключевые принципы новой политики включают индивидуализацию подхода, раннее начало работы, вовлечение социального окружения и применение инновационных технологий.

Параллельно с развитием гуманитарных практик в России активно формируется правовая и финансовая основа для вовлечения некоммерческого сектора в решение социальных задач. Конституционный принцип социального государства (ст. 7 Конституции РФ) и последовательные поручения Президента РФ (2015, 2016 гг.) инициировали процесс передачи некоммерческим организациям до 10% средств социальных программ [2]. Эта политика была подкреплена рядом документов, включая Распоряжение Правительства РФ № 1144-р и Федеральный закон № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе».

Социально ориентированные некоммерческие организации (СО НКО) стали пассионарным ресурсом изменений общества и поиска новых подходов к решению социальных задач. За последние 20 лет они не только нашли свое место в структуре межсекторного взаимодействия, но и продемонстрировали способность к разработке и внедрению инновационных социальных услуг в условиях таких вызовов, как пандемия COVID-19 и специальная военная операция, третий сектор доказал свою способность к оперативной консолидации усилий с государством.

Красноярский край является одним из активных участников этого процесса. В регионе выстроена комплексная система поддержки СО НКО, координацией которой занимается Агентство молодежной политики и АНО «Краевой центр поддержки общественных инициатив» (КЦПОИ). Меры поддержки включают: грантовые программы («Партнерство» с 2005 года), проведение гражданских и молодежных форумов, обучающие программы для сотрудников СО НКО, механизмы прямого финансирования через региональные субсидии и государственный социальный заказ.

Организации третьего сектора демонстрируют высокую эффективность в решении таких проблем, как профилактика социального сиротства, социальная адаптация инвалидов, паллиативная помощь и развитие гражданских инициатив, создана комплексная система взаимодействия с СО НКО, включающая: реестр поставщиков социальных услуг; официальная платформа для интеграции СО НКО в систему социального обслуживания; многоуровневая система финансирования; инфраструктурная поддержка через деятельность Краевого центра поддержки общественных инициатив, включающая:

консультационное сопровождение, мониторинг деятельности СО НКО, методическую поддержку [3].

Процедура включения в реестр поставщиков социальных услуг предполагает пять этапов, обеспечивающих контроль качества и соответствие услуг установленным стандартам. А так же процедуры официальной проверки организаций заявителями органами юстиции Красноярского края. Это опровергает распространенные стереотипы о недостаточной компетентности организаций третьего сектора. Ресурсный потенциал НКО значительно расширяет финансовые возможности решения социальных проблем. Например, если на содержание 4 действующих государственных Центров социальной адаптации ежегодно из регионального бюджета выделяется около 50 млн рублей, то одна только некоммерческая организация «Время жить» через средства полученного гранта (Фонд президентских грантов) привлекает дополнительно 4 млн. рублей из внебюджетных источников. При масштабировании этого опыта потенциальный объем финансирования программ ресоциализации заключенных может увеличиться втрое.

Ключевые преимущества включения третьего сектора в деятельность по пробации включает: гибкость и мобильность организаций, способность к инновациям, персонализированный подход, высокая мотивация сотрудников и привлечение волонтерских ресурсов.

Внедрение института пробации с 2025 года актуализирует вопрос о поиске эффективных моделей ресоциализации. Успешный опыт Красноярского края, где с 1994 года работают государственные Центры адаптации, должен быть дополнен и обогащен практиками некоммерческого сектора. Эффективная система ресоциализации должна базироваться на синтезе усилий трех секторов:

1. Государство - формирует правовые и финансовые условия, обеспечивает координацию и контроль качества, предоставляют экспертизу и площадки для социального диалога

2. НКО - выступают поставщиками гибких, инновационных услуг, привлекают дополнительные ресурсы.

3. Коммерческие организации - помимо предоставления спонсорской помощи, организуют рабочие места, внедряют корпоративные программы социальной ответственности.

Развитие эффективной системы ресоциализации представляет собой комплексную задачу, требующую интеграции усилий всех субъектов социальной политики. Современный подход предполагает переход от ведомственной разобщенности к созданию целостной системы поддержки лиц, оказавшихся в конфликте с законом. Эта система должна сочетать государственное

регулирование, профессиональное сопровождение и общественное участие, образуя тем самым устойчивую платформу для реинтеграции.

Особого внимания заслуживает потенциал социального партнерства, которое становится катализатором позитивных изменений. Вовлечение коммерческого сектора в программы ресоциализации открывает новые возможности для трудоустройства, наставничества и социального сопровождения. Бизнес-структуры способны не только предоставлять финансовую поддержку, но и создавать инклюзивные рабочие места, внедрять корпоративные программы адаптации, а также делиться управленческими компетенциями для повышения эффективности социальных проектов.

Важнейшим элементом успеха является развитие системы "социальных лифтов", позволяющих лицам, прошедшим ресоциализацию, реализовать свой потенциал в профессиональной и общественной деятельности. Создание таких механизмов требует: разработки индивидуальных траекторий социально-трудовой адаптации, внедрения системы наставничества и сопровождения, формирования инклюзивной среды в трудовых коллективах, развития программ дополнительного образования и переквалификации.

Особую значимость приобретает внедрение инновационных методик работы, основанных на принципах партисипативности и адресного подхода. Цифровые технологии, применяемые в сочетании с традиционными формами социальной работы, позволяют создавать персональные карты реабилитации, осуществлять дистанционное сопровождение и формировать цифровые портфолио достижений.

Красноярский край, обладая уникальным опытом межсекторного взаимодействия, может стать площадкой для апробации передовых моделей ресоциализации. Развитие регионального кластера социальных инноваций, объединяющего государственные учреждения, СО НКО, научные и образовательные организации, бизнес-структуры, позволит создать целостную систему сопровождения лиц, нуждающихся в ресоциализации.

Перспективным направлением является развитие системы мониторинга и оценки эффективности ресоциализационных программ, основанной на сочетании количественных и качественных показателей. Такой подход позволит не только измерять результаты, но и своевременно корректировать программы, внедрять лучшие практики и масштабировать успешные модели.

В конечном итоге, построение эффективной системы ресоциализации представляет собой инвестицию в человеческий капитал и социальную стабильность. Создание условий для успешной реинтеграции лиц, оказавшихся в конфликте с законом, способствует укреплению социальной сплоченности,

снижению уровня рецидивной преступности и формированию инклюзивного общества, основанного на принципах социальной справедливости и взаимной ответственности.

Реализация консолидированной модели требует усилий всех заинтересованных сторон – государства, гражданского общества, бизнеса и научного сообщества. Только через совместную работу и разделение ответственности можно создать систему, в которой каждый человек, независимо от прошлого, получит шанс на полноценную жизнь и достойное будущее в обществе.

Современная система ресоциализации должна базироваться на междисциплинарном и межсекторном подходе. Соединение проверенных временем социальных практик с современными управленческими механизмами поддержки третьего сектора создает синергетический эффект.

Это позволяет не только эффективно решать задачи по снижению рецидивной преступности и возвращению человека в общество, но и развивать гражданские инициативы, привлекать в социальную сферу дополнительные ресурсы. В конечном итоге такая модель способствует построению подлинно инклюзивного общества, где ни один человек не остается за гранью диалога и поддержки.

Красноярский край, с его развитой инфраструктурой поддержки НКО и накопленным опытом межсекторного взаимодействия, может стать пилотным регионом для отработки и последующего тиражирования этой комплексной модели по всей России.

Список использованных источников:

1. Федеральный закон от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации». - Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>
2. Послание Президента Федеральному Собранию. - Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864>
3. Сайт Краевого центра поддержки общественных инициатив. - Режим доступа: <https://krasgrant.ru/kcproi/o-tsentre/>

УДК 343.85

К ВОПРОСУ ОПРЕДЕЛЕНИЯ СТОИМОСТИ КРИПТОВАЛЮТ В КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ

Э. В. Шамехина

Сибирский федеральный университет

В последние годы криптовалюты приобрели значительную популярность не только как инновационный финансовый инструмент, но и как средство совершения различных противоправных деяний, в частности коррупционной направленности. Развитие цифровых технологий, децентрализация финансовых операций и высокая степень анонимности транзакций создали уникальные условия для использования криптовалют в коррупционных преступлениях. Если ранее «традиционным» предметом взятки выступали денежные средства и иное имущество, то сегодня всё чаще фиксируются случаи передачи незаконного вознаграждения в виде различных цифровых валют.

Рост числа преступлений, связанных с использованием криптовалют, обусловлен рядом объективных факторов. Во-первых, криптовалюты позволяют осуществлять транзакции без участия банков и государственных регуляторов, что значительно затрудняет отслеживание финансовых потоков, и как следствие, снижает вероятность обнаружения правоохранительными органами. Во-вторых, относительная анонимность пользователей криптовалюты является обстоятельством, препятствующим их идентификации, что опять же усложняет процесс установления участников коррупционного сговора.

Следует оговориться, что анонимность пользователей криптовалют не случайно названа «относительной». Одной из причин резкого взлета популярности криптовалют в начале становления рынка являлась заявляемая разработчиками анонимность владения и неподконтрольность криптовалют государственным органам. Одновременно с этим в большинстве криптовалютных сетей все транзакции записываются в публичный распределённый реестр блокчейн, отражающий адреса отправителей и получателей, а также суммы переводов. Блокчейн представляет собой сеть с открытым доступом, что создает возможность для любого человека из любой точки мира ознакомиться деталями совершенной криптовалютной транзакции. В тоже время реестр не предоставляет доступ к персональным данным и не позволяет идентифицировать владельца криптокошелька.

Однако следует учитывать, что все крупные криптовалютные биржи на сегодняшний день придерживаются принципа «знай своего клиента» (Know Your Customer) и предусматривают обязательную процедуру верификации пользователя перед совершением любых действий с криптовалютой. Данная процедура, как правило, включает в себя следующее:

- создание учётной записи с использованием действующего адреса электронной почты или номера телефона;

- предоставление персональных данных – обычно это полное имя, место проживания, дата рождения и гражданство. Требования могут варьироваться в зависимости от платформы и юрисдикции, в которой она работает;

- предоставление документов для подтверждения личности. На некоторых биржах процесс верификации включает также предоставление фото или видео для идентификации пользователя.

Таким образом, личность пользователя все чаще не представляет тайну для цифровой платформы. Более того, в силу ст. 7 Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» организации, осуществляющие операции с денежными средствами или иным имуществом (а для целей действия данного закона цифровая валюта признается имуществом), обязаны документально фиксировать и предоставлять в уполномоченный орган по его запросу информацию об операциях клиентов[17]. Это существенно ограничивает анонимность пользователей и обеспечивает возможность контроля и мониторинга операций с цифровыми активами со стороны государства. Конечно, сохраняются сложности в части идентификации пользователей зарубежных криптовалютных бирж, а также владельцев криптовалют повышенной анонимности, но в целом следует констатировать, что международное сообщество и национальные правовые системы стремятся к урегулированию общественных отношений, связанных с криптовалютами, а их пользователям становится все сложнее сохранить свою анонимность, не прибегая к помощи нелегальных сервисов. В тоже время невозможно отрицать, что ввиду особенностей функционирования криптовалюты представляют собой источник потенциальных рисков, связанных с привлекательностью их использования в противоправной деятельности. В этой связи актуализируется необходимость учета технологических характеристик криптовалютных инструментов в целях противодействия криптопреступности.

Методологической основой для развития научных представлений в исследуемой области может стать теория мер безопасности [19]. Ввиду только формирующейся системы правового регулирования и специфики использования

криптовалюты сегодня выступают источником потенциальных коррупционных рисков, потому особую актуальность приобретает разработка антикоррупционных мер безопасности [4]. Сквозь призму теории мер безопасности в научной литературе уже рассматривается предупреждение коррупции в сфере образования [8], избирательном процессе [2], государственных и муниципальных закупках [6], в сфере информационной безопасности [7], в корпоративном секторе [11] и в представительных органах муниципальных образований [16]. Полагаем, что сфера цифровых технологий в целом не является исключением, и предупреждение коррупции в сфере цифровых валют также следует вывести на передний план научного изучения. С опорой же на выработанные в доктрине теоретические конструкции правил безопасности в дальнейшем следует развивать законодательство о криптовалютах.

Поступательное формирование правового регулирования криптовалют в контексте уголовно-правовых отношений продолжает законодательная инициатива Следственного комитета Российской Федерации о внесении изменений в УК и УПК РФ, согласно которому для целей указанных кодексов цифровая валюта признается имуществом [10]. Статью 104.1 УК РФ предложено дополнить примечанием 2, исходя из которого «для целей настоящей статьи и других статей настоящего Кодекса цифровая валюта признается имуществом». В случае принятия данный законопроект окончательно поставит точку в дискуссии о возможности признания криптовалют предметом подкупа [18]. Это позволит не только квалифицировать действия по передаче криптовалюты как взяточничество, но и применять к цифровым активам все предусмотренные законом меры уголовно-правового воздействия, включая арест, изъятие и конфискацию.

Таким образом, криптовалюты постепенно выходят из тени правового регулирования, а судебная практика по коррупционным преступлениям с использованием криптовалют становится обширнее и единообразнее. В тоже время, при рассмотрении дел, в которых криптовалюта явилась предметом подкупа, в настоящее время особую практическую актуальность приобретает вопрос оценки ее стоимости.

В соответствии с п. 9 Постановления Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях», переданное в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа имущество, оказанные услуги имущественного характера или предоставленные имущественные права должны получить денежную оценку на основании представленных сторонами доказательств, в том числе при

необходимости с учетом заключения специалиста или эксперта [14]. Вопрос стоимости переданной в качестве взятки криптовалюты важен для квалификации деяния и, соответственно, вид и мера уголовного наказания. Однако процесс оценки криптовалюты на сегодняшний день вызывает затруднения.

Волатильность является одной из ключевых характеристик криптовалют, отличающих их от традиционных финансовых инструментов. Курс криптовалют может меняться на десятки процентов в течение суток, что обусловлено спекулятивной природой рынка и отсутствием централизованного регулирования. На стоимость криптовалюты влияют новости, решения крупных инвесторов, политические изменения, технологические обновления и даже высказывания в социальных сетях.

В отличие от фиатных валют, для которых государственные органы (например, Центральный банк) ежедневно устанавливают официальный обменный курс, стоимость криптовалют формируется исключительно на рынке – в результате спроса и предложения на различных торговых площадках. При этом котировки одной и той же криптовалюты различаются на разных биржах и в разных странах, что приводит к расхождениям в цене одного и того же актива. В качестве примера приводим котировки криптовалюты биткойн на восьми различных криптовалютных биржах на один и тот же период времени (рис. 1). Представленные цифры позволяют сделать вывод, что стоимость одного биткойна на разных биржах может различаться более, чем на две тысячи долларов, что является весьма существенным при определении размера взятки.

Биржа	Валюта	Курс	Изменение	Объем
Coinbase 14.07.2025 17:20	BTC / USD	121802 USD	98.02*1.1364%	7218.05 BTC
Kraken 14.07.2025 17:20	BTC / USD	121814 USD	95.3*1.1043%	1847.07 BTC
Bitstamp 14.07.2025 17:20	BTC / USD	121832 USD	98.93*1.1471%	1318.31 BTC
Gemini 14.07.2025 17:20	BTC / USD	121771 USD	94.95*1.1002%	667.973 BTC
Bitfinex 14.07.2025 17:19	BTC / USD	121720 USD	96.7*1.1165%	442.731 BTC
itBit 14.07.2025 17:20	BTC / USD	121822 USD	86.25*0.9991%	116.875 BTC
Cexio 14.07.2025 17:19	BTC / USD	121823 USD	108.5*1.2528%	62.9099 BTC
Yobit 14.07.2025 17:00	BTC / USD	119801 USD	-47.2223 -0.5347%	0.221175 BTC

Рис. 1 [1].

В связи с этим в практике возникает вопрос – как определить стоимость переданной или полученной в качестве взятки криптовалюты в рублевом эквиваленте?

Отсутствие на территории Российской Федерации органа, уполномоченного давать оценку стоимости криптовалюты на конкретную дату, правоприменительные органы отмечают «в качестве системной проблемы, возникающей при расследовании подобной категории дел» [15, с.118]. Общепринятая методика оценки или руководящие разъяснения высших инстанций по данному вопросу в настоящий момент также отсутствуют.

Отметим, что судебная практика по вопросу оценки стоимости криптовалют в совершении различных преступлений складывается неоднозначная. В подавляющем большинстве судебных актов не содержатся указания на порядок и способ определения стоимости криптовалюты в рублевом эквиваленте. Представляет интерес Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 9 сентября 2020 года, в котором в качестве существенного нарушения, допущенного судом апелляционной инстанции, отмечено оставление без проверки ходатайства стороны защиты об исключении из числа доказательств по уголовному делу протокола осмотра интернет-страницы криптобиржи о курсе криптовалюты к доллару, поскольку «биржа криптовалют является коммерческой структурой, публикующей на своем сайте цены на криптовалюту, исходя из своей финансовой заинтересованности» [13].

Полагаем, что ссылка на курс одной из криптовалютных бирж не всегда может являться доказательством стоимости криптовалюты в рублевом эквиваленте. Во-первых, ни один из таких курсов не является официальным и не устанавливается ни международным, ни национальным уполномоченным органом. Во-вторых, передача взятки в виде криптовалюты может осуществляться без взаимодействия с криптовалютной биржей, например, путем осуществления транзакции с одного криптовалютного кошелька на другой, или путем передачи пароля от такого кошелька.

Принимая во внимание данные обстоятельства, разделяем позицию авторов, выносящих предложение об определении стоимости криптовалюты путем расчета среднего показателя ее стоимости на нескольких криптовалютных биржах. Как полагает М. М. Долгиева, в данном случае можно провести аналогию «с определением рыночной цены недвижимости, когда экспертами за основу берется цена, предлагаемая на крупнейших интернет-площадках с объявлениями о продаже, и определяется среднерыночный показатель» [9, с. 210]. Аналогичной позиции придерживаются Х. А. Асатрян и А. А. Христюк, отмечая, что для определения стоимости криптовалюты в совершенном

преступлении «можно использовать информацию о курсах на криптобиржах и принять среднее значение за ориентировочную стоимость. Легитимность применения такого подхода неоднозначна, но если специалист, определяя денежное выражение для криптовалюты, сошлется на такой метод, то доказательство может быть признано следственными и судебными органами допустимым и относимым, поскольку официально описанных методик оценки криптовалют не существует» [5, с. 377].

А. А. Куликова и Р. Д. Жмурко также полагают, что «именно заключение специалиста или эксперта будет играть основную роль при определении конкретного размера взятки криптовалютой» [12, с. 379]. В тоже время Д. Э. Алёхин отмечает, что «установление стоимости криптовалюты посредством проведения экспертного исследования проблему не решает, поскольку какой-либо официальной методики подсчета не имеется», в связи с чем полагает, что «на базе Федеральной налоговой службы РФ следует создать специальную комиссию, которая определит и утвердит перечень наиболее крупных криптобирж на основе объема торгов, трафика, ликвидности, отзывов. Указанный перечень криптобирж предлагается актуализировать не реже 1 раза в месяц» [3, с. 339].

Таким образом, в условиях отсутствия официальной методики оценки стоимости криптовалюты для целей уголовного судопроизводства обоснованным представляется использование усредненных данных ведущих криптовалютных бирж с обязательным привлечением специалистов-экспертов. Такой подход, по мнению большинства исследователей, позволяет достичь максимальной объективности и прозрачности при определении размера взятки, а также минимизировать влияние волатильности и специфики отдельных криптовалютных платформ.

Список использованных источников:

1. Bankiros // URL: <https://bankiros.ru/crypto/bitcoin> (дата обращения: 14.07.2025).
2. Акунченко, Е. А. Меры безопасности как средство предупреждения коррупции при финансировании избирательных кампаний / Е. А. Акунченко // Актуальные проблемы экономики и права. 2013. № 4. С. 14-19.
3. Алёхин, Д. Э. Криптовалюта как средство совершения преступления: теоретические вопросы и практические проблемы / Д. Э. Алёхин // Право и управление. 2023. № 12. С. 335-340.

4. Антикоррупционные меры безопасности / Н. В. Щедрин, И. А. Дамм, Е. А. Акунченко и др.. Москва : Общество с ограниченной ответственностью «Проспект», 2025. 496 с.

5. Асатрян, Х. А. Проблемы определения предмета взяточничества и особенности его выявления в современных реалиях / Х. А. Асатрян, А. А. Христюк // Всероссийский криминологический журнал. 2022. Т. 16, № 3. С. 374-383.

6. Волкова, М. А. Антикоррупционные меры безопасности в системе предупреждения коррупционной преступности в сфере государственных (муниципальных) закупок / М. А. Волкова // Национальная безопасность / Nota Bene. 2020. № 4. С. 66-80.

7. Гутник, С. И. Получение согласия на обработку и распространение персональных данных как антикриминальная мера безопасности / С. И. Гутник // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1(29). С. 241-245.

8. Дамм, И. А. Антикоррупционные меры безопасности в сфере образования: понятие и классификации / И. А. Дамм // Национальная безопасность / Nota Bene. 2018. № 3(56). С. 11-22.

9. Долгиева, М. М. Цифровой ущерб от преступления: практические вопросы / М. М. Долгиева // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 487. С. 206-211.

10. Законопроект № 859650-8 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/859650-8> (дата обращения: 13.07.2025).

11. Кострыкина, В. В. Корпоративный комплаенс как антикоррупционная мера безопасности в частном секторе / В. В. Кострыкина // Енисейские политико-правовые чтения : Сборник научных статей по материалам XII Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 20–21 сентября 2019 года / Ответственные редакторы Г.Л. Москалев, Е.А. Акунченко. Том Выпуск IV. – Красноярск: Красноярская региональная общественная организация «Общественный комитет по защите прав человека», 2019. С. 139-146.

12. Куликова, А. А. Криптовалюта как предмет преступления: проблемы квалификации и защиты / А. А. Куликова, Р. Д. Жмурко // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2020. № 11-2. С. 376-381.

13. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 09.09.2020 N 7У-10543/2020 [77-1839/2020] // КонсультантПлюс : справочная правовая система.
URL:<https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=KSOJ006&n=25777#OagFqxUA84eMUlzF1>. (дата обращения: 14.07.2025).

14. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» от 09.07.2013 № 24 // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 13.07.2025).

15. Русскевич, Е. А. Преступления, связанные с обращением криптовалют: особенности квалификации / Е. А. Русскевич, И. И. Малыгин // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2021. № 3. С. 106-125.

16. Сухарева, К. С. Контроль за расходами как антикоррупционная мера безопасности / К. С. Сухарева // Антикоррупционная безопасность: выявление угроз и стратегия обеспечения : Сборник научных статей по итогам V Сибирского антикоррупционного форума, Красноярск, 19–20 декабря 2020 года / Отв. редакторы И.А. Дамм, Е.А. Акунченко. – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2020. С. 201-207.

17. Федеральный закон «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» от 07.08.2001 № 115-ФЗ // КонсультантПлюс : справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 13.07.2025).

18. Шамехина, Э. В. Криптовалюты как предмет взяточничества: проблемы регулирования / Э. В. Шамехина // Енисейские политико-правовые чтения : сборник научных статей по материалам XVI Всероссийской научно-практической конференции, Красноярск, 20–21 сентября 2024 года. – Красноярск: Красноярское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России», 2024. С. 404-412.

19. Щедрин, Н. В. Введение в правовую теорию мер безопасности / Н. В. Щедрин. Красноярск : Красноярский государственный университет, 2000. 180 с.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Акобирова А.А.</i> Тенденции развития современных конституций	3
<i>Акунченко Е.А.</i> Обязанность уведомлять об обращениях в целях склонения к совершению коррупционных правонарушений как антикоррупционная мера безопасности в отношении членов избирательных комиссий с правом решающего голоса	10
<i>Анисимова Л.Ю.</i> Социальная работа в пенитенциарной системе лишения свободы	18
<i>Астраханцев Д.В.</i> Значение специальных научных методов для определения конституционно-правового статуса федеральных территорий	22
<i>Ахременко А.С.</i> К вопросу об участии иностранных граждан в муниципальных выборах	26
<i>Богданова И.С.</i> Виды «антикоррупционных» исков: современное состояние вопроса	30
<i>Болва Е.А.</i> О некоторых аспектах подготовки к проведению комплексных кадастровых работ на примере Красноярского края	35
<i>Винокуров В.Н.</i> Практика применения положений ч. 2 ст. 14 УК РФ и принцип справедливости	40
<i>Волосова Н.Ю.</i> Искусственный интеллект: перспективное правовое будущее или неоправдывающиеся надежды	48
<i>Дамм И.А.</i> О балансе мер стимулирования и ограничения при обеспечении антикоррупционной криминологической безопасности	55
<i>Данильчук Д.И.</i> К вопросу о правах группы лиц: соответствует ли парадигме континентального процесса?	63
<i>Двигун М.А.</i> Нравственные начала в системе источников правового регулирования нотариальной деятельности	67
<i>Долголенко Т.В.</i> Некоторые вопросы применения ст. 124 УК РФ, предусматривающей ответственность за неоказание помощи больному.....	72
<i>Дробышевский С.А.</i> Об идее Г. Гроция о наказании за преступление целого общества	81

<i>Дубынин Е.А.</i> Возвращение уголовного дела прокурору в рамках ст. 237 УПК РФ: правовые основания, актуальные проблемы и перспективы.....	85
<i>Егорова Л.Ю.</i> Судебное правотворчество как драйвер развития принципа свободы договора в российском праве.....	91
<i>Журавков А.А.</i> Проблема установления допустимых пределов судебной дискреции	100
<i>Иванова И.Г.</i> Использование защитником по уголовному делу рецензии специалиста на заключение судебной экспертизы (на примере рецензии на заключение оценочной экспертизы)	108
<i>Качина Н.В.</i> Основная проблема разграничения уголовной и административной ответственности за незаконное воздействие на атмосферный воздух	113
<i>Климович Л.П., Логинова Н.Г.</i> О содержании понятия «финансовое расследование»	121
<i>Климчук М.В., Седнев С.П.</i> По пути пробации: опыт реализации проектов по социальной адаптации лиц, освободившихся из исправительных учреждений ГУФСИН России по Красноярскому краю.....	127
<i>Кожевников В.В.</i> Проблемы понятийно-категориального аппарата общей теории права	136
<i>Кондрашев А.А.</i> Особенности формирования российского законодательства на современном этапе развития политической системы	140
<i>Кострыкина В.В.</i> Основные субъективные детерминанты коррупционной преступности в организациях	146
<i>Красняков Н.И.</i> Понимание «империи» в проектах развития институциональной основы российского государства в начале XIX века	152
<i>Курбатова С.М.</i> О «бедном» потерпевшем замолвите слово.....	157
<i>Летягина Е.А.</i> «Дачная амнистия»: особенности государственной регистрации прав.....	161
<i>Майорова Л.В.</i> Разумное сочетание публичного и частного в производстве по уголовным делам	165
<i>Мещериков В.А.</i> Роль Таможенного союза в реализации международных экономических отношений.....	172

<i>Мещеригов В.А.</i> Право на благоприятную окружающую среду – историко-правовой аспект.....	176
<i>Мирончик А.С.</i> Значительный ущерб как признак преступлений против собственности.....	182
<i>Митин С.С.</i> О президентской ветви власти в различных моделях разделения властей	190
<i>Мороз Е.В.</i> Российская парадигма правопонимания рубежа XX -XXI века: традиции и современность.....	195
<i>Москалев Г.Л.</i> Распространение экстремистской и террористической информации в форме бездействия.....	202
<i>Николаев А.В.</i> Решение спора об отнесении условия о бенефициарном собственнике дохода ст. 10-12 МК ОЭСР и ТК ООН к правилам против избежания налогов.....	206
<i>Номоконов В.А.</i> Антикриминальная политика: типы и содержание.....	213
<i>Петрова Е.И.</i> О правовом регулировании государственной социальной помощи при чрезвычайных обстоятельствах.....	219
<i>Петрова Е.Н.</i> Наследственно-корпоративные споры в судебной практике .	224
<i>Писаревский И.И.</i> Публичные санкции в делах о банкротстве: второй раунд решения проблемы	228
<i>Питецкий В.В.</i> Определение объективных границ приготовления к преступлению	232
<i>Протопопова Т.В.</i> К вопросу о достоинстве государства	239
<i>Пушкина А.В.</i> О формах и средствах самоохраны прав граждан.	240
<i>Рахматулин З.Р., Сорокун П.В.</i> К вопросу о принципах законодательного усмотрения.....	246
<i>Роньжина О.В., Плисова В.В.</i> Реформа территориальной организации местного самоуправления в Красноярском крае	250
<i>Рымарев Д.С.</i> Цифровая трансформация избирательного процесса как дополнительная гарантия реализации пассивного избирательного права граждан Российской Федерации.....	255
<i>Рычкова Н.Ю.</i> О понятии «плагиат»: некоторые аспекты	260

<i>Семеновский А.И.</i> Отдельные тактико-криминалистические рекомендации по предъявлению результатов исследований с применением полиграфа в ходе допроса	265
<i>Смолин Д.Д.</i> Рецепция норм дигест Юстиниана в современном российском законодательстве: основные направления	271
<i>Сорокина С.Я.</i> Последствия недобросовестного поведения участников гражданских правоотношений	279
<i>Спиглазова Т.Г.</i> Эволюция экологического законодательства в России	286
<i>Старикова М.К.</i> Правовые проблемы в вопросах налогообложения релокантов	289
<i>Сурихин П.Л.</i> Функциональная модель системы неосторожного преступления	295
<i>Тарбагаев А.Н., Луцаева М.Д.</i> Международные договоры как фактические источники советского уголовного права в период действия УК РСФСР 1960 года	302
<i>Тепляшин И.В.</i> Использование информационных технологий в правовой деятельности общественных структур	309
<i>Тепляшин П.В.</i> Концептуальные основы социальной работы в пенитенциарной системе (универсальный подход)	315
<i>Тепляшин П.В.</i> Наркоситуация на пространстве государств-участников Центрально-азиатского регионального информационного координационного центра (криминологический аспект)	319
<i>Титаренко А.П.</i> К вопросу о признаках несовершеннолетнего, вовлекаемого в совершение преступлений, в свете изменений уголовного законодательства от 28 декабря 2024 года	323
<i>Федорова Е.А.</i> Злоупотребление полномочиями при проведении спортивных мероприятий	328
<i>Хакимов Н.А.</i> Проблемы внедрения системно-структурного подхода в практику осмотра места происшествия	333
<i>Чащина А.А.</i> Синтез государственного управления и гражданских инициатив в контексте стратегической парадигмы ресоциализации заключенных	338
<i>Шамехина Э.В.</i> К вопросу определения стоимости криптовалют в коррупционных преступлениях	343

